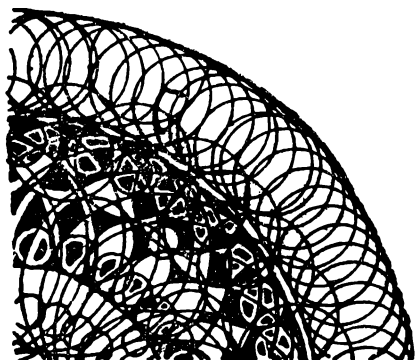

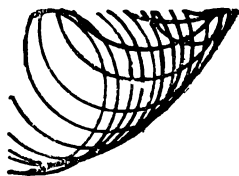
ФАНТАСТИКА -

72

ФАНТАСТИКА

72

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1972

В. КОЛУПАЕВ

Л. УСПЕНСКИЙ

В. САВЧЕНКО

Ю. НИКИТИН

Г. ГОР

К. БУЛЫЧЕВ

В. МОРОЧКО

М. ГРЕШНОВ

А. БАЛАБУХА

Б. РОМАНОВСКИЙ

Д. БИЛЕНКИН

Н. ВВЕДЕНСКИЙ

А. и Б. СТРУГАЦКИЕ

Б. ЛАПИН

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

Т. ЧЕРНЫШЕВА

В. БУГРОВ

И. ЛЯПУНОВА

Составители

**Е. Брандис
и В. Дмитриевский**

ТОМСК

ЛЕНИНГРАД

КИЕВ

ХАРЬКОВ

МОСКВА

РИГА

ЛАБИНСК

ИРКУТСК

СВЕРДЛОВСК

Вместо предисловия

Перед вами, читатели, очередной жегодник «Фантастика».

Как обычно, в таких сборниках наряду с известными мастерами представлены и дебютанты. Стало уже традицией искать и находить новые имена не только в устоявшихся «гнездах» советской научной фантастики — в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Свердловске, но и во многих городах, раскинутых на необъятной территории нашей страны, в которых до недавнего времени не было ни одного писателя, причастного к этой отрасли литературы.

Среди авторов сборника — ленинградец Лев Успенский. Наибольший успех принесли ему научно-художественные книги на лингвистические темы («Слово о словах», «Имя дома твоего», «Ты и твое имя») и мемуары «Записки старого петербуржца». Может показаться неожиданным, что этот маститый писатель, по основному направлению своей деятельности далекий от фантастики, выступает фантастико-приключенческой повестью. Но напомним, что Лев Успенский на протяжении своей долгой творческой жизни не раз обращался к этому жанру. Еще в 1928 году под псевдонимом Лев Рубус был опубликован его фантастико-приключенческий роман «Запах лимона», написанный в соавторстве с Львом Рубиновым. А сравнительно недавно в сборнике «Тайна всех тайн» появилась его научно-фантастическая повесть «Эва-о плюс исс дважды».

Нет надобности аттестовать и такового своеобразного прозаика, как ленинградец Геннадий Гор, издавший в последнее десятилетие немало

фантастических произведений. К лучшим из них следует отнести роман «Изваяние», связанный с излюбленной темой Гора — философским осмыслением искусства как силы, способной оказывать формирующее воздействие на человеческую душу и делать нетленными даже мимолетные впечатления. С этой же темой соприкасается и рассказ «Лес на станции Детство».

Давно и прочно вошел в научно-фантастическую литературу киевлянин Владимир Савченко. Он рекомендовал себя серьезными романами об ученых, подтверждающих в лабораторных условиях самые дерзкие гипотезы («Черные звезды», «Открытие себя»). В повести «Тупик» Савченко пытается соединить фантастическую гипотезу из области теоретической физики — о неизвестных еще свойствах времени — с полудетективным сюжетом. В какой мере удался этот литературный эксперимент, пусть судят сами читатели.

Любителям фантастики известны произведения москвича — журналиста Дмитрия Биленкина (сборник рассказов «Марсианский прибор») и историка Кирилла Булычева (сборник «Чудеса в Гусляре»). К активно действующим фантастам принадлежит и Михаил Грешнов (г. Лабинск), автор книги «Обратная связь», долгое время работавший учителем в сельских школах. Вошел он в литературу реалистическими рассказами из жизни советской деревни и лишь сравнительно недавно приобщился к новой для него области творчества.

Инженер Виктор Колупаев (Томск) успешно совмещает работу по специальности с литературным трудом. За короткое время он «выдал на-гора» целую серию фантастических повестей и рассказов, отмеченных ин-

тересными сюжетными поворотами и романтической «гриновской» настроенностью. Публикуемая повесть, на наш взгляд не самая сильная в творчестве Колупаева, увлекает необычностью замысла. Читатели, конечно, уже успели познакомиться с первой книгой этого даровитого литератора, изданной в серии «Библиотека советской фантастики».

Аркадий и Борис Стругацкие представлены здесь одним из самых ранних рассказов, «Человек из Пасифиды».

Не впервые появляются в сборниках и журналах фантастические рассказы молодых авторов — ленинградского инженера-проектировщика Андрея Балабухи, инженера из Риги Вячеслава Морочко. Но подлинные дебютанты нашего ежегодника — харьковчанин Юрий Никитин, ленинградцы Борис Романовский, Николай Введенский, сибиряк Борис Лапин (Иркутск).

Особый интерес, как нам кажется, представляет публицистический раздел «Клуб фантастов», на этот раз дающий трибуну литературоведу Юлию Кагарлицкому, который вновь обращается к одному из родоначальников «жанра», Герберту Уэллсу, показывая неразрывную связь его раннего творчества с научными исканиями великих биологов-дарвинистов; молодой исследовательнице Татьяне Чернышевой (Иркутск), оригинально трактующей теоретическую проблему «Научная фантастика и современное мифотворчество». Раздел завершается литературно-библиографическими изысканиями знатока советской фантастики Виталия Бугрова (Свердловск) — «...И выдумали самих себя» и составленной И. Ляпуновой (по материалам, собранным Б. Ляпуновым) библиографией отечественной фанта-

стики за 1957—1960 годы, хронологически продолжающей аналогичные публикации, помещенные в предыдущих сборниках.

И сегодня еще раздаются голоса, что научная фантастика существует и развивается сама по себе, в стороне от магистральных путей большой советской литературы и без какой-либо теоретической базы. Например, Ариадна Громова в статье «Зигзаги фантастики» («Литературная газета» от 19 апреля 1972 года) безапелляционно утверждает, что «единственная пока монография по вопросам научной фантастики — «Русский советский научно-фантастический роман» А. Ф. Бритикова — сколь угодно надежным теоретическим подспорьем в работе служить не может».

Между тем упомянутая монография — серьезный многолетний труд, вносящий заметный вклад в разработку истории и теории советской научной фантастики, и нельзя от него отмахнуться бездоказательной негативной оценкой. А если говорить объективно, так ли уж оглобен и бесплоден этот участок нашего литературоведения и критики? Ведь за последние годы, кроме монографии А. Бритикова, появились еще и такие солидные работы, как книга Ю. Кагарлицкого «Герберт Уэллс»; проблемные и во многом новаторские статьи Т. Чернышевой, З. Файнбурга, В. Ревича, Г. Алтота, В. Золотавкина; книга Г. Гуревича «Карта страны фантазий»; переработанная для издания диссертация Н. И. Черной «В мире мечты и предвидений. Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности» (Киев, 1972), критическое исследование А. Урбана «Фантастика и наш мир» (Ленинград, 1972).

Воспользуемся возможностью, предваряя дискуссионный раздел, коснуться некоторых вопросов.

Процессы, происходящие в глобальных масштабах, необычайно сложны и многообразны.

Одновременно со стремлением осмыслить грядущие пути человечества, предотвратить непоправимые беды, могущие зачеркнуть завтрашний день мира, фантастическая литература под прямым воздействием научно-технической мысли становится в определенных аспектах художественной прогностики.

Кое-кто считает, что научная фантастика светит лишь отраженным светом. Но нельзя не учитывать и ее обратного влияния на науку. Вспомним хотя бы признание К. Э. Циолковского, утверждавшего, что «известный фантазер Ж. Верн» заставил его увлечься космическими путешествиями и «пробудил работу мозга в этом направлении».

Именно этой теме — судьбе фантастических идей посвящены хорошо аргументированные статьи бакинского писателя-фантаста, инженера-изобретателя Генриха Алттова.

В печати не раз встречались сообщения, что в зарубежных исследовательских центрах разного профиля предметом специального изучения становятся оригинальные идеи, высказанные писателями-фантастами, и некоторые из этих идей, содержащие «рациональное зерно», влияют в какой-то мере на научные поиски. Анализом фантастических прогнозов занимаются и советские ученые.

...Да, теперь уже можно утверждать: разработка теории научной фантастики сдвинулась с мертвой точки, хотя и не вышла еще из ста-

дии становления. Предстоит найти более точные определения и удовлетворительные ответы на многие спорные вопросы.

Для нас остается непреложным, что социологическое направление в современной научной фантастике — советской и стран социалистического содружества — наиболее перспективно, поскольку оно моделирует общественное устройство мира в его бесконечном движении вперед.

Научная фантастика в ее нынешнем состоянии отражает современный уровень мышления, который условно можно назвать космическим, явления и процессы последней трети века. Терминология же остается прежней. Что значит, например, «коммунистическая утопия»? Ведь это несочетаемые понятия. Коммунизм как идеальное осуществление заложенных в действительности объективных закономерностей противоречит утопии как зыбкой мечте, оторванной от научного познания закономерностей общественного развития. Само слово «утопия», как помнят читатели, восходит к временам Томаса Мора и Кампанеллы — к периоду зарождения утопического социализма. А между тем мы все еще употребляем заведомо устаревший термин «коммунистическая утопия», прекрасно зная, что «Магелланово облако» С. Лема никак не может быть отнесена к утопиям, даже с прилагательным «коммунистическая». Скорее всего это научно-фантастический социальный роман, моделирующий облик того всемирного дома, под крышей которого суждено жить нашим потомкам.

В поисках более удачной замены устаревшего литературного термина один из исследователей предлагает более содержательное слово — «эвтопия», основываясь на том, что

в древнегреческом языке приставка «эу» означает успех, осуществление стремлений. «Можно отнести эвтопии, — пишет автор цитируемой статьи, — к литературе предвидений, предсказаний. Реализм эвтопий определяется прежде всего мировоззренческой стороной представлений о будущем»*.

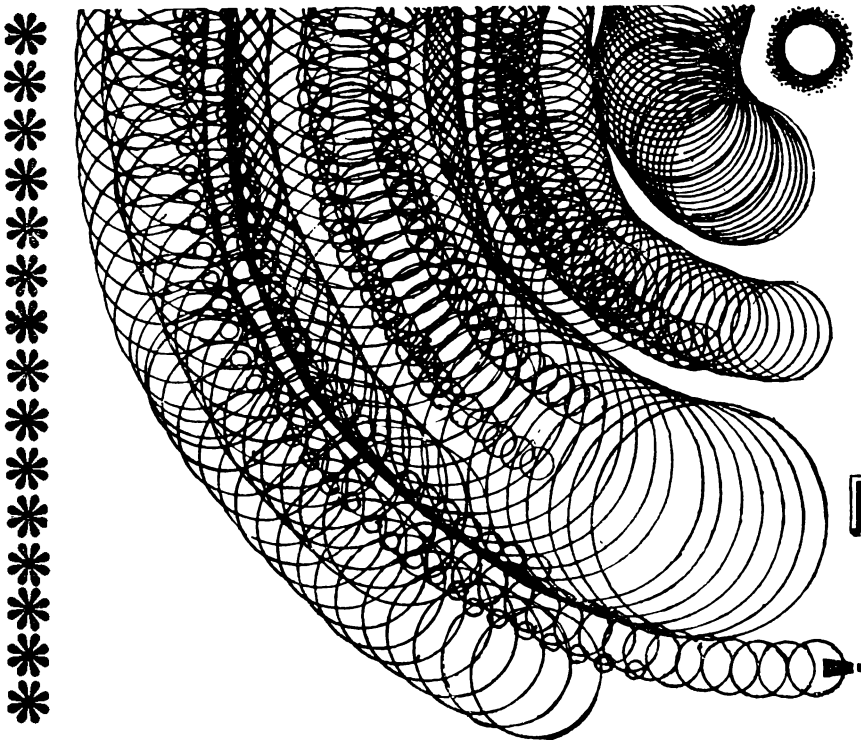
● Вряд ли привьется термин «эвтопия», но сама попытка найти замену — более точное определение — представляется нам плодотворной. Ведь устаревшие термины порожда-

ют не только недоразумения, но и неверные толкования произведений.

Быть может, эти беглые замечания помогут читателям чуть лучше понять, как сложна и многообразна современная фантастическая литература.

Е. Брандис, Вл. Дмитриевский

* Г. Ф. Федосеев, Утопии социалистических литератур в свете ленинской теории отражения. В кн.: «Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения литературы». Ставрополь, 1971.

П О В Е С Т И

72

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

Качели Отшельника

„Фиалка», грузопассажирская ракета, обычно ждала трансзвездный лайнер за орбитой пятой планеты системы Севана. И на этот раз все было как обычно. Транслайнер «Варшава» материализовался в точно установленном месте, опередив график выхода в трехмерное пространство на одну минуту. Капитан «Варшавы» тотчас же послал в эфир свои координаты. Но «Фиалка» с помощью радаров уже засекла появление лайнера и, набирая скорость, мчалась к нему.

В командирском отсеке «Фиалки» царило оживление. Не так часто корабли Земли появлялись в окрестностях Севана. Теперь будут новые приборы, оборудование, которого всегда не хватает физикам, биологам, археологам и инженерам Отшельника. Будут новые статьи, новая информация. Будут часы, проведенные в обществе людей, совсем недавно ходивших по Земле.

События этих нескольких часов будут неделями рассказываться там, на Отшельнике. Экипаж «Фиалки» с трудом будет отбиваться от приглашения на чашку кофе в каждый коттедж Центральной станции. На каждой из двадцати баз вдруг срочно для проведения непредвиденных работ потребуется кто-нибудь из экипажа корабля. А их всего трое. Командир «Фиалки» — Свен Томсон. Его помощник — специалист по кибернетическим устройствам Николай Трайков. И связист — Генри Вирт.

Глядя на вырастающий на глазах шар «Варшавы», Свен Том-

сон потряс огромными кулаками и сказал:

— Когда вижу его, хочется убежать на Землю. На Отшельнике это проходит. А здесь с трудом сдерживаю себя, чтобы не написать рапорт.

— «Его зовет и манит Полярная звезда», — тонким дискантом пропел Николай Трайков. — Никуда ты с Отшельника не сбежишь. А Анитта...

— Ни слова дальше, Ник, — загремел Свен.

— Молчу, молчу, молчу. Только не надо подавать рапорт.

— Я забыл на Отшельнике голубую светящуюся рубашку, — испуганно произнес Генри. — Озагнова все перепутала.

— Что ты?! — гробовым голосом сказал Николай. — Это же катастрофа!

— Тебе шутки, а я говорю серьезно. В кают-компании все будут в светящихся рубашках, а я...

— Возьми мою, — предложил Свен.

— Твою? — удивленно переспросил Генри, уставившись на широкоплечую высокую фигуру командира. — Но ведь мне нужна не ночная сорочка.

— Как хочешь, — спокойно сказал Томсон и вдруг крикнул: — Осталось три минуты! Долой этикет, тем более что мы его никогда не соблюдали...

— Привет отшельникам! — прозвучал из динамиков голос командира «Варшавы». — Как дела с цивилизацией? Что-нибудь получается?

— Отлично! — крикнул в ответ Томсон. — Ничего нельзя в ней понять. А все ли готово в

кают-компании? Чем удивит нас шеф-повар?

— Экипаж «Фиалки»! — раздался громкий голос. — Приготовиться к всасыванию.

— Готовы, — ответил Томсон.

— Даю отсчет. Десять, девять... ноль.

Громадный борт транслянера заслонил весь обзорный экран «Фиалки», приблизился вплотную и в следующее мгновение, раздвинув металлокерамические плиты, втянул ракету внутрь. Плиты сомкнулись. «Фиалка» лежала на специальной платформе в грузовом отсеке транслянера.

Пространство вокруг ракеты осветилось яркими огнями. К платформе бежали люди, казавшиеся муравьями в этом огромном зале. Массивные фигуры киберпогрузчиков пришли в движение.

Томсон нажал клавишу. Сейчас двадцатиметровые створки «Фиалки» разойдутся в стороны и киберпогрузчики начнут загружать емкое брюхо ракеты.

— Разрешаю выход, — раздалось из динамиков.

Все трое, обгоняя друг друга, кинулись к подъемнику и через минуту уже стояли на платформе, жмурясь от яркого света.

— Ну как у вас дела на Земле?

Отшельники даже не воспользовались трапом. С двухметровой высоты платформы они, не раздумывая, бросились вниз, в дружеские объятия людей, только что прибывших с Земли.

Какое имело значение, что эти люди никогда ранее не видели друг друга!

Вопросы, сложные, простые, нелепые, высказанные с тревогой.

с любопытством, с юмором, сыпались со всех сторон.

— У вас сейчас зима?

— Зима.

— Почему зима? У нас лето.

— А-а-а. Понятно. И зима и лето сразу. Здорово!

Смех. Оглушительные похлопывания по спине. Рукопожатия.

— Сколько микронакопителей привезли?

— Узнаешь, когда будешь подписывать ведомость.

— Пятьсот килограммов пи-сем. Полтора миллиона приветов.

Они вышли из грузового отсека «Варшавы», говоря сразу о тысячах различных вещей, понимая друг друга с полуслова.

В огромный подъемник лайнера все сразу не поместились. Поднимались группами. Яркие освещенные туннели уходили куда-то далеко вперед. В них можно было различить фигуры людей и киберов. Люди приветственно поднимали руки, хотя вряд ли они видели, кто находился в подъемнике. Они просто знали, кто сейчас проплывал вверх мимо них. Киберы не обращали ни на кого внимания. У них не было времени размышлять над происходящим, у них было задание.

Бесконечный, казалось, подъем наконец кончился. Вирт, Томсон и Трайков ступили на движущуюся ленту широкой улицы из пружинящего под ногами голубоватого пластика. Через каждые сто метров встречались переходы и ответвления в светящиеся огромные коридоры. Высокие залы были заняты странными конструкциями, состоящими из разноцветных шаров, конусов, параболических перекрытий, висячих мостиков, цилиндров, металлических

скелетов. И везде отшельников встречали приветственными взмахами рук.

Это была огромная лаборатория, целый научно-исследовательский институт. «Варшава» не только снабжала исследовательские планеты необходимым оборудованием, продуктами, специалистами, предметами быта и строительными материалами. Около тысячи научных работников занимались исследованием четырехмерного пространства.

«Варшава» обходила за три земных месяца двадцать исследовательских планет. Затем цикл повторялся снова.

В кают-компании уже собралось человек двадцать. Томсон с серьезным видом обсуждал с командиром транслянера Антоном Вересаевым проблемы выведения новых сортов кактусов в условиях четырехмерного пространства. Николай Трайков, собрав вокруг себя большую половину людей, закатывал глаза и, делая страшные жесты, рассказывал о хищниках Отшельника. Генри Вирт, занимаясь, беседовал с двумя девушками.

Потом Вересаев представил экипажу «Фиалки» Эрли Козалеса, журналиста-физика. Эрли должен был лететь на «Фиалке».

На обед было подано столько разнообразных кушаний, что ими вполне можно было бы в течение недели кормить всех научных сотрудников Отшельника.

После обеда пошли в концертный зал, затем смотрели хронику и еще несколько часов ходили из каюты в каюту, набираясь впечатлений.

И снова они катились мимо бесчисленных переходов, поворотов,

туннелей, залов, прощаясь с «Варшавой». Грузовые люки «Фиалки» были уже задраены. Все, что предназначалось Отшельнику, было погружено. Киберпогрузчики медленной неуклюжей походкой удалялись в свои ангары. Последние слова прощания, последние рукопожатия.

Эрли сел в кресло в командирской рубке. Генри Вирт проверил радиосвязь. Николай Трайков — все кибернетические системы корабля. И тогда Томсон сказал в микрофон одно-единственное слово:

— Готовы!

Казалось, неведомая сила вытолкнула «Фиалку» из транслянера. Двухкилометровый шар медленно уменьшался в размерах.

— Счастливой плазмы!

— Счастливого суперперехода!

«Фиалка» удалилась от «Варшавы» на несколько десятков тысяч километров, и обзорный экран осветила неяркая голубоватая вспышка. Это транслянер ушел в четырехмерное пространство.

2

Для экипажа «Фиалки» семидневный путь на Отшельник должен был пролететь незаметно. Все системы корабля работали отлично, и трое космонавтов зачитывались книгами, журналами и микрогазетами, расположившись в небольшой библиотеке и отрываясь от чтения только для принятия пищи, сна и проверки функционирования систем корабля.

Эрли летел на Отшельник за материалами для книги об этой странной планете. Чтобы не те-

рять зря времени, он изучал последний отчет экспедиции. Отчет был написан лаконично, в нем излагались только факты. Чувствовалось, что у руководителей экспедиции нет даже гипотезы, объясняющей хоть часть, хоть одну сторону загадки Отшельника.

Отшельник был открыт восемь лет назад. На нем не было смен времен года. Влажный жаркий климат в приэкваториальных зонах постепенно сменялся сухим. Но даже на полюсах днем температура не падала ниже пятнадцати градусов тепла. На Отшельнике были вечное лето и вечная весна. На тысячи километров к югу и северу от экватора тянулась сельва, зловещая и мрачная. Человеческий разум был бессилен перед ней. Животный мир сельвы омерзителен и однообразен. Безмозглые твари, напоминавшие покрытые зловонной слизью мешки, прыгающие, ползающие, занятые только одним — пожиранием себе подобных, но меньших по размерам.

В этот серо-зеленый копошащийся мир человек не мог ступить, предварительно не уничтожив его. Первый космический корабль долго кружил над Отшельником, выбирая место для посадки и запуская разведывательные ракеты. Всюду было одно и то же. И тогда командир принял решение выжечь огнем планетарных дюз корабля пятачок диаметром в километр. Корабль приземлился. Разведчики вышли из него. Через час остатки группы вернулись на корабль, а через два недавно выжженный пятачок ничем не отличался от остальной сельвы, лишь только стрела корабля, направленная в зенит, на-

рушала мрачное однообразие пейзажа.

Корабль взлетел и направился к Земле. Командир был твердо убежден, что вновь открытая планета непригодна для жизни, разве что после полного уничтожения сельвы. Но быстрота, с которой сельва завоевывала отнятое человеком пространство, ужасала. И все же на Отшельник — кто-то успел назвать эту дикую планету Отшельником — была послана вторая экспедиция. Она проводила исследования с воздуха на винтолетах. О наличии разумной жизни на Отшельнике нечего было и мечтать. Здесь не было не то что млекопитающих, но даже рептилий.

На пятый день пребывания на Отшельнике экспедиция обнаружила посреди сельвы пятно коричневого цвета. Винтолет с тремя людьми опустился ниже и обнаружил несколько полусферических зданий с переходами между ними и белыми цилиндрами двадцатиметровой высоты. Это открытие было столь неожиданным, что вызвало бурю восторга у членов экспедиции. Но войти в эти здания люди не могли. Они даже не могли приблизиться к ним, потому что группу построек прикрывала полусфера силового поля, сдерживавшего напор сельвы. За кусочком неизвестной цивилизации было установлено круглосуточное наблюдение. Но там все было мертво.

Через день на экваторе была открыта Центральная, так ее сразу называли. Она занимала площадь радиусом в десять километров. Огромное здание, стоявшее в середине, тоже было пусто.

Вскоре обнаружили еще девят-

надцать небольших пятачков, отстроенных кем-то у сельвы, застроенных странными зданиями и тщательно охраняемых невидимыми сторожами — силовыми полями. Двадцать пятачков, оставленных неведомой цивилизацией, были названы просто базами. Они растянулись кольцом по периметру Отшельника через каждые две тысячи километров. Их было всего двадцать и еще Центральная. И больше никаких признаков цивилизации. Ни городов, ни дорог, ни ракетодомов. Планета была пуста.

Третьей экспедиции удалось раскрыть секрет выключателя силовых полей, и после этого началось систематическое исследование планет и работа по разгадке ее тайны.

Грузовые лайнеры в течение четырех месяцев перебрасывали на Отшельник оборудование, винтолеты, вездеходы, приборы, целые научные лаборатории, здания, пищу, мебель, людей. Экспедиция была прекрасно оснащена. В ней насчитывалось двести четырнадцать человек: археологов, зоологов, ботаников, физиков, техников, инженеров. Неизвестно, что произошло на Отшельнике, поэтому разгадка могла быть найдена представителями любой науки. Ну а если говорить правильнее, то усилиями всех наук, всей экспедиции.

Экспедицию возглавлял Конрад Стаковский, у которого Эрли учился. Когда Эрли увлекся журналистикой, Стаковский был раздосадован: уходил любимый ученик. Но Эрли не бросил физику совсем и стал журналистом, пишущим по вопросам науки. И сейчас он летел на Отшельник по

приглашению старого учителя. Конрад не объяснил причину своего выбора, и Эрли терялся в догадках. Получить приглашение работать на Отшельнике было бы лестным для любого журналиста, Эрли это знал и был польщен. Но было еще одно обстоятельство... На Отшельнике в группе археологов работала его бывшая жена — Лэй. Уж не пришло ли в голову Стаковскому примирить двух людей, которых он хорошо знал. И об этом думал Эрли, но гнал от себя такие мысли.

Мечтая о встречах с Лэй, Эрли сам делал их невозможными. Но теперь они должны встретиться. Двести пятнадцать человек на одной планете — не очень густо. Не встретиться просто невозможно.

Эрли оборвал поток мыслей, бросил на стол копию отчета о работе на Отшельнике. Какая уж тут работа, экспедиция тыкалась в проблемы и загадки, как слепой котенок в глухую стену. Зоологи и ботаники делали некоторые успехи, но что за цивилизация была здесь? Куда она исчезла? Что означают эти циклопические постройки на Центральной? Для чего нужны были базы, расположенные на равных расстояниях друг от друга?

Эрли вышел из библиотеки и пошел по ярко освещенному коридору, намереваясь заглянуть в отсек управления и побеседовать с командиром «Фиалки». Николай Трайков лежал в кресле в библиотеке и на все вопросы Эрли только строил кислые гримасы и иногда односложно отвечал: «Позже. Да узнаешь ты все. Успеешь».

А Свен говорил:

— Полнейшая неразбериха.

Топчемся на одном месте. «Фиалка» патрулирует пространство около Отшельника. Словно ждем, что к нам кто-то явится в гости.

— Не в гости, а домой, —правлял его Генри. — Это мы гости, да еще незванные. — И тут же круто менял тему разговора: — Скажи, Эрли, какие новые имена придумали на Земле? У меня будет дочка, обязательно дочка. Оза хочет назвать ее Сеоной. А я не знаю, не решил еще.

А через некоторое время, как только Эрли начинал что-нибудь спрашивать, повторялся тот же разговор. Генри не мог ни о чем говорить, кроме Озы и дочери.

Прошло уже два дня как «Фиалка» рассталась с «Варшавой». Это означало, что при хорошем стечении обстоятельств они могут связаться по радио с Центральной.

3

Эрли сделал несколько шагов по коридору и увидел идущего ему навстречу Генри. Тот был явно расстроен и, поравнявшись с Эрли, недовольно бросил:

— Лентяи.

— Что-нибудь случилось? — спросил Эрли, не понимая, о чем идет речь.

— Не хотят раньше графика связаться с нами по радио. Не поверю, что Оза ничего не хочет сказать мне. Лентяи, и точка. Когда патрулируешь пространство, это бывает. Но ведь мы идем после встречи с «Варшавой»! Они же там сейчас минуты считают.

— Когда должна быть связь?

— Через два часа. Какая им разница. Меня трясет от злости. Видишь? — Эрли кивнул, хотя

вид у радиста был вполне нормальный. — Два часа буду лежать и не подойду к передатчику. Не подойду, и все!

Это было сказано с такой убедительностью, что Эрли невольно подумал: Генри не выдержит и пяти минут. Вирт кинулся в библиотеку, а Эрли пошел мимо кают в командирскую рубку. Свен был занят какими-то вычислениями. Продолжая нажимать на клавиши математической машины, он молча кивнул Эрли, как бы приглашая его сесть в кресло. Тот сел и уставился в обзорный экран, но, сколько он ни смотрел, найти Отшельник на фоне ярких звезд не смог.

Эрли, по-видимому, задремал, так как вдруг услышал шум голосов.

Генри сидел за передатчиком, повернув голову к командиру. На лице его было страдальческое выражение. Он сказал:

— Связи нет.

— Что там у тебя произошло? — спросил Свен и, оставив свою машину, подошел к радисту.

Эрли подумал, что все это время он надеялся, не признаваясь себе, что Лэй, может быть, захочет с ним поговорить. Он вышел из рубки, боясь, что его чувства слишком заметны для посторонних.

Через два часа двери библиотеки открылись, и на пороге появились командир «Фиалки» и радист. Генри был бледен, Свен неестественно спокоен. Он сказал:

— Отшельник не отвечает. Там что-то произошло.

Трайков оторвался от чтения и сказал:

— Что там могло произойти? Прохождение радиоволн...

— С прохождением все нормально. Маяк космодрома прослушивается нормально. Но маяк — автомат.

У Эрли захлестнуло сердце.

— Что будем делать? — спросил Николай.

— Через десять минут все должны быть готовы. Будем идти с тройными перегрузками или даже... — тут Свен с сомнением посмотрел на Эрли: выдержит ли? — Будем идти на пределе, даже если кто-нибудь потеряет сознание.

Трайков включил своих кибернетических помощников, и через несколько минут все в корабле было приведено в аварийный режим.

Все четверо легли в амортизирующие кресла в командирской рубке. У троих были свои особые обязанности, которые нужно выполнять в условиях перегрузок. И только у Эрли не было никаких обязанностей.

Свен включил аварийные двигатели. «Фиалка» рванулась вперед, людей вдавило в кресла. Еще несколько минут они пытались разговаривать, обсуждая, что могло произойти с людьми на Отшельнике. Испортился передатчик? Но за это время его сто раз могли отремонтировать. Прорвалась сельва? Это было маловероятным, но возможным. Других объяснений просто не приходило в голову.

— Это могла быть только сельва, — сказал Свен.

— С баз оказали бы им помощь, — не то возразил, не то поддержал его Генри.

— Они могли эвакуироваться с Центральной на какую-нибудь базу, — предположил Эрли.

— Нет, — едва разжимая рот,

сказал Николай. — Сельва — это ерунда. Что-то другое...

Непомерная тяжесть налила тела. Стоило больших усилий, чтобы пошевелить пальцем или удержать подбородок. Челюсть все время отвисала. Под глазами появились мешки. Особенно плохо приходилось Эрли.

Последней его мыслью было: «Что за люди эти космолетчики?!» Он потерял сознание.

Эрли очнулся через восемь часов, когда на короткое время наступило блаженное состояние невесомости. С кресла встал только Николай Трайков, чтобы влить в рот обессилевшему журналисту несколько глотков горячего бульона.

— Что со мной? — прошептал Эрли.

— Ты был без сознания. Но так лучше. Так ты сумеешь перенести это. Все будет хорошо.

Остальным было не до еды и воды. А затем началось торможение. Еще восемь часов с тройными перегрузками.

На протяжении всего полета связь с Отшельником установить так и не удалось.

Когда перегрузки кончились, Отшельник в обзорном экране был похож на огромный арбуз, занимающий четверть экрана.

Центральная располагалась на самом экваторе. «Фиалка» приближалась к ней со стороны северного полушария, затянутого полупрозрачной дымкой. Эта дымка, казалось, состояла из искусственных радужных колец, параллельных широтам Отшельника. До поверхности оставалось около двух тысяч километров, до базы — около четырех тысяч.

И вдруг началось что-то стран-

ное. Первым это заметил Свен, чувствовавший малейшее движение своего корабля. Нос «Фиалки» начал медленно подниматься вверх. И сразу же начались перегрузки, корабль резко тормозил. Он не подчинялся воле человека. «Фиалка» словно вдавливалась в мягкую, пористую резину, словно сжимала гигантскую пружину.

Все произошло так быстро, так внезапно, что никто из людей не успел ничего сделать. Никто, даже Свен, не успел вмешаться. На высоте около полутора тысяч километров корабль повис, ничем не поддерживаемый, потому что двигатели были выключены. Повис на мгновение, а затем начал падать, но не вертикально вниз, а куда-то вбок, градусов под сорок пять к поверхности Отшельника. Это было беспорядочное кувыркание, словно «Фиалка» катилась с горы.

Свен все-таки выбрал момент и включил двигатели ракеты. «Фиалка» свечой рванулась вверх и, пройдя километров сто, стала замедлять движение.

С людьми ничего страшного не произошло, даже Эрли не потерял сознания.

— С чем нам удалось так мило столкнуться? — зарычал Свен.

— Мы ни с чем не столкнулись, — уверенно заявил Николай. — На такой высоте над Отшельником не может быть ничего.

— Метеор? — неопределенно вставил Генри.

— Нет. В системе Севана почти нет метеорных потоков.

— Почти — это значит все-таки есть.

— У «Фиалки» нет внешних повреждений, — сказал Николай. — Я проверил. Киберискате-

ли повреждений нигде не обнаружили.

— Надо садиться, — сказал все время молчавший Эрли. — С «Фиалкой» разберемся позже.

— Черт возьми! — вырвалось у Генри, и он отвернулся. — Я не могу поверить, что с ними что-то случилось.

Свен повел корабль на юг к экватору и, только когда он повис над Центральной на высоте полутора тысяч километров, медленно, очень медленно начал опускаться корабль. По его приказу никто не выключал круговых амортизаторов.

Связи с Центральной по-прежнему не было. Генри Вирт обшарил весь диапазон частот, применявшихся для местной связи на Отшельнике, но эфир молчал.

Корабль опускался. Двухсотметровая сигара медленно вибрировала. До поверхности оставалось пятьсот километров, триста, сто... Пятно Центральной было уже видно невооруженным глазом. Пятьдесят... Двадцать... Десять... Три... Стали видны отдельные детали построек Центральной. Километр... Двести метров... На такой высоте хорошо было бы видно людей... Чуть заметно вздрогнул корпус корабля. Из «Фиалки» выдвинулись амортизаторы, и корабль лег горизонтально.

Космодром был пуст, «Фиалку» никто не встречал.

4

— Сели, — глухо сказал Свен. — Что дальше?

Ему никто не ответил. Эрли прикоснулся к одной из чуть выступающих из подлокотника цветных кнопок. Круговые амортиза-

торы разошлись в стороны, и кресло мягко опустилось. Эрли встал. В голове у него что-то шумело, сдавливая болью виски. Тошнота подступала к горлу. Неуклюже, на негнбающихся, ватных ногах, не оглядываясь на Свена, пошел он к двери отсека управления, за ним — Генри Вирт.

— Николай! — крикнул Свен. — Всем надеть скафандры и взять бластеры...

— Бластеры! — чертыхнулся Трайков. — Здесь же все пусто. Зачем нам бластеры?

— Этого я не знаю. Кто-нибудь знает, что здесь произошло? — ответил Свен. — Все равно. Подъемник я заблокировал. Возьмем сначала пробы воздуха. — Через минуту он сообщил: — Состав воздуха обычный. Выйдем все вместе. Ничего не предпринимать и не делать глупостей. Словом, мы не знаем, что здесь произошло, и поэтому должны быть осторожны.

Генри Вирт и Николай Трайков первыми выскочили из командирской рубки. Эрли понимал, что ему не следует проявлять инициативы. Они хоть знают, что здесь было раньше, а он и этого не представляет.

Размытые пятна светильников проносились мимо. Пол под ногами глухо пружинил. Свен заскочил в камеру, где хранилось оружие. Но им так давно никто не пользовался, что, порывшись несколько секунд, Свен выскочил обратно в коридор, так ничего и не взяв с собой.

Первым прыгнул на плиты космодрома Генри и бегом кинулся вперед. В километре от «Фиалки» виднелся купол Центральной

станции с вычурными пристройками, пандусами, переходами, вышками и ажурными башнями. Все это переливалось разноцветными красками, отражая радужные блики во все стороны и отчетливо выделяясь на фоне голубого неба. От купола Центральной на север и на юг протянулись огромные цилиндры накопителей энергии. Еще дальше угадывались силуэты складов, ангаров, подсобных помещений и коттеджей. Яркие зеленые пятна парков были раскиданы направо и налево, а дальше — черная издали полоса сельвы Отшельника, растянувшаяся по всему горизонту.

«Внешне здесь ничего не изменилось», — подумал Свен, догоняя Эрли. Генри и Николай уже значительно обогнали их.

— Нужна рабочая гипотеза, — сказал Эрли, тяжело дыша.

— Знаю... У Генри совсем сдали нервы.

— Может быть, возвратились те, кто строил Центральную?

— Именно сейчас. Ни столетием позже, ни столетием раньше? Впрочем, возможно и это. Только что тогда делать?

Обычно к «Фиалке» подходили вездеходы, до отказа набитые хохочущими и орущими физиками, технарями, ботаниками, математиками и биологами. Возвращение грузового корабля всегда было праздником для всех.

А тут мертвая тишина. Никаких признаков присутствия людей.

Пара вездеходов и сейчас стояла около Центральной, а третий с раскрытыми люками находился на полпути от корабля до станции. Генри пробежал мимо него. Николай задержался, вскарабкался

на башню и прыгнул внутрь вездехода. Включил освещение. Засветилась доска управления. Трайков мельком, очень быстро, осмотрел приборы и ручки управления. Все было в порядке. Запасы энергии максимальные. Заглянул в жилой отсек, там никого не было.

— Интересно, зачем им понадобились вездеходы? — крикнул Свен, заглядывая в люк.

— Они собирались куда-то ехать?

— Непонятно, куда они могли ехать на них. Скорость маленькая. До базы на них не доберешься... Для этого есть винтолеты.

Эрли тоже вскарабкался на башню вездехода. Николай нажал стартер, мотор взревел, и машина рванулась вперед.

— Давай руку! — крикнул Эрли, когда они нагнали Генри. Входная дверь Центральной оказалась открытой настежь. Генри одним движением взлетел на гранитные ступени.

— Сельва тут ни при чем! — крикнул Свен. — Сельва не провалилась. — Генри кивнул, как бы говоря: «Понимаю, вижу». — Ты куда?

— К биологам.

— Подожди Ника и Эрли.

— Я посмотрю, что в секторе Озы! — крикнул Генри, останавливаясь в дверях.

— Возьми с собой Ника!

— Хорошо!

Вирт и Трайков скрылись в коридоре, ведущем во внешнее кольцо Центральной станции. Громкий стук ботинок затих за поворотом. Свен жестом пригласил Эрли следовать за собой. Они поднялись на эскалаторе на самый верх Центральной, туда, где находился штаб

экспедиции, научная резиденция Конрада Стаковского и его помощников — Ээры и Юмма. Дверь помещения оказалась запертой. Свен и Эрли несколько раз попытались открыть ее, но дверь не поддавалась.

— Людей нет. Сельва не провалась. Никаких следов катастрофы, — сказал Эрли. — Почему могли уйти люди?

— Люди могли улететь на ба-зы, как часто бывает. Но здесь все равно кто-нибудь должен остаться. Человек пять. А к прилету «Фиалки» они все собираются здесь. На базах защита от сельвы значительно слабее. Но все двадцать сразу?.. Что бы ни было, а проникнуть в штаб нам надо обязательно. Там кто-то дежурит постоянно. Там должен быть дневник экспедиции. Мы хоть что-нибудь узнаем.

Они немного помолчали, потом Свен сказал:

— Я сбегая за чем-нибудь тяжелым. — Он помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Эрли медленно пошел по кольцевому коридору. С одной стороны возвышалась стена помещения штаба, или, как его еще называли, главного пульта экспедиции. Другая сторона — купол Центральной станции — была прозрачная. Прозрачным был и потолок коридора. Коридор был небольшим, метров пятьдесят в диаметре. Эрли несколько раз обошел его, собираясь с мыслями. Свен задерживался слишком долго. Это насторожило Эрли. Что еще могло случиться? Наконец он не вытерпел и бегом пустился по эскалатору вниз.

— Свен! Свен!

Никто не ответил. Эрли про-

бежал по коридору третьего кольца несколько десятков метров и снова крикнул. И снова ему никто не ответил. Эрли бросился к подземному переходу во второе кольцо, где были хозяйственные помещения. Он понимал, что может заблудиться в этом лабиринте коридоров, переходов и эскалаторов, но и стоять на месте он тоже не мог. Налево тянулась цепочка светильников, направо была темнота. Эрли машинально бросился на свет и тут же сообразил, что светильники включил Свен. Значит, он шел здесь.

Светящаяся линия вдруг свернула в сторону, противоположную подсобным помещениям, и через десяток метров оборвалась у эскалатора № 5 третьего кольца. Эрли поднялся вверх и очутился метрах в двухстах от того места, где он начал свое путешествие.

— Свен! — закричал Эрли.

— Здесь я, — ответил голос совсем рядом, и за ближайшим поворотом Эрли увидел Свена, прижавшего ухо к двери.

— Что случилось?

— Там кто-то плачет.

— Что-о-о? — радостно и удивленно сказал Эрли.

— Тише, тише, — зашептал Свен. — Слушай.

Эрли на цыпочках подошел поближе. За матовой перегородкой комнаты действительно кто-то плакал. Эрли потихоньку надавил на ручку двери. И эта дверь была заперта.

— Я услышал еще внизу и под-нялся, — сказал Свен. — Кто-то плачет и не открывает дверь. Придется выломать? Что нам еще остается делать?

— Подожди! — Эрли постучал в дверь кулаком.

Плач внезапно прекратился.

— Откройте!

— Не-э-эт! Не-э-эт! — голос был хриплый, срывающийся, жалкий.

— Ломай! — крикнул Эрли.

Свен надавил на дверь плечом. Дверь поддавалась не сразу.

— Не надо! Не надо! — Это уже был голос затравленного, перепуганного насмерть человека.

Дверь с грохотом упала на пол. Свен и Эрли влетели в комнату.

— Эрли, это же Эва! — крикнул Свен.

— Эва?!

— Нет. Я не знаю вас. Я не знаю вас, — чуть слышно шептали губы девушки. Она медленно пятилась среди столов. Зацепила рукой какой-то прибор, и он с грохотом упал на пол. Девушка прилипла к стене, словно стараясь втиснуть в нее свое тело.

— Эва, это я — Свен. Командир «Фиалки». Что с тобой? — Свен медленно подходил к девушке, вытянув вперед руки.

— Нет. Это невозможно.

— Успокойся, Эва. Успокойся.

— Нет... нет...

Свен дотронулся до плеча девушки. Она смотрела на него испуганными глазами затравленного зверька. Свен тряхнул ее.

— Что произошло?

— Свен. Ну, конечно, Свен, — вдруг сказала она тихо. — Это ты... как здесь страшно.

— Эва!

— Молчи, Свен... — Она прижалась к его широкой груди лицом.

— Где Стаковский? Где все остальные? — пытаюсь оторвать ее от себя, спрашивал Свен.

Тело девушки вдруг обмякло, и Свен едва удержал ее.

— Эрли, она потеряла сознание. Нужно унести ее. Ты знаешь, где ее коттедж?

Эрли пожал плечами, потом нагнулся к девушке:

— Она спит.

— Первая линия, номер семь. Тебе помочь?

— Я найду. — Эрли осторожно взял девушку на руки и вышел из комнаты.

Свен сел за ближайший стол и набрал на диске внутренней связи код вызова Генри Вирта. Вирт не ответил. Тогда Свен вызвал Трайкова.

— Я слушаю, — сразу же ответил тот.

— Почему не отвечает Вирт?

— Он сидит в лаборатории Озы. Не тревожь его несколько минут. Он надеется что-нибудь найти. Записку от Озы или еще что...

— Хорошо. Не буду. Ник, мы встретили здесь Эву!

— Как... Эву... Разве здесь кто-нибудь есть?

— Пока только одна она.

— Эва! — радостно произнес Трайков. — Она что-нибудь сказала?

— Нет. Она без сознания. Приходите немедленно в ее коттедж. Знаете, где он?

— Конечно, знаю.

— Приходите скорее.

— Идем.

5

Эрли бережно вынес девушку на крыльцо Центральной. Севан стоял почти в зените, и только сейчас Эрли заметил, как здесь было жарко. Аллеи коттеджей находились метрах в трехстах от главного подъезда, и, чтобы сократить расстояние, Эрли пошел

прямо по траве. Знакомая, земная трава мягко шелестела под ногами, ветви деревьев цеплялись за лицо и одежду. Их прикосновение было удивительно нежным и приятным. Эрли поймал себя на том, что он не думает о происшедшей здесь катастрофе, что он забыл о Лэй, забыл обо всем, кроме одного — неловким движением не потревожить бы сон девушки.

Эрли очнулся, и ему сразу же стало плохо. Время! Сколько времени прошло с тех пор, как они сели на Отшельник? Минут тридцать. А еще ничего не известно. Что с Лэй? Что произошло со всеми? Вся надежда на Эву и на то, что должно быть в главном штабе экспедиции. Должны быть какие-то записи... Должны быть!

Он пристально посмотрел в лицо Эве. Что она перенесла здесь? Эрли сразу же нашел коттедж, пинком распахнул дверь. Прошел одну комнату, другую. Где спальня? Черт бы побрал архитекторов! Здесь и заблудиться недолго. Наконец он увидел широкий низкий диван и положил на него девушку. Она спала. Сердце билось равномерно, дыхание было глубокое и спокойное. Эрли выглянул в окно.

Николай Трайков, спрыгнув с крыльца Центральной, бежал к коттеджу. Свен и Генри шли медленно. Они несколько раз останавливались. Видно было, что Томсон что-то говорит Вирту. Тот только отрицательно качал головой.

— Что с ней? — спросил Николай.

— Спит, — односложно ответил Эрли.

— Неужели она ничего не сказала?

— Сказала: «Как здесь страшно».

— Что это могло означать?

— Или то, что случилось со всеми, или то, что пережила она, или то и другое вместе. Нужно ввести ей стимулятор НД. У нас нет времени. Надо, чтобы она очнулась... Уснет позже.

— Хорошо, — ответил Николай и вышел в ванную комнату, где обычно хранились всякие лекарства.

В комнату вошли Свен и Генри.

— Генри просит дать ему винтолет, — с порога сказал Свен.

— Я только долечу до Озы и вернусь обратно. Это же всего четыре часа, — торопливо заговорил Генри. — Все равно на базы придется лететь. А Оза на самой ближней. Дайте мне винтолет.

— Но ведь ты даже не умеешь водить его, — сказал Свен и отвернулся. Трудно было вынести молящий взгляд Генри.

— Это не так уж и сложно.

— Нет, Генри, нет. Нас только пятеро. И прошло уже тридцать пять минут, как мы здесь, а мы еще ничего не знаем! Ничего! Понимаешь? — И он тихо добавил: — Потерпи немного. Сейчас проснется Эва.

Генри подскочил к Свену и схватил его за «молнию» куртки.

— По какому праву ты здесь командуешь?! Здесь не «Фиалка». Ты кто? Стаковский? Здесь по два винтолета на каждого! Можете заниматься чем хотите, а я полечу к Озе. Потому что мне обязательно нужно знать, что с ней случилось. Мне нужно это знать сейчас, понимаешь? Я не буду ждать, пока вы тут разберетесь!

— Ну что ж, — тихо сказал Свен. — Пусть решают все.

Вошел Николай, держа в вытянутой руке шприц. Он протер Эве руку выше локтя ваткой, смоченной в спирте, и сделал укол. Генри вдруг молча сел в кресло, закрыл глаза, откинулся на спинку и стал медленно раскачиваться вместе с креслом, вцепившись руками в подлокотники.

Эва открыла глаза, недоверчиво осмотрела комнату и едва слышно прошептала:

— Мальчики...

— Успокойся, Эва, — Свен подошел к ней, помог приподняться, сделал жест в сторону Эрли. — Эрли Козалес, журналист-физик. Прилетел с нами...

Девушка села, поджав под себя ноги и опершись на правую руку.

— Значит, я не сошла с ума?..

— Что здесь произошло? — твердо спросил Свен.

— Если бы я знала это...

— Эва, что здесь произошло? — повторил Свен.

— Я не знаю, что здесь произошло... Но я расскажу все, что знаю. Через четыре дня после того, как вы стартовали с Отшельника, Стаковский объявил, чтобы все готовились к вылетам на базы. Это периодически бывало и раньше. Никто не удивился. Начались сборы. Десятого на Центральной остались только Эзра, Юмм и я. Остальные на винтолетах вылетели на базы.

— Все, кроме вас троих?

— Да.

— И Оза вылетела на свою базу? — бесстрастно спросил Генри.

— Да. Ее уговаривали остаться, но она настояла, чтобы ее тоже послали.

— Когда они должны были вернуться?

— Двенадцатого. Кроме тех, кто жил на базах постоянно.

— Что предполагал сделать Стаковский? — спросил Свен.

— Не знаю. Я слышала, как Эзра говорил Юмму, что Стаковский хочет показать, что такое качели.

— Качели? — переспросил Свен.

— Что за качели? — спросил Эрли.

— Не знаю, — Эва пожала плечами. — Эзра и Юмм сидели в помещении главного пульта управления, в штабе. Оттуда ведь связь со всеми базами. Там и математическая машина. Они послали меня за кофе. За обыкновенным кофе. Я спустилась вниз. Кофе стоял в термосах в баре. Я взяла один и поднялась наверх. Все это заняло у меня не более двух минут, так мне показалось. Я зашла в помещение главного пульта. Эзры и Юмма там не было... Их не было. Там, где они сидели, я увидела два скелета и лохмотья истлевшей одежды... — Эва закрыла лицо руками и покачала головой. — Это что-то страшное.

Свен присел на краешек дивана и осторожно отвел руки девушки от заплаканного лица.

— Что было дальше?

— Я испугалась. Я не могла объяснить себе, что здесь произошло. И это было самое плохое. Я вызвала все базы сразу. Никто не ответил. Вся радиоаппаратура была выведена из строя. Я выбежала из купола, захлопнула дверь. Может быть, связь возможна из сектора внешней связи, думала я с надеждой. Она ведь дублирует

связь пульта. Никто не отвечал и там. И тут я представила, что осталась одна на целой планете, не зная, что произошло со всеми, что произойдет со мной сейчас, в следующее мгновение, через минуту.

Я осталась одна. Это было ужасно. Я заставила себя зайти в помещение главного пульта. Нужно было привести в порядок материалы. Должны же вы были прилететь на Отшельник. Я обязана была облегчить вам задачу. Хоть чем-то помочь. Но память вычислительной машины очищена от информации. Словно ее кто-то стер. Ленты регистрирующих приборов исчезли. Там все заржавело, потрескалось, разрушилось. Не осталось ни одного документа, по которому можно было бы судить, что делалось на базах в эти два часа до катастрофы. Там вы не найдете ничего.

Эва замолчала.

— Продолжай, Эва. Нас теперь пятеро, — сказал Свен.

— И тогда у меня начались галлюцинации. Я думала, что схожу с ума. И от этого стало еще хуже, еще страшнее. Иногда я видела Эзру и Юмму. Они ходят по Центральной. Они всегда спорят. Но ведь их нет. Не должно быть. Ведь они же умерли. И все равно они ходят. Это сумасшествие? Человек не может столько вынести. Какое сегодня число?

— Двадцать третье.

— Значит, сумасшествие длилось двенадцать дней. Я похожа на сумасшедшую?

— Ты здорова, Эва, — сказал Николай. — Но ты очень устала.

— Я боюсь.

— Теперь ничего не бойся, Эва, — Свен положил руку на ее

плечо. — Ты не упустила ничего существенного?

— Нет... Я устала. Я устала от всего этого.

— Эва, ты сейчас уснешь. Тебе надо отдохнуть.

— Вы меня не оставите одну? Правда ведь?

— Эва, ты будешь здесь одна. Мы не можем терять время. Ты должна понять нас.

— Хорошо, я усну. Но не более двух часов. Этого будет вполне достаточно.

— Спи, Эва.

Четверо вышли из комнаты. Девушка проводила их взглядом, полным надежды. Теперь их пятеро.

6

Эрли вышел на крыльцо деревянного коттеджа и огляделся. Вокруг было так красиво! Разбросанные в беспорядке домики посреди могучего тенистого парка. Белая громадина Центральной, словно плывущая на фоне бездонного голубого неба. Мягкая зеленая трава и дикие цветы, совсем как на Земле. Станные, кружащие голову запахи, на которые он раньше не обратил внимания, потому что все здесь было необычно. Все ново. Все незнакомо.

Он оглянулся, отогнал от себя красоту, и тогда остались только Отшельник и его ужасная сельва. Двести десять человек, имевших самые совершенные средства передвижения, связи и защиты, не вернулись на Центральную базу.

И снова, как и тогда, когда он нес Эву, ему стало плохо. Если бы у него было время разобраться в этом чувстве, он бы понял, что это страх. Страх, что он боль-

ше никогда не увидит Лэй. Самый сильный страх, когда человек даже не сознает, что он боится.

— Что будем делать дальше? — спросил Свен Томсон. — Ведь так нельзя, — и он показал рукой на других. — Надо что-то делать.

Генри Вирт лежал на траве лицом вниз и, кажется, плакал. Николай Трайков нервно покусывал губы.

— Прошел уже почти час, — сказал Эрли. — А мы по-прежнему ничего не знаем. Надо выработать план действий. Ведь не могли же они все сразу...

— Почему вы не пустили меня к Озе?! — крикнул Генри. — Почему?! — И он застучал кулаком по траве. Свен подскочил к нему, рывком поднял с земли и сильно встряхнул.

— Генри! Приди в себя! Не распускайся!

— Прости, Генри, — сказал Эрли. — Ты полетишь к Озе. Наверное, мы сейчас так и решим. Сейчас мы пойдем в Центральную и там все решим...

Слова Эрли заставили Вирта успокоиться, и они все четверо почти бегом двинулись к Центральной.

— О каких качелях все-таки говорил Стаковский? — спросил Эрли Свена. — Символ чего эти качели?

— Ничего не приходит в голову, — ответил Свен. — Качели — это значит что-то качается.

— Раньше никогда об этом не было разговоров?

— Ничего подобного мне не приходилось слышать.

Они остановились в главном пульте связи.

— Как можно изобразить каче-

ли? — вдруг спросил Николай.

Остальные удивленно и непонимающе посмотрели на него.

— Ну как наиболее просто схематично можно изобразить качели?

Эрли нарисовал на бумаге прямую линию через весь лист, а посредине под небольшим углом пересек ее коротким отрезком прямой.

— Примерно так нарисовал бы и я, — сказал Свен. — Но к чему вопрос? Ты где-нибудь видел такое?

— Это не мудрено увидеть везде, — сказал Эрли.

— Видел. Совсем недавно видел, и не один раз. Может быть, неделю назад, может быть, больше. Только где и почему?.. Не могу вспомнить. Но я постараюсь.

— Сразу не можешь? — спросил Свен.

— Нет.

— Постарайся вспомнить. Неизвестно, что сейчас нам может помочь, — сказал Свен. — Может быть, именно это. А пока давайте выработаем план действий. Мы не можем все время находиться вместе. Поэтому нам будет нужна связь друг с другом. Нам нужен какой-то центр, куда бы стекалась вся информация, которую мы будем собирать. Один из нас должен постоянно находиться здесь, в Центральной. Лучше всего у главного пульта связи. Это будет удобно еще и в том случае, если кто-нибудь из них вдруг заговорит... Кто останется? Генри, конечно, не захочет этого...

— Нет.

— Тогда кто? Я вынужден лететь с Генри, хотя мог бы и один.

— Нет, — повторил Генри.

— Эрли мало что знает здесь...

— Эва, — сказал Николай. — Пока она спит, здесь буду находиться я. А когда она проснется... Мне, наверное, найдется работа более подходящая...

— Хорошо, — Свен встал и начал расхаживать по комнате. — Каждый должен взять радиостанцию внутренней и внешней связи и никогда не расставаться с ней. Каждый обязан иметь всегда с собой хотя бы легкий бластер, потому что мы не знаем, что здесь произошло. Генри и я вылетим на винтолете к базе Озы. Нам на это хватит четырех часов.

— Маяк там не работает, — сказал Генри. — Я прослушивал эфир.

— Раньше бы хватило четырех часов. А без маяка... Я не знаю, смогу ли быстро найти ее по карте.

— Я бывал там, — сказал Генри. — Мы найдем их быстро.

— Тогда вылетаем немедленно. Эрли, попробуй взломать дверь штаба.

— Эва же говорила, что у нее есть ключ, — сказал Николай.

— Действительно. Как я забыл. Тем лучше. Ну что ж, пошли. Что мы будем делать через несколько часов, я не знаю.

— Не будем загадывать, — сказал Николай, и они вышли в коридор.

Свен сказал:

— Если это вернулись те, кто был здесь до нас... Если они настроены к нам враждебно, нам ничего не останется, как взлететь на «Фиалке». Я бы так и сделал, если бы мы были здесь одни.

Минут пять им понадобилось, чтобы разыскать карманные радиостанции и бластеры. Свен и Генри побежали к стоянке винтолетов.

Николай включил все приемники в пульте связи, Эрли помчался в коттедж Эвы.

7

Эрли решил не будить Эву. Несколько часов они обойдутся и без нее. Пусть лучше как следует отдохнет. Он выдвинул несколько ящичков из ее бюро, но ключей там не оказалось. Ключ оказался на груди у девушки на цепочке вместе с маленьким медальоном. Стараясь не разбудить девушку, он расстегнул цепочку и тихонько потянул за нее. Девушка слегка пошевелилась и сжала ему руку, но не проснулась. Наконец ключ оказался у него, и он не стал тратить времени, чтобы снова застегнуть цепочку. Потихоньку вышел из комнаты и снова бросился бежать.

Перед дверями в комнату главного пульта он остановился, перевел дыхание, включил радиостанцию и спросил у Трайкова:

— Ник, они уже улетели?

— Улетели. Все нормально. Я буду связываться с ними каждые двадцать минут. Ты можешь заниматься своим делом.

— Ну и отлично.

— Ты где?

— Открываю дверь главного пульта. Ключ едва нашел... Из них, конечно, никого нет в эфире?

Эрли открыл дверь. На него пахнуло застоявшимся воздухом. Это его удивило. Неужели испортилась вентиляция? Не зажглись и автоматические светильники. Едва заметно светился потолок, к северу и югу чуть ярче, в центре совсем темная полоса. При таком освещении трудно было различить что-либо, и Эрли двигался почти

на ощупь. Немного помогла полоса света, идущая из открытой двери.

Внутреннее устройство помещения главного пульта было ему неизвестно. Но глаза понемногу привыкли к густому сумраку. Он начал двигаться увереннее, но вся его уверенность мгновенно пропала, когда он взялся рукой за спинку кресла и матерчатая обивка рассыпалась под пальцами в пыль. Эрли вздрогнул и остановился. Нет, лучше взять фонарь. Но почему не работают светильники? Он быстро по светлой дорожке отошел к двери и нащупал рукой выключатель. Нажал. Щелчка не получилось. Детали выключателя с шумом упали на пол.

— Эрли, — вызвал его Трайков. Тот вздрогнул от неожиданности и ответил шепотом:

— Да, Ник.

— Что там у тебя?

— Непонятно...

— Помочь?

— Нет, Ник. Скажи лучше, где мне побыстрее найти фонарь?

— Фонарь? Ты что, в подземелье?

— Не думай, что я спятил. Автоматика не работает, а выключатель рассыпался у меня в руках.

— Ближе, чем в хозяйственных помещениях, вряд ли найдешь. Принести тебе?

— Я сам. Нельзя уходить от пульта связи.

— Связь еще через тринадцать минут. Успею.

— Нет, Ник. Кто-то каждую секунду должен быть на связи.

Эрли спустился по эскалатору вниз, снова пробежал по коридору третьего кольца, нырнул в подземный переход. Бластер колотил его по спине прикладом. И Эрли даже

подумал, что здесь, на Центральной станции, оружие совершенно ни к чему. Цепочка огней бежала вместе с ним, немного опережая его. Здесь все работало нормально. В хозяйственном помещении была справочная машина. Эрли нажал кнопку «автономное освещение», запомнил номер секции и бросился дальше. Двери секции уже открывались перед ним, когда он подбежал. Особенно размышлять было некогда, и он схватил небольшой карманный фонарь, положил его в комбинезон. Нашел на полках два больших электрических фонаря, взял их в руки, потом, немного помедлив, взял еще два. Больше ему не унести.

Всё так же бегом вернулся он к главному пульту, глотнул воздуха перед дверью и вошел. Поставив на пол фонари, он зажег один и, подняв его над головой, медленно пошел вперед.

Круглое помещение имело в диаметре метров пятьдесят. По стенам стояли шкафы с электронной аппаратурой вспомогательного обслуживания, вычислительные машины, накопители информации, самописцы. Около них стояло полтора десятка операторских кресел. Все они бывали заняты операторами, когда Конрад Стаковский начинал очередной аврал по обработке накопившейся информации.

В центре зала десятиметровой подковой располагался пульт: разноцветные доски с клавишами для набора программ, аппараты обратной связи с двадцатью базами, разбросанными по Отшельнику, пульт главной математической машины, сигнальные световые табло, аппараты видеосвязи, командные микрофоны.

В самом центре зала стояло еще

несколько кресел. В них обычно работали Конрад Стаковский, Филипп Эзра, Эдвин Юмм и некоторые другие члены экспедиции.

Эрли поставил фонарь на пульт, обошел его кругом, ни к чему не прикасаясь, и затем зашел внутрь. Первые два кресла оказались пустыми. В третьем и четвертом лежали два человеческих скелета, обтянутые кое-где кожей и лохмотьями одежды.

Эрли несколько секунд рассматривал их, потом судорожно вдохнул теплый, затхлый воздух и сдвинул виски руками. В третий раз на него накатила волна страха, и он попятился к выходу, сдерживая рвавшийся из горла крик. Он наткнулся на угол двери и вздрогнул от неожиданности. Яркий свет в коридоре немного привел его в себя. «А как же здесь была Эва? — подумал он. — Женщина. Одна. И она еще кое-что сумела нам рассказать. Она нашла в себе силы убедиться, что в запоминающих устройствах стерта вся информация. Я даже этого с первого раза не смог сделать».

— Эрли, что там у тебя? — вызвал его Трайков.

— Осталось узнать, что случилось с остальными двумястами во семью...

— Значит... Эва сказала правду?

— Еще какую... правду.

— Меня вызывает Генри. Отключаюсь.

— Осталось узнать, что произошло с остальными двумястами во семью, — прошептал Эрли и снова вошел в зал.

8

На стоянке винтолетов стояло около десятка машин. Свен бро-

сился было к маленькой, двухместной, но Генри остановил его.

— А вдруг они живы и их надо будет срочно перевезти сюда?

Томсон не стал возражать, они подбежали к большому десятиместному винтолету, положили туда сначала свои бластеры, а потом влезли сами. Свен заглянул в багажное отделение, желая убедиться, что там есть огнеметы. Лететь в сельву без них было бы настоящим безумием.

Свен круто поднял винтолет вверх. Купол Центральной станции метнулся в сторону, замелькали белыми клавишами накопители энергии, темными горошинками рассыпались в стороны деревянные домики коттеджей, и через минуту исчезли последние пятна ярко-зеленых парков. Внизу растянулась сельва.

— Генри, — сказал Свен. — Выйди на связь с Центральной. Надо все проверить.

— Хорошо... Ник! Как слышимость? — спросил Генри, включив радиостанцию. — Отвечай.

— Отлично, — ответил голос Трайкова. — Как у вас? Все в порядке?

— Все нормально, — сказал Генри и обратился к Томсону: — Связь действует, Свен... Ник! Я буду вызывать Центральную каждые двадцать минут, как и договорились.

— Хорошо. Отключаюсь.

Сверху сельва казалась однообразной. Угрюмые нагромождения грязно-зеленой растительности. Лишь на мгновение глаз кое-где угадывал робкие блики рек и озер. Местность была равнинная. На Отшельнике вообще не было больших гор.

«Нуда ни глянь, всюду сель-

ва! — Вирт передернул плечами. — А если сельва ворвется на какую-нибудь из баз? Страшно даже подумать. Дикий разгул исключительного живучих омерзительных растений-ползунов и животный мир, у которого только одна цель — пожирать. Никакие бластеры тут не помогут. Жуткая сельва. Но маловероятно, что сельва где-нибудь прорвалась. Пока на базах действуют установки запрета, сельва не страшна. Все может выйти из строя, только не установки запрета».

Генри Вирт краем глаз взглянул на указатель скорости. Светящаяся черта дошла до предела.

Свен и Генри молчали. Свен старательно сверял разворачивающуюся перед ним картину местности с картой. Генри Вирт думал о своем. Он не хотел верить, что с его Озой что-нибудь произошло.

Прошло двадцать минут как они вылетели, и Вирт вызвал Центральную.

— Ник, как слышимость?

— Отлично. Ты чего разговариваешь скороговоркой? Что-нибудь случилось?

— Все нормально. А у вас?

— Эрли только что говорил из главного пульта управления. — Николай старательно растягивал слова. Голос его стал низким и хриплым. — Эзру и Юмма можно больше не искать. Их уже нет.

— От чего?..

— От чего смерть? Он ничего больше не сказал.

— Ничего, Ник?

— Ничего, Генри.

— У тебя такой голос, Ник... Хриплый, мурашки по коже.

И снова внизу однообразная грязновато-зеленая сельва.

Свен повернул голову к Вирту:

— Через час, если все будет в порядке, увидим базу номер два. Сколько на ней было человек?

— На ней четверо! — ответил Генри, и Томсон понял, что он зря сказал «было». — Оза, Витчек, Юргенс и Стап. Их там четверо.

— Я не умею успокаивать, Генри.

— Спасибо. Так даже лучше... Интересно, связь прервалась одновременно или нет?

— Может быть, и не совсем одновременно. Ведь Эва не сразу бросилась к пульта связи. Многое могло произойти за эти минуты.

— А сельва?

— Одновременно на всех базах? Трудно даже представить.

Прошло еще двадцать минут. Вирт вызвал Центральную:

— Ник, как слышимость?

В ответ раздалось низкое хрипкое рычание. В горле Трайкова что-то бурлило и клокотало.

— Николай! Что случилось? Что случилось?

Рычание медленно затихало.

— Свен, ты что-нибудь понимаешь?

— Возвращаемся!

— Я спрашиваю, ты что-нибудь понимаешь?

— У них что-то случилось, Генри. Надо возвращаться.

— Здесь со всеми что-нибудь произошло. Возвращаться не будем. Ну! Ты же понимаешь меня, Свен? Ты все понял, правда ведь? Мне нужно узнать, что случилось с Озой.

— Я возвращаюсь.

— Осталось меньше часа, и мы бы знали, что произошло на второй базе.

— А если те трое, на Центральной, нуждаются в нашей помощи?

— Делай как хочешь, — Вирт безучастно откинулся в кресле.

Винтолет сделал крутой вираж.

— Возьми себя в руки, черт! — заорал Свен. — И попытайся наладить связи!

— Попытаюсь, — ответил Вирт шепотом.

Центральная на позывные не отвечала. Рев и глухой рокот иногда прерывались паузами относительной тишины. Свен и Вирт молча вслушивались в непонятные звуки.

9

Эрли снова вошел в зал и, стараясь не смотреть на те два кресла, расставил электрические фонари таким образом, чтобы они равномерно освещали всю площадь. Затем он выработал примерный план действий. Сначала он решил выяснить, что произошло с системами автоматики, потом осмотреть накопители информации, магнитную память вычислительных машин, самописцы. Осмотром останков двух ученых он решил завершить исследование здесь.

При самом беглом осмотре он обнаружил, что вентиляционные колодцы полностью разрушены, а компрессоры превратились в груды лома. Скрытую электропроводку он не смог рассмотреть, но все ее выключатели и розетки пришли в негодность. Пластмасса растрескалась, контакты покрылись толстым слоем ржавчины. Попытаться что-нибудь включить было совершенно бесполезным занятием. От одного прикосновения разваливались резиновые шланги и кабели приборов. Словно какая-то чума, какая-то болезнь напала на материалы, из которых были изготовлены различные приборы и механизмы. И толь-

ко стены и пол, сделанные из термостойкого вечного пластика, казались такими же новыми.

Ручки приборов не вращались вокруг своих осей. Клавиши не продавливались или проваливались от малейшего прикосновения и уже не возвращались в исходное положение.

Не было никаких следов бумажных лент в самопишущих приборах. Магнитные барабаны вычислительных машин покоробились, а магнитные ленты превратились в порошок. Не сохранилось никаких носителей информации и в блоках накопителей информации.

Эрли осторожно переходил от одного прибора к другому, стараясь ничего не задеть, но то и дело что-нибудь с грохотом падало на пол, разваливаясь серой кучкой пыли или бесформенными обломками пластмассы и проржавленного металла.

И все-таки в этом хаосе изуродованных, искалеченных, мертвых приборов и предметов наблюдалось что-то вроде закономерности. Экватор планеты проходил прямо через центр зала. И все, что располагалось в непосредственной близости от этой условной линии, рассыпалось в прах чаще, чем у противоположных ей стен.

— Смерть началась с экватора, — сказал сам себе Эрли.

Потом он вошел в большую подкову пульта управления. Здесь разрушения были наибольшими. Эрли остановился у кресла, в котором, возможно, сидел Филипп Эзра. В момент смерти он, несомненно, сидел. Об этом говорило расположение скелета. Но постепенно скелет развалился, и сейчас череп глядел пустыми глазницами из-под

ободранного подлокотника кресла. Эрли с минуту постоял над ним...

— Печальная встреча...

Он попытался представить себе, что мог делать Филипп Эзра, когда его настигла смерть. Какие клавиши программ он нажимал? О чем он думал? Что хотел сделать? А Эдвин Юмм? О чем они говорили перед смертью? Что означают качели?

В результате осмотра Эрли не пришел ни к какому выводу. Ээры и Юмма больше нет в живых. Все, что находилось в главном пульте управления, пришло в негодность, рассыпалось, развалилось. Но непонятно, почему это произошло. Эпидемия какого-нибудь заболевания? Но почему только здесь, в куполе Центральной? И какое отношение это имеет к экваториальной линии?

Впрочем, откуда он взял, что это произошло только в главном пульте? Потому что кольцевой коридор не имеет никаких признаков разрушений? Но ведь в нем ничего нет. Ведь и стены и пол самого главного пульта выглядят совершенно новыми.

Эрли вышел в коридор и начал внимательно осматривать его.

Если бы он не ожидал этого заранее, то наверняка бы не заметил, как не увидел сначала. Да, в коридоре на стенах он нашел несколько трещин. Это потрескалась пластиковая обивка стен. Эрли распахнул в коридоре окна. Он хотел посмотреть, что там, на земле, над этой воображаемой линией экватора. Но крыши Центральной станции тянулись на несколько сот метров во все стороны, и на земле из-за дальности расстояния он ничего не мог различить. Но, кажет-

ся, на крышах была заметна более темная полоса.

Появилась какая-то закономерность. Пока еще не за что было ухватиться. Какая-то мысль вертелась в голове, но все время ускользала.

— Эрли, — вызвал его Трайков. — Сейчас связь с Виртом. Что тебе еще удалось выяснить?

— Здесь все разрушено. Сколько вы находились в полете?

— Двенадцать дней, — удивленно сказал Трайков.

— А что, если я тебе скажу, что вы не были на Отшельнике лет пятьсот? А? Что ты молчишь?

— В некотором смысле, может быть, и пятьсот.

— Нет, в полном, единственном смысле. Я нахожусь сейчас в главном пульте. И я уверяю тебя, что здесь прошло несколько сот лет. Ну, может быть, десятков. В общем, какая разница. А что, если вы летали действительно несколько сот лет?

— Эрли, я сейчас приду к тебе.

— Не надо, Ник. Я не сошел с ума. На Отшельнике прошло несколько дней. Ведь и Эва это подтверждает. А здесь несколько сот. Это может быть и нашествием какого-нибудь вируса.

— А что, если вернулись хозяева планеты?

— Такая жестокость? Тогда нам тоже несдобровать. Здесь есть одна странная закономерность.

— Что?

— Хочу пойти проверить.

— Хорошо. Отключаюсь.

Эрли опустил вниз и подумал, что на обратном пути в главный пульт надо захватить с собой из лаборатории некоторую аппаратуру. Он спустился в третье кольцо, решив пройти по нему и устано-

вить, что же произошло в лабораториях, расположенных так же, как и главный пульт, над линией экватора.

Пульт связи находился в правом крыле, Эрли пошел в левое. Но не успел он пройти и нескольких десятков шагов, как его снова вызвал Трайков. Он был чем-то взволнован, хотя и старался говорить спокойно:

— Эрли, ты можешь зайти ко мне?

— Что случилось?

— Вирт и Томсон не отвечают.

Эрли сразу же повернул назад в правое крыло.

— У них что-то там воет! Сначала вообще ничего не было слышно. Потом еле различимо. Вроде ультразвука. А сейчас пронзительный вой.

Что же могло с ними случиться? Винтолеты сверхнадежны. Впрочем, здесь все было сверхнадежно, и все-таки что-то произошло.

Эрли открыл дверь зала связи. Трайков сидел к нему спиной и кричал в микрофон:

— Вызываю Вирта! Я Трайков! Вызываю Вирта! Прием.

Щелкнув тумблером, он повторил все сначала. Эрли тяжело опустился в кресло и закрыл лицо ладонями.

— Не отвечают, — сказал Николай, поворачиваясь к нему.

— Ничего. Вызывай.

Николай снова начал вызывать Вирта.

— Я не сказал тебе. Это мне как-то раньше в голову не пришло. Надо по всем каналам связи вести запись на магнитную ленту. Правда, мы все не сможем прослушать, но можно будет заложить ленты в математическую машину. Пусть

обрабатывает. Может быть, мы получим хоть один бит информации.

— Я все записываю и периодически прослушиваю. Ничего нет... Вызываю Вирта! Я Трайков! Прием.

— Уже два часа...

— Что ты сказал?

— Уже почти два часа как мы на Отшельнике.

10

Они летели по направлению к Центральной базе минут пятнадцать. На мгновение воздух перед винтолетом размылся, затуманился, и машину с силой бросило вперед, как из туго натянутой пружины. Чувствовалось, как от бешеного сопротивления воздуха завибрировал обтекаемый корпус. Обоих людей вдавило в кресла. Свен сбросил скорость, но она вдруг скачком упала до половины максимальной, и их бросило с сиденья вперед.

— Чертовщина, — пробормотал Свен. — Где-то в этом районе, когда мы еще летели на вторую базу, скорость винтолета резко упала, и мне пришлось до предела увеличить мощность двигателей, а теперь все наоборот. Вроде какого-то порога. Никогда раньше не сталкивался с таким явлением. И атмосфера спокойная.

— А пелена какой-то дымки?

— Так, значит, она действительно была? А я думал, что это мне показалось.

— Вызываю Вирта! Я Трайков! — вдруг раздалось в микрофонах хриловато и нарочито медленно.

— Я слышу, Ник! — вскричал Генри. — Что у вас произошло? Почему не отвечали?

— У нас все нормально. Почему вы не отвечали?

— Мы вышли с вами на связь. Вы не отозвались. Тогда Свен решил, что у вас что-то произошло, и повернул назад. Нам осталось лететь до вас минут двадцать. Возвращаться нам или лететь на вторую базу?

— Эрли говорит, что можно лететь на вторую... Но почему не было связи? И вообще, что ты там тараторишь?

— Я говорю нормально. Это ты, Ник, кажется, засыпаешь.

Иногда между словами и фразами наступали небольшие паузы, и каждый думал, что с противоположной стороны обдумывают ответ.

— Чертовщина какая-то, — снова пробурчал Свен. — Держи связь все время. Мне что-то не нравится эта пелена воздуха.

— Ник, — сказал Генри. — Говори что-нибудь без передышки. Интересно, на какой минуте прервется связь?

— Ты думаешь, опять прервется?

— Не знаю. Говори. Что там у Эрли?

— У Эрли? Все неопределенно. В шутку, конечно, предполагает, что мы не были на Отшельнике лет пятьсот.

— Ого! Ничего себе шутка. Он где сейчас?

— Сидит рядом. Я вызвал его, когда прервалась связь.

— Ник, не растягивай, пожалуйста, так слова.

— Я говорю нормально. Это ты все время торопишься. Всю жизнь торопишься.

В ответ снова раздался пронзительный вой, прерываемый продолжительными паузами.

В кабине винтолета послышался глухой низкий рев, исходящий из телефонов.

— Связь прервалась, Свен, — сказал Генри.

— И опять эта пелена. И винтолет входит словно в тугую резину. Надо все-таки проверить, что это такое. Я разворачиваюсь.

— Хорошо.

— Следи. Вот она приближается. Держись! Сейчас будет толчок.

Винтолет рвануло вперед, но Свен справился с непослушной машиной гораздо увереннее, чем в прошлый раз, и в тот же момент из телефонов донеслось:

— ...ываю Вирта! Я Трайков!

— Слышу нормально.

— Что у вас получается?

— Пусть Эрли возьмет параллельный канал.

— Он все время прослушивает его.

— Я все слышу, Генри, рассказывая.

— Тут есть какая-то пелена воздуха, вроде полупрозрачной пленки. Когда мы уходим за нее, связь прекращается. Возвращаемся назад — связь работает нормально. Наверное, это какой-то экран.

— Как еще на вас влияет эта пелена?

— Когда мы проходим ее от вас, она действует как упругая пружина или резина. Свену приходится увеличивать мощность двигателей. Когда возвращаемся, нас вроде что-то выталкивает.

— Какая у вас скорость?

— Примерно две тысячи в час.

— Подойдите к этой пелене со скоростью километров двадцать или пятьдесят в час.

— Хорошо. Попробуем.

Свен начал сбавлять скорость,

делая глубокий вираж. Стрелка указателя скорости поползла вниз. До дрожащей, размытой пелены воздуха осталось километров пять. Но машина не приближалась к ней, хотя скорость должна была быть около двадцати пяти километров в час.

— Она не пускает нас вперед, — сказал Свен. — Двигатели работают, а мы стоим на месте.

— Убавьте до нуля, — попросил Эрли.

— Сбавил, — ответил Свен. — Нас медленно отталкивает назад. Двигатели горизонтального полета совсем не работают.

— Хорошо. Отойдите назад, километров на десять, наберите скорость и пробивайтесь, как и в первый раз.

— Как ты думаешь, Эрли, что это было? — спросил Вирт.

— Не знаю, Генри. Какой-то энергетический барьер. Может быть, мы и выясним его природу, но сейчас просто пробивайтесь.

— Какова может быть его высота?

— Предполагаю, что это вам не поможет. «Фиалка» тоже на что-то натолкнулась, когда мы сдвинулись на Отшельник.

— Да, да, — сказал Свен. — Ощущение примерно такое же. Только тогда нас здорово трянуло.

— Раз связь нарушается, будете лететь без связи. До второй базы вам еще около часа. Короче, через четыре часа мы ждем вас в эфире.

— Хорошо. Значит, в шестнадцать тридцать пять, — заключил Генри. — Всего хорошего.

— И вам тоже.

— Набираю скорость, — сказал Свен.

— На несколько часов я свободен, — сказал Трайков. — А там меня может заменить Эва. Что мне делать?

— Хорошо бы осмотреть накопители энергии, Ник.

— Я проверю.

— А я хотел посмотреть, что вообще делается на территории Центральной. Мне нужен вездеход. Тебе тоже. Забегу к Эве и оставь ей карманную радиостанцию где-нибудь на видном месте и еще записку, чтобы она не волновалась и не искала нас. Вызывай меня чаще, особенно если заметишь что-нибудь необычное, непонятное. Хоть самую мелочь.

— Понимаю, Эрли. Я пошел.

— Подожди. Ведь экватор планеты проходит через Центральную?

— Да.

— Кому-нибудь приходило в голову обозначить эту воображаемую линию экватора? Ну могу ли я найти ее на территории Центральной?

— Эта линия обозначена колышками. Стап занимался этим. Он был немного со странностями.

Они вместе вышли на крыльцо Центральной. Трайков побежал к коттеджу Эвы. Эрли взобрался на крышу вездехода, открыл люк и спустился вниз. Он проверил управление машиной. Все было в порядке.

Дико взревев, вездеход рванулся по большой дуге, огибая здание Центральной. Проехав несколько сот метров, Эрли остановил машину и прыгнул на траву. Сориентировавшись по куполу здания, он прошел еще несколько де-

сятков метров, всматриваясь в траву.

Наконец он нашел то, что искал: на расстоянии нескольких метров друг от друга в землю были вбиты небольшие, в полметра, деревянные колышки. Когда-то они, видимо, были окрашены ярко-красной краской, чтобы их было заметно на фоне травы. Теперь же краски не было и в помине. Колышки разваливались от малейшего прикосновения. Многие лежали на траве, почерневшие от ветра, дождя и времени.

Эрли собрал несколько таких бывших деревяшек и осторожно положил в багажник вездехода. Затем он снова влез в машину, поднял переднюю стенку, чтобы был хороший обзор, и направил вездеход вдоль этой условной линии на небольшой скорости. Вскоре ему стали попадаться огромные упавшие полусгнившие деревья. Таких больших деревьев на территории Центральной никогда не было. Они просто не могли успеть вырасти, потому что были вывезены с Земли саженцами.

Он проехал вперед около километра и окончательно укрепился в мысли, что на этой полоске около линии экватора за время отсутствия экипажа «Фиалки» прошло не несколько дней, а, по крайней мере, несколько десятилетий. Сколько прошло точно, он мог окончательно узнать, только вернувшись на Центральную и производя некоторые лабораторные анализы.

Он совсем решил было возвратиться назад, но тут его внимание привлекла черная полоса сельвы на горизонте. Что-то уж очень высокой показалась она ему.

На большой скорости помчался

он вперед, сминая траву и мелкий кустарник, разбрызгивая фонтаны вокруг машины, когда пересекал небольшие искусственные речки и озера, взлетая на бугорки, спускаясь в цветущие лощины. Постепенно вид растительности менялся. Она приобретала более дикий вид. Но это не удивило его, так как культурной была только центральная часть парка, а дальше все было предоставлено самой природе. Правда, растения-ползунки, аборигены Отшельника, сюда не допускались. Здесь были только земные растения, культурные или одичавшие.

Когда до линии запрета оставалось не более ста метров, он понял, почему полоса сельвы на горизонте показалась ему неестественно высокой. Местные растения достигали в высоту не более пяти метров, но могли карабкаться друг на друга. Вот и сейчас они громоздились несколькими этажами, переплетенные так, что нельзя было различить отдельное растение. Это было какое-то жуткое месиво из стволов, корней и веток.

Эрли вылез из вездехода и пошел вплотную к линии запрета. И только тут он понял, что это были мертвые растения, наваленные огромным полукольцом по линии запрета с северной стороны парка. Высота этого завала была не менее ста метров. Какая сила могла создать этот мертвый пояс? Только бешеный ураган, невиданный ураган, представить мощь которого трудно. Ураган, очевидно, шел с севера и, натываясь на неприступную стену установки запрета, терял возле нее свои трофеи.

Но откуда мог взяться этот ура-

ган? На Отшельнике такой мягкий климат. Без сильных ветров и бурь...

Тут он задался вопросом о том, что произошло с силовым полем там, где его пересекает линия экватора. Он снова сел в вездеход и поехал вдоль завала, высота которого заметно понижалась по мере приближения к точке пересечения. Увидев, что там все в порядке, он сообразил, что в этом месте установка запрета, наверное, черпала огромную энергию из накопителей, чтобы заткнуть брешь, но из строя не вышла.

Это здесь, на Центральной, где запасы энергии практически неисчерпаемы. А что осталось от баз, если над ними пронесся такой ураган? Минут десять сидел он на траве в тени вездехода, собираясь с мыслями. Что же он узнал за эти три часа?

Совершенно точно известно следующее: Эзры и Юмма больше нет. Они мертвы. Все, что расположено вдоль линии экватора, постарело на несколько десятков или сотен лет. Но возможно, что это просто работа каких-то микроорганизмов. В сотнях километров к северу от Центральной возникло неизвестное силовое поле, силовой экран, который отталкивает от себя материальные предметы и не пропускает радиоволны. На Отшельнике за время отсутствия «Фиалки» пронесся невиданный ураган. Люди с баз не отвечают на вызовы Центральной.

Как связать все это в одно целое? И вдруг он на мгновение представил себе лицо Лэй. Не такое, какое оно было при их последней встрече, а другое, дорогое, близкое, любящее. И тут же отошел воспоминания.

— Эрли! — вызвал его в это время Трайков. — Ты слышишь меня?

— Слышу, Ник. Что у тебя?

— Дело вот в чем, — голос Трайкова был совершенно спокоен. — Что мне делать с людьми, которые возятся около накопителей энергии?

— Какие люди, Ник?! Что ты говоришь? — Эрли вскочил и одним прыжком взлетел на верх вездехода.

— Мне кажется, мы негласно договорились не считать друг друга ни в коем случае сумасшедшими. Эрли, здесь их несколько человек. Пока они не видят меня или делают вид, что не видят. Я их не знаю. У нас на Центральной таких не было.

— Я сейчас буду у тебя, Ник. Что тебе делать, не знаю. Думай сам.

— Отлично. Я на четвертом северном накопителе. Вездеход стоит внизу. А я на самом верху.

Эрли кинулся на сиденье водителя. Мотор взревел, и машина помчалась к видневшемуся вдали куполу Центральной станции, сильно забирая на юг. Эрли не хотел, чтобы неизвестные увидели его раньше, чем он сам этого захочет. Что за люди? Это было еще более непонятно, чем все предыдущее. На Отшельнике было двести четырнадцать человек. Четверо из них живы. Двое мертвы. Об остальных двухстах восьмью ничего не известно. Если бы эти люди были из экспедиции Земли, Ник бы их непременно узнал. Здесь все знали друг друга в лицо.

Значит, это представители той цивилизации, которая создала все эти базы и Центральную? Если

это так, то они были всемогущи по сравнению с пятью людьми с Земли. Они смогут сделать с ними все, что захотят. Они вернулись в свои владения. Что они предпримут? Что сказать им? Как объяснить им действия землян?

Когда до Центральной станции оставалось не более двух километров, его снова вызвали:

— Эрли! Ты существуешь? Ты есть на самом деле? Эрли!

— Это я, Эрли. Ты проснулась, Эва? Где ты находишься?

— Эрли! Возьми меня! Увези меня! Делай со мной что хочешь, но увези отсюда. Я схожу с ума! Я ничего здесь не понимаю!

— Где ты, Эва?

— Я у пульта связи, Эрли, как написал Ник. Я сижу здесь полчаса. Никто меня не вызывает. Словно вымерли все, словно все опять исчезли!

— Мы думали, ты спишь.

— Ты видел их, Эрли?

— Кого?

— Эзру и Юмму.

— Да... Видел...

— Они только что вышли из пульта связи. Увези меня! У нас ведь есть ракета. Через три месяца прилетит «Варшава»...

— Эва, что с тобой? Успокойся. Я скоро буду у тебя, но сначала мне нужно увидеть Ника. А Эзры и Юммы нет. Они не могут ходить. Их нет.

— Значит, я все-таки сошла с ума. Тогда мне остается посмотреть в дуло вот этого бластера.

— Не смей, Эва! Слышишь, не смей!

лену воздуха. Внизу, куда ни глянь, расстилалась сельва.

Настроение Генри Вирта заметно улучшилось. Теперь уже никто не может остановить его на пути к Озе. И если машина не подведет, они скоро будут на второй базе.

Свена смущало одно обстоятельство. Он довольно хорошо знал местность, да и карта была под рукой. Но иногда попадались какие-то незнакомые образования: озера и выжженные пятна, которых не было на карте.

Генри снова присмирел. Ему нечего было делать, связь все равно не действовала. А сидеть вот так, сложа руки, становилось невыносимо. Свен тоже молчал. Ему не приходила в голову ни одна подходящая для разговора тема...

Через несколько минут полета от первого силового экрана они встретили еще один. После преодоления его скорость винтолета не снизилась, но само преодоление чуть не обернулось катастрофой. Свен на мгновение потерял сознание, и винтолет начал падать. К счастью, он тут же пришел в себя, и все обошлось благополучно.

В нескольких десятках километров от второй базы они преодолели третий силовой экран.

Генри готов был броситься вниз без парашюта, когда они снизили скорость и под ними показались купола второй базы. Но через минуту стало ясно, что на второй базе господствует сельва. Установки запрета не действовали.

Винтолет снизился к куполу жилого помещения. Гуд его мотора, наверное, разносился по всей базе, но никто не появлялся под прозрачными куполами. Медленно перемещаясь, они облетели купол

Винтолет Свена на большой скорости проскочил туманную пе-

жилого помещения. Да, в этом месте их никто не мог встретить. Кругом были видны следы разрушений. Сам купол в нескольких местах лопнул и зиял метровыми трещинами. Сломанные балки и железобетонные перегородки, изуродованная мебель и разбитая аппаратура.

— Что же это? — сказал Генри, медленно выговаривая слова.

— Сельва, все-таки сельва, — прошептал Свен.

— Выпусти меня.

— Генри, я тебя выпущу. Только давай составим сначала какой-нибудь план. Ты с огнеметом умеешь обращаться? Ну тогда возьми один с собой. Спускаться лучше через трещины в куполах. Внутри этих ползунов все-таки не очень много.

— Я хочу узнать, как она погибла.

Свен застегнул на нем пояс, сунул в руки огнемет, на плечо повесил бластер.

— Далеко от трещин не отходи. Лучше проделать новое отверстие. Теперь уже все равно, — напутствовал он Вирта, опуская его на тросе из открытой кабины винтолета.

Вирт стоял на круглой площадке второго яруса, на которую выходили двери личных комнат. Их было двенадцать. Но только в четырех из них совсем недавно жили люди.

Он открыл дверь комнаты Озы, и тотчас же что-то бросилось на него. Над головой раздался гром, и это «что-то» шлепнулось к его ногам, слабо извиваясь, вздрагивая и издавая зловоние. Свен успел выстрелить вовремя.

Самым правильным сейчас было бы полоснуть по комнате из огне-

мета и только после этого войти туда. Но тогда сгорело бы все, что когда-то окружало Озу. Генри перешагнул через груды слизи и вошел в комнату. Вся мебель была изуродована и перевернута. Он не нашел здесь ни одного целого предмета. Низкий, когда-то мягкий диван был вспорот. Встроенный в стену платяной шкаф вырван и отброшен на пол. Генри перевернул его, осторожно раскрыл створки. Шкаф был пуст. Ночной столик стоял вверх ножками на переносном магнитофоне. Нет, в нем не было магнитной проволоки. Бесплезная вещь. Генри постоял несколько минут, иногда поворачиваясь из стороны в сторону, пока сзади него снова не грянул выстрел из огнемета.

Свен сидел на полу винтолета, свесив одну ногу наружу, спиной навалившись на косяк дверцы, и иногда нажимал на спусковой крючок огнемета.

Сверху ему было хорошо видно, что происходило под изуродованным куполом. Да и беречь этот купол теперь не имело смысла. Он стрелял прямо через прозрачный пластик. «Мешки», так их называли отшельники, каким-то образом чувствовали появление человека и теперь лезли во все щели жилого помещения. Обычно они настигали жертву в прыжке, хотя у них не было ног. Когда передняя часть мешка без головы касалась жертвы, он как бы выворачивался наизнанку, плотно облекая жертву, и всей своей внутренней поверхностью начинал переваривать. Чтобы настичь новую жертву, ему не нужно было выворачиваться. Теперь внутренней поверхностью становилась та, которая только что была внешней.

— Генри! Не отходи далеко! — крикнул Свен. — Я задержу их только минут на пять. Больше не смогу. Ты слышишь меня?

Вирт молча обходил пустые комнаты.

— Ты слышишь меня? — снова крикнул Свен в перерыве между выстрелами.

Генри махнул рукой, что означало: слышу. Сердце его бешено заколотилось. Одна из комнат была пуста. Совершенно пуста. В стене, которая выходила наружу, рядом с проломом он заметил несколько оплавленных отверстий. Кто-то здесь стрелял из бластера. А сам пролом был сделан выстрелом из огнемета.

— Генри, цепляйся за пояс! — крикнул Свен. — Их слишком много!

Вирт оглянулся. Неуклюжие на вид мешки приближались стремительными скачками. Он послал струю огня вперед и давил на спусковой крючок до тех пор, пока не кончилась воспламеняющаяся жидкость. Тогда он бросил бесполезный огнемет и, пробежав несколько шагов, вцепился в пояс. Свен, не выпуская из рук огнемета, поднял винтолет метров на пять над куполом и только тогда втащил Вирта в кабину. Он ничего ему не сказал и ни о чем его не спросил. Пусть Генри сам решит, когда им возвращаться. Может быть, он захочет спуститься еще раз...

— Они защищались, — сказал Генри. И в его голосе не чувствовалось тоски и горя. — Они даже выбрали правильное расположение для своих бластеров и огнеметов.

— Да. Они не могли сдать просто так.

— Свен, кто-то из них должен

быть жив. Они отбивались у входа на лестницу из комнаты Вытчека. Я видел пробоины, которые сделали бластеры. Кто-то, один или двое, защищали вход, а другие уходили. Куда они могли уйти из этого купола?

У Свена тоже появилась надежда. Может быть, Вирт и прав.

— Надо осмотреть базу сверху, — сказал он.

Винтолет начал медленно перемещаться между изуродованными куполами.

— Понимаешь, Свен, там в одной комнате ничего нет. Пусто. Ни дивана, ни кресел, ни столиков, ни вещей. Там нет ни одного обломка. В других же перевернуто все вверх дном. Но и в комнате Озы нет ее одежды. Куда это все могло исчезнуть? На первом этаже должны быть склады продовольствия и воды, столовая. Жаль, что я не успел посмотреть, что делается там.

Они медленно облетали территорию второй базы. Установки запрета были сорваны с фундаментов. Одна валялась, разбитая вдребезги, метрах в пятидесяти. Второй вообще не было видно. Вот почему сельва прорвалась на базу. Купола жилого корпуса, рабочего, корпуса связи и взлетной площадки островками выделялись на фоне грязно-зеленых шевелящихся и ползающих растений Отшельника. Эта планета снова захватила отвоеванные было у нее владения. Два винтолета, расколотые надвое, валялись недалеко от взлетной площадки. Свен снизился почти вплотную к чуть расступившимся ползунам. За эти несколько дней здесь все так заросло, словно и никогда не было по-другому. Через передний прозрачный колпак

одного из винтолетов на них установились глазницы человеческого черепа.

Вирт в ярости схватил огнемёт Свена и начал поливать мгновенно сгорающие отростки ползунов. Но отовсюду на это место лезли другие, и казалось, им не будет конца.

— Бесполезно, Генри, — сказал Свен, положив руку ему на плечо, а другой мягко отбирая огнемёт. — Они все равно не поймут. Кто это может быть?

— Они все могли водить винтолеты, кроме Озы...

— Значит, одного мы уже не найдем...

— Это Юргенс. Он был пилотом.

Второй винтолет был пуст.

Здание рабочего корпуса было в таком состоянии, что его не имело смысла и осматривать.

— Смотри, — вдруг закричал Свен. — На куполе связи пятна, вроде заплаток. Кто-то заделал трещины и пробоины!

— Я же говорил! Я знал!

Винтолет облетел небольшой купол.

— Где же здесь вход?

— Тут все залито пластиком. Там, где был вход, все залито пластиком. С внешней стороны. Кто-то залил вход и остался снаружи.

Что могло быть в этом наглухо задраенном куполе? Документы? Люди? Кто остался снаружи? Для чего?

— Свен, у них должна быть еще пара вездеходов. Эти бесполезные здесь машины должны были стоять около винтолетов.

— Но их там нет.

— Значит, кто-то решил пробиться на вездеходах до базы. Это верная смерть.

Винтолет еще несколько раз облетел вокруг запечатанного купола.

Вдруг штурвал выпал из рук Свена.

— Оза! — закричал Генри.

Упершись руками и лбом в стену купола с внутренней стороны, на них смотрела женщина.

— Оза!

13

Николай Трайков вбежал в котедж Эвы, убедился, что она спит, оставил на столе записку, как говорил Эрли, и бросился к вездеходу.

Накопители энергии шли цепочкой от Центральной станции на север и юг километра на два. Это были огромные белые цилиндры со множеством пристроек, мачт, растяжек, лестниц и лифтов. В обычное время их изучало около десятка инженеров, следивших, чтобы количество энергии в каждом не превышало определенной нормы. От них питалась система запрета, образующая силовые поля вокруг всей территории Центральной станции. Но чтобы питать установки запрета, не было необходимости в таком количестве накопителей. Для работы установок достаточно было триллионной доли запасенной в накопителях энергии.

Николай доехал на вездеходе до одного из них, выскочил и вошел в лифт, который за несколько секунд доставил его в инженерную. Небольшой светлый зал со множеством приборов произвел на него удручающее впечатление. Как во всем этом разобраться? Но вскоре он понял, что ему и не нужно во всем разбираться. Система контроля управления на-

копителями была довольно проста. Он записал показания общего счетчика. Вынул ленту из самописца, регистрирующего расход энергии в отдельные дни, часы и минуты, и спустился вниз. Ленту он сунул в карман кресла и помчался к другому накопителю. Там он произвел те же манипуляции. Потом он осмотрел третий, четвертый...

Лифт пятого цилиндра был поднят вверх. Николай несколько раз нажал кнопку, пытаясь спустить лифт вниз, но все было безрезультатно. Он подумал, что лифт испортился. Но вдруг лампочки на табло управления лифтом замигали. Лифт спускался с десятого яруса. Затем он остановился на пятом ярусе, где располагалась инженерная. Николай попытался снова вызвать лифт, но он снова был занят. Кто мог занять лифт? Внезапно лифт пошел вверх. Николай стукнул кулаком по табло, но ничего не изменилось. Тогда он отбежал в сторону и увидел сквозь решетчатые фермы, что лифт действительно движется. Осторожно, стараясь не греметь, он скользнул в люк вездехода и на самой маленькой скорости отвел его к четвертому накопителю. Там он вскочил в лифт и поднялся на последний, двенадцатый ярус. Это была плоская крыша цилиндра. Скрываясь за мачтами, он подошел к краю крыши... и чуть не упал вниз с семидесятиметровой высоты. Соседний цилиндр был метрах в ста пятидесяти. На его плоской крыше разгуливало несколько фигур. Фермы лифта пятого накопителя были обращены в сторону Трайкова, и он заметил, что сам лифт находится тоже на двенадцатом

ярусе. Если они находились на крыше хотя бы две минуты, то должны были видеть его вездеход. А он еще столько раз пытался вызвать лифт вниз.

Полуголые фигурки людей на таком расстоянии казались маленькими. Но, сравнив себя с деталями мачт, он пришел к выводу, что неизвестные почти одного роста с ним. У них были загорелые тела. Одеты они были в короткие джинсы. На ногах что-то вроде сандалий. Рубашек нет. Головы не покрыты. В руках у одного из них было что-то вроде огромного листа бумаги. Через плечо у каждого висела короткая палка, очень похожая на бластер.

В самом начале было совершенно точно установлено, что на Отшельнике нет людей. Нет вообще никакой мыслящей жизни.

Тогда кто же эти люди?

Ник вызвал Эрли и сказал:

— Что мне делать с людьми, которые возятся у накопителя?

14

Эва проснулась сразу, освещенная спокойным, крепким сном. Несколько мгновений она не могла сообразить, каким образом оказалась здесь, но потом последние события всплыли у нее в сознании. Лишь бы ей все это не приснилось, но записка, оставленная Трайковым на столике, окончательно убедила ее в том, что экипаж в самом деле прилетел. Прислонившись к столику, стоял легкий бластер. После стольких дней одиночества, наполненных неизвестностью, страхом и горем, появление даже одного человека было бы величайшим счастьем для нее.

А эти четверо, они, конечно, разматывают запутанный клубок случившегося на Отшельнике. Даже если и нет... Придет «Варшава» с ее фантастической техникой, с ее тысячами людей...

Привычным, заученным жестом она поправила прическу, некоторое время постояла у окна, вдыхая полной грудью запахи травы и леса. Потом, закинув за плечо бластер, не спеша пошла к Центральной, срывая на пути травинки. Как красиво стало вокруг от того, что появились люди.

Она легко взбежала на крыльцо Центральной и прошла по кольцу в пульт управления связи. Ей очень хотелось вызвать по радио Эрли и Ника, но мысль, что она может оторвать их от чего-то важного, остановила ее. Проверив настройку приемников и передатчиков, Эва отошла к окну, любуясь панорамой парка.

Что-то заставило ее оглянуться. Не было ни скрипа, ни движения воздуха, ни звука, но она почувствовала всем своим существом чье-то присутствие. Так уже было, когда она осталась одна... Мышцы сковал страх. Нужно было повернуться, но она не могла этого сделать. Все замерло. «Повернись, оглянись», — шептало что-то в ней самой. И она повернулась.

В кресле перед пультом, стоящем к ней спинкой, виднелся бритый затылок человека. Этого человека, вернее — этот затылок, она узнала бы среди тысяч других. Это была голова Филиппа Эзры. В дверь, не открывая ее, вошел Юмм. Они всегда появлялись вдвоем. По движениям губ было видно, что они о чем-то

говорят, но звуков не было слышно.

Руки Эвы прилипли к подоконнику. Эзра оглянулся, но взгляд его прошел сквозь девушку. Он не видел ее. Юмм подошел к креслу. В руках у него был рулон не то чертежей, не то рисунков. Он развернул его и что-то сказал Филиппу. Тот отрицательно покачал головой. Тогда Эзра встал с кресла, они оба отошли в сторону, растянули между собой лист и несколько минут продолжали так стоять, словно демонстрируя что-то невидимым зрителям. Потом рулон был свернут. Юмм показал рукой на дверь. Эзра приподнял руку и пошел к окну.

Эва дико закричала и отскочила в сторону, но они не обратили внимания на ее крик. Филипп Эзра подошел к окну, что-то там высматривая, потом сожалеюще чмокнул губами и отрицательно покачал головой. Юмм нетерпеливо переминался с ноги на ногу у двери.

Затем они оба прошли через закрытую дверь, причем Юмм сделал движение, как будто открывал ее, но она даже не скрипнула.

Несколько секунд Эва стояла неподвижно, пытаясь разобраться в своих мыслях. Может ли сумасшедший понять, что он сумасшедший? Потом она бросилась к карманной радиостанции и звала Эрли.

— Эрли! Ты существуешь?!

...Нет. Он не верил, что мертвые Эзра и Юмм могут ходить по Центральной. А разве она сама поверила бы в это, если бы была здорова? Разве кто-нибудь поверит в это?

Она взяла в руки бластер, блестящую легкую игрушку, и провела по дулу холодной ладонью.

15

Женщина смотрела на них, ничем не выражая своей радости или удивления. Вирт открыл дверцу винтолета и, высунувшись наружу, крикнул:

— Оза! Это я, Генри! Оза! Это я, Генри!

Каких-то десять сантиметров прозрачного пластика разделяло их.

— Свен, надо где-то прорезать купол огнеметом. Иначе мы туда не попадем.

Свен ответил винтолет на несколько метров вдоль стены. Генри вытащил из багажника еще один огнемет. Но стрелять было нельзя. Фигура женщины передвигалась следом за ними. Огромные голубые глаза внимательно следили за их действиями. Но она ни одним жестом не показала, что узнала Генри или Свена. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она только медленно перебирала по стене руками, двигаясь как заведенная кукла.

— Свен, давай к вершине купола! Иначе она не даст нам прорезать стену. С ней что-то случилось!

Винтолет поднялся к вершине купола, но стрелять все равно было нельзя. Женщина стояла прямо под ними.

— Свен, я обяжусь поясом и спущусь на тросе с огнеметом, а ты разворачивай винтолет в другую сторону. Она не сможет сразу находиться с двух сторон купола. Или ты, или я успеем проделать отверстие.

Вирт заскользил по гладкому куполу вниз и остановился на уровне пола. Женщина подошла к нему. Оза! Оза! Какая она стала худенькая! Лишь огромные глаза такие же живые. Но почему она не узнает его? Почему не подает знака, что рада видеть его?

В это время с противоположной стороны несколькими выстрелами Свен прожег в пластике дыру, достаточную для того, чтобы в нее смог пролезть человек. Винтолет снова поднялся на несколько метров, и Свен втянул Вирта в кабину.

Через минуту Генри был внутри купола, а Свен остался ждать в машине, держа наготове бластер, потому что слизистые мешки начали подпрыгивать вверх.

— Оза! — сказал Генри, ласково дотронувшись пальцами до ее лица. — Почему ты молчишь? Разве ты не рада? Почему ты молчишь? Что здесь произошло?

— Я ждала, — сказала женщина, — что сюда кто-нибудь придет. Стап, уходя, пообещал, что сюда кто-нибудь все равно придет.

«Оза ждала ребенка, — подумал Свен. — Неужели Генри не замечает, что у нее вполне нормальная фигура?»

Но Генри заметил. Заметил еще раньше, когда увидел ее прилипшей к стене купола.

— Оза, что случилось с нашим ребенком?

— Не понимаю, — сказала женщина.

— Что с тобой?

— Со мной? Ничего. Я очень долго ждала вас. Одна. Когда Стап уехал, он заварил входную дверь снаружи, чтобы в минуту отчаяния я не могла выйти и покончить жизнь самоубийством.

Но у меня и не возникало таких мыслей. Я наблюдала за ползунами и мешками.

— Оза, когда ушел Стап? На чем он ушел?

— Пять лет назад. Он был очень добр ко мне.

— Как пять лет?

— У меня все записано. Мы поддерживали с ним связь около часа. Потом он замолчал. Я думаю, он умер.

— Оза!

— Не-ет. Я не Оза. Она умерла восемнадцать лет назад. Я ее даже и не помню. Я покажу вам, где ее похоронили.

— Оза, что с тобой? Очнись! — Генри тряхнул хрупкую фигурку за плечи, но она сняла его руки со своих плеч и сказала:

— Стап говорил, что Оза все время кого-то ждала.

— Кого?

— Генри Вирта... Он говорил, что она очень ждала.

— Я — Генри Вирт. Я понимаю, ты устала за эти дни. Это, наверное, были ужасные дни. Но теперь все кончилось. Очнись! Оза! Встряхнись! Мы полетим на Центральную. Оза, не смотри на меня так.

— Я уже говорила, что я не Оза. Меня зовут Сеона.

— Сеона? Но ведь именно так мы хотели назвать свою дочь! Оза, ты немного больна. Но это скоро пройдет. Нам нужно торопиться. Скоро зайдет солнце. Что ты хочешь взять с собой?

— Солнце? Нет, оно зайдет еще не скоро. Оно зайдет через полгода. Я читала в книгах, что солнце садится каждые двадцать четыре часа. А когда оно садится, все люди ложатся спать. Но здесь все по-другому. Здесь день

длится полтора года. Смешно, правда? День больше года. А потом на полтора года наступает ночь, и здесь все замерзает... и темнота. После этого ползуны и мешки кажутся такими приятными. Хочется поиграть с ними. Да, ночью мне было иногда плохо. Особенно когда уехал Стап. Бедный, он погиб через час. Я так думаю.

Генри умоляюще повернулся к Свену, как бы говоря: «Не обращай внимания, это она так». Свен так же молча кивнул ему, что означало: «Хорошо. Садитесь в машину, и полетим назад».

— Что ты хотела взять с собой, Оза? Мы сейчас полетим.

— Сеона...

— Ну хорошо. Сеона. Так что же?

— О, я хотела бы взять все. Ведь у меня на Центральной нет ничего. Я там ни разу не была. А мне всегда так хотелось побывать там. Но я не буду брать много, ведь вы, наверное, спешите? Несколько платьев. Хотя нет, они все равно уже износились. Я возьму вот эту книгу, комбинезон. Он еще почти новый. А тебе Стап просил передать вот это, — она сняла с руки кольцо, у которого вместо камня было небольшое, на одну минуту разговора, запоминающее устройство. Это кольцо Генри когда-то сам подарил Озе. — Стап сказал, что это очень важно. И еще, пожалуйста, поднимите вот этот чемодан. В нем записи некоторых приборов и просто бумаги. Он стоит запечатанным столько лет, что я не верю, будто его когда-то открывали. Но Стап сказал, что это будет интересно людям, которые сюда придут.

Генри поднял ящик, поднес его к стене и передал Свену. Потом повернулся к Озе. Как она изменилась с тех пор, когда он видел ее в последний раз! Она стала совсем худая. И черты лица слегка изменились, заострились. Что она ему тут наговорила? Ведь это значит, что она сошла с ума... Бедняжка. Сколько нужно пережить, чтобы это произошло?

— Оза... Сеона, ничего не бойся, — он прижал ее к своей груди. — Все будет хорошо.

— Я не боялась и раньше. Я всегда ждала людей. А теперь, когда вы пришли, я совсем ничего не боюсь.

Они подошли к проему в куполе. Генри осторожно поддерживал хрупкую фигуру Озы-Сеоны. Сердце его и радовалось и разрывалось от горя на части.

— Свен, помоги ей, — сказал он. Но Свен и без того уже протягивал руки, чтобы принять женщину.

Когда винтолет оторвался от купола, Генри схватил огнемёт и выпустил весь запас горючей жидкости по копошащимся внизу ползунам и мешкам.

— Зря ты это, Генри, — сказал Свен.

— Знаю, — коротко ответил Вирт.

— Да, это вы зря, — сказала Оза. — Они столько лет развлекали меня.

— М-мм, — замычал Генри и сжал голову руками.

Внизу снова расстилалась ненавистная грязно-зеленая сельва.

Свен вел винтолет на предельной скорости. Надо было скорее добираться до Центральной. Они и так опаздывали на два часа

к сеансу связи. Эрли и Ник сейчас думают, что знает что.

— Что же здесь все-таки произошло? — спросил Генри. У него язык не поворачивался называть ее Сеоной.

— Я этого не знаю. Это было еще до меня. Но Стап рассказывал, что была буря. Страшная буря. И сельва прорвалась к нам. Их тогда на базе было четверо. Пилот Юргенс погиб сразу. Они даже не могли вытащить из винтолета его останки. Потом умерла Оза, — при этих словах Генри сжался в комок. — Был еще один человек. Его звали Вытчек, но я его тоже не помню. Он сказал, что тело Озы будет похоронено по-человечески, что ползунам до него не добраться. И они похоронили ее. Только после этого Вытчек уже не вернулся. Стап не смог сдержать ползунов. И мы остались вдвоем. Потом ушел и Стап. Он хотел прорваться к Центральной. Лучше бы он ушел зимой. А он ушел в самый разгар лета, когда солнце уже полгода не заходило за горизонт.

— Опять солнце, — прошептал Генри.

— Возьми себя в руки, — тихо сказал ему Свен.

— Да, солнце...

Через минуту Свен сказал Генри:

— Между прочим, солнце за эти четыре с половиной часа действительно не сдвинулось с места ни на йоту.

— И ты тоже, — устало прошептал Генри. — Но у тебя-то на это нет причин.

— Можешь убедиться сам.

Но Генри не сдвинулся с места, только крепче прижал к себе Озу.

— Как приятно тепло человеческого тела, — сказала она.

Винтолет приближался к полупрозрачной пелене воздуха.

16

Эрли бежал по кольцевому коридору, когда впереди раздался выстрел. Стреляли в отсеке связи. Там находилась только Эва. Неужели она не выдержала?

Эрли подскочил к двери и остановился. В двери зияла дыра, противоположная стена коридора тоже была разворочена. Эрли осторожно потянул ручку двери. В отсеке было тихо. Он осторожно сделал шаг вперед и сказал шепотом:

— Эва, это я — Эрли.

Ему никто не ответил.

Он сделал еще несколько шагов. Перед ним стояла Эва с бластером в руке. Она медленно опустила бластер, и он с грохотом упал на пол.

— Эрли, ты должен увезти меня отсюда. Еще немного, и я не выдержу.

— Я не имею права.

— А если бы... ты бы хотел этого. Лэй все время говорила о тебе. Но она не любит тебя. Нет. Мы были подругами. И она мне все рассказывала. Все. Достаточно много, чтобы я стала думать о тебе. Я знала, что ты прилетишь. И я ждала тебя. Может быть, Лэй сделала это нарочно, чтобы кто-то любил и тебя. Она была добрая. Ей самой ничего не надо было.

— Я всегда делал то, что она хотела. А она ничего не хотела для себя, — сказал Эрли. — Я бы увез тебя отсюда, если бы это было возможно.

Она подбежала к нему, обхватила его плечи своими руками и, заглядывая снизу в лицо, сказала: — Правда, Эрли?

Эрли чуть отстранил ее от себя и сказал:

— На Центральной находятся какие-то чужие люди. Несколько минут назад мне об этом сообщил Ник. Он сейчас за ними наблюдает.

— Ты не поверил мне про Эзру и Юмма. Так ведь?

Он кивнул головой.

— А я только что стреляла в них. Но они ушли. Они вроде тень.

— Хорошо, Эва. Когда-нибудь мы выясним, что это было такое. Садись за радиостанцию. Через полчаса должна быть связь с Виртом. А я свяжусь с Ником.

Эрли вызвал Трайкова. Тот сразу же откликнулся, словно ждал его:

— Эрли! Где ты сейчас?

— В помещении пульта связи. Где эти люди?

— Часть на крыше пятого накопителя. Что они там делают, я не могу понять. Остальные поехали к шестому.

— Поехали? На чем?

— У них что-то вроде вездехода.

— Я не знаю, что делать, Ник. Оставаться тебе там или возвращаться сюда. Если бы знать, что они затевают, вообще кто они такие...

— Я пока останусь здесь. Если что, вызову тебя... Одно могу сказать твердо, это не наши, своих я всех знаю.

— Ну хорошо. Будь осторожен, Ник.

Эрли выключил радиостанцию и сказал устало:

— У меня голова идет кругом. И нет времени как следует во всем разобраться. Если это вообще возможно.

— Я понимаю, Эрли, — сказала Эва.

В эту же минуту его вызвал Вирт.

— База уничтожена, — спокойно заговорил Генри. — Практически уничтожена. Там все разрушено.

— Люди?

— Одна... Оза, — сказал Генри шепотом.

— Почему ты говоришь так тихо?

— Она сидит рядом. Эрли, я не могу об этом говорить громко.

— Что с остальными?

— По-видимому, их уже нет в живых. Во всяком случае, Юргенса. Мы его видели.

— Генри, возвращайтесь скорее. Когда будете подходить к Центральной, обогните ее с юга и заходите на посадку над самыми деревьями, прямо к центральному подъезду.

— Понял, — ответил Свен.

— Дело в том, что на Центральной появились какие-то люди. Кто они, я не знаю. Ник наблюдает за ними. Лучше, чтобы они вас не видели. Поняли?

— Слишком много загадок за один день, — сказал Свен.

— День еще не кончился.

— Ну хорошо, через двадцать минут мы будем у вас, — сказал Генри. — Отключаюсь.

Эрли передал микрофон Эве.

— Ну вот... Они нашли Озу. С ней тоже что-то произошло. Генри даже не хотел при ней говорить вслух. А троих уже нет.

Эва медленно поднялась с кресла, глядя в сторону Эрли. Тот

удивленно посмотрел на нее. Что случилось? Девушка подняла правую руку и зажала ею рот, сдерживая крик ужаса. Эрли подошел к ней, чувствуя за спиной неприятный холодок. Он медленно повернулся и почувствовал, как зашевелились волосы на голове, а тело сковал липкий страх.

Дверь помещения была закрыта, а из нее высовывалась фигура Филиппа Эзры. Он словно стоял на пороге в раздумье. Потом он решительно вошел в комнату и направился к передатчику. Эрли подтолкнул Эву в сторону, но она вцепилась в его плечо побелевшими пальцами. А он и сам готов был сейчас вцепиться в кого-нибудь, чтобы избавиться от сковывавшего его страха.

Эзра сделал несколько переключений на лицевой панели передатчика — ни одна ручка, ни один тумблер не сдвинулись с места, — но Эзра манипулировал ими так, словно действительно что-то переключал. Потом он протянул руку к микрофону и поднес ее ко рту, держа пальцы так, словно в руке действительно был микрофон. Но тот остался на столике. Сказав несколько слов в воображаемый микрофон, Эзра, по-видимому, не получил ответа и бросил его на столик. Несколько секунд он стоял, облокотившись на спинку кресла, барабанив пальцами по панели передатчика. Его действия не сопровождались ни единым звуком. Затем он погладил лысый череп ладонью и несколько раз прошелся по комнате, заглядывая в открытые окна.

Эрли стоял затаив дыхание. Да, это был самый настоящий Филипп Эзры. Лысый. С большой головой. В неглаженных, как всегда, брю-

ках. В широкой, свободной блузе с большим вырезом на шее. На ногах зеленые ботинки, которые он не снимал даже на пляже.

Эзра словно ожидал кого-то. Но кого? И вообще, каким образом он мог возникнуть, появиться, если Эва и Эрли уже видели его останки?

За дверью словно кто-то позвал его, он что-то беззвучно крикнул и тут же вышел через закрытую дверь.

— Эрли, — прошептала Эва. — Это последнее. У меня не было никогда галлюцинаций.

— Это не галлюцинации. Это действительно был он. Сначала я подумал, что мне конец... сумасшествие. А теперь я думаю, что это действительно было. Я пойду за ним.

— Эрли, а я?

— Эва, ты будешь сидеть здесь. С минуты на минуту прилетят Свен и Генри. Пусть сразу же идут сюда. Им и Нику пока ничего не рассказывай. Я очень быстро вернусь.

Он открыл дверь и выглянул в коридор. Фигура Эзры мелькнула в левой его части, которая вела к выходу. Стараясь не шуметь, Эрли быстро двинулся в ту же сторону, прошел через несколько коридоров и подземных переходов. Его всюду сопровождала полоска вспыхивающих светильников, а Эзра шел в темноте и прекрасно ориентировался.

Так они дошли до эскалатора, ведущего в главный пульт управления, и поднялись наверх. Дверь по-прежнему была открыта, как ее и оставил Эрли, но Эзра сделал движение, словно открывал ее. Внутри они вошли друг за другом. Эрли ожидал увидеть здесь Юмму

и не ошибся. Вместе Эзра и Юмм начали делать какие-то вычисления на математической машине, надавливая клавиши и перебивая друг друга, но, Эрли это ясно видел, клавиши не двигались.

Потом они развернули рулон бумаги, на нем была изображена какая-то инженерная схема.

Эрли, закусив губу, дотронулся до локтя Филиппа Эзры. Рука прошла через пустое место, не встретив сопротивления.

С юга донесся приглушенный звук приближающегося винтолета. Не оборачиваясь, Эрли вышел из главного пульта.

17

Свен посадил винтолет чуть ли не на ступеньки подъезда Центральной станции. Оза удивленно оглядывалась, не решаясь выйти из машины. Генри спрыгнул на траву и помог ей спрыгнуть на землю. Яркое солнце, опускающееся к закату, мягкая зеленая трава, разбросанные в беспорядке яркие цветы, тенистые кроны деревьев. Оза с восторгом прошептала:

— Я читала, что такое есть, что такое бывает. Но я не представляла, как это чудесно.

Генри обнял ее за плечи и повел вверх по ступеням. Свен повесил за спину два бластера и последовал за ними.

В коридоре, ведущем к отсеку связи, они встретили Эрли.

— Я рад, Генри! — он пожал руку женщине. — Здравствуй, Оза!

— Я — Сеона. Ведь Оза умерла.

Эрли мельком взглянул на Генри и, кажется, все понял.

Генри стоял, опустив голову и держа Озу за руку.

— Ну хорошо. У нас мало времени. Пойдемте в отсека связи. Нам надо высказаться и решить, что же делать дальше.

Свен вошел в пульт связи раньше других и предупредил Эву, что женщина хочет, чтобы ее называли Сеоной. Когда они тоже вошли, Эва поднялась им навстречу и сказала просто:

— Здравствуй, Сеона!

— Здравствуй...

— Меня зовут Эва. Это — Эрли. Ну а других ты уже знаешь.

— Эва. Это очень красиво. Что мне сейчас делать?

— Сеона, тебе понравится смотреть в окно, — сказал Генри. — Я уверен. — Он осторожно отвел ее к окну и усадил в кресло. — Смотри, как там красиво! И нет никаких ползунов и мешков.

Оза затихла в кресле.

Эрли вызвал Трайкова. У него ничего существенного пока не произошло. Эрли попросил его оставаться на месте, но по радио принимать участие в их разговоре.

После этого каждый кратко рассказал о том, что он видел, слышал, какие у него возникли мысли, предположения. Причем по предложению Эрли особое внимание уделялось самым странным, самым необъяснимым моментам.

— Прошло пять часов как мы сели на Отшельник, — сказал Эрли. — Здесь все странно и непонятно. Но я уверен, что у каждого есть какая-то гипотеза, предположение. Кто выскажется первым?

— Прошло семь с половиной часов, — поправил его Свен.

— Нет, прошло пять часов, —

жестом остановил его Эрли. — Это нетрудно установить. Так кто первый?

— Ты, Эрли, и начинай.

— Нет. Я буду последним. Начни ты, Генри.

Вирт несколько секунд помолчал, потом сказал:

— Я не знаю, отчего умерли Эзра и Юмм и что повлекла за собой их смерть. Но на базах просто прорвалась сельва. Был какой-то ураган, разрушивший установки запрета и здания, а остальное докончила прорвавшаяся сельва. Так, во всяком случае, произошло на второй базе. Уверен, что и на всех остальных.

— Одновременно? — спросил Эрли.

— Не думаю, — ответил Генри. — Ураган захватывал одну базу за другой.

— Ураган на всем Отшельнике? — удивился Свен. — Маловероятно. Здесь никогда не было даже сильного ветра.

— На нашей памяти действительно не было. И тем не менее ураган был, — возразил Эрли. — Я видел, что творится вокруг территории Центральной. Завалы высотой в сотню метров. Ураган шел с севера, и, судя по этому завалу, буря была страшная, и она могла пронестись на много тысяч километров к югу. И образоваться ураган мог за несколько тысяч километров от Центральной. Поэтому предположение о том, что базы были разрушены ураганом, мне кажется, объясняет многое. Хотя бы то, что в противном случае люди могли бы добраться до Центральной на винтолетах. Однако этого никто не сделал. Ураган был. Это факт. Не ясно толь-

ко, почему он возник. Что ты еще можешь сказать, Генри?

— Больше ничего. Ураган и сельва. Никто не был готов к этому.

— Хорошо. Свен, ты.

— От Центральной до второй базы я насчитал четыре энергетических барьера. На обратном пути при прохождении каждого нас выплевывало, как пробки из воды. Видимо, барьеры экранируют электромагнитные волны. Поэтому базы не смогли связаться друг с другом и с Центральной.

— Связь прекратилась сразу же после того, как что-то произошло в главном пульте, где были Эзра и Юмм, — вступила Эва. — Потому что, когда я спустилась сюда и попыталась с кем-нибудь связаться по радио, мне уже никто не ответил.

— Получается, что энергетические барьеры возникли одновременно с началом урагана или чуть раньше, — высказался Свен.

— Пожалуй, одновременно, — донесся из динамика голос Николая. — Иначе они успели бы эвакуироваться на Центральную. Но что-то им помешало. Ураган?

— Да, я слышала, как Эзра, когда еще был жив, требовал, чтобы все немедленно возвращались на Центральную.

— Так, значит, был приказ о немедленной эвакуации! Почему ты раньше не сказала? Значит, некоторые уже знали, что будет катастрофа!

— Это было, когда я выходила из помещения главного пульта.

— Значит, сигнал о немедленном возвращении они получили одновременно, — сказал Свен. — А ураган шел с севера. Тогда по-

чему же не успели эвакуироваться базы, расположенные ближе всего к Центральной, особенно южные? Нельзя же предположить, что ураган возник везде одновременно.

— Нет, нельзя, Свен. Я видел завалы. Они только с северной стороны. Значит, ураган шел с севера.

— Тогда надо предположить, что скорость его распространения была несколько тысяч, даже десятков тысяч километров в час. В это я не могу поверить.

— И все же придется, Свен, — сказал Эрли. — Только так можно объяснить, почему, получив сигнал немедленного возвращения, они не успели взлететь.

— Но зато ничто не может объяснить такую скорость распространения урагана.

— Согласен. Но я бы придерживался именно такой версии, — сказал Эрли. — Итак, сразу же после того, как Эзра послал на базы сигнал о немедленном возвращении, возникли энергетические экраны, начался ураган и немедленно сельва прорвалась на все базы. Что ты еще можешь сказать, Свен?

— Мне непонятен один момент. Но это относится к нам. Мы были в полете почти шесть часов. Я рассказывал, что мы делали на второй базе. Этого нельзя было сделать за полчаса.

— Иногда человек делает столько за час, сколько в другое время он не сделал бы и за сутки, — начал Эрли, но Свен его перебил.

— Хорошо. Запишем это в раздел не поддающихся объяснению явлений. И еще. Пока мы были там, солнце за два часа не сдви-

нулось с места ни на одну угловую секунду.

— Секунду ты бы не заметил.

— Ну это я так. Короче, оно не сдвинулось с места.

— Солнце не заходит там полтора года, — тихо сказала Оза, не повернув головы и продолжая смотреть в окно. — Я же вам говорила.

Все замолчали.

— Свен, — сказал Генри, — лучше скажи, что это тебе показалось. Так будет лучше.

— Это мы учтем, — сказал Эрли. — Но это ничего пока не объясняет. И ничем само не объясняется. Что еще, Свен?

— Пока ничего.

— Эрли, признайся, что ты считал меня немного не в себе, когда я говорила об Эзре и Юмме.

— Да, я не верил, что такое может быть на самом деле.

— Может быть, и Свен и Сеона говорят правду. Может быть, это им не показалось.

— Я очень прошу вас, — тихо произнес Генри.

— Эва, теперь ты.

— После того как я увидела останки Эзры и Юммы и осталась одна, я несколько раз встречала их самих. Они ходят по Центральной. Особенно часто они появляются в помещении отсека связи, то есть здесь... Я сегодня даже стреляла в них. Не выдержали нервы. Заряд прошел сквозь Эзру, пробил дверь и стену в коридоре, но он спокойно ушел. Эрли видел их тоже.

— Да, я их видел, — подтвердил Эрли. — Но я не могу объяснить, что это такое. У тебя все, Эва? Пусть тогда скажет Ник.

— Я проверял накопители энергии и увидел их возле пятого нако-

пителя. Они и сейчас там. Я их отчетливо видел. Похоже, они что-то монтируют. Совершенно точно, что они не имеют никакого отношения к тем людям, которые здесь жили и работали раньше. Они все очень смуглые и поджарые, у каждого за спиной какое-то оружие. И еще у них есть вездеход. Он не похож на наш. У него две башни, и из каждой торчит по несколько стволов.

— Что ты думаешь обо всем этом?

— Я предположил, что это какие-то пришельцы. На Отшельнике нет разумной жизни. Даже чего-нибудь близкого к ней. Нет млекопитающих вообще. Значит, они откуда-то прилетели. Может быть, это те, которые были здесь до нас? Они выжидают, когда все люди разлетятся по базам, создают между базами энергетические барьеры, чтобы прервалась связь по радио. Если они в силах создать такие мощные силовые поля, то они могут создать и невиданный ураган, который и разрушил базы. Дальнейшее делает сама сельва. Планета чиста, и вдруг прилетаем мы, когда они уже считают себя хозяевами. И теперь они снова что-то замышляют. Может быть, они хотят взорвать накопители энергии. Тогда на сотни километров вокруг ничего не останется. Вот какая у меня смешная гипотеза.

— Гипотеза интересная. Но почему бы им не уничтожить нас более простым способом? Просто расстрелять из своего оружия.

— Не знаю. Может быть, их слишком мало, и они боятся. Может быть, они не выносят вида крови. Я же сделал только предположение.

— Да, Ник, в твою гипотезу укладывается наибольшее количество фактов. Но не все. Остаются Эзра и Юмм, неподвижное солнце и разность в ходе часов.

— Эрли, но ведь здесь могут происходить два разных события, никак не связанные друг с другом, — сказала Эва. — Разность в ходе часов может быть вызвана чем-нибудь другим.

— Ну а то, что в помещении главного пульта все превратилось в пыль? Примерно на десять-двадцать метров в обе стороны от условной линии экватора. Ведь там все как будто за эти несколько дней прожило столетия. Я провел все до самой границы установок запрета. Это тоже не входит в гипотезу Ника.

— Я же не претендую на абсолютную истину...

— Я понимаю, Ник.

— Может быть, здесь все-таки происходят два события, — сказала Эва.

— Да, придется пока так и считать. Меня только смущает факт, что они совпали во времени. Они должны быть как-то связаны.

18

Эва кипятила чай и делала бутерброды прямо в помещении пульта связи. Все уже давно не ели. Оза оставалась у окна. Иногда Эва вступала с ней в разговор, но он очень быстро заканчивался. Эва несколько раз садилась напротив нее на подоконник и украдкой разглядывала. Она и раньше знала Озу. Внезапно возникшее предположение не давало ей покоя, но она боялась высказать его вслух. Что-то ее удерживало.

В противоположном углу поме-

щения Эрли разбирал содержимое ящика, привезенного со второй базы. Эрли стопку за стопкой перекладывал диаграммы. Бумага часто ломалась, и он действовал очень осторожно. Если бы даже все регистрирующие приборы на второй базе работали день и ночь, то и в этом случае неоткуда было взяться такому количеству документов. Это сразу бросилось ему в глаза. Он все перекладывал пачки графиков, надеясь найти что-нибудь объяснения. Ящик был уже почти пуст, но ничего подобного он так и не нашел. Тогда он начал развязывать пачки, и первая же из них выпала у него из рук. В углу каждой диаграммы стояла дата. Но это были очень странные даты. Первая попавшаяся гласила: «2195-й день со дня катастрофы». Он начал перебирать всю пачку и наконец дошел до 20-го дня. Более ранних дат на диаграммах не было. В одной пачке были записи скорости ветра, в другой — температуры, в третьей — давления, затем ускорения времени для двух датчиков, разнесенных всего на десять метров. Это же было ничтожное расстояние для такого исследования.

Здесь были такие цифры! Особо в первые дни. Да, в первые... Потому что из диаграммы было совершенно очевидно: на второй базе с момента катастрофы прошло не менее пятнадцати лет. Потом записи обрывались. Не было и записей первых дней, видимо, потому, что люди боролись с сельвой за свое существование. Они выжили, и их труд сейчас помогал Эрли разбираться в происшедшем здесь.

Теперь многое встало на свои

места. Теперь ясно, почему Свен утверждал, что солнце за время их пребывания на второй базе не сдвинулось ни на одну дуговую секунду. Ясно, почему они утверждали, что пробыли в полете шесть, а не четыре часа. Они могли пробыть на второй базе несколько дней, а по возвращении узнали бы, что на Центральной прошло все равно четыре часа. Потому что за одни сутки, за один оборот Отшельника вокруг своей оси на широте второй базы прошло полтора года.

— Эва, — позвал он девушку.

Она подошла к нему и села рядом.

— Эва, все, что говорила Сеона, правильно. Она действительно прожила там двадцать лет. Ты удивлена?

— Я не поняла. Но вот что я тебе скажу. Эта девушка не Оза.

Теперь Эрли удивленно посмотрел на нее.

— Она очень похожа на Озу. Удивительно похожа. Но это не Оза. Генри был слишком взволнован встречей с ней, ведь это было просто чудом, что она осталась живой, а потом тем, что Оза, как он думал, лишилась рассудка. Он скоро и сам заметит разницу... Так, говоришь, она прожила там двадцать лет? Когда я поняла, что это не Оза, я подумала: может быть, те, чужие, для каких-то своих целей воспроизвели Озу, жену одного из оставшихся в живых людей. Другого я не могла придумать. А раз ты говоришь... Значит, это дочь Озы. И все, что она говорит, правда.

— Да, кое-что проясняется. Но много и темных мест. Эва, введи в математическую машину эти данные и программу об ускорении

времени на разных широтах Отшельника. Кажется, получится что-то ужасное. Я сейчас спрошу у Генри, где они пересекли энергетические пояса. Может оказаться, что это никакие не энергетические пороги или барьеры. Как ему рассказать все это?

Эрли выбежал из отсека связи и, пробежав несколько комнат, открыл дверь лаборатории записи информации. Генри должен был прослушать здесь записи переговоров с Центральной, сделанные, когда они несколько раз пересекали энергетический барьер.

Генри сидел, уронив голову на монтажный столик. Вокруг него валялись запоминающие кристаллы и магнитная проволока, крутилась пустая кассета магнитофона.

— Генри, — тронул его за плечо Эрли, — я хочу тебе сказать... Ты должен быть мужественным... Это не Оза, Генри.

Вирт поднял бледное, уставшее лицо и несколько раз кивнул головой:

— Я уже знаю, Эрли. Это моя дочь. Сеона. В кольце Озы был запоминающий кристалл. Это кольцо мне передала Сеона. Оза мне все рассказала. Правда, наша встреча длилась всего одну минуту.

— Здесь, Генри, все кого-то или что-то потеряли.

Эрли постоял еще мгновение, молча вышел, но тотчас же вернулся:

— Я хотел спросить тебя, Генри, на каких широтах вы пересекали энергетические барьеры?

Генри назвал широты и добавил:

— Только это были не энергетические барьеры.

— Догадываюсь.

— Это были границы областей,

в которых время течет по-разному. Чем дальше от экватора, тем оно течет быстрее. Слушай.

Он остановил крутящуюся катушку, вставил в нее проволоку и снова включил магнитофон. В комнате раздался резкий высокий вой.

— Это самая нижняя частота голоса Ника. А теперь слушай.

Он переключил скорость. Из динамика донеслось:

— Вызываю Вирта! Я — Трайков. Вызываю Вирта! — Слова повторялись много раз. — Что у вас произошло?

— За первым порогом время течет в двадцать раз быстрее, чем у нас. Во сколько раз оно быстрее за вторым, не знаю. На второй базе оно течет в пятьсот раз быстрее.

— Вот почему вас прижимало на каждом пороге. Время течет быстрее, и поэтому нужно иметь большой импульс энергии, чтобы попасть в него. Вот почему без всякой видимой причины перевернулась «Фиалка». У нее был слишком маленький импульс энергии, — рассуждал Эрли.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Вирт.

— Я передам эти данные Эве, она введет их в вычислительную машину. Когда мы получим результат, то сообщим обо всем Свену и Нику. А что ты скажешь Сеоне?

— Я дам ей послушать вот это, — ответил Генри и разжал ладонь, на которой лежало кольцо с камнем. Он взял в другую руку небольшой аппарат для записи и считывания с кристаллов, и они оба вышли в коридор.

Эрли передал Эве необходимые для решения задачи данные. Генри сел рядом с Сеоней. Она улыб-

нулась ему. Было видно, что она чувствует себя неловко, как каждый человек, очутившийся пусть среди хороших, но все же незнакомых людей.

— Сеона, — сказал Генри, — я не буду тебе ничего объяснять. Меня зовут Генри Вирт. Послушай это. — Он вставил кольцо в зажим и включил аппарат. Раздался печальный тихий голос:

— Здравствуй, Генри. Любимый мой...

Эрли взял Эву за руку, и они вышли из зала.

— Я хотел выяснить возраст останков Эзры и Юммы, — сказал Эрли. — Это нужно сделать обязательно.

— Я могу помочь тебе.

— Нет. Я это сделаю один. Это не очень сложно. Только я не знаю, где находится лаборатория.

— Эрли, тебе придется пройти в северное крыло по этому коридору. Там есть табличка.

— Эва, скоро будут готовы результаты вычислений. Проследи.

— Сейчас мне неудобно входить туда. Я провожу тебя.

— Чудачка. Тут и провожать-то некуда. Все рядом.

— Все равно.

Они успели пройти несколько десятков шагов, когда открылась дверь, из которой показалась голова Генри.

— Куда вы ушли? — крикнул он им вдогонку.

— Иди, Эва. Я скоро вернусь.

Эрли шел по коридору неровными шагами, иногда запинаясь от усталости. Там, где коридор пересекал линию экватора, он не утерпел и заглянул в инженерный зал. Он знал, что увидит там, и не ошибся. Этому залу тоже было несколько сот лет. Всюду лежала

столетняя пыль. Метрах в двухстах дальше по коридору он отыскивал нужную лабораторию и взял в руки небольшой приборчик. Затем на эскалаторе поднялся на верхний ярус Центральной, несколько секунд постоял возле прозрачного купола, пытаясь разглядеть фигурки Свена и Ника на четвертом накопителе, но ничего не увидел.

В главном пульте ему встретились все время о чем-то спорящие Эзра и Юмм. Но он на них уже не обращал внимания. Они жили в каком-то ином измерении времени.

Анализ останков двух людей показал, что они умерли полторы тысячи лет назад. Через пять минут Эрли был в зале связи. Генри в зале не было. Оказывается, его вызвал к себе Свен. Неизвестные что-то затевали. Генри уехал к четвертому накопителю на втором вездеходе.

Эва встретила его в страшном замешательстве.

— Эрли! У них на двадцатой базе прошло около шестисот лет. Их давно уже нет в живых...

19

Свен и Ник вскочили в лифт и понеслись вниз. Николай на ходу передал:

— Эрли! Появился их вездеход. Они спускаются с накопителя. Впечатление такое, что они сейчас двинутся к Центральной. Мы тоже спускаемся к вездеходам.

— Отступайте к Центральной. Постарайтесь, чтобы они вас не обнаружили.

Но их уже обнаружили. Двухбашенный вездеход с десятком дул, нацеленных в разные сторо-

ны, внезапно выскочил из-за четвертого накопителя. Генри бросил свою машину вперед, наперерез, чтобы дать возможность Свену и Нику укрыться за ее броней. Неизвестные, очевидно, не ожидали встреч с кем-либо, и их вездеход резко остановился, закачавшись на рессорах. Генри проехал вперед. Тяжелый бластер лежал у него рядом на сиденье, но на ходу он все равно не смог бы им воспользоваться. Вездеход не был боевой машиной.

Неизвестные несколько минут никак себя не проявляли. Словно в их вездеходе никого не было. Все было тихо. За это время Свен успел поставить свою машину рядом с машиной Генри. Затем вездеход продвинулся немного вперед. То же самое проделали Свен и Генри. Расстояние между машинами сократилось до нескольких метров. Николай обо всем происходящем передавал Эрли.

— Отступайте назад, к Центральной! — кричал Эрли.

— Но тогда они подойдут туда вместе с нами, — ответил Ник.

— Пусть подходят! Здесь нас будет в два раза больше.

— Хорошо.

Неизвестные не проявляли агрессивных намерений. Наоборот, одно за другим исчезли из башен дула неизвестного оружия. Затем один из люков вездехода открылся, и из него показался человек с бронзовой кожей, золотящейся в лучах заходящего солнца. Он что-то крикнул, но слов нельзя было разобрать.

— Эрли, нам тоже выйти? — спросил Трайков.

— Подождите! Генри вам рассказал, что еще нам удалось выяснить?

— Вкратце.

— Так вот слушайте. Эти неизвестные тут совершенно ни при чем. Когда Эзра передал базам сигнал об эвакуации, было уже поздно. Скачком ускорение времени на полюсах Отшельника достигло огромной величины. На двадцатой базе время начало течь в двадцать тысяч раз быстрее, чем у нас, на Центральной. А у южного полюса в двадцать тысяч раз медленнее. К экватору градиент медленно убывал. Это и вызвало невиданный ураган. Воздух из области быстротекущего времени вытеснялся в соседнюю, где время шло медленнее. Ураган практически мгновенно охватил все северное полушарие. Затем плавная кривая изменения ускорения времени сменилась ступенчатой. Там, на границах, и сейчас бушуют ураганы. Все базы оказались разрушенными почти мгновенно. Остальное сделала сельва. Неизвестна причина временного скачка. Но новый необъяснимый факт — эти неизвестные. С баз они добраться не могли, потому что если там кто и уцелел после урагана, их уже нет... Несколько десятилетий или столетий. Эти неизвестные не имеют отношения к Отшельнику.

Человек с бронзовой кожей уже стоял перед вездеходом Генри и что-то показывал знаками.

— Кажется, он просит впустить его в машину, — сказал Генри. — Впустить? У него нет оружия. И вообще, мне кажется, они настроены миролюбиво.

— Пусть сначала объяснит, что им нужно.

Генри до половины высунулся из люка и попытался знаками спросить, что им нужно, но у не-

го ничего не получилось. Тогда он просто спросил:

— Что вам нужно на Центральной?

Бронзовый человек подошел совсем рядом к вездеходу. Генри повторил свой вопрос.

— Козалес! Нужно Козалес!

Генри на мгновение остолбенел, потом справился с охватившим его удивлением и передал в микрофон:

— Эрли! Им нужен ты.

— Я? Они что, говорят на нашем языке?

— Во всяком случае, я его понимаю.

— Возьми его в кабину и езжай скорее сюда. Свен пусть пока со своей машиной останется на месте. Вездеход неизвестных лучше пока не пускать сюда.

— Я понял, — ответил Генри и знаком показал человеку, что он может влезть в его машину.

Через несколько минут они были возле главного входа в Центральную станцию. Оба молчали. Генри провел неизвестного в зал связи. Неизвестный немного испуганно переступил порог и сказал:

— Здравствуйте! Мне нужен Козалес.

— Это я, — ответил Эрли, вставая с кресла.

Неизвестный быстро подошел к нему и протянул руку для пожатия. Эрли недоверчиво пожал ее.

— Мы добирались сюда около трехсот лет, — сказал неизвестный, — во всяком случае, в Большом Городе прошло триста лет. Нас послал Констак. Его, правда, нет уже в живых. Он умер давно-давно. Но он оставил нам программу действий. И до нас посылались экспедиции. Но, очевидно, они не дошли, раз это еще существует, — и он развел руками.

— Что существует? — переспросил Эрли.

— Эта станция. Мы должны взорвать ее. Так говорится в программе Констака.

— Кто такой Констак и что это за Большой Город?

— Констак был великий ученый. Разве вы его не знаете?

Эрли улыбнулся:

— Как же я могу его знать, если вы сюда добирались триста лет. Меня тогда еще и не было. Ну а что это за Большой Город? Плана нета?

Неизвестный отрицательно покачал головой.

— Солнечная система?

— Нет...

— Тогда что же? Галактика?

— Нет... Нужен глобус.

Но глобуса, к сожалению, поблизости не оказалось.

— Понимаете, это бывшая база. Когда-то от Центральной до нее можно было добраться за десять часов. А теперь нужно триста лет. Мы не физики. Мы только выполняем программу Констака. Там сказано, что если мы не сможем взорвать накопители сами, то должны найти Козалеса. У нас есть письмо. Только оно очень старое. Его нужно читать очень осторожно. Его писал сам Констак.

— Каким видом транспорта вы добрались от Большого Города до Центральной?

— Мы шли на вездеходах. У нас было пять вездеходов. Дошел только один. Остальные погибли.

У Эрли голова пошла кругом. Да ведь они с двадцатой базы! Но за триста лет там все должны были умереть. Откуда же они тогда взялись?

— Констак — это Конрад Стаковский?! — крикнул он.

— Да. Это Конрад Стаковский. Но он обычно называл себя Констак.

— Свен! — крикнул Эрли в микрофон. — Веди сюда свой вездеход. И вездеход этих людей сюда. Это наши! Они с двадцатой базы!

— Как с двадцатой? Что, опять новая гипотеза?

— Нет, Свен, старая! Теперь все ясно. Веди их скорее сюда!

Бронзовый человек смущенно оглядывался вокруг.

— Сколько человек в вездеходе?

— Одиннадцать. Я двенадцатый. Восемь человек погибли.

— Как вас зовут?

— Энрико.

— Вы, наверное, чертовски голодны? Да и мы тоже. Эва и Сеона! Я хочу просить вас...

Девушки уже все поняли: они включили и настроили автоматы для приготовления еды.

Вскоре в Центральную ввалилась шумная ватага бронзовых людей. Свен и Ник недоверчиво шли позади с бластерами за спиной.

— Выбросьте эти игрушки, — сказал им Эрли.

Когда все немного поутихло, Энрико рассказал:

— После того как на базе получили сигнал об эвакуации, там сразу же возник невиданной силы ураган. База была разрушена. К счастью, это была самая многочисленная база. На ней было четырнадцать человек. В первые же минуты недосчитались одного... Остальные успели укрыться в подвальных помещениях станции. Выйти из этих подвалов удалось только через пять лет. И только

через тридцать лет они более или менее очистили территорию базы от сельвы, но перед ними встала проблема голодной смерти. Конрад Стаковский к этому времени умер. Постепенно они нашли способ перерабатывать ползунов и мешки во что-то отдаленно напоминающее пищу. Потом наступила сорокалетняя зима и ночь.

— Но ведь все, кто был на этой базе, должны были умереть?

— Конрад Стаковский с самого начала знал, что произошло на Отшельнике, и наказал, что кто-то должен добраться до Центральной. Те, кто жил на базе с самого начала, не могли и мечтать об этом. И женщины рожали детей. Через триста лет, когда мы уезжали, там было уже около шестисот человек. Сейчас, наверное, гораздо больше. Но Отшельник должен погибнуть. На Отшельнике образовался генератор времени. Его излучающее кольцо проходит по экватору. Как только время на полюсе Отшельника сровняется со временем, которое прошло в этом кольце, наступит насыщение и Отшельник взорвется. Когда это произойдет, Стаковский не знал.

— Через пятнадцать дней, — сказал Эрли. — Этому излучающему кольцу полторы тысячи лет.

— Нужно разорвать его на возможно большем расстоянии. Для этого нужно взорвать накопители энергии, взорвать Центральную. Мы выяснили запасы энергии. Этого достаточно, но мы не знаем схемы соединения накопителей. На базе этого никто не знал. Там не было инженеров. А ждать пятнадцать дней нельзя. Надо взорвать Центральную как можно раньше. Большой Город еле сводит концы

с концами. Им там приходится очень плохо.

— Можно забросить им продовольствие на винтолете, — сказал Свен.

— Нет, — ответил Эрли. — Энергетический барьер там очень высок.

— А «Фиалка»?

— «Фиалка» может садиться только на малой скорости. Кроме того, там нет посадочной площадки.

После обеда все немедленно принялись за работу. Основная часть людей под руководством Эрли грузила на «Фиалку» различные ценные приборы, оборудование, материалы исследований, все необходимое для того, чтобы колония Отшельника после уничтожения Центральной смогла просуществовать до прихода «Варшавы».

Схема соединения накопителей не была найдена. Это значительно усложнило задачу. Пробуя распутать этот клубок, они могли провозиться и не пятнадцать дней.

И тут Эрли вспомнил, что было изображено на рулоне бумаги, которую он видел у Эзры и Юммы. Теперь он уже не сомневался, что они живут в каком-то ином измерении времени, где, кроме Центральной и их двоих, никого и ничего не существует. Они понимают, что с ними произошло, потому что они руководили этим экспериментом. А то, что это был эксперимент, Эрли догадывался. Оба они представляли последствия эксперимента, когда он вышел из-под их контроля.

Эзра и Юмм чаще всего появлялись в главном пульте и зале связи, как бы предполагая, что там должны быть люди. Они часто разговаривали теперь уже не суще-

ствующую для других схему, как бы приглашая срисовать ее. К за-
кату солнца так было и сделано.

А в полночь все было готово для взрыва.

На «Фиалке» должен был взлететь Трайков и оставаться на орбите спутника Отшельника до тех пор, пока где-нибудь не будет подготовлена посадочная.

Остальные должны были лететь на винтолетах. Их нужно было обязательно сохранить. Конрад Стаковский разработал программу взрыва накопителей энергии таким образом, чтобы ускорение времени, положительное и отрицательное, исчезло не скачком, а плавно. Нужно было избежать второго разрушительного урагана.

В начале первого ночи стартовала «Фиалка». Вскоре они услышали спокойной голос Трайкова:

— Все в порядке.

После этого с Центральной стартовали два грузовых винтолета с людьми. Их вели Эрли и Свен. Остальные винтолеты взлетели без пилотов. В них была заложена программа полета.

Вместе с Эрли летели Эва и несколько бронзовокожих людей с двадцатой базы.

— Вспомнил! — вдруг услышали они голос Трайкова. — Вспомнил, где я видел эти качели! Они же изображены на стенах Центральной! На самом экваторе ровная полоска, параллельная земле. А чем дальше к северу или югу, тем больше угол наклона этих качелей. И знак угла разный. У северного полюса положительный, у южного — отрицательный.

— Жаль, что поздно возвращаться, — сказал Эрли. — Странно. Ведь все видели их, а из сознания ускользало.

Винтолеты летели плотной группой, удаляясь по экватору на восток и забирая чуть-чуть к северу.

20

Они удалились от Центральной километров на пятьсот, когда раздался взрыв. Ночное небо озарилось яркой вспышкой.

Через час в эфире раздались слова:

— Почему эвакуация? Эзра, что там у вас?

Это говорили с девятнадцатой базы, расположенной почти у самого южного полюса. У них там с момента катастрофы прошло несколько минут.

Эрли нервно улыбнулся.

— Скажи им, Эва, чтобы все оставались на своих местах. Генри передаст им сообщение.

Потом они летели по направлению к двадцатой базе.

Эрли включил автопилот и вытащил из кармана два письма. Одно было от Конрада Стаковского, второе — от Лэй.

«Здравствуй, Эрли! — писала Лэй. — Мне так хотелось бы увидеть тебя еще раз...»

Он сложил письмо, хотел разорвать его, но передумал и положил на колено сидевшей рядом Эвы.

— Когда-нибудь прочтешь, — сказал он.

Она отрицательно покачала головой.

«Эрли! — писал Конрад Стаковский. — Мы все же добились того, чего хотели. Мы можем управлять временем. Я уверен, что ты продолжишь наше дело. Представляю себе, что ты создашь установку, на одном полюсе которой время будет ускоряться, а на другом замедляться. Эксперименты,

на которые раньше людям нужны были годы, теперь можно будет проводить в считанные секунды. Я даже не могу себе представить, как далеко шагнет вперед человечество, приручив время, заставляя его течь по своему усмотрению.

...очень жаль, что это открытие повлекло за собой катастрофу. Но я уверен, что ты продолжишь работу, я постараюсь помочь тебе...

Если же страсть журналиста пересилила в тебе физика, вот начало твоей книги.

Мы так и не узнали, что за цивилизация оставила на Отшельнике свой след. Может быть, и не было никакой другой цивилизации? Может, через двадцать лет эта установка будет сооружена на Земле и окажется перенесенной сюда на Отшельник, сдвинутая во времени. Ведь на Земле уже давно ведутся работы, связанные с попытками управлять временем. Эзра и Юмм были заражены этой идеей. Мы долго не могли понять, что представляют собой Центральная, ее накопители энергии, базы. А потом мы открыли излучающее кольцо Отшельника и постепенно пришли к выводу, что на этой установке можно экспериментально проверить возможность взаимного превращения пространства и времени. Основная часть экспедиции занималась изучением Отшельника, пытаясь выяснить, кто же все-таки побывал на Отшельнике. В одном из многочисленных помещений Центральной были найдены рабочие записи. Обычные рабочие записи, из которых немного что поймешь, но все же. И мы поняли, что кто-то уже пытался заниматься экспериментами с пространством и временем. Самое странное было

в том, что рабочие записи были сделаны на земном языке. И в нескольких местах стояла твоя подпись. Я разговаривал с Лэй. Она сказала, что у нее не было никаких твоих записей, никаких документов, ничего твоего. Я не мог понять, где бы ты мог заниматься подобными экспериментами. Мне о них ничего не было известно.

К нашему эксперименту мы готовились долго и тщательно. Через четыре дня после того, как «Фиалка» стартовала с Отшельника, Эзра настоял на том, что можно начинать эксперимент.

Это должен был быть тот самый эксперимент — взаимные превращения пространства и времени. На Центральной остались только Эзра, Юмм и Эва. Остальные на винтолетах вылетели на базы. Это должен был быть колоссальный эксперимент, и нам не хватало людей.

Одиннадцатого в семь ноль-ноль все двадцать баз доложили, что готовы к проведению эксперимента. Эксперимент начался в семь пятнадцать. Эзра отдавал команды по внешней связи и включал накопители энергии. Юмм немедленно обрабатывал результаты эксперимента на вычислительной машине и вносил корректирующие изменения в программу эксперимента.

Примерно до восьми часов все шло, как и в предварительных небольших экспериментах... Накопители израсходовали семьдесят процентов энергии, а изменения кривизны пространства в локальной области Отшельника не наблюдалось. Эзра начал нервничать. Примерно в восемь часов ноль три минуты приборы отметили искривление пространства. Ускорение времени было равно нулю. Эзра ре-

шил прекратить эксперимент, Юмм настаивал на продолжении. Через минуту выяснилось, что их спор бесполезен. Эксперимент вышел из-под контроля. Эзра выключил накопители, но искривление пространства осталось. Это подтвердили все двадцать баз. Затем искривление пространства исчезло, но началось ускорение времени, особенно заметное на экваторе. На полюсах ускорения времени не было. В восемь часов десять минут ускорение времени прекратилось, и приборы зарегистрировали искривление пространства. Ускорение времени было небольшим. Одна секунда за час.

Эзра передал всем, что эксперимент вышел из-под контроля и все должны приготовиться к возвращению на Центральную.

Раскачивание системы пространство — время продолжалось еще двадцать две минуты... Потом уско-

рение времени начало стремительно нарастать. Связь между базами и Центральной прервалась... Прошло уже пять лет, а мы еще не вышли из подземелья. Эрли, а что, если это были твои будущие рабочие записи? Ведь тогда нам не надо искать другую цивилизацию, ведь тогда все это сделали мы сами. Эрли, ты должен научиться управлять временем...»

Впереди уже была видна вторая база.

— Эрли, — сказал Генри. — Я хочу задержаться здесь на несколько минут... Ты понимаешь меня?

— Да, Генри, — и он выключил микрофон.

Четырнадцать винтолетов застыли на одном месте, а один, сделав крутой вираж, пошел на посадку. В лучах восходящего солнца он казался маленьким золотым жуком.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

Шальмугровое яблоко

И сказал Царь: «В сих лесах заложу
я город и нареку его Калавагара, ибо
во спасение людям дали боги древо,
именуемое Шальмугра, или Калав...»

Индийская легенда

«ПАСПОРТ ПА XXIII 725449»
Действителен по 1.IV 1955 года.
Имя, отчество, фамилия:
КОНОПЛЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ
Время рождения: 1904 год 31 июля
Место рождения: г. Ржев
Кем выдан паспорт:
35-м отделением ЛГМ,

19 сентября 1945 года в Ленинграде, на стадионе «Динамо», во время упорной борьбы между командами «Зенит» и МВО бухгалтер артели «Лензмальер-Цветэмаль» Андрей Андреевич Коноплев, опустив руку в правый боковой карман своего песочного цвета летнего пальто (он хотел достать носовой платок, чтобы отереть с лица пот своего чрезмерного болельщичества), нащупал в кармане незнакомый круглый предмет — что-то вроде мандарина, завернутого в листик плотной хрустящей бумаги. С удивлением вынув эту вещь, главбух Коноплев, мужчина немолодой, но еще видный, яркий любитель и футбола, и всевозможных других видов спорта, болеющий с ожесточением за «Зенит», некоторое время недоуменно смотрел на нее.

Бумажка — вроде тех, в которых, бывало, еще до революции, в коноплевской нежной юности, привозили из-за границы апельсины, — полупрозрачная, с каким-то неясным рисунком по ней, развернулась. И на ладони Коноплева лежал неведомо откуда взявшийся плод, вроде яблока или, может быть, недозрелого граната, но покрытый пушком, как персик. От его тонкой кожицы шло легкое, диковатое благоухание. Указательный и большой пальцы Коноплева чуть-чуть липли, точно прикоснувшись к цветку «смолянке». Бумажный листок, довольно помятый, казался капельку промасленным этой смолкой. А поперек него, поверх неясных рисунков, виднелись косые штрихи сделанной крупным

почерком синей карандашной надписи:

«ЭТО — ПЕРВОЕ, — удивляясь все больше и больше, прочел Андрей Андреевич. — В день ТРЕТЬЕГО ТЫ ПРИДЕШЬ КО МНЕ, ЗОЛОТОЛИКАЯ!»

Брови главного бухгалтера поднялись, лицо выразило полное недоумение. Однако минуту спустя оно слегка прояснилось — неуверенно, но как бы по некоторой догадке. «Контр-адмирал! — подумал Андрей Андреевич. — Кому же, кроме него? Вот лихой мужик! «Золотолика, а?» Это он, наверное, вместо своего кармана да в мой опустил... Надо же! Даже неудобно...» С обычной своей осторожной вежливостью он коснулся золотого шеврона соседа:

— Товарищ Зобов, ваше? Карманом ошиблись, а?

Адмирал, нехотя оторвав взгляд от штрафной площадки МВО, недовольно покосился на то, что ему протягивали. Два тайма прошли вничью, и адмирал сейчас болел еще более страстно, чем обычно: оставались считанные минуты до свистка. В перерыве контр-адмирал даже выпросил у второго своего постоянного соседа, Эдика Кишкина из 239-й школы, отличную милицмейскую свистульку и теперь нетерпеливо жевал ее конец крепкими зубами.

— Мое? Что мое? — пробормотал он. — Это? Ничуть не бывало! Э, дробь, дробь! * Дай-ка сюда...

Вдруг заинтересовавшись, он быстро снял пенсне и вгляделся поближе в золотисто-коричневый плодик.

— Те-те-те, дорогой товарищ!

* Дробь! — на флоте: «Стоя! Остановка!»

А откуда оно у вас? Где вы его взяли? Да вы же богач! Знаете, что это такое? Ей-богу, это ШАЛЬ-МУГРОВОЕ ЯБЛОКО! Ведь оно...

Вероятно, он имел в виду закончить свое объяснение, но в эту как раз секунду весь стадион взорвался. Знаменитость тех далеких годов Борис Чучелов, обойдя эмвевскую защиту, ринулся к воротам противника... Мяч свистнул, как ядро. Гол в верхний левый угол был забит великолепно.

Незачем описывать, что случилось. «Горка», холм на южной стороне стадиона, который тогда входил в зону оккупации мальчишек, превратился в вулкан. Да и на всех секторах болельщики сорвались с мест: гол только на полторы секунды опередил свисток, закрывавший матч.

Десятки неистовых перескочили невысокий барьер. Кто-то справа изо всей силы бил Коноплева по плечу довольно тяжелым и длинным пакетом. Высокий парень, явно под мухой, бежал по проходу, размахивая поллитрой.

— Боря! — ревел он, ничего не видя перед собой. — Боря, друг! Чучелов! Да я... Да мы за тебя... Боря, выпьем...

Человеческая волна подхватила и завертела Андрея Андреевича. Он и сам в восторге размахивал руками и кричал что было сил. Когда же первый порыв иссяк и он оглянулся, контр-адмирала поблизости уже не было...

Теперь между двух опустевших скамей стоял только высокий человек в песочного цвета пальто и мягкой шляпе и в странном смятинии глядел на лежавший у него на ладони непонятный плод.

— Шаль-муг-ровое?! — наконец проговорил он. — «В день треть-

его ты придешь ко мне». Кто придет? К кому придет? А что значит «ЗОЛОТОЛИКАЯ»?

Главбух «Ленэмальер-Цветэмали» Коноплев никогда не слышал такого слова: «Шальмугровое». Взятое само по себе, оно не должно было бы вызвать в нем решительно никаких особых ощущений... Ну, вот яблоко какое-то... Ну, по очевидной ошибке подложили ему в карман в толпе... Допустим даже, оно шальмугровое: бывают же разные там антоновские, шафранные; почему бы не быть и «шальмугровым»? Однако все-таки что-то в этом внезапном появлении такого странного плода приятно поразило его. Что? Почему? Нет, он не мог так просто ответить на это...

Поднеся золотистый шарик к довольно крупному носу своему — «У тебя кавказский нос!» — говорила, бывало, жена, Маруся, — он еще раз понюхал тонкую кожицу у деревянистого торчка... Станный запах! Очень странный, ни на какой другой не похожий. Тонкий, горьковато-сладкий, самую капельку терпкий душок... Когда, где, при каких обстоятельствах мог он слышать раньше подобный запах? Совершенно ясно — никогда... Но почему же?..

Он еще раз прочитал надпись на бумажке: «Это — первое. В день третьего ты придешь ко мне, Золотолика!»

Он нахмурился. Как это понять? «Золотолика» — это что, подпись или обращение? Кто придет? Кто-то к Золотоликой или Золотолика к кому-то? Так начеркано, что очень трудно разобрать: после «придешь ко мне» — точка или запятая? Да и бумага не для писания: какая-то вроде как гоф-

рированная, и похоже, не то японская, не то китайская...

Был осенний, но еще очень теплый вечер. Быстро темнело и смеркалось, однако золото и кровь заката еще ярко отражались в водах обеих Невок. И если бы кто-нибудь со стороны посмотрел на тихую воду речных протоков, он увидел бы, как над нею по невысокому берегу шагает, отображаясь в ее глади, высокий, «прилично одетый» человек. Можно было душу прозакладывать, что это обычный советский гражданин, двигаясь вдоль берега Средней Невки, торопится встретить свой — безусловно, самый обычный, ничего особенного с собой не несущий, — завтрашний день.

Знакомые удивились бы: смотри-те, Андрей Андреевич! Симпатичный дядя, хотя и службист. Тихоня, малоразговорчивый, любитель разных там Шерлоков Холмсов да Луи Буссенаров, год рождения одна тысяча девятьсот четвертый... Кто-либо в Ленинграде когда-нибудь видел Андрея Коноплева торопящимся? Бухгалтер; у него каждая минута заблаговременно рассчитана...

Сам А. А. Коноплев тоже давно уже не помнил себя бегущим. Был один такой случай под Каховкой... Но ведь это было в 1919 году, в отрочестве, во дни, когда над мальчишкой грохотала гражданская война... Значит, и было-то вроде как с другим человеком...

Нет, Андрей Коноплев никогда никуда не бегал ни в прямом, ни в переносном смысле слова. Побуждение такое было двадцать лет назад, накануне записи в загсе с Марусей, но и то не осрамился,

не разыграл Подколесина, и, в общем-то, правильно сделал... Да, можно прямо сказать, что с того времени, с двадцати двух лет, с 1926 года, так уж — шагом идущая — сложилась вся его жизнь: просто, прямо, неторопливо, без всяких особенных приключений и тайн, если не считать тех, которые он вычитывал из потрепанных страниц старого Конан-Дойля или с большим трудом, из-под полы доставаемого, изданного до войны в Латвии или Эстонии лондонского борзописца Уоллеса.

Вокруг коноплевской квартиры бушевали бури, вздымались волны, гремели громы. Мир кипел, а семья Коноплевых плыла через бурные тридцатые годы тихо и просто, как судно, попавшее в штилевой центр тайфуна...

Андрей Андреевич быстро опустил руку в карман в смутной надежде... Нет, яблоко лежало на месте: это не был сон. Случай? Престранный случай, черт возьми. И почему контр-адмирал так прореагировал: «Вы что, разбогатели очень?» Шальмугровое яблоко?! Что это — сорт такой новый? А кроме того, почему?..

Он осторожно вынул яблоко и в который раз внимательно оглядел его со всех сторон. Вид его не говорил ему ничего, но вот запах, запах... Определенно было что-то такое, что когда-то, где-то пахло именно так. Только что, где, когда? Фу ты, как неприятно такое странное, ни с чем не связанное, ничего не говорящее полуощущение, полувоспоминание... Надо во что бы то ни стало завтра же отыскать телефон адмирала и спросить его в подробностях. Может статься, это и впрямь какая-нибудь ценность? Может быть, кто-

то потерял его и ищет теперь понапрасну... Ну, может быть, в толкотне, в трамвае, в троллейбусе... Кто-нибудь влопыхах опустил странный плодик в карман соседа. В его, коноплевский, карман...

Да, но не давать же, на самом деле, объявление в газетах: «Пристало шальмугровое яблоко бурой масти...» Смешно!

Как бы там ни было, но бухгалтер «Ленэмаляера» А. А. Коноплев сошел с троллейбуса у себя дома, на площади Труда, почти успокоенный. С какой стороны все это может его, Коноплева, касаться? И... может быть, даже и жаль слегка, что не может... «В день третьего ты придешь ко мне, Золотолик-ка!» Ведь кто-то кому-то писал эти раскаленные слова. Кто-то кого-то называл таким именем — Золототлика... Или это из какого-нибудь приключенческого романа, которыми так увлекался тихий бухгалтер Коноплев? Да, в романах такие вещи случаются, но вот так, в жизни, это если и может произойти, то уж никак не в артели «Цветэмаль», не в Замятином переулке, не в «доме, где управхозом тов. Григорьев Н. М.».

В смутноватом настроении своем Андрей Андреевич прошел по бульвару, где еще опадали желтые листья вязов и лип, свернул в переулок, пересек Красную улицу...

Дома все было в порядке, хотя Маруся еще не вернулась. Светочка же мирно зубрила свою древневерхненемецкую чертовщину под большой лампой с красным шелковым абажуром. Из кухни раздавалось бравурное пение: там Раечка Серебрянкина, милая-милая подруженька, без лишних церемоний жарила яичницу на одну персону. На тахте, подогнув длинные

ноги, спала, положив под щеку вторую часть «Фауста», вторая прилечьница, Рэмочка — Революция — Электрификация — Мир. А самое показательное — Светлана не залебезила, не стала ходить на задних лапках: «Папочка, папочка!», а небрежно уронила с древневерхненемецким выговором что-то вроде «гут морген, фатэр». Значит, совесть у нее была чиста.

Повесив пальто на вешалку, Андрей Андреевич достал из его кармана и яблоко, и ту записку.

— Был у нас кто-нибудь сегодня вечером?

Светлана даже глаз не подняла:

— Юрка приходил. Мы его выставили: мешает... Да, к тебе приходил какой-то тип, вроде корейца или японца. Принес пакетик, говорит — от знакомых. Да там. На письменном...

— Пакет? Мне? Что, из артели?

Отложив рассказы и показы на потом, Андрей Андреевич, слегка удивленный, прошел в комнату. Пакеты на дом со службы он получал разве только в далекие довоенные годы, но тогда и служба у него была не «Ленэсмальер».

...В их с Марусей комнате было полутемно. На большом столе горела его собственная старинная канцелярская лампа с зеленым фаянсовым колпаком: с трудом, но отстоял ее от своих дам. Справа, на грудке отчетных «дел», лежали счеты; слева, на краю стола, стоял и арифмометр, не пользовавшийся особой симпатией хозяина. А посреди стола на розовой глянцеви-той бумаге был небрежно положен небольшой, туго перевязанный поверх серо-желтой оберточной бумаги пакет.

Не без недоумения — на пакете

не было ни адреса, ни какой бы то ни было надписи — Коноплев разрезал перочинным ножичком своим прочную, крепко витую, вроде как сизалевую бечевку. Бумага, похрустывая, развернулась. Два предмета оказались внутри: плотная книжка в сером парусиновом переплете с кожаной застежкой-хлястиком и совсем небольшой, почти кубический, лакированный черный ящичек, похожий на китайские или японские, но с каким-то совсем неизвестным — не то растительным, не то геометрическим — тускло-цветным орнаментом. Однако Коноплев не успел даже приглядеться к этой шкатулочке. Он, не веря себе, смотрел на книжку. По грубой холстине ее корки было химическим карандашом по мокрому написано: «А. Коноплев. Дневник № 2».

Что это могло значить?

Руки Андрея Андреевича задрожали. Торопясь, не сразу догадываясь, что и как нужно сделать, он сдвинул тоненькую дощечку-крышку. Красная внутренность ковчежка полыхнула горячим светом. В этот же миг бухгалтер Коноплев тяжело опустился на свое старое, покрытое вытертым коврином рабочее кресло. В коробке, на слое какой-то сероватой ваты или скорее растительного пуха лежало точно такое же буро-золотистое яблоко, как то, которое он все еще держал в руке. Синие буквы замелькали перед ним: «Это — второе. В день третьего ты придешь к Золотоликой...»

В столовой громко пробили стеновые часы с башенным боем. Светочка двинула стулом по полу, взбираясь на него с ногами. Рая Серебрянкина на кухне громко пела про какие-то голубые глаза...

Андрей Коноплев, человек средних лет и средней жизни, ничего не видя, смотрел в окно, где за темным стеклом отражались в неясной воде фонари Василеостровских линий — Второй и Третьей... Больше ничего там не было видно...

ГЛАВА II

ОТ СМЕШНОГО ДО ВЕЛИКОГО...

В тот ветренный, еще не холодный, то дождливый, то ясный осенний ленинградский день смешное и обыденное вдруг ни с того ни с сего надолго ушло из жизни бухгалтера А. А. Коноплева. Ушло, как какая-нибудь подвижная кулиса в театре, даже не стукнув... Реалистическая бытовая повесть на полуслове перешла в причудливый гротеск, в фантазмагорию. И все это — без всяких видимых причин.

Вот тут интересно спросить у вас, читающих эти строки: замечали ли вы довольно существенную разницу в мужском и женском отношении к литературным произведениям? Наблюдали ли вы, что женщинам — от девочек-подростков до самых солидных дам — более всего привлекательны бывают те из них, в которых описывается нормальный, естественный, постоянный и привычный ход событий.

Пока все идет «как всегда», до тех пор им и читать интересно. Даже в «Робинзоне Крузо» девочек больше всего привлекают страницы, которые содержат описания Робинзоновой «дальней фермы» — почти такой же, как у любого английского йомена! — или заботливого комфорта его уютной пещеры.

Даже в жюль-верновском «Таинственном острове» из всех чудес им всего сильнее импонирует теплый и очень похожий на многокомнатную городскую квартиру с лифтом Гранитный Дворец.

Женщинам холодновато с Площадки Далекого Вида созерцать Мысы Челюстей, окаймляющие Залив Акулы. Они предпочитают, подняв за собой веревочную лестницу, заглянуть на кухню негра Наба: добрый Навуходоносор развел там такую чистоту, как у лучшей хозяйки в большом городе... Разве не интересно?!

Нас, мужчин, и лучшую часть мужчин — мальчишек — привлекает иное. Наша литература начинается там, где появляется слово «вдруг». «ВНЕЗАПНО течение реки сорвалось в ревущую бездну... Это и было то, что теперь называется водопадом Виктории...» Ух, как замирает при этом мальчишеское, мужское сердце!

«Неожиданно из кустов прыгнул тигр...» «Против всяких ожиданий на воротах спокойного английского сквайра (или купца, неважно) начали появляться пляшущие фигурки...»

Вот это всё — для нас, и тот из нас, у которого доля таких «вдруг» ослаблена в реальной жизни, тот чаще всего начинает жадно разыскивать ее в рассказах про другую, про чужую жизнь... Когда же к нему, в его тусклое окошко, заглядывают сквозь стекло чьи-то фосфоресцирующие глаза; когда сухой стук ни с того ни с сего раздается ровно в полночь у двери с парадной лестницы, на которой еще с дореволюционных времен сохранилась закопченная бело-голубая круглая бляха страхового от огня общества «Россия»

(а кому и зачем пришло бы в голову ее снять?); когда без всяких предупреждений посредине двора, против окон дворницкой развешается щель и оттуда начинает хлестать какой-нибудь «синий каскад Теллури», — тогда этот давно уже плывущий в штилевых водах человек и пугается сразу, и впервые испытывает толчок непередаваемого, незнакомого, но и желанного наслаждения.

В этот миг он вдруг начинает жить.

И теперь, осенним вечером, когда в тихий, давно уже стоящий неподвижно, без всяких водопадов и водоворотов, прудик его жизни на Замятином одно за другим шлепнулись два шальмугровых яблока, он задохнулся от изумления, смешанного с оторопью и смутной надеждой... На что?

Полчаса спустя, когда резкость первого впечатления сгладилась, Андрей Андреевич, вдруг решаясь — он не был, вообще-то говоря, трусом, нет! — потянул к себе книжку, переплетом своим напоминавшую «этюдники», которые по старой традиции предпочитают всему другому художники. Он отстегнул кнопку и открыл тетрадь...

Да, это был дневник, написанный сначала чернилами, потом — химическим карандашом, потом чем-то напоминающим китайскую тушь, потом опять химическим. На внутренней стороне верхней корки был наклеен ярлычок: «Магазин № 7. КАНЦБУМАГА. Москва, Ильинка, 22».

Коноплев слегка пожал плечами: что до него лично, ему не случилось ни разу в жизни побывать в Москве...

Развернув книжку, он присталь-

но, придирчивым взглядом опытного счетного работника, которому неоднократно случалось участвовать в ревизиях и экспертизах, взгляделся в почерк. Очень странная вещь: почерк этот показался ему не то хорошо знакомым, не то... Да, пожалуй, похожим на его собственный. Вот такое же, как у него самого, «к». Вот, бесспорно, привычное ему начертание выскокого «д»... А вместе с тем писал, безусловно, не он; это было совершенно ясно.

Дневник начинался (в этом не было ничего странного: на обложке ведь стояло «Дневник № 2») с полуслова:

«...зит неминуемая гибель. Римба кишит змеями; хорошо еще, что нет крупных хищников...»

Страницей дальше был довольно грубо набросан какой-то план. Две речки, извиваясь, сливались в одну. Между их руслами был обозначен лес по болоту — Коноплев знал эти условные знаки, потому что когда-то, еще юнцом, работал счетоводом в лесозаготовительном тресте. Справа, около изогнутой стрелки, было написано: «Нижная роща казуарин». Слева, в углу странички, виднелась намеченная несколькими горизонтальными линиями возвышенность: «Вулкан Голубых Ткачиков», — поясняли полустертые слова...

На одном, по-видимому южном, склоне вулкана темнел обведенный кружком крестик. И вот, увидев этот крестик, главбух Коноплев почувствовал, как у него между лопатками точно бы скользнула холодная змейка. На миг, на один миг, ему показалось, будто он хорошо знает, почему тут стоит этот крест и при каких обстоятельствах он был поставлен.

На самое короткое мгновение перед ним промелькнула как бы полустертая, неясная картина: нечто вроде бесконечно длинной, неправильно прорезанной в лесной чаще просеки, и в конце ее слабо выступающая из смутного марева, из горячего и влажного тумана, конусообразная гора с синей глубокой тенью складки на лиловато-розовом, точно блеклой акварелью нарисованном, склоне...

Боже мой! Да ведь именно к ней, к этой синей тени, и относился очерченный кружком крест... Но только... А что он значил? Что и где он значил?! И когда?

Он не успел уцепиться за эти образы — картина промелькнула и скрылась, как при демонстрации диапозитивов, оставив после себя ненужный яркий свет, оставив пустое раздражение.

— Казуарины? — недоуменно спросил себя вслух Коноплев. — Где я слышал это слово? Читал в какой-то книге? Или...

И вот тут-то перед ним из пустоты выплыло второе представление. Синее небо с большим, плывущим по небу облаком и ниже — группа странных, ни на какие другие деревья не похожих растений, напоминающих те, которые изображаются на картинках, подписанных: «Лес каменноугольного периода».

Они напоминали причудливые канделябры, гнутые зеленые подсвечники... У них был неправдоподобный, нелепый, невероятный вид... «Но ведь я же видел их? Когда, где? Как, как, как?»

Андрей Андреевич потер себе лоб, и, мне кажется, можно тут сказать — «мужественно потер лоб»: не так-то легко сохранять присутствие духа, впервые сталки-

ваясь с настоящей тайной. Ведь вокруг него постепенно все становилось загадочным до непереносимости. Он оглянулся, как бы ища помощи, и «помощь» как будто пришла к нему.

На небольшой полочке над тахтой с незапамятных времен — с довоенных времен — светло коричневели шесть томов Малой Советской Энциклопедии, единственные, которые были в свое время куплены. Казуарины? Коноплев, волнуясь, встал с места.

...Казуарины нашлись там, где им и надлежало быть, в пятом томе, на его 153-м столбце. «Казуарина, *Casuarina* род растений сем. казуариновых — деревья или кустарники с чешуйчатыми листьями и тонкими ветвями, напоминающими по внешности хвощи».

Андрей Андреевич испытал ощущение невыразимое. Ну да, они были похожи, пожалуй, не на хвощи, а на плаун, на ту дерягу, которую в старом Питере продавали перед пасхой для украшения праздничного стола. На гигантскую дерягу, поставленную «на дыбы». Он знал это, но откуда он это знал?

Закрыв пятый том МСЭ, он хотел было навести справки о шальмугровом яблоке, но — увы! — его Малая Энциклопедия по его же собственной нерадивости простиралась только до сицилийского города Модика. Буквы «ш» в ней не было, так же как и буквы «я», — не удосужился в свое время выкупить, шляпа...

С минуту он постоял. Впервые в жизни перед ним возникла неотложная необходимость узнать, что значит то или другое слово. Его охватило непривычное возбуждение. Нетерпение.

Внезапно решившись, он позвонил инженеру Никонову, сослуживцу и, безусловно, учейшему из его знакомых: у Никоновых весь верх большим дивана был отягощен изобилием бронзовых коreshков Брокгауза и Ефрона.

Последовало длинное телефонное совещание. Игорь Евгеньевич был человеком одновременно и обаятельным и дотошным: он облазил все словари. У Брокгауза слова «шальмугровый» не оказалось: «князь Шаликов» соседствовал у него непосредственно с «Шаляпиным». Не нашлось подобного термина или сходных с ним и в ушаковском толковом: тут за «шальварами» следовал «шальной»...

Полчаса спустя взволнованный Никонов позвонил еще раз: у Владимира Даля тоже ничего подобного не было, а уж у него-то имелись разные сорта яблок — и анисовка, и грушовка, и титовка... «Наверное, вы ослышались, Андрей Андреевич!»

Андрей Андреевич поднял брови: ослышка! Хороша ослышка! Он-то знал это слово. Он теперь был совершенно уверен, что знал его! Он множество раз употреблял его... когда-то и где-то... Вот только когда и где?

Сидя в своем застольном креслице, на маленьком коврикe, обычно служившем фундаментом и опорой для его привычных счетно-финансовых размышлений (бухгалтером он был совсем неплохим, инициативным, опытным), покручивая свою аккуратную бородку, он смотрел теперь на пятый том Малой Энциклопедии как на стену с огненной надписью. Со 153-го столбца ее иронически взидала на него большая страусообразная птица — ка-

зуар. За казуаром на этом рисунке поднималась отнюдь не казуарина — обыкновенная пальма. Но жутко было то, что он уж теперь определенно знал: и пальмы такие он видел! Нет, не на рисунках — над белым прибрежным песком, на фоне изнурительно-синего, горячего неба. Он словно слышал тот неживой, подозрительный шелест, который исходит от таких пальм в часы, когда их кроны треплет бриз, когда ветер еще не набрал силы, а по всему телу бегут от сухого зноя как бы легкие электрические иголочки. Откуда у него это ясное, твердое знание? Зачем оно ему?

«Родина казуарины — Юго-Восточная Азия, Австралия...» Отлично: но ведь дальше Луги, если не считать времени эвакуации, главбух «Ленэмальера» Коноплев не бывал с 1922 года. Нет. Не бывал... Конечно, не бывал! Если бы он где-нибудь был, так ведь он должен был это помнить? А? Разве нет?..

Теперь уже не так-то легко восстановить в должной полноте, как именно провел А. А. Коноплев следующие часы и даже дни. Много выветрилось из памяти близких к нему лиц; многое в свете последующих событий приобрело совсем иной смысл и другую видимость. Известный психиатр и психолог, член-корреспондент Академии наук А. С. Бронзов, заинтересовавшийся этим любопытным случаем, собрал как будто все сохранившиеся данные по этому вопросу. Но, по его же признанию, накопленных материалов далеко не достаточно, чтобы вынести по не-

му однозначное решение.

Надо полагать, что, когда в квартире тем вечером появилась-таки наконец его супруга, Мария Венедиктовна, урожденная Козьмина, она же Маруся или Мусенька, Андрей Андреевич заговорил в шуточном плане про неожиданные дары ниоткуда. Но жена не стала слушать его. Пакеты, яблоки, дневники...

— Прославился на весь город своими приключенческими книжонками, вот уж и издеваться начинают над тобой... А за какой год дневник-то?

Андрей Андреевич попытался было установить, но, к своему удивлению, обнаружил, что сделать этого нельзя. Записи датировались четко: 18.VII, 7.VIII, но никакого намека на год, к которому они относились, найти не удалось. Мусенька махнула рукой и ушла к девочкам в кухню, оттуда послышались возгласы, смех, ахи и охи...

Как неприкаянный Коноплев ходил по комнатам, попил без всякого аппетита чаю, барабанил пальцами по столу; не слыша, он послушал продолжающиеся разговоры дам и наконец ушел к себе спать.

Улегшись за своими ширмочками, он долго ворочался, кряхтел, покашливал. Засыпать ему было как-то непривычно. Стоило опустить веки, и тотчас перед ним темными фестонами на светлом небе густились заросли, не то описанные в каком-то романе, не то виденные где-то: в кино? Или во сне?

Сквозь крупные листья проридлась большая хищная голова. От жестких, как перья, усов по черной воде бежала тревожная рябь. Огромная лучистая звезда мерца-

ла, купаясь между сердцобразных листов водяных растений...

Да нет, Коноплев, нет! Не выдумывай! Это все из фильма «Чанг»; помнишь, еще до войны ты водил на него маленькую Светку, и она испугалась тигра?

Последнее, о чем он успел подумать, засыпая, — это о необходимости завтра же (да, никак не позже чем завтра!) выяснить все. Прежде всего надо узнать телефон контр-адмирала Зобова: пусть скажет, что это за шальмугровое. Он-то должен знать: вон с ним на стадионе некий лейтенантик с медалью «За Японию» сидел.

А если он не знает? «Тогда, — внезапно сообразил Коноплев, — лучше всего, пожалуй, обратиться к каким-нибудь спецам по части разных фруктов. Есть же садоводы, мичурицы всякие... Им-то это все известно. Только где разыскать такого?»

Заснул он довольно поздно. Светкины подруги уехали. Мария Венедиктовна и сама Светочка долго разговаривали еще сквозь открытую дверь: мать со своей кроватки, дочка — из столовой, с тахты. Наконец и они утомонились.

В квартире стало теперь темно, сонно, тихо, тепловато... Пахло тестом, диванной пылью, Светкиной пудрой. Запахи эти были такими же простыми, обыкновенными, знакомыми, как ровное пошاپывание спящих, как вся ровная коноплевская жизнь. Но между ними, извиваясь, еле заметный и тревожный, ощущался сегодня по всем комнатам и новый, настойчивый, странный, вкрадчивый, неверный аромат. Чуть-чуть, легонько щекотал он и во сне ноздри главбуха. Кошка Гиляровна — так ее прозвал Юрка Стрижевский, — вдруг

встала, неслышно пришла из кухни, принялась, вскочила на кресло, долго сидела, уткнувшись носом в щель среднего ящика. В ящике, глубоко за коноплевскими «регистраторами», за какой-то потрепанной толстой книгой стояла лакированная коробочка на кругленьких ножках, покоились на чуть зеленоватом пуху два оранжевых, становящихся постепенно все золотистей и золотистей яблока, лежал рядом переплетенный в грубую парусину блокнот. От всего этого и исходил дикий, странный, не русский, не питерский, не северный дух. Все это притаилось тут, в столе, как зарывшаяся глубоко в землю бомба. Замедленного действия.

ГЛАВА III

БЕЗДНЫ МРАЧНОЙ НА КРАЮ...

В два следовавших за 19 сентября дня Андрей Андреевич сделал несколько попыток выяснить хоть что-нибудь во внезапно окутавшем его пахучем тумане. Он легко узнал телефон адмирала Зобова, но эта удача ничего не дала. Женский голос весело ответил, что Василий Александрович рано утром 20-го убыл самолетом сначала в Таллин, а оттуда — за границу, в многомесячную командировку.

«Ах, прошу прощения!..»

Вот так оно всегда и случается!..

Однако вечером того же двадцать первого числа Коноплева осенила неожиданная идея. Осенила, когда он шел пешком по Невскому, шел, как всегда, для мощиона, возвращаясь из своей артели.

Между Марата и Владимирским

он вдруг остановился возле витрины фруктового Особторга, постоял с минуту в нерешительности, открыл дверь и вошел.

Вызвав из внутренних помещений директора магазина, он продемонстрировал ему одно из двух своих яблок: «Что это за сорт? Нельзя ли узнать?»

Покупателей в этот час в Особторге почти не было, и яблоком заинтересовались все. Столпившись, торговцы фруктами разводили руками: ни директор, ни старший из продавцов, некий Иван Маркович, ветеран фруктового дела, начинавший мальчишкой еще на Щукином рынке, до первой мировой, не смогли определить, что за плоды перед ними.

Яблоко переходило из рук в руки. Его мяли — очень осторожно и умело, — нюхали, взвешивали на ладонях. «Никак нет-с... Не случилось таких видеть. Напоминают отчасти японскую хурму... Но хурма — помилуйте-с... Она совсем иное дело-с...»

Явная озабоченность солидного человека — Коноплева произвела на особотворцев впечатление. Пошептавшись, старшие порекомендовали ему, раз уж это так важно, хоть сейчас пройти на Софью Перовскую, дом три... На Малую Коюшенную-с... Там живет большой человек, всем известный помолог, профессор Стурэ...

— По... Помолог? А это что такое?

— Ну что вы, гражданин! Целая наука имеется — помология. Учение о яблоках... Любопытнейшая наука...

Велико же, очевидно, было настойчивое стремление товарища Коноплева как можно скорее распутать эту единственную, выпав-

шую на его долю не в романе, а в жизни тайну, если прямо из магазина он пошел на Софью Перовскую и позвонил к доселе неведомому ему профессору помологии. Но и здесь его ждало разочарование.

Огромный тяжелый латыш проявил сильные чувства при виде коноплевского плодика. Он уверенными движениями специалиста вертел его так и этак перед тяжеловатым носом в больших ловких пальцах, доставал с полок, мыча что-то неопределенное, и клал на стол разноформатные атласы и справочники, но в конце концов признал себя побежденным.

— Н-н-у, товарищ... Как это говорить? Это, конечно, не яблоко в ботаническом смысле этого слова. Перед нами плод некоторого тропического растения. К сожалению, я есть узкий помблог: не могу быть вам полезный... Шальмугровое? Гм, гм... Возможно, скажем так: шальмугровое не яблоко? Если хотите, я запишу... Сегодня в ботаническом уже край, конец, никого нет... Но вот дня через три-четыре позвоните мне в телефон, я буду узнавать ваше шаль... мугровое...

Коноплев поблагодарил, но тут же решил, ничего не говоря Стуре, просто свезти эти яблоки — или одно из них — туда, в Ботанический институт. Да, конечно, там понадобится объяснять, откуда они взялись, сочинить какую-нибудь «легенду»... Но, в конце концов, ждать дольше было не в его силах!

Поздно вечером А. А. Коноплев вернулся домой. Его была теперь лихорадка нетерпения. Сколько раз он читал, как искусные и умные люди разгадывали загадки, которые касались больших людей и

страшных дел. Он никогда не претендовал на звание «большого человека». Никаких «страшных дел» с ним не могло, просто не могло быть связано. Кроме «Ленэмальера» да двух-трех «вышестоящих инстанций», никто на свете не мог интересоваться его личностью: даже военнообязанным он уже давно не числился. Значит, задача, возникшая перед ним, не могла быть сложной. Но вот и ее он не мог решить, шляп!

День спустя вечером он упал на одно из яблок в жестяночку из-под довоенного монпансье, написал краткое заявление — вежливую и официальную просьбу определить растение, плодом которого является это яблоко, а равно сообщить, что означает и существует ли в науке название «шальмугровое», и «по встретившейся необходимости» отослал это все с курьером из «Ленэмальера», за собственной подписью, в БИН, на кафедру тропической флоры. Может быть, следовало это место назвать как-либо иначе; он этого не знал...

Отослал он все под расписку, и когда расписка эта, в которой просто и обыденно, без малейшего намека на какую-нибудь тайну, стояло: «Яблоко шальмугровое (?) — I (одно) — приняла для определения мл. н. сотр. БИНа К. Веселова», когда листок этот лег в его, коноплевский, бумажник, Андрей Андреевич испытал странное, сильное удовлетворение. Внезапное успокоение. Точно ему, как преступнику, скрывавшемуся в течение долгих лет, наконец удалось заставить себя написать покаянное заявление в органы дознания. Точно он сделал что-то такое, что теперь можно

было уже, перестав волноваться, сказать: «ныне отпускаеши...»

Что «отпускаеши», почему «отпускаеши» — неизвестно; но чувствовал он себя именно так.

В спокойном настроении он прибыл в тот день к себе на Красный, он же — Замятин, переулоч. Еще с утра он вынул и положил на стол, на ленинградские дела таинственный парусиновый блокнот-дневник и целый день между своими инкассо, контировками и депонентами предвкушал, как все завтрашнее воскресенье будет изучать строчку за строчкой это чудо... Кто знает: может быть, там какая-нибудь запятая, какой-нибудь росчерк, какая-либо обмолвка автора дневничка раскроют ему всю свою тайну?

Легко себе позтому представить его растерянность, испуг, отчаяние, когда... В этот день в квартире происходило обычное осеннее бедствие: предзимняя уборка. Замазывали окна. Приходила Настя мыть стекла. Его стол отодвигали, все на нем перекладывали так и этак... И теперь книжки в брезентовом переплете не оказались. Ни на столе, ни где бы то ни было...

С Андреем Андреевичем припадки гнева не случались никогда. Не только Светочка — и Маруся ничего подобного не помнила. На этот раз ее муж пришел в невиданную ярость. Он рвал и метал, заставил перерыть все: ничего.

Перепуганная Светка слетала к Насте на Торговую. Настя даже не видела такой книжки. В конце концов Мария Венедиктовна, как всякая женщина, перешла в решительную контратаку. А с какой

статье он на них обрушился? Кто сказал, что он не унес этот дурацкий блокнот в свою такую же идиотскую артель? Что же он, с ногами, блокнот? Что он, сам ушел куда-нибудь, блокнот? А не надо бросать где попало, если вещь нужная! Никто не обязан караулить его тетради!

Вероятно, Андрей Андреевич, как бывало при гораздо менее напряженных перепалках, стал бы все-таки настаивать на своем, шуметь, ворчать; может быть, даже он уехал бы отходить к Ване Мурееву, старому другу своему. Но тут его удивило одно: во всех семейных стычках всегда Светка, как молодая рысь, кидалась на защиту матери. А тут она смотрела на него большими, испуганными глазами, бросалась исполнять первое же его слово, кричала: «Ну, мама, да оставь же ты папу, ты же видишь, что он так расстроен...» и вообще вела себя как совсем другой человек. И, смущенный этой неожиданностью, Коноплев замолчал. Удивляясь, он лег на свою кровать. Мария Венедиктовна что-то еще бубнила на кухне. А Светка вдруг — никогда не бывало! — принесла ему стакан чаю со сладкой булочкой, села рядом с его кроватью на стул и молча стала поглаживать его по голове небольшой девичьей, дочерней рукой своей... И он вдруг заснул. И бурный, чудесный период его жизни, продлившись пять дней, к его недоверчивому удивлению (а может быть, и к некоторому неосознанному огорчению), на этом кончился.

Надолго. На целых пять месяцев. До конца февраля 1946 года. До его двадцать восьмого числа.

Много раз за это время Коноплев благословлял свою мудрую осторожность: как хорошо все-таки, что он никому и ничего не рассказал про случившееся с ним!

Мило бы он выглядел, поделившись своим секретом хотя бы даже с Никоновым! Шальмугровые яблоки!! Но вот одно из них начало уже морщиться, почти перестало издавать свой тонкий запах в ящике его письменного стола, а другое исчезло: из Ботанического института ни ответа, ни привета. Дневник, написанный, безусловно, не им, но вроде как и им, — ан и нет этого дневника! Тигры, казуарины, змеи, черт знает что, Золотоликие всякие... «Да, Андрей Андреевич, зачитался ты, друг ситный! Или перебрал: сон при-
снился...»

То, сё, пятое, десятое — Стурэ, институт, Особторг, а теперь вот уже которую неделю до зевоты, до тошноты тишь, и гладь, божья благодать... Все выдуманно, все сочинено, все рассыпалось, Андрей Андреевич; и, конечно, очень умно, что ты никому об этом не разболтал...

Подошла пора годового отчета по артели. В муках столь же неизбежных, как родовые, появлялся на свет финплан сорок шестого года. Стройконтора 14-го участка затеяла с «Цветэмалью» долгий свирепый процесс по поводу недоплаты произведенных работ на сумму в 2461 рубль 82 копейки. Главбуха вызывали то в «Инкоопсоюз», то в бухгалтерию треста, то в городской суд. Он ездил на Сортировочную активировать вагоны с сырьем, у которых почему-то оказались сорванными пломбы.

составлял протоколы, выдавал облигации займа, подписывал доверенности на получение карточек (продовольственных и промтоварных) и лимиток (на электроток).

И при всем том бухгалтер Коноплев эти два месяца пребывал в состоянии непрерывного тревожного ожидания, смятения почти болезненного.

Одеваясь утром в прихожей, он машинально обшаривал карманы пальто. Нет, ничего... Как же это?!

Любой телефонный звонок казался ему тем самым. Каждый проходящий и на работу и домой конверт представлялся конвертом из БИНа, а то и... Странно: ни-откуда!

Ну еще бы! Он почти точно знал, каким будет тот, последний пакет, который принесет ему в себе третье, роковое шальмугровое яблоко: серо-коричневым, с аккуратными углами, с большой сургучной печатью поверх туго натянутого перекрестия тонко ссушенного джутового шпагата. Когда он ляжет на его стол, надо будет... Надо будет? Что надо будет делать? Что?

Но пакет этот — слава богу, увы! — все не приходил. Его не несли...

Иногда по утрам, в часы ясности мыслей и логичности рассуждений, на Андрея Андреевича нападали сомнения: нет, нет, нет, слишком странно, чересчур нелепо было это все... Чересчур несовместимы, несоизмеримы между собой казались ему две стороны событий — квартира 8 на Замятином и «Ты придешь к Золотоликой». Светкина пудра и тоненький запах, который все-таки еще испускало там, в углу письмен-

ного стола, морщащееся, коричневое шальмугровое яблочко...

Как это может совеститься: Маруся в стоптанных валенках, с головой, полной бигуди, собирающаяся в свою школу, — и «...жит неминуемая гибель. Римба кишит змеями...» Что такое «римба»?!

Бывали случаи, когда, уходя уже из дому, уже с портфелем в руке, провожаемый заспанной Светочкой, А. Коноплев бросал быстрый взгляд в настенное тусклое зеркало (из Мусино «приданого»). Зеркало отражало поясной портрет вполне respectable человека, уже совсем не того семнадцатилетнего парнишку, который бежал когда-то — убьют или проскочу?! — по приказу взводного к сараю на окраине Каховки. И — добежал! Теперь мягкая шляпа, хорошо выбранный Светкой галстук, чеховская борода — все было прилично, представительно. Все это очень хорошо подходило к любому заседанию, к любому президиуму за покрытым сукном столом... Но как могло это все хоть в самой малой мере соответствовать «кишащей змеями римбе»?

Нет, Андрей Андреевич, это ты вычитал из какого-нибудь Луи Жаколино... Что ж, в «метампсихоз» вдруг поверил, в переселение душ, как у Всеволода Соловьева, где он рассказывает о госпоже Блаватской? Ведь ясно, все это результат глупой путаницы, нелепого недоразумения. С кем, с кем, но с тобой, Коноплев, такого произойти не могло. Тебя приняли за кого-то другого...

Три обстоятельства, однако, мешали ему остановиться на такой утешительно-огорчительной мысли.

Прежде всего, довольно вероятно, что человека могут спутать с кем-либо другим. Но очень мало шансов, чтобы его на протяжении одного дня могли принять за кого-то другого дважды, притом в совершенно разных обстоятельствах.

Сунуть в толпе или в учреждении, в гардеробе, яблоко в карман вместо одного человека другому, похожему, — куда ни шло. Но вслед за тем явиться к нему же на квартиру и оставить на столе второе точно такое же яблоко, с почти такой же запиской — это уже переходит грань возможного! А ведь это второе яблоко еще существовало. Вот стоит выдвинуть ящик стола, и от него снова слабо пахнёт по комнате сладковатым и страшноватым запахом. Тайной.

Второе. Если допустить, что произошла путаница фамилий, что у него есть в городе двойник, однофамилец, тезка, которому кто-то должен был вручить блокнот, надписанный по корке «А. Коноплев», «Дневник № 2», то это могло объяснить второй «этап»: посланный не видел его в лицо.

Но на стадионе-то — а он все больше склонялся к тому, что это могло произойти только в столпотворении стадионском; в гардеробе «Ленэмальера» за вещами следила тощенькая и удивительно языкастая девчурка-подросток, которую почему-то все звали не Валечка, не Тиночка, а только «Клюева», как будто ей было лет под пятьдесят. Было совершенно несомненно, что легче похитить сокровища Монтесумы, чем вынуть что-нибудь из кармана пальто или сунуть в карман пальто, за которым следит Клюева...

Наконец, третье. Но этого «третьего» главбух «Ленэмальера» сам побаивался. Страшновато было назвать его себе вслух, полными звуками, настоящим словом... Неведомо как, он сам не знал откуда, в последние дни проникло в его мозг странное имя: «Тук-кхай»... Он не знал, что оно обозначает. Он не мог бы сказать, какое оно «имя» — собственное или нарицательное? Но оно то и дело звучало теперь у него в душе.

«Тук-кхай!» — и тихий быстрый шелест где-то в стене или над головой: так мышь шуршит в снопе соломы.

«Тук-кхай!» — и теплая струя душистого влажного ночного ветра на воспаленном лбу...

«Тук-кхай!» — и какая-то давно не испытанная нежность к кому-то маленькому, милому, родному... Та самая нежность, какую он чувствовал только тогда, когда Светка была еще пеленáшкой... Только тогда? А только ли?

Все эти колебания, сомнения, неясности длились, как уже было сказано, до конца февраля. Затем они кончились; день за днем все стало как-то завораживаться туманом, забываться, что ли... Андрей Коноплев остался Андреем Коноплевым, главным бухгалтером «Ленэмальер-Цветэмали». Никакое «тук-кхай» больше в его голове не звучало...

13 марта, через два дня после Светкиного, шумно отпразднованного рождения, на котором, к ее скрытому удовольствию и явному ужасу, чуть было не произошел скандал между интендантом I ранга Муреевым и студентом Георгием Стрижевским, Андрей Андре-

евич приехал домой не на троллейбусе, а на семерке (он такие дни обычно запоминал как выпадающие из ряда). Все, кроме этого, было как всегда.

В дороге он читал статью «Враги корейского народа» — в тот день она была напечатана в «Правде». Морозило, и где-то там, за коленом канала Круштейна, в вечерних мирных дымах маячили заводские судостроительные краны. Деревья на бульваре с утра были покрыты инеем, и он не таял.

Ни одной клеточкой своего мозга не думая ни о каких «тайнах», Коноплев поднялся до своей, обитой войлоком двери, открыл своим ключом квартиру и вошел.

Дома никого не было, а на письменном столе его ждал средних размеров серый конверт с официальным грифом. Андрей Андреевич вздрогнул.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР БОТАНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ...

Он схватил конверт с нетерпением и страхом. Он сам не знал почему, но почувствовал, что его ожидает что-то очень скверное... Почему? Потому!

Бросив взгляд на первые строки письма, он закрыл, потом опять открыл глаза. Несообразное, нелепое, чудовищное снова волной, закиная пенным гребнем, нагнулось на него...

«Гражданин Коноплев, — писал к нему кто-то, преисполненный гнева и презрения, — гражданин Коноплев! Если уж вы каким-то чудом спаслись и, несмотря ни на что, остались в живых, то по меньшей мере странно, что вы, зная все, столько лет не подава-

ли о себе никаких известий. Чем прикажете объяснить это, мягко говоря, странное молчание?

В первый миг мне пришло было в голову, что вы, возможно, только сейчас вернулись оттуда благодаря разыгравшимся там осенью событиям. Однако простой звонок на место вашей работы показал мне, что вы существуете здесь, в Ленинграде, еще с довоенного времени. У меня не находится слов, чтобы выразить вам мое негодование. Неужели вы сами не понимаете, какой чудовищной жестокостью по отношению к семьям погибших у вас на глазах товарищей является ваше молчание? Какое право имели вы не сообщить немедленно же по прибытии, каков был конец Виктора Михайловича? Что случилось с Бернштейном, Кругловым и работниками второй группы?

Для вас никак не могло быть секретом, что последние сведения, которые мы имели с острова Калифорния, содержались в том самом письме Виктора Михайловича, где этот благороднейший человек дает столь заботливое и подробное описание вашего ранения щиколотки («вероятно, образуется звездообразный шрам»). С того дня на всю трагедию легла завеса совершенного молчания. Так как же вы имели жестокость не прорвать ее в течение чуть ли не десятилетия вашего пребывания здесь?!

Положительно у меня не находится слов, чтобы квалифицировать ваше поведение.

Этого мало. Что таким людям, как вы, моральные требования? Но как хозяйственнику вам должно быть хорошо известно, что за вами числится, в порядке статей

7-й и 11-й, подотчетная сумма в размере ста тысяч рублей.

Пока все были убеждены, что вы погибли, вопрос о деньгах ни у кого, разумеется, не возникал. Но теперь вы по меньшей мере должны отчитаться в них. Не так ли?

Наконец, к чему эта недостойная комедия с шальмугрой? Кто-то, но уж вы-то просто обязаны знать, что это за растение, чем оно драгоценно и где растет. Я отказываюсь понять, каким образом вы, вернувшись в Ленинград столько времени назад, сумели сохранить в целости и свежем состоянии не семена, а самые плоды калава. Тем не менее они у вас есть, а вы не можете не знать, что каждое семя этого дерева — сокровище, которое ни один частный человек и дня не имеет права держать в своих руках.

К большому моему огорчению, я сегодня же уезжаю в длительную заграничную командировку, из которой вернусь не ранее осени. Иначе бы я уж нашел время увидеть вас. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы срочно известить о вашем существовании супругу (вдову?!) Виктора Михайловича: она, конечно, поймает вас. Всемерно рекомендую вам как можно полнее и тщательнее реабилитировать себя и в ее, и в наших глазах, иначе по возвращении я буду вынужден вынести ваше дело на суд самой широкой общественности, а это, как вы, конечно, понимаете, не сулит вам решительно ничего хорошего.

Не считаю возможным «приветствовать» вас, пока не освещен мотив, руководивших вами и заставивших вас столько

времени скрывать от всех свое возвращение.

Профессор А. Ребиков.

9. III. 46».

Кашне Андрея Коноплева медленно, тем самым движением, каким передвигаются пестрые змеи таинственной «римбы», сползло на пол и свернулось у ножки кресла.

Не веря себе, он перечитал письмо во второй, потом в третий раз; внимательно, словно ища следов подделки, подлога, осмотрел адрес, почтовые штемпеля, попытался даже просквозить бумагу на лампу...

«Какой Виктор Михайлович?! Какая Калифорния?!»

Некоторое время он, не раздеваясь, посидел, довольно спокойно размышляя.

Да, по-видимому, у него был тезка, двойник. И не какой-нибудь таинственный, а самый обыкновенный: фамилия такая не слишком редкая. Несомненно, где-то, когда-то должен был существовать второй Коноплев. Трудность теперь заключалась не в том, чтобы доказать, что он, Андрей Андреевич Коноплев, не мог быть участником каких-то там драматических приключений в тропиках (разве «Калифорния» — тропики?), а в том, чтобы объяснить, как и почему их двоих могли не только однажды спутать, но и продолжать путать в течение достаточно длительного времени. Разные люди. С разных точек зрения?

Все это, конечно, не было приятным, но тем не менее соображения эти должны были как-то успокоить Коноплева. Все настолько нелепо, что, несомненно, вся эта фантазмагория должна

каким-то образом распутаться. Распутаться помимо него самого.

Лоб Андрея Андреевича начал понемногу разглаживаться. И в эту секунду глаза его внезапно вторично упали на строчку письма, которой при первом прочтении он не придал значения. Просто не заметил ее. Про строчку насчет заботливого отношения Виктора Михайловича к его, Коноплева, ранению...

Теперь он вдруг увидел ее и сразу весь посерел. В крайнем волнении, пожалуй, в страхе он схватился рукой за подбородок: «Господи!»

В следующий миг, резко нагнувшись и торопливо засучив брюки на правой ноге, он отстегнул пряжку подвязки...

На щиколотке его, в пяти или семи сантиметрах выше голеностопного сустава, розовел большой, в старинный пятак, шрам — след давно зажившей серьезной раны. Пятиконечный, звездообразный шрам...

Несколько минут Андрей Коноплев, бессильно уронив руки с подлокотников кресла, сидел и пусто смотрел перед собою. Подбородок его слегка дрожал.

«Я должен знать, что такое шальмугра! Я!! Почему я? Вот... Спрашивается: почему именно я?!»

ГЛАВА IV

ОТ ВЕЛИКОГО... ДО СМЕШНОГО

На этот раз он уже твердо остерегался что-либо рассказывать кому бы то ни было, даже Марусе... Марусе, может быть, тверже, чем кому-нибудь другому. Только ве-

чером, раздеваясь перед сном, он вдруг сделал вид, что случайно обратил внимание на этот свой старый шрам.

— Экая у меня все-таки стала гнилая память! — довольно натурально проговорил он, вытягиваясь под белейшим накрахмаленным пододеяльником. — Убей меня, не могу вспомнить, откуда у меня этот след на лодыжке.

Мария Венедиктовна уже в постели читала, как всегда, что-то свое, ему неинтересное — какой-нибудь старинный любовный роман, может быть, даже Вербицкую... Оторвавшись от книги, она взглянула на мужа: много раз потом он спрашивал себя, как она тогда взглянула на него: просто так или уже странно?

— Действительно! — сказала, однако, она своим обычным педагогическим, бесспорным, не подлежащим обжалованию тоном. — Может быть, и почему у тебя ребро левое сломано, ты тоже забыл? Очень просто почему: потому что ты шляпа, который попадает на улицах под машины. Вспомнил? Лежал чуть не год в больнице, а теперь: «Ах, я забыл!» Я-то, милый друг, никогда этого не забуду, проклятый тот год...

— Да, в самом деле... — успокоенно (действительно, успокоенно) пробормотал Коноплев, поворачиваясь на бок. Спорить не приходилось: был много лет назад такой случай, когда бухгалтер Коноплев, служивший в то время в одной трикотажной артели, попал на Выборгской в автомобильную аварию. Крылом трехтонки его протащило метров пять, бросило на диабаз, поковеркало... Да, да, совершенно верно, был же с ним такой казус! Он только не

любил вспоминать о нем. Вот могли случай этот объяснить то, что было написано в профессорском письме?

Несколько следующих за этим дней были для А. А. Коноплева днями смутными. Их пропитывал теперь не столько легкий запах странных плодов, не сладко-жутковатые предчувствия, а самый тривиальный и прозаический страх.

За ним — он-то понимал, что «не за ним», — но вот профессор А. Ребиков полагал, что именно «за ним» числились, «в порядке 7-й и 11-й статей» (а не в порядке приключенческих выдумок!) какие-то сто тысяч рублей.

Он был бухгалтером: размеры этой подотчетной суммы его не поражали: экспедиция, естественно. Вероятно, были и валютные суммы, но числились за начальником. Но он был бухгалтером, черт возьми! Он понимал, что это значит...

В столе у него лежало желтоватое яблоко, которое, оказывается, было соковищем, подлежащим немедленной передаче... А кому? Он, оказывается, вел себя жестоко по отношению к вдовам и сиротам людей, имена которых слышал впервые и, мог бы присягнуть, которых он никогда не встречал и не знал...

Даже более крепконервный, чем Коноплев, человек мог бы, чего доброго, свихнуться от всего этого. 15 марта Андрей Андреевич если не «свихнулся», то, во всяком случае, заболел. Как чаще говорили в этой семье — заболлетенил.

В постель его уложила Роза Арнольдовна, врачаха с Профсоюз, 19. Уложила на неделю.

найдя острое переутомление и прописав полный покой. Она давно, еще с довоенных времен, пользовалась всех Коноплевых...

В постели он лежал и в тот миг, когда на лестнице позвонили и Светочка (Маруся была на кухне) впустила и провела прямо к больному высокую, средних лет даму в хорошем, но уже далеко не новом каракулевым жакетике, с седоватыми прядями волос из-под шапочки: они как-то странно оттеняли ее невеселое, немолодое, но все-таки очень красивое лицо.

Мария Венедиктовна, почуявшая неладное, вытирая руки и впустив в комнату запах жареной корюшки, поспешила на помощь. А может быть, и на стражу.

Необычен был разговор, происшедший в течение последующих двадцати или тридцати минут в той полутемной комнате.

— Вы — Коноплев? — спросила дама, не протягивая руки лежащему. — Моя фамилия Светлова. Я жена Виктора Михайловича. Жена... Или вдова; вам лучше знать. — Губы ее дрогнули. — Вы разрешите?

Сев в своей постели, Андрей Андреевич прижал обе руки к груди: этот жест, при его растегнутой белой рубашечке, при запахе лекарств, мог показаться или по-детски трогательным, или отвратительно-наигранным...

— Да, я — Коноплев, — с отчаянной искренностью проговорил он. — Садитесь, пожалуйста; очень вас прошу. Коноплев я, Андрей Андреевич! Но, видите ли... Судя по всему, я все-таки не тот Коноплев, который... Я бы и сам был рад, но что я могу сделать? Понимаю: дневник, яблоки эти, то, се... Но вот, поверьте, я

с 1923 года — Марусенька, так ведь? — выезжал из Ленинграда только на дачу... Ну, на Сиверскую там, в Лугу... Да вот еще, когда эвакуировались... В Мордовес... Как же я могу что-нибудь знать про... Виктора Михайловича?

Лицо пришедшей осталось почти неподвижным, только глаза ее, холодные и строгие, прищурились, пожалуй, с некоторой безразличностью...

— Гражданин Коноплев, — осторожно, как бы переходя грязную лужу на дороге и стараясь ступать по сухому, начала она. — Я беседовала с Александром Александровичем (с Ребиковым, если вы не знаете) в день его отъезда на вокзале. Мы договорились обо всем. Вам никто не будет грозить ничем. С вас не будут требовать денег... Боже мой... что значат какие-то тысячи рублей по сравнению с жизнью наших близких! Нас — пять семей; мы обойдемся без вас. Я очень прошу вас: не нужно никаких уловок. Всему есть границы: расскажите нам только, что произошло... С нами со всеми... И мы ничего больше не потребуем от вас.

Все так же, полусидя, Андрей Коноплев смотрел мучительными глазами на Светлову.

— Маруся! — сказал он наконец с хрипотцой, с видимым усилием. — Мурочка! Ну, ты же видишь, вот... Что я тут могу, ей-богу? Ты же все знаешь! Скажи гражданке Светловой, ради Христа, что... Что никуда я не уезжал из Ленинграда... Даже в Москве был только проездом. Не выходил из поезда... Ну... не мог же я быть в каких-то тропиках... Ведь это же явная нелепица...

— А что случилось, Андрей? — удивилась Мария Венедиктовна. — Ничего не понимаю, в чем дело?

— Дело в том, гражданка, — подняла на нее свои строгие глаза дама, — что ваш муж пытается уверить меня, что он не был в свое время участником шальмугровой экспедиции на остров Калифорния в Тихом океане. Не был, не возвращался оттуда и ничего не знает о судьбе ее участников... Экспедиция эта погибла вся во время большого филиппинского землетрясения... Так, по крайней мере, думают... Погиб мой муж, профессор-ботаник Виктор Светлов. Погиб Иосиф Абрамович, его ассистент, Круглов, Боря Вяткин, Берг (это лекарственники). Ваш муж, как мы теперь узнали, вернулся. Так неужели же вам не жалко нас? Мы же ничего не просим, ничего не требуем от вас. Расскажите!..

...Вы — женщина, товарищ Коноплева... Умоляю вас, не от своего только имени: заставьте его говорить. Пусть он расскажет нам: как это случилось, где именно, почему?

Мария Венедиктовна Коноплева остановила ее рукой.

— Одну минуточку, товарищ Светлова... Один момент... Ну, а если он и в самом деле не был в этой экспедиции? Не мог быть ее участником? Как тогда?

— Как я могу верить этому? Всем нам известно: хозяйственником, на место захворавшего внезапно Иващенко, муж уже на пути, в Москве, пригласил — ему указали! — некоего Коноплева. А. А. Коноплева. Они очень торопились. Муж известил телеграммой, что Коноплев человек опыт-

ный, что он ленинградец, что у него нет семьи, что окончательное оформление его по документам будет произведено по возвращении экспедиции на родину...

Экспедиция пропала без вести. Нам сообщили, что все участники ее, вероятно, утонули при разливе одной из рек острова: от подземного толчка ее запрудил оползень. Люди не успели выполнить задание — добыть плоды и семена шальмугры, источник целебного шальмугрового масла. Но они вели себя как герои... А теперь, через много лет, ваш муж обращается в институт и присылает туда для определения плодик шальмугры. Шальмугровое яблоко... Как же вы хотите, чтобы я поверила, что он — не он?!

Водворилось короткое молчание. Коноплев все так же сидел, прижав кулаки к ночной сорочке своей, выставив интеллигентскую, такую не мужественную от болезни, бородку, понимая полнейшее свое бессилие объяснить что-либо в этом необъяснимом переплетении истинной правды и чистой нелепицы... Густые темные брови Марии Венедиктовны сдвинулись. Андрей Андреевич не любил, когда они так сдвигались, но, по-видимому, и пришедшей что-то не понравилось в этом движении.

— Светлана! — окликнула вдруг Коноплева-старшая — Поди сюда на минутку! Вы говорите, гражданка Светлова, что ваш Коноплев не имел семьи? Познакомьтесь: дочка этого Коноплева и моя... Светочка, в котором ты году родилась?

— В двадцать седьмом, мамочка... А что?

— С каких лет примерно ты

помнишь нас с папой... Ну, хорошо, отчетливо помнишь...

— Вас с папой? Я думаю... Ну, сначала отрывками: на Острова мы как-то ехали... А с бабушкиной смерти уже хорошо... Все время...

— Так... На Острова — это тридцать первый год. Моя мама скончалась в тридцать третьем...

— А в чем дело, мамочка?

— Нет, так, ничего... Ты свободна, Светка... Мне кажется, спорить нам не о чем. Уверяю вас: я замужем за Андреем Андреевичем с 1926 года, и с тех пор мой муж никогда ни в каких экспедициях не участвовал. Из Советского Союза он ни разу не уезжал... Как вам кажется, может ли муж уехать из нашей страны так, чтобы его жена об этом ничего не узнала, да еще на два-три года? Я бы очень хотела, чтобы он мог как-нибудь оказаться вам полезным, но не представляю себе, как это может произойти... Насколько я могу судить, вы жертва явного и нелепого недоразумения...

Светлова, слепо поглядев сзади на Светочкину стройную фигурку, на ее кудряшки, перевела с трудом глаза на говорившую.

— Ну что ж, — проговорила она тоном, в котором покорности было больше, чем убеждения. — Не знаю, что вам сказать на это... Если это действительно так, мне остается от души извиниться перед вами... и перед гражданином Коноплевым. Если же нет... Что ж, товарищ Коноплев? Тогда, как раньше говорили, бог вам судья... Десять лет как мы томимся неведением; больше десяти лет!.. И я... А, да что там говорить!

— Простите, как? Сколько вы

сказали, прошло лет, — вдруг живо перебила Коноплева, — когда же она произошла, экспедиция эта?

— Ах... Муж уехал в Москву шестого апреля тридцать пятого года, — горько сказала Светлова, вставая. — А последние известия от них — письмо, в котором было, кстати, сказано и про ранение вашего... Простите, про ранение гражданина Коноплева... Это письмо было датировано 21 июля. Но попало оно к нам почти полтора года спустя, в самом конце тридцать шестого...

— Ну вот, видите? — еще раз развела руками Мария Коноплева. — Тридцать пятый, тридцать шестой год... Вот вам и еще одно доказательство!.. Как раз в тридцать пятом и тридцать шестом годах муж был тяжело болен, долго лежал в больницах... Так что, по-моему, вопрос совершенно ясен. Простите, ради бога, но я просила бы вас перейти ко мне: он, видите, и сегодня как раз прихворнул...

Дама, извинившись, двинулась к двери. Казалось, на один миг она остановилась было спросить у Андрея Андреевича еще что-то, но, передумав, вышла, слегка кивнув ему головой, в задумчивой неуверенности. Андрей Андреевич, совершенно подавленный, остался лежать на своих подушках...

Он слышал приглушенный разговор обеих женщин там, в другой комнате. Он видел со своей кровати часть столовой, угол буфета, на котором уже много лет сидел старый Светкин целлулоидный пупс; видел большой фикус в горшке, привезенный Марусей из эвакуации взамен погибших в блокаде... В окне одна форточка бы-

ла все еще забита фанеркой — тоже память блокады; взрывной волной выбило...

Где-то бубнило радио. И, конечно, он был ответственным съемщиком этой восьмой квартиры, бухгалтером Коноплевым, отцом Светланы Коноплевой, студентки филфака... Можно достать вон оттуда, с этажерки, Марусин любимый альбом с фотографиями и увидеть его, Коноплева, совсем молодым, в образе новобрачного, рядом с хорошенькой, счастливой Мурочкой... Потом его же — в садике при Дворце труда с маленькой Светочкой в коляске. Потом — его же в группе с сотрудниками одной, другой, третьей артели — он стал большим специалистом по промышленной кооперации к началу 30-х годов... Все в этом было просто, понятно, убедительно вот уже восемнадцать... Да нет: двадцать лет!.. Так почему же тогда...

Пальцами левой босой ноги он осторожно под одеялом нащупал щиколотку правой. Да! Звездообразный шрам: он был так же на месте, как эта квартира, как Светочкин пупс, как альбом в переплете рытого плюша — дореволюционный. Это был не его шрам, шрам того Коноплева. Но он был у него!

Мария Венедиктовна вошла в спальню, как только за ушедшей хлопнула дверь на лестницу. Вошла одетая, в пальто. Став около двери, она уставилась черными глазами своими прямо в глаза мужа.

— Ну?! — с усилием, с надрывом выговорила она, видимо с великим трудом сдерживаясь.

— Манечка, что? — испуганно завопил на кровати Коноплев. — О чем ты... тоже? Почему?

Почему ты на меня так смотришь? Что случилось, в конце-то концов?

Она глядела на него не отрываясь, и круглый, но в то же время властный подбородок ее странно вздрагивал от какого-то совершенно нового и для нее самой и для Коноплева чувства...

— Мне-то, — стискивая зубы, чтобы не разрыдаться, проговорила она наконец, — мне-то ты должен рассказать правду? Да или нет? Не помнишь? Не знаешь? Хорошо: бери свой проклятый дневник этот! На! Читай, наслаждайся... Клятвы давал, в любви признавался!.. Ребенок, видите ли, у него где-то есть... Принц он, извольте видеть!.. Ну и хорошо, и пожалуйста... Ты меня не первый год знаешь: я не кисейная дура, сцен делать не собираюсь. Скактертью дорога! Можешь хоть завтра отправляться к своим... Золотоликим... Света! Закрой за мной. Я поеду к дяде Пете...

Она сделала несколько шагов к двери, потом вернулась...

— Только не думай, Андрей, оправдывать все это психическим расстройством. Сумасшедшие, дорогой друг, таких увлекательных романов не пишут. Я пошла...

Оставшись один, Андрей Андреевич полежал несколько минут неподвижно. На него за последние полгода обрушилось столько, что этот вот разговор даже не слишком потряс его. «Ну что же, можно понять Мусю... А впрочем, какой ребенок? При чем тут «принц»?»

Протянув к стулу совсем ослабевшую от таких переживаний руку, он взял лежащий там блокнот. Да, блокнот был тем же самым. На его парусиновой корке было химическим карандашом на-

писано: «А. Коноплев. Дневник № 2». Первая страница по-прежнему начиналась с грозного «обрыва»: «...зит неминуемая гибель!..»

На обороте обложки стояло московское магазинное клеймо: «Ильинка, 22». Всего досаднее, пожалуй, было как раз вот это: ведь он же ни разу в жизни не шел по Ильинке, не видел, какие там есть магазины... А вот...

Он хотел было позвать Светку, чтобы она включила ему лампу на тумбочке, но как раз в этот миг Светочка неслышно и робко вошла в спальню сама. Совершенно необычное выражение — ужас, недоверие, соболезнование, жалость, любопытство и восхищение были написаны на ее премиленькой и чуть-чуть вульгарной мордочке. «Мечта моряка», — посмеивался над ней Юрка Стрижевский, нахал!

Не успел Андрей Андреевич произнести и полслова, как она бросилась к нему, прижалась к отцовской груди, заливаясь слезами, задыхаясь, бормоча что-то...

— Светочка, деточка... Что с тобой, дружок мой?

Она оторвала от его ночной рубашки свой в одно мгновение распухший от слез легкомысленный нос.

— Мне очень... мне его... очень жалко...

— Кого — его, маленькая? Кого тебе жалко-то?

— «Тук-кхай» маленького... Братца! Мне его так жалко: ведь он же теперь наполовину сирота, правда? И потом... Папа, миленький! Я же никому не скажу, даже маме... Папочка! Расскажи мне все, не бойся... Все, все... Про нее... И — как ты был принцем!!!

Главбух «Ленэмальера» Коноплев не отнял руки от рыжеватых волос дочери. Продолжая поглаживать ее голову, он через нее смотрел на дверь столовой.

— Ф-ф-фу! — вздохнул он наконец. — Что ты скажешь? Действительно: «...зит неминуемая гибель!..» Так, значит, ты понимаешь, чему мать поверила? А я — клянусь тебе — нет! Тогда уж лучше сначала ты мне расскажи: что же вы узнали? Ведь я даже не успел тогда прочитать дневника этого... Как вы могли поверить, что я... Расскажи мне, а потом уж я тебе... Да, да... Все, чего тебе захочется...

ГЛАВА V

УЛИЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

«Среди уличных происшествий первое место занимают НАЕЗДЫ!..»

Памятка ОРУД

Бедуин ЗАБЫЛ НАЕЗДЫ
Для цветных шатров...

М. Ю. Лермонтов

Разговор между Бедуином и его дочерью затянулся в тот вечер надолго. Когда он закончился, А. А. Коноплев запросил у Светочки пощады: он больше не мог.

Нет, ничего подобного — уход («исход!») Марии Венедиктовны не беспокоил его, разве что огорчал. Он знал жену: не первый раз, не последний! Смешно: обоим скоро по пятьдесят, оба друга любят... Да, может быть, это и не то, что, скажем, Светке представляется любовью, но нечто более сильное, чем такая вот «любовь»... Маруся не то что не уйдет от него, окажется он хоть ка-

питаном Немо; она и его от себя не отпустит...

Нет, просто он должен был как-то одуматься, что-то «сделать с собой», приспособиться к совершенно новому самопониманию...

Вдруг оказалось, что разговор с дочерью переворачивает в его жизни, пожалуй, куда больше, чем все эти дневники и яблоки с древа познания... Дело в том, что вычитанное из дневника было и оставалось чем-то лежащим в темной области возможного. То же, что рассказала ему Светочка, было не только достоверным, но просто несомненным. Было сцеплением фактов. И не его, Бедуина, в этом вина, но он-то — действительно! — «забыл наезд», для своего «шатра № 8» в Красном переулке, бывшем Замятином...

До сегодняшнего дня он твердо знал в своей биографии такую страницу: в декабре какого-то года с ним стряслась чрезвычайная «неприятность». На Арсенальной набережной Выборгской стороны при повороте на нее с площади Ленина на пешехода Коноплева налетел шедший от Литейного моста и потерявший управление грузовик. Трехтонка. Коноплева швырнуло на мостовую, ему сломало ребро, повредило ногу и череп. Документы его — весь портфель со всем, что в нем содержалось, — потерялись во время этого происшествия.

Подобранный «скорой помощью» «неизвестный» несколько недель... нет, несколько месяцев (так, что ли, Светочка?..) пролежал в хирургическом отделении Военно-медицинской академии. Состояние его было крайне тяжелым (ты уверена в этом, Света?), травма весьма опасной. Почти все вре-

мя пребывания в больнице он был без сознания, да и по возвращении домой приходил в нормальное состояние очень медленно, в течение долгих месяцев.

Что до него лично, то из всей этой своей эпопеи он помнил — но зато с непередаваемой резкостью, болезненно-резко, так что старался не возвращаться к этим воспоминаниям, — только два момента.

Вот он, разобравшись не без труда в каких-то накладных по их грузам, загнанным по ошибке вместо товарной станции Октябрьского вокзала почему-то на Финляндский вокзал, пересекает площадь морозным декабрьским днем. Он выходит на набережную, хочет пересечь ее, видит несущийся сверху от моста грузовик, видит страшное в своей растерянности лицо шофера, пытается уклониться от удара, скользит, падает...

Все как бы останавливается на миг. Трамвай, спускавшийся с моста, замер. Портфель, который вырвался у него из руки при резком взмахе, с убийственной медлительностью, как в некоторых кинофильмах, описывает крутую дугу над постройками на противоположном берегу Невы... С той же неторопливостью он опускается потом в кузов проносившейся мимо упавшего машины...

А через некоторое, — вероятно, немалое (уже тротуары были мокры; зимы не было) — через некоторое время он, уже оправившийся, но еще очень, по-видимому, слабый, поднимается, почему-то с починенным примусом в руках, по лестнице у себя, на Замятином. И на его звонок открывается дверь, и Маруся —

странно, что не только обрадованная, но и испуганная чем-то, — без сил прислоняется к косяку. Что ее так поразило? Он, по правде говоря, как-то не задумывался над этим.

С того мгновения — он отлично запомнил дату своего прибытия из больницы: 22 января 1937 года — никаких провалов в памяти он не испытывал. Точной же даты несчастного происшествия на Арсенальной набережной он сам ни припомнить, ни «вычислить» не мог: у него, как говорил очень интересовавшийся выздоровлением своего подопечного профессор Бронзов Александр Сергеевич из Военно-медицинской, «в буквальном смысле слова «отшибло память» на все непосредственно предшествовавшее катастрофе. Правда, Мария Венедиктовна твердо помнила этот проклятый день семнадцатого декабря; от нее и он усвоил расчеты: в беспомоществе своем он пребывал месяц и шесть дней. Пять недель он был вычеркнут из списка живущих, находился между жизнью и смертью и вылез из этого переплета только с большим трудом.

Так он представлял себе свое прошлое по рассказам семейных и друзей вплоть до сегодняшнего дня; так рисовал его и всем тем, кто почему-либо интересовался его биографией. Теперь же, после разговора со Светкой (Светке было, как он считал, лет девять, когда все это стряслось с ним), картина страшно изменилась в его глазах.

Да, приснопамятный «наезд» тот произошел действительно 17 декабря, а возвращение на третий этаж дома 8 по Замятину переулку 22 января. Но декабрь

тот был декабрем девятьсот тридцать четвертого, а январь — январем тридцать седьмого года! Не месяц и шесть дней, а два года и тридцать шесть суток отсутствовал Андрей Андреевич Коноплев из этого мира. И что существенней всего — более полутора лет из этого времени он был в полном и прямом смысле «без вести пропавшим», пребывал неведомо где, делал неизвестно что.

Вот, оказывается, как все произошло.

17 декабря 1934 года неизвестный с тяжелым шоком, с поломами конечностей, вывихами и опасной трещиной черепа был доставлен в приемный покой хирургического отделения.

Месяц и четыре дня спустя его перевели в клинику психиатрического отделения: физическое его состояние стало удовлетворительным, но обнаружилась полная амнезия, утрата памяти обо всем, что было до катастрофы, полная утеря собственной личности. Память — это ведь и есть наше внутреннее «я»; человек, все забывший, вплоть до своего имени и фамилии, — это уже не тот человек, каким он был до того. Нельзя сказать, что он вообще не человек. Но он — никакой человек. Впрочем, начальник психиатрического отделения, профессор Бронзов (он строжайше запретил сообщать Коноплеву, что он не хирург), неустанно наблюдавший вплоть до самой войны за Коноплевым и вернувшийся к этим наблюдениям после победы, особенно настаивал на том, что все остальные душевные возможности сохранились у «неизвестного» в полном объеме: он был совер-

шенно разумным «Иваном, родства не помнящим».

В конце января 35-го года состоялся процесс над водителем, допустившим наезд на Арсенальной: были побиты три машины, убито шестеро, ранено, не считая «неизвестного», еще три человека. Процесс этот сыграл особую роль в судьбе Андрея Андреевича: хроникерская заметка о нем попала на Красный переулок; там говорилось о человеке без имени. Мария Венедиктовна помчалась в медицинскую академию, и исчезнувший шесть недель назад муж и отец был найден.

Однако свидание с больным не привело ни к чему существенному. Больной оказался удивительно равнодушным и покладистым. Он без сопротивления принял ту личность, которую ему предложили врачи и эта весьма приятная женщина, утверждавшая, что он ее муж. «Коноплев? Ну, что же, возможно. Андрей Андреевич? Пусть будет так... Вы — моя жена? Маруся?.. Я очень рад, очень рад...»

Каково было Марии Венедиктовне услышать это безразлично-почтительное «вы»? Маруся не обратила в радости и в горе на это внимание, но профессор Бронзов потом утверждал, что у ее мужа в тот момент был такой вид «себе на уме», точно он думал при этом: «Пожалуйста, говорите что хотите, я-то знаю, кто я, откуда я и куда...» Профессору этот вид не нравился. Впрочем, оставалась надежда на лечение то ли фосфатами, то ли лизатами (Светочка не помнила чем). «Если ничего не случится», память должна была рано или поздно вернуться.

Но это самое «что-то» как раз и случилось в середине марта.

Андрей Коноплев бежал из клиники через случайно оставленное открытым окно (мыли окна к весне), обставив свой побег с хитростью и предусмотрительностью, которую все врачи расценили как лишнее доказательство его ненормальности и которые каждому профану показались бы доказательством полного и недюжинного разума беглеца. Он произвел в больнице ряд мелких краж, добыв себе гражданское платье, некоторую сумму денег, и исчез. Были приняты все возможные меры для его обнаружения, но они ни к чему не привели.

Почти два года продолжалось, как теперь ему стало ясно, его отсутствие из этого мира. Мнения о нем были различными. Мария Венедиктовна и мысли не допускала о симуляции, о каком-либо обмане — она-то знала своего мужа. Медицина и следственные органы тоже не считали вероятной такую возможность: самый доскональный анализ кассовых дел «Ленэмальера» оставил репутацию Коноплева незапятнанной.

Едва ли единственный человек в его окружении — Иван Саввич Муреев, тогда еще интендант третьего ранга, старый друг Андрея Андреевича, преуспевающий толстяк, принявший в делах осиротевшей семьи большое и теплое участие — спасибо ему! — как-то все помаргивал, прищуривался, когда речь заходила об исчезнувшем приятеле, разводил руками, сомневался: «Не знаю, не знаю, Мария Венедиктовна, ничего не могу утверждать... Сказать по правде, я Андрюху всю жизнь считал полнейшим шляпой, а он — вон какую штуку удрал!.. Не понимали, значит, его, недо-

оценивали, а?! Человек-то он оказался скрытный — кто его знает какой...»

Но Мария Венедиктовна не обращала внимания на муреевские сомнения. Она полагала, что... Впрочем, неважно, что она, женщина, об этом полагала. Когда прошел год, потом время стало приближаться к полутора годам отсутствия мужа, она и сама начала поглядывать на того же Ваню Муреева не так, как прежде... Странное полувдовство это ее раздражало. А жизнь шла, дни летели... Надо было что-то придумать...

Вот почему, когда 12 января, почти через два года после его побега, в прихожей старой коноплевской квартиры внезапно раздался звонок, давно уже не слыханный, невозможный, но такой знакомый тройной звонок, Мария Венедиктовна, не помня как, добежала до двери и чуть не умерла дважды: за секунду до того, как ее открыть, и через секунду после того, как она распахнулась.

На лестнице, держа в руках чей-то завернутый в прокеросиненную бумагу отремонтированный примус, странно, виновато улыбаясь, проводя, как после крепкого сна, тыльной стороной ладони по глазам, стоял Андрей. Муж...

— М-м-м-м-арусенька! — проговорил он в следующий миг, роняя свой примус и медленно опускаясь на пол перед дверью, точно становясь перед ней на колени. — Мне что-то нехорошо... Но я пришел...

Профессор Бронзов и его соратники обследовали тогда Андрея Андреевича и так и этак. Возможно, для науки их усилия дали что-то, но практически они

не привели ни к чему... Установить, где был почти два года Коноплев, чем он существовал, что заставило его, выздоровев, вернуться восвояси, никак не удалось ни им, ни следственным органам, которые, впрочем, определив характерный случай психического заболевания, скоро перестали интересоваться Коноплевым.

Придя в себя и окрепнув, Андрей Коноплев стал совершенно здоровым, нормальным человеком. «Нормальным с некоторыми ограничениями», — сказал Марусе Бронзов, предупредивший, что ни в коем случае нельзя эти «ограничения» пытаться насильственно отменить. Это опасно. О тех почти двух годах надлежит молчать; случаи такого «вагабондизма» могут повторяться...

Коноплев так и остался жить «с вырванными двумя годами». Врачи, весьма заинтересовавшись им, добились того, что его устроили на работу в «Ленэмальер-Цветэмаль» по его же специальности. Его не без труда и хитростей убедили, что он уже был тут бухгалтером и что именно отсюда его вырвала катастрофа 17 декабря, случившаяся будто бы в 1936 году. Она-то и вытравила предыдущие дни и месяцы из его памяти. Все это было, конечно, ложью, но типичной «ложью во спасение».

Ну, что же? Он и стал так жить. И довольно легко примирился со своей странной отличкой от других — человек, потерявший два месяца!

А чего тут особенно волноваться? Два месяца, шестьдесят один день, подумаешь, какая пропажа! Что он потерял-то с ними? Восемь походов в бани на Фонарный; десять или двенадцать посещений

парикмахерской на площади Труда... Пятнадцать семейных ссор, двадцать мирных вечеров, когда они с Мусей вдвоем принимались за Светку... Сотни две бумажек с подписью «А. Коноп...», ушедших в разные места из «Ленэмальера»... Да, может быть, и к лучшему, если всего этого будет поменьше?

Так жил он, так прожил последние предвоенные годы и грозную полосу войны. После заболевания Коноплева освободили вчистую от военной службы, и он вместе с Мусей и Светочкой ездил в эвакуацию, сидел в этом диковинном по названию, а за три года ставшем даже милым Мордвесе, хлопотал о вызове в Ленинград, дрожал за свою драгоценную «жилплощадь», вернулся весенним вечером на свой Замятин, как все старые ленинградцы, переживал заново встречу с Невой, Адмиралтейством, Исаакием...

Странная штука — жизнь! И пришел он в то же самое полутемное помещение «Ленэмальера», и сел в свое старое кресло перед тем же самым столом, перед которым сидел и до войны...

И за повседневными делами так плотно позабыл все когда-то бывшее, что даже в последние дни, когда на него стали сыпаться из ниоткуда непонятные и грозные шальные грубые яблоки, ему в голову не пришло хоть как-нибудь связать их в самых робких предположениях с той, первой, совершенно реальной своей тайной.

Зато с той большей быстротой завеса вдруг поднялась перед ним после ночного разговора с дочкой. И тут обыкновенный человек вдруг усомнился: а действительно

ли он такой уж обыкновенный? А может быть... Он не знал еще, в чем же заключается эта его необыкновенность; ведь никому было не известно, где он был, что делал в те два таинственных года.

Что он, бродил, как нищий безумец? Непохоже! Скрывался где-то тут же, в Ленинграде или Москве? Немыслимо, исключено: его убежище было бы моментально открыто.

Боже, воля твоя! С конца 1934 по 1937 год! А ведь экспедиция профессора Светлова отбыла из СССР на неведомый остров как раз в апреле 1935 года. И в Москве благодаря удивительному сцеплению случайностей Светлову пришлось заменить заболевшего хозяиственного и финработника (финработника!) неким А. Коноплевым. Это все совпадения?

Нет, возможно, возможно! В ленинградской телефонной книжке подряд стоят 10 Коноплевых, из них 3 «А» и 2 «А. А.». Да, но нога? Звездообразный шрам по правой лодыжке, бледно-розовый некрасивый шрам, так давно знакомый и так недавно получивший вдруг совершенно неожиданное значение. Сколько лет он был уверен, что шрам этот остался у него от той катастрофы на Арсенальной набережной. А теперь?..

В письме профессора Ребикова ясно сказано, что шрам образовался на месте рваной раны там, на берегу Хо-Конга... Да и в дневнике... Кстати сказать, сам этот дневник, он-то что? Тоже совпадение...

...Глубокой ночью под непрекращавшиеся всхлипы Светочки, доносившиеся из столовой, в отсут-

ствие Марии Венедиктовны (естественно, что в таком расстройстве чувств она осталась ночевать у брата... Да нет, она не из болтливых, этого опасаться не приходится!) ленинградский главбух Коноплев А. А. встал, не очень-то важно себя чувствуя, с постели, бросил взгляд на градусник, показывавший 38,3, его вечернюю температуру, накинул свой любимый, Марусиными верными руками в первый год их брака сшитый стеганный халат, попал ногами в обскоженные еще в Мордвесе, в эвакуации, валенки и, сев в кресло, надолго, до утра ушел в чтение малоразборчивых каракуль тетради. «А. Коноплев. Дневник № 2»? Что ты поделаешь? Пусть будет — два! А вот почерк — как это объяснить?! И его, и совсем не его... Другого Коноплева?

ГЛАВА VI

В ЦАРСТВО ЗОЛОТОЛИКОЙ

«...зит неминуемая гибель: римба кишит змеями и хорошо еще, что в этих местах как будто не водятся крупных хищников.

Маленький песчаный пляжик, на котором оставили меня и Ки-о-Куака, едва ли не единственный клочок сухой земли на десяток километров вокруг. Сухой!

Зеленоватая вода Хо-Нонга лижет розовый гранит в десятке метров от того места, где я полусижу, полулежу; из-за спины при восточном ветре доносится рокот порогов на второй речке: Ки зовет ее Хе-Кьянг. Справа, совсем близко, начинается подтопляемая приливом полоса мангровых зарос-

лей, и вороненая сталь пистолета покрывается легкой ржавчиной, даже если я подвешиваю кобуру на расстоянии протянутой руки на спутанные ветки гибиска.

Мы должны во что бы то ни стало соединиться со второй группой и совместными усилиями прорваться в область Тук-Кхай: на нее власть этих дьяволов еще не простирается.

Если это удастся им, они смогут прийти на помощь и раненому, то есть мне. «Дорогие друзья! — сказал Виктор Михайлович перед расставанием. — Нас здесь шестеро советских людей. Положение трудное, очень трудное; что же закрывать на это глаза? Вероятнее всего, мы все погибнем. Но если это и случится, что ж? Погибнут шесть человек. Если же хотя бы одному из нас удастся выбраться отсюда туда, к Горе, и вернуться домой, и привезти с собой пусть хоть несколько десятков граммов ЕЕ семян, сотни и тысячи несчастных будут потом избавлены от чудовищных мук, от адской безнадежности... К нам тянутся исковерканные болезнью руки. Воспаленные глаза смотрят на нас... со всех концов мира. Ну, что ж? Разве мы не граждане нашей страны? Погибнуть? Нашей гибели позавидуют многие...

...19 июля. Моя нога заживает с удивительной быстротой. Образуется правильный, гладкий шрам в виде пятиконечной звезды. Но лихорадка не проходит: к ночи сил у меня почти не остается, и бедный мальчик Ки-о-Куак смотрит на меня беспомощными черными глазами.

Мы одни. Впрочем, вчера под вечер сквозь завесу жестких листь-

ев из реки внезапно вышел и, поводя коротким хоботом, остановился на песке, небольшой тапирчик, молоденький самец, почти черный. Я выстрелил, даже не успев прицелиться. Он упал как подкошенный. Дня три, если мясо, которое Ки, тщательно завернув в большие листья, зарыл глубоко в песок, не протухнет, мы будем сыты.

Самое тягостное то, что с моего песчаного теплого ложа все время виден там, в конце зеленой тенистой долины, похожей на слегка извивающуюся просеку, в двух или трех десятках километров отсюда, блестящий базальтовый конус, Гора, Вулкан Голубых Ткачиков. Днем он отражается порой в мутно-зеленой глади Хо-Конга. Лунными здешними ночами (теперь полнолуние) что-то, какие-то изломы на его вершине сверкают, как хрусталь в серебре.

На его обращенном в нашу сторону скате лежит синяя треугольная тень — священная долина Тук-кхаи. Если бы мы добрались до нее, мы были бы спасены, ибо там уже царит Золотоликая. А по ту сторону вулканического конуса, в долинах центральной возвышенности острова, если верить рассказам, и растет целыми рощами она — шальмугра. Все дело только в том, чтобы они добрались до этих мест. Все дело только в этом.

23-е. Вчера произошло чрезвычайное событие. Среди бела дня два солдата хозяев острова, Пришельцев, должно быть не заметив меня, кинулись из зарослей на Ки, который возился у воды с пойманной рыбой. Судьба хранит нас: я не спал и не метался в лихорадке в этот миг. Одного я убил наповал (позже Ки столк-

нул его тело в реку), другой же, вскрикнув, уполз за лиановую завесу. До вечера он все еще стонал там, но стоило о-Куаку пошевелиться, как пуля свистела мимо него. Ночью он умер, и Ки с диким злорадством показывал мне жестами, как его тело гложут там, в зарослях, рыжие муравьи.

Нас они обглодали бы точно так же, не убей я этих двоих... В полдень я поступил согласно с нашим уговором: я отправил юношу наперерез предполагаемому пути второй группы. Если допустить, что Светлов и Абрамович разминутся с лекарственниками, то, может быть, мальчику, который в римбе как рыба в воде, удастся наладить связь либо с самим Светловым, либо со второй группой, либо же, в конце концов, с Тук-кхаи сторожевых постов на склоне горы.

Милый мальчик разделся до набедренной повязки и ничего не взял с собою. Ничего, кроме кривого ножа.

Прощаясь, он долго жал мне руку, смотрел в глаза, убедительно, но непонятно говорил что-то. Слов я не понял; смысл дошел до меня: он просил верить ему; он уверял, что спасет меня.

Потом я остался один: невеселое чувство! Вечереет. Первобытные тени римбы, девственного леса здешних островов, удлиняются, становятся гуще и влажнее. Неразборчивый ропот, таинственные голоса раздаются отовсюду. Глухо квакают огромные лягушки «лух-лух». Кто-то жалобно взвизгнул за деревьями: кому-то там, в гуще леса, пришел карачун. Пахнет жирно,пряно, нелепо: так могло бы пахнуть в магазине, в котором рядом открыты плодоовощной,

цветочный и парфюмерный отделы, да тут же устроена и выгребная яма...

Никогда не мерещилось мне, что я увижу своими глазами все это. Да и не увидел бы, если бы не Сури... (Тут на строчку упала капля: прочесть окончание фамилии стало невозможным.)

Около шести вечера задремал. Увидел странный сон: будто у меня есть жена и ребенок и я их очень люблю. Никогда, насколько себя помню, мне не снилось и не думалось ни о чем подобном.

Проснулся от очень большого страха. Я, с женой и этим ребенком (не то дочкой, не то совсем маленьким сыном), гуляя, шел по какому-то мосту, вроде ленинградского Дворцового. И вдруг под нами начала двигаться разводная часть мостового настила. В ужасе я заметался, хватая ребенка и жену, но мост с грохотом рухнул вниз...

Очнувшись, я понял: произошло короткое, но сильное землетрясение, один мощный толчок. Всюду еще раскатывался гул. Где-то трещали стволы деревьев, отчаянно кричали и хлопали крыльями птицы. Вода тихого Хо-Конга волновалась и пенилась. Мой песчаный пляжик поднялся горбом метра на полтора над ее уровнем... Потом вся местность содрогнулась еще дважды от могучих ударов. Затем все стихло. Странно, что наяву я совершенно ничего не испугался...

Стемнело. Писать не могу. Да и знобит отчаянно.

24-е. Очень жаркий день после лунной ночи. Утром вскрыл и ел консервированный ананас. Двое суток как Ки ушел. Делать мне решительно нечего. Воздух полон

насекомых, но, на счастье, москитов никаких. Вот светящиеся жуки, те, как только стемнеет, носятся, танцуя, туда и сюда во множестве.

Днем вулкан кажется близким как никогда. Иной раз мне представляется, что он не по-доброму дразнит меня, иногда — что он что-то обещает. Чувствуется, что к ночи я расклеюсь окончательно. Придумал сейчас хотя бы вкратце повторить в этой тетрадке историю нашего прибытия сюда: первая книжка осталась там, в багаже второй группы...

...Мелкие карандашные буквы сливались в глазах Андрея Андреевича в невнятную вязь, но мгновениями ему начинало казаться, что их и нет надобности читать. Разве он не помнил, не знал всего этого? Разве он не угадывал написанные слова раньше, чем их удавалось прочитать?.. Разве самая лихорадка не била его и сейчас так же, как тогда?

Казуариновая роща? Ну да, конечно: она виднелась далеко над вершинами джунглей, на холме правее самого вулкана. Правее и значительно ближе... Жирный след с бурными потеками на страничке дневника? А разве крупное зеленое насекомое, какой-то громадный кузнечик не упал в тот миг откуда-то сверху в книжку и он от неожиданности не придавил его?.. Еще немного, еще одно, но зато самое трудное усилие, и для него уже не останется ничего тайного во всем этом...

Еще там, в Метрополии, нас задержали. Три недели сверх договорного срока. Их власти никак не хотели допустить экспедицию на Калифорнию. Почему?

Маленький сладкий человечек

с желтым, но почти не раскосым личиком, толстенный, на коротких ножках, изо дня в день отговаривал нас. Он вежливо щебетал, как птичка, прижимал ручки к жирненькой грудке, улыбался, хихикал и только иногда по-собачьи зло скалил большие, совсем не птичьи, зубы.

Виктор Светлов, бородач в полтора раза выше его, громогласный атлет, подавлял его своей непреклонностью. Уже тогда у Светлова сложилась эта фанатически звучащая формула. «Нас шестеро, а проклятых сотни тысяч. Баланс не в нашу пользу!»

В конце концов мы вырвались оттуда. В середине июля, после спокойного перехода, мы прибыли в Буэнос-Айрас — старый, испано-португальских еще времен, порт на южном берегу островка, в самом устье Хо-Конга.

По расчетам Светлова, экспедиции выгодней было начать путь именно отсюда, с юго-запада. Экспедиция имела целью сбор плодов шальмугры, а она росла именно в южной части страны, чуть севернее Большого Вулкана.

В золотистых яблоках, что созревают на ветках дерева калав, содержатся семена, напитанные чудотворным маслом. Добывая его, люди Востока испокон веков платят за него своими жизнями. Добытое, отжатое, оно ценится на вес золота. Несколько капель маслянистой жидкости, введенные в вены самого тяжкого лепротика — проклятого, делают, согласно восточным медикам, то, что мы привыкли считать легендой, мифом. «Встань, возьми одр свой и ходи: ты очистился!» — как бы говорят они ему.

И человек, бывший долгие го-

ды уже за гранью жизни и смерти, за пределами людского мира, воскресает для новой жизни. Струпья Иова спадают с его тела. Львиная морда превращается в человеческое лицо. И он примиряется с возвращенным ему существованием.

— Может быть, все это и так, — говорят, однако, ученые, — но... Так ли это на самом деле? Это необходимо проверить, чтобы избежать горечи такого разочарования.

И правда: если это так, чем же объясняется тогда, что столь мощное средство остается доселе почти неизвестным в цивилизованных странах? Почему шальмугровое семя не продается на европейских рынках? Почему наши лаборатории и заводы не выжимают из него чудотворное масло и в лучших оранжереях Запада не зеленеют молодые побеги священного дерева калав?

Увы, все это очень просто. Слишком мало проклятых живет в Европе, чтобы им можно было продать с выгодой достаточное количество шальмугрового масла. Среди белых — кто болен этой древней болезнью? Почти одни только неимущие. Кто же оплатит добычу бесценного масла в гибельных горах Индокитая или Индии? Кто даст деньги на разведение плантаций калава, строительство лабораторий и заводов, эксперименты и опыты? Это не хина, нужная всем. Это не дерево кока, из которого можно добывать и лекарство, и сладкий, приманчивый яд, нужные миллионам...

И чудесные плоды гниют в высоких травах горных джунглей сегодня, как гнили тысячелетия

назад. И люди тоже гниют заживо, как эти плоды, в темной «римбе» того мира, не в силах прибегнуть к дарованной самой природой помощи. Им недоступно лечение шальмугровым маслом. Его добыча не сулит доходов. Спасать страдальцев невыгодно. Страшные слова, не правда ли?

«Но мы-то, — говорил еще в Москве, еще на пароходе Виктор Светлов, — мы люди другого мира. Мы обязаны добыть этот эликсир жизни и, по крайней мере, узнать окончательно: панацея он или нет».

На второй день по приезде получитал, полувспоминал сквозь свое лихорадочное состояние все тогда происходившее бухгалтер «Ленэмальера» — выяснилось, что для движения в глубь острова найти людей вряд ли удастся.

Туда вели два пути: водный, по Хо-Конгу и его притокам, вплоть до подножия Горы Голубых Тначиков, и сухопутный: джунглевая тропа, пересекающая Хо-Конг и Хэ-Кьянг и расположенную в их междуречье влажную «римбу».

Для водного пути невозможно было найти ни гребцов, ни проводников. Стоило заговорить про сухую тропу — ужас мелькал в глазах любого местного жителя.

Виктор Светлов щедро увеличил размер вознаграждения. Метисы порта ежились и цокали языками от жадности, но боялись соглашаться. Хо-Конг, если поверить им, состоит сплошь из стремнин и водоворотов. В болотах полно змей, и среди них страшная из страшных — летучая змея, которая, подобно стреле, кидается на свои жертвы с вершин деревьев. Там жила желтая лихорадка, зияли забучие пески. Там,

вполне вероятно, жили драконы с девятью глазами, бродила среди зарослей рыжая Баба с сухой рукой и без спины.

Но много страшной драконов, калонгов, песков, стремнин и даже сухорукой Бабы были, по общему уверению, Тук-кхаи — вольнолюбивые, не покорные даже свирепым Хозяевам острова, пришедшим из-за морей, Сыны Золотоликой. Тут впервые и прозвучало для всех членов экспедиции звонкое имя это — Золотоликая.

Двадцать с лишним лет Тук-кхаи, оттесненные военными кораблями и пехотой в глубь своих лесов, осмеливаются дерзостно удерживать в своих руках возвышенности острова, на которые можно проникнуть только по одной или двум неприступным скалистым тропам. Нечего и думать отправиться к ним: во-первых, и сами они злы и дики, а во-вторых, кто же отважится преступить приказы.

Стало ясно, что сухорукая Баба тут ни при чем; все дело в негласной инструкции оттуда... Именно внимая ей, губернатор острова решил не выпускать «рюсскии люди» за пределы городской черты.

Положение стало почти безнадежным. Но в одну из душных грозowych ночей, когда потоками лил, кипел, клубился тропический дождь и непрерывно били в землю синие-зеленые молнии, в дверь номера постучали. Служитель, молчаливый желтолицый человек с большим крестообразным шрамом на щеке, ввел к русским второго — гиганта, как всегда на этом острове неясно, малайца, даяка или аннамита. Затем он не удалился с зауценно-низким поклоном, как много раз на дню, а

остался в комнате, когда великан, с достоинством приложив руки к груди, сел на циновку.

К утру все переменялось. Человек этот (он не нашел нужным назвать себя, да никто и не настаивал) узнал, что на остров прибыли люди из Страны, где любят Всех живущих. Они пришли сюда, потому что помнят заветы Человека, Который Возлюбил Весь Мир. Они ищут целебные растения, чтобы пользоваться всех, кто болен. Хозяева не хотят этого. Но он ненавидит хозяев. Он поможет, чем умеет, беде путников. Им придется двигаться сразу двумя путями — и посуху и по воде.

Четверо — в лодке. Гребцы будут верными и сильными; это — его гребцы. Двоих понесут в паланкине. Носильщики — его люди. Он не может ничего обещать, но его люди сделают все, что будет в их силах, чтобы провести путников в страну Золотоликой. Если понадобится, они пожертвуют своими жизнями для этого, потому что его люди — Ее люди. Но путь опасен, а «римба» — плохое место. Они могут и не дойти; лес полон солдат и их наемников. Однако, если они доберутся до Горы, Золотоликая примет и защитит их от всего. Нет, она никого не боится. Разве живущие в Стране, где любят Всех, не знают этого?

На горе и за нею, на плоскогорье, живет свободолюбивое племя. Много лет его сыны, владевшие раньше всем островом, вели борьбу с Пришельцами под властью великого вождя — Полотняного Глаза. Старый воин почил, но после него осталась дочь, Золотоликая, — радость очей и на-

дежда сердец. Она справедлива. Она мать всех, юных и старых: таково чудо! Сердце ее как пух птицы «коди». Зрачки ее разят, как дротики пигмеев. Она правит народом Тук-кхаи, хотя только шестнадцать раз дожди зимы омывали ее чело. Дойдите до нее, и она поможет вам. Но помните — путь к ней грозит смертью!

Едва он закончил свою распевную речь, как Светлов поднялся навстречу ему. Договорились быстро. Был назначен срок тайного отбытия — на рассвете седьмого утром, — был разработан маршрут: интересно было видеть, как легко, едва взглянув на нее, человек этот стал свободно разбираться в карте. Установили условные сигналы, места тайных встреч... Все было сделано.

И в этот миг сверху, со стропил крыши раздался странный звук. Сначала невнятное, странное хлопанье, потом звонкое, зазорное «тук-кхи, тук-кхи, тук-кхи!» — много раз подряд.

Лицо старого человека просветлело. «Тук-кхаи! — благоговейно проговорил он, значительно подняв вверх два пальца, указательный и средний. — Тук-кхаи победил, как и каждый день, демона ночи. Путь ваш чреват опасностями, но Тук-кхаи за вас. Вы в добрый час начали свое дело...»

Так, при благоприятных предзнаменованиях это началось. А неделю спустя (Андрей Коноплев столько раз вчитывался в дневник, что скоро окончательно потерял границу между ним и своей собственной памятью) один из работников экспедиции, заменивший в Москве заболевшего хозяйственника, раненный в ногу, остался с мальчиком-аннамитом на берегу

Хо-Конга в ожидании того, чтобы обе группы, соединившись, пришли к нему на помощь. Дневник принадлежал именно ему, хотя никаких указаний на это в тексте не содержалось, а надпись на корке была сделана почерком, резко отличным от почерка самих записок.

На второй день пути их лодку обстреляли из гущи мангровников. Один из гребцов был смертельно ранен и к вечеру умер. Он скончался без единого слова жалобы или укора. «Скажите Ей, — пробормотал он, — что Нгуэн-о-Конг сделал все, что мог».

Два дня после этого прошли спокойно. А затем на каноэ, проходившее теснину, рухнул ствол дерева, может быть подточенного муравьями или термитами. С большим трудом удалось спасти кое-что из припасов. Сук упавшего дерева проломил борт легкой лодки и разорвал ногу Коноплева. Понадобилось сделать остановку. Продуктов было в обрез. Пришлось поступить так, как было уже сказано: Светлов и Абрамович с двумя гребцами ушли. Коноплев и четырнадцатилетний Ки-о-Куак остались.

Затем, как и условились, двинулся вперед и Ки. Оставшийся в полном одиночестве Коноплев вынужден был не трогаться с места. Рана его не беспокоила, но лихорадка теплала все сильнее.

23 июля было отмечено сильным землетрясением (знаменитое июльское землетрясение 1935 года, с эпицентром восточнее Молуккских островов), которое сопровождалось сильнейшим ливнем. Коноплев в который раз промок до костей и пережил сильнейший пароксизм болезни...

...Сидя теперь, ленинградской мартовской ночью за своим домашним столом, читая этот набросанный небрежно, нервно, карандашом — не то его, не то не его почерком — дневник, этот Коноплев, как будто тот же самый, но в то же время совершенно другой Коноплев, время от времени отрываясь от записок, поднимал усталое, побледневшее лицо и, уставясь в темное окно, долго, многие минуты оставался без движения.

Как ни парадоксально это звучит, как раз теперь, когда его смутные полугрезвы-полуопасения получили, наконец, бесспорное (даже документальное!) обоснование, именно сейчас он начал ощущать все это как совершенно немислимую фантазмагорию.

Рассудок теперь, казалось бы, вынужден был признать: «Ну что ж? Оказывается, и на самом деле!» Но непосредственное чувство, наоборот, начало яростно протестовать: «Да нет же, что ты, Андрей Андреевич! Немыслимо! Исключено!»

Да, конечно, он много «знал» теперь такого, что как будто не было точно обозначено в самом дневнике. Он видел не «заросли», как говорилось там, а определенные темно-зеленые, пестрые, глянцевиные листья; слышал острый запах в момент, когда их с хрустом давят сапоги белого.

Он читал: «Тук-кхай» и видел смешную остренькую мордочку этой ящерицы, некоторыми повадками своими напоминающей млекопитающих, кирпично-красные пятнышки на мягкой светло-голубой спинке. Она приносила счастье человеку, под кровлей которого поселялась. Вечерами, поймав

мышонка или забежавшего огромного паука, она издавала звонкое «тук-тук-кхй!» — клич торжества и радости...

Ведь знал же он все это? Или... А может быть, вычитал из Брема, потому что, откуда иначе известно ему и ученое мудреное имя этого зверька: «гекко вертицилляторс»?

Голова у него разламывалась, как только он начинал разбираться в этом.

ГЛАВА VII

ВО ИМЯ ТУК-КХАИ ВЕЛИКОГО

Вот письмо, лежащее на столе теперь, когда все уже кончилось. Почерк этого — очень длинного! — письма близко напоминает почерк в парусиновой тетради. Но эксперты-графологи (их привлек к делу профессор Бронзов) не рискнули уверенно «идентифицировать» оба эти почерка. Не рисковали они, однако, и утверждать, что оба документа принадлежат двум различным лицам. «Бывает, — осторожничали они, — что во время болезненных состояний или сильных душевных потрясений почерк человека резко изменяется...»

«А по выздоровлении возвращается к «статус-кво антэ»?» — допытывался Бронзов.

Эксперты пожимали плечами. «Крайне редко...» — отвечал один. «Бывает, но обычно с заметными изменениями», — утверждал второй.

Надо сразу сказать, что все то, о чем говорится в письме, содержится — только, так сказать, в сжатом виде — в парусиновом блокноте.

«Светочка, дочка!

Только ты сможешь понять меня. Я расскажу тебе все, как... Нет, я не рискую написать: «как было». Как мне кажется, что оно было...

Землетрясение случилось в ночь на двадцать четвертое, а потом хлынул дождь. Ты таких не видывала: воздуха не оставалось, была сплошная вода. Хина мне уже не помогала.

Закутавшись в три одеяла, я дрожал под перекосившейся полупалаткой моей: не думал я, что так можно заблудиться в тропиках! Наконец я впал не в сон, а скорее в долгий, переполненный кошмарами обморок (в дневнике сказано проще: «Надолго потерял сознание»).

Открыв глаза, я не поверил себе. Было сухо и тепло: ни лопотания капель по кожистой листве, ни плеска речных волн. Я лежал под какой-то кровлей, точно бы внутри хижины. Но прямо передо мной виднелась не прямоугольная дверь хижины, а как бы неправильный пролом в каменной стене. Пролом, и за ним — темное ночное небо экваториальной полосы Земли. У верхнего края пролома я различил Южный Крест.

Снаружи на меня веял чистый, теплый, но не знойный воздух. Он вливался в мои легкие, бежал по сосудам, и лихорадка уходила от меня. Живительно прозрачный, как чистая вода, ветер гор!

Этот ветер колебал маленькое пламя за моей головой. В его перемennom мерцанье, на краю моего ложа я и увидел Ее.

Она сидела, легкая, как воздух, непонятная, как вся ее страна. Белое с золотой каймой широкое одеяние окутывало ее.

Я не мог бы описать ее, Светочка, даже если бы был гениальным писателем. Кроме того, ты женщина, и, что бы я ни сказал тебе про другую женщину, тебе будет или слишком мало, или чересчур много.

У нее было очень типичное лицо аннамитки или бирманки... Мне кажется, что среди красавиц мира аннамитская красавица стоит на много ступеней выше всех.

Узкоглаза была она и широкоскула, с кожей золотистой, как кожица плодов тех стран. Ничего не могут сказать об этом слова наших языков...

Ее губы... Улыбались они или нет, в то мгновение разве может об этом судить европеец? Ее дикие глаза смотрели сквозь меня, как глаза тонкой золотистой змеи джунглей, как глаза пантеры. И ее зачесанные гладко волосы, завязанные большим узлом на затылке, черные, как черный лак тамошних изделий, отливали то красным, то синим в неправильном мерцании светильника.

В недоумении я двинул рукой: как попал я сюда? Тогда ее рука, тонкая, как золотистая ветка, и сильная, как рука истинной дикарки, вынырнула из бело-золотого шелка. Протянувшись вперед, она властно легла мне на лоб.

«Silence!» («Молчи!») — проговорила она по-английски.

Потом очень медленно она выпростала из складок одеяния и вторую руку. Обеими ладонями, крошечными, как половинки апельсиновой шкурки, она, согнув их ковшичками, обняла мои обросшие густой бородой щеки, приподняла мою голову, и, дюйм за дюймом, не отводя глаз от моих, приблизилась свои губы к моим губам.

«Сайленс!» — еще раз прошептал ее горячий, никогда до того не слышанный мною голос.

В тот первый вечер она ускользнула мгновенно, а меня охватило забытие. Но неделю спустя я был уже здоров — то ли от горьких, как хина, напитков, которыми меня поили, то ли от тамошнего воздуха, целебного, как бывает целебна вода минеральных источников.

Да, я стал ее мужем, мужем Золотоликой, Матери сынов Тук-кхэй. Если бы я был поэтом, Света, я, может быть, сумел бы описать тебе это все: огромную, изрытую пещерами гору с дымящейся вершиной над альпийскими лугами, внизу — темные, непроходимые леса «римбы».

На северо-востоке леса уходили в туманную дымку. На юге они кончались километрах в тридцати обрывом неприступного морского берега. Над лесом сияло изо дня в день пламенное, синее до боли в глазах небо тропиков, а между лесными вершинами и небом, как такая же синяя вертикальная стена, стоял Океан.

Я бы описал тебе все: как у дверей Золотоликой сменяются бронзовые полуголые стражи с превосходными трофейными винтовками в руках и как в лунном свете ярко-голубым горят огоньки примкнутых штыков над их головами, над головами свирепых воинов, оберегающих свою владычицу, как слабую девочку, и стирающихся перед нею на земле, как перед богиней и как перед всеобщей Матерью. И как в маленьком, глухом и бездонном озере между зеленоватых утесов, которое заменило пока народу Тук-кхэй отнятое у него пришельцами

море, ежедневно с пронзительными криками купаются неистовые желтотелые люди: атлеты, с волосами, закрученными узлом на темени, и девушки непередаваемой стройности, у которых в мокрых блестяще-черных косах горят алые, как пламя, цветы гибиска...

Я нарисовал бы тебе долгие лунные ночи, когда у выходного пролома этой пещеры-дворца мы часами сидели на мягкой, слабо пахнувшей неведомыми травами циновке или на шкуре сервала, смотря на залитый ослепляющим серебром остров, на леса, ставшие черными и глыбистыми после захода солнца, там, внизу, на море, сияющее под луной, на пляску светящихся жуков, носящихся тотчас же за каменным порталом, и ведя долгие, медленные — потому что мы были полунемыми друг для друга — разговоры.

Она рассказывала мне про свою страну, а я пытался сказать хоть что-нибудь про мир, из которого пришел. Суровые советники ее двора и не думали покидать нас в эти часы: наши дела были их делами. Они то и дело вмешивались в нашу беседу, спрашивали ее о том, добавляли это...

Все они немного болтали на каком-то странном английском, с примесью португальских и местных слов; и — странное дело! — довольно скоро я овладел этим чудовищным наречием тихоокеанских портов. Она владела этим эсперанто лучше, чем ее подданные. Я рассказывал ей все то, что нам обоим казалось любопытным, а она быстрым щебетом переводила мои слова им.

Много лет он сражался за свободу — народ Большого Тук-кхай

под началом отца Золотоликой; а когда отец ее умер, седобородые сказали, что его место должна занять она, потому что оба ее брата были убиты в боях.

Никто не помогал ей и ее сынам Тук-кхай в жестокой борьбе с Коротковолосыми, с Пришельцами. Только глухо пролетали порою слухи: далеко, на той половине Земли, в мире белых есть одна страна, населенная Возлюбившими Всех. В той стране нет рабов и нет покорителей. В той стране может быть еще мало знают про остров Тук-кхайри. Но когда-нибудь именно оттуда придет весть об освобождении...

Будь я поэтом, дочка, я украсил бы все это пышными словами. Но я только обыкновенный человек, удивленный тем, что со мной случилось. Я знаю, что я там был, но я не верю этому, Светочка. Я не мог сделать все, что сделал тот. Он делал больше и лучше, чем было бы в моих силах...

Я — или, лучше, тот, кто почему-то принял мой облик, вошел в меня на короткий срок, — сделал многое. Он, чем умел, помогал маленькому смелому племени жить и бороться. Я (или он) в короткий срок обучил их войско, научил их — рыболовов и охотников — земледелию, расставив по своей карте надежные посты обороны в диких лесах «римбы». Мы делали, что могли, я, или он, но силы были слишком неравны. Надо было искать помощи.

И вот через два месяца после того, как у Золотоликой в самой дальней пещере дворца родился сын, — я вздрагиваю, слыша, как ты называешь его твоим «братцем», дочка, — поговорив обо

всем и обсудив все, мы решили вдвоем, что настало время разлуки.

Она сама послала меня послом в ту страну, где хранят прах и душу Возлюбившего Всех людей. Она поручила мне сказать моим братьям, что нельзя дольше оставлять без помощи и защиты сынов Тук-кхаи. Они отрезаны от голубых вод. Большие железные лодки Коротковолосых подходят к берегу и бросают через леса и горы толстые пули, которые громят убивая. Только на недоступном южном берегу остались бухточки, куда они не осмеливаются заходить из-за множества рифов.

«Мои сыны, — указала она тонкой рукой своей на смутный горизонт, — переправят тебя на ту далекую землю. — Там чуть намечался между небом и морем еще более синий, чем они, контур ближайшего острова. — Там живут белые люди, похожие на тебя. Они пошлют огненную прайю, и она унесет тебя к твоим. А если будет нужно, ты велишь — и железная рычащая птица понесет тебя к твоему дому. Но когда ты будешь на родине, не забывай меня и мой народ. Поди к старейшинам твоего племени и расскажи о нас. Скажи им, чтобы они проявили гнев и справедливость...

Что я должен был сделать? Как я мог объяснить ей, что такое Мир и какие железные законы действуют в нем? Я смотрел на нее так, как смотрел бы в глаза царицы Нефертити, если бы Машина Времени перенесла меня в Древний Египет. Эта девочка-подросток пятый год мудро правила своими дикарями, но она не могла понять меня. Она знала, что

есть добро и зло, свет и тьма. Ядовитые тарантулы приносят смерть; гордые маленькие Тук-кхаи, зверюшки-фетиши, побеждают их. Но ей немислимо было представить себе ни сорок тысяч километров окружности земного шара, ни ту пестроту нравов и цивилизаций, обычаев и стремлений, которые неистовствуют на этой окружности.

Однако она была владычицей моих дней. Я не мог не исполнить ее приказа. А кроме того... А кроме того, Светочка, наверное, вы с мамой звали меня отсюда, хотя я и не понимал, что это ваш зов.

Был Седьмой день Луны Легучих Собак, когда она повела меня на Луг Клятвы. Неведомо когда и кем изваянная, там стояла громадная грубая статуя — изображение самого мирного и самого благодушного из всех богов острова, бога изобилия и плодов земных, бога данных и выполненных слов, О-Ванга. Тут, у подножия идола, на разошедшихся далеко друг от друга каменных дилитах, лежали в тени невысокого деревца два туго набитых кожаных мешочка. Старый жрец кидил в душном воздухе горьковатым голубым дымом, а над головой толстобрюхого доброго бога склонялось второе дерево, широколиственное, могучее, — дуриан или гуява. Странные плоды приносит оно: запаха их так омерзителен непривычному человеку и так силен, что белые всюду в тропиках запрещают вносить гуяву в свои дома. Но тот, кто, преодолев отвращение, отважится отведать мякоти его, похожей на сливки, смешанные со сладчайшим вареньем, тот уже никогда не забудет

этого восхитительного, ни на что другое не похожего вкуса...

Плоды дуриана на острове посвящены О-Вангу, безобразному и благодетельному отцу всех живущих.

Мы стали над жертвенным камнем у подножия идола. Подняв на камень кожаные торбочки, Золотоликая передала их мне — и я ахнул: в каждой из них, распростирая свой особый, слегка терпкий запах, лежали отобранные, очищенные семена шальмугрового дерева — не менее пяти килограммов в каждом мешке.

«Возьми дар, который мой народ шлет твоему народу, — говорила она, нахмурив брови, точно говоря по заученному. — Я знаю, и ты знаешь: пять твоих братьев, не считая тебя, пришли сюда за семенами калава. Теперь ты остался один. Остальные спят в волнах Хо-Конга с того дня, когда он был запружен землетрясением. Но Хо-Конг не взял бы их, если бы коротковолосые не загнали их в Теснину Тысячи Ветров. Они были смелы, твои братья. Они мужественно боролись с врагами, с моими врагами! Они погибли, но смерть в бою — не смерть. Возьми же, отвези этот выкуп за их жизни в твою страну от тихого Хо-Конга; он не знал, что творит. Да произрастет у вас дерево калав, ниспосланное людям богами. Пусть его соки оживляют страдальцев, изгоняют болезнь силою заплаченных за них жизней. Пусть зерна его будут залогом, который я вручаю тебе за себя и за сына моего Тук-кхай.

Ну и ты тоже дашь мне залог. Когда до тебя дойдет весть, что проказа смыта с моего острова,

ты оставишь все и придешь ко мне!

Ты узнаешь об этом не по слухам. Если боги сохраняют мне глаза, когда земля Золотоликой станет свободной, — клянусь семью именами О-Ванга, я пришлю тебе три шальмугровых яблока. Три, одно за другим.

Где бы ты ни был, на земле или под землей, на воде или на дне моря, в небе или за его твердью, они придут к тебе. И когда третье коснется рук твоих, ты оставишь все и пойдешь ко мне.

А чтобы тебя не смущали многие призраки, вот тебе знамение: утром того дня, когда ты узришь третье яблоко, поздним утром ты увидишь О-Ванга, бога моей страны, сидящим, как он сидит перед тобой здесь, и плоды дуриана будут лежать на земле у ног его. И запах дуриана, ненавистный людям Запада, войдет в твои ноздри. И ты не захочешь нарушить этой клятвы — клятвы сильного. Где бы ты ни был и что бы ни делал, ты встанешь и пойдешь, и придешь ко мне, Золотоликой. Встань же на камень клятвы и клянись!»

И я стал рядом с ней на вытертый тысячами босых ног камень, и няня-аннамитянка, выйдя из кустов, дала мне на руки маленького Тук-кхай. Ему было два или три месяца. Он смеялся и двигал ручонками, пугаясь, когда они задевали мою бороду.

И тогда, Светочка, я поклялся прийти...

А через три дня носилки показывали меня над кремнистой тропой, ведущей под гору, и я все оглядывался назад и видел наверху, на каменной террасе дворца-пещеры, у самого ее края, ма-

ленькое неподвижное белое пятнышко. Белое, с уже незримым мне золотом каймы...

Я помню, как старый Нгуэн-о-Гук зашиб ногу о валун. Я помню, как на опушке леса точно бы стремительная стрела свистнула над моим примитивным паланкином: то сорвалась с верхушки арёковой пальмы летучая змея, Хризопелёя наших ученых. Я помню, как скрылся вдруг за поворотом светло-лиловый на синем Вулкан Голубых Ткачиков. А потом...

А потом, Светлана, я ничего не помню. Я не знаю, как, когда, каким путем, при чьей помощи оказался я в Советском Союзе. Я не знаю, выполнил ли я или нет возложенное на меня поручение — два поручения, с шальмугрой и с призывом о помощи. Я не помню ни морского перехода, ни полета. Ничего, решительно ничего...

Мне неведомо, каким чудом Бханг, муж Золотоликой, стал вновь Андреем Коноплевым, твоим отцом, неизвестно мне — один ли Коноплев существует в мире или их много — таких Коноплевых, вернувшихся оттуда. Если ты скажешь, что все это просто приснилось мне, потому что я слишком долго ломал голову над записной книжкой в холстинковом переплете, я поверю тебе.

Но одно я знаю наверняка: клятва была дана, и кровь жертвенного ара, белого, как облако, обрызгала сразу наши босые ноги — и мои и ее. Неподвижно стояли они рядом на мшистом и теплом мраморе. И еще в одном уверен я: третье яблоко — на пути ко мне. Могу ли я не послушаться заключенного в нем призыва, Света?...»

ГЛАВА VIII

О-ВАНГ НА КАНОНЕРСКОМ ОСТРОВЕ

Теперь, когда все уже произошло, а мы по-прежнему стоим в полном недоумении перед загадкой двойного бытия Андрея Коноплева, стоит отметить, что утром дня, следующего за тем, когда он прочел дневник и «вдруг все вспомнил», взволнованная, потрясенная и смущенная до предела Мария Венедиктовна вернулась на Замятин.

Надо отдать ей должное: понимая, как и все окружавшие, что каждый факт в жизни ее мужа по каким-то непонятным причинам вдруг приобрел двойной смысл, она нашла для обоих случаев достойное ответное поведение.

Ее мужа надо было теперь рассценивать либо как лишенного рассудка, даже и сейчас тяжелого психостеника и маньяка, либо же как человека, пережившего нечто неведомое и непонятное нам в сравнительно недавнем прошлом.

Но в том и в другом разе — так рассудила она — нельзя помочь делу ни ревностью, ни обидой, ни гневом, ни слезами. Да и разве он виноват, если с ним стряслось такое?

Правда, всем казалось чрезвычайно важным отделить зерно от плевел — правду от вымысла, установить, что же в этой необыкновенной истории было истиной и что фантазией. Но можно ли было этого достигнуть, если и сам он, по-видимому, не имел об этом никакого представления?

Придя тихонько домой, Мария Венедиктовна, не будя мужа, прошла в столовую, в Светочкин заширменный закуток, и долго

шепотом, но горячо говорила с дочерью. Потом, услышав, что Андрей Андреевич зашевелился, они обе пришли к нему.

Андрей Андреевич проснулся и лежал тихо, смотря прямо перед собой, похудевший, желтоватобледный, но очень спокойный. Мария Венедиктовна внезапно опустилась на колени на коврик перед его кроватью. Он, помедлив, нерешительно положил руку ей на голову. Светочка уже сидела с глазами, полными слез, и распухшим носом: они пусть как хотят, но ей невыносимо было переживать такое без отчаянного рева...

Некоторое время, не считая ее всхлипов, длилось молчание.

— Не знаю я, Маруся! — поглаживая волосы жены, негромко проговорил наконец Коноплев. — Не скажу я тебе ничего, было все это со мной или нет... Я был там или... не я. Ничего я сам этого не знаю... И, откровенно скажу, боюсь допытываться у себя насчет этого. Очень уж как-то оно все... похоже на сумасшествие...

Так, если думать попросту, как привык думать всю жизнь, — не могло этого быть! Нет, не похоже на меня все, что... Что ты прочла в дневнике этом... Ты ведь знаешь меня, разве похоже? Ну, скажем, смелость... Никогда я ею не блистал. На дачах воров боялся; ты же надо мной... Пьяных я и сейчас... не люблю. Дай ты мне в руки пистолет, сомневаюсь, чтобы он у меня выстрелил...

Какой уж там путешественник в джунглях!..

Да, но с другой стороны. Смотри, вот тот шрам. Откуда он? С Арсенальной набережной или с острова? Я просил Бронзова

определить; он говорит — затрудняется. Между тем и другим слишком малый промежуток времени. А Ребиков описывает его по письму, которое не я же ему написал... И оттуда же оно, от этого... Светлова... И яблоки эти... Почему они ко мне попали? Ошибка? Случайность? Не знаю, может быть... Но что-то уж все случайность да случайность... Случайно два Коноплевых: оба «А» и оба финансовые работники... Случайно совпали его экспедиция и мое отсутствие... Вот что бы ты сказала, Мусенька?.. Не поехать ли тебе или мне в Москву, не попробовать ли там выяснить, что же тут случайно-то было? Хотя, пожалуй, нет: они так меня ненавидят все, что...

Мария Венедиктовна слушала все это, как говорится, вполслуха. Случайность, не случайность?! Станный народ мужчины! Не все ли ей, женщине, равно, почему она теряет мужа: по случайности или по закону, если ей уж предназначено его потерять?

— Андрюша, родной мой! Все это мне все равно, только ты успокойся, — сквозь слезы пробормотала она. — Ну, чувствуешь, что иначе нельзя, хорошо. И поезжай туда... к ним... Боже мой, что же иначе делать?!! А потом... А потом возвращаясь... Твой дом твоим домом и останется...

Рука Коноплева задвигалась еще нежнее.

— Я вот что... Тебе и Светочке... Я уже ничего другого не могу! Я подожду, я не хочу торопиться... А может быть, все это бред? Так тогда третьего яблока-то не будет?! И лучше бы... если бы не было... Но если оно свалится, тогда что? Я что думаю? Я там,

конечно, поклялся. Но я и тут дам клятву... Ты думаешь, я хочу этого? Я знаю: я там нужен. Но разве здесь-то, разве вам я так уж совсем не нужен?

— Папочка, милый!.. — взывала Светочка.

— Ну в том-то и дело, что дал! Вы помните, я все читаю, бывало, приключения разные, всякую чепуху... Все мне почему-то казалось, что как-то пресно вокруг меня все... Как-то скучно... жизнь моя сложилась... И вам со мной невесело... Казалось, в чужой дали... там, где-то... будет легче... Потому что тут... все кругом клочечет, а я один... почему-то, как щепка на стоячей воде...

А теперь? Нет, теперь мне отсюда совсем не хотелось бы. Но — что же делать? Будет нужно — я пойду... Даже если ошибка... Пойду и, когда станет можно, вернусь... Нет, не клятва это. Просто это я так думаю...

...В тот день и во все последующие дни Андрей Андреевич вдруг предстал перед всеми не только абсолютно нормальным, но, если так можно выразиться, сверхнормальным человеком. «Титаном ясной мысли», — с неуверенной иронией сказал Юрка Стрижевский.

С необычной беспристрастностью и объективной строгостью анализировал он свою ирреальную эпопею. Теперь он говорил о ней охотно, просто, без страха и смущения. Юра Стрижевский, болтавший на Замятином все эти дни, с удивлением поглядывал на Светку:

— Предок-то твой как раз вернулся! Я начинаю думать... Как-то никак не разберешься в человеке до конца...

И Светочка сердито фыркнула на него:

— Да замолчи же ты!

Сам он, Коноплев, отметил тогда противоречие, никем и ничем доныне не снятое. Наибольшим доказательством реальности его приключения являлось в глаза всех то, что он абсолютно точно, не сбываясь, со множеством подробностей, зафиксированных только в его памяти, припоминал, отчасти дополняя и уточняя все, что было вкратце намечено записями в парусиновом блокноте. Не то чтобы он слепо повторял рассказанное на его страницах. Нет, он передавал тоже, однако расцвечивая его такими частностями и деталями, такими колоритными штрихами, какие мы привыкли слышать только из уст очевидцев, разглядывающих, скажем, кучу фотографий, относящихся к путешествию пережитому и уже почти забытому. Без них вспомнить былое было бы невозможно. С ними воспоминания текут рекой.

Приведем пример: сцена прощания Коноплева и Ки-о-Куака совсем отсутствует в дневнике. Сказано просто: «В 16 часов Ки ушел навстречу нашим». Ни слова не говорится о его дальнейшей судьбе.

В рассказах же Коноплева (как и в любопытном письме) сцена эта повторялась уже с рядом красочных подробностей. Известно, скажем, что в дальнейшем Коноплеву удалось встретиться с подростком в Большом Селении Тук-кхай, что тот, не успев соединиться с членами экспедиции, оказался невольным свидетелем их гибели в затопленной в результате обвала дикой и узкой долине-каньоне Хо-Конга...

Но уже сам Коноплев заметил (а позднее профессор Бронзов подтвердил очень убедительными примерами), что его память была странным образом точно ограничена рамками и крайними датами дневника. Он очень ясно видел себя сидящим в беспомощном состоянии на розовой полоске песка в русле тенистого Хо-Конга и сознающим, что ему «...жит неминуемая гибель». Он куда более смутно — поскольку дневник обрисовывает их в виде «вставной новеллы», в виде «возвращения к прошлому» — припоминает трое суток, проведенных экспедицией в порту. Ничего, решительно ничего он не был в состоянии сказать о том, что происходило с ним до приезда за границу. Это естественно (?), поскольку все, что было до этого, являлось, бесспорно, содержанием «Тетради № 1», которая не попала ему в руки. Впечатление такое, точно с исчезнувшим первым блокнотом записей была вырвана из его мозга целая сюита воспоминаний.

Совершенно то же и — в другую сторону. Связный ход воспоминаний его пресекается внезапно и грубо совершенно так же, как обрываются записи в «Тетради № 2». Паланкин, в котором несут мужа Золотоликой, углубляется в «римбу», и полог ветвей на повороте закрыл вершину возвышающегося над буйными зарослями Вулкана. Вполне понятно, что великолепной горы путник больше уже не увидит. Но крайне странно то, что именно на этом, почти что снова на полуслове, завеса падает не только на дневниковые записи, но и на картины, сохранившиеся в памяти Андрея Коноплева.

«В 12.00 тронулись с места.

Она смотрела вниз до вечера. Наутро я еще мог различить ее, как белое пятно высоко над собой. Потом мы вступили в лес. Благоприятный знак: хризопелёа орната слетела над моими носилками с пальмы. В тот же миг ветви арека закрыли от меня навсегда гигантскую стену Вулкана. Два дня спустя мы...»

Никому не известно, была ли заведена, существует ли где-либо 3-я тетрадь коноплевских «Записок». Но сам он (если это был он) никаким усилием памяти не мог перескочить за пределы того «Два дня спустя мы...». Это весьма знаменательно. Впрочем, гадать об этом — напрасный труд. Пожалуй, правильное всего рассказать, не мудрствуя лукаво, обо всем, что случилось вслед уже изложенному и наложило свой полутрагический-полукомедийный характер на эту необыкновеннейшую из ленинградских «обыкновенных историй».

Пусть читатели сами сделают свои «независимые выводы», пусть попробуют строить свои гипотезы событий этих. Пусть они сами поломают головы над личностью Коноплева, ибо ни представитель чистой науки Александр Сергеевич Бронзов, психиатр и психолог, ни я — летописец последних бурных месяцев этой неторопливо протекавшей через десятилетия жизни — не нашли для них единственного, рационального и положительного значения икс, которое было бы тут потребно.

А. С. Бронзов проделал множество действий. Он нашел все те твердые отличия, которые позволяют сказать, что «Тетрадь № 2» навряд ли писана А. А. Коноплевым с Замятина переулка. Он установил, что ни в одном из напи-

санных и подписанных главбухом «Ленэмальера» документов на протяжении годов даты не имели вида: «19-е, 23-е», но всегда непременно — «19-го», «23-го»... Он производил розыски у помолога Стурэ и убедился, что Коноплев настойчиво искал у него определения плоду шальмугры, что было бы странно, если бы он когда-то видел и плоды этого дерева, и само дерево на острове. Он обратил даже внимание на недописанную в тексте дневника фамилию «Сури...» и сложными способами доказал, что А. А. Коноплев никогда не знал ни одного человека, фамилия которого начиналась бы с этих двух слогов, ни «Сурина», ни «Сурикова». Единственный «Сурков», которого он знал, потерялся и исчез из его жизни еще в конце 20-х годов...

А в то же время...

Вот в том то и дело, что «в то же время»!..

Два месяца с того дня, о котором только что было рассказано, прошли без всяких происшествий. Бюллетень Андрея Андреевича кончился, что дало повод участковому врачу Розе Арнольдовне, старому лейб-медику Коноплевых, оригинально сострить насчет того, что все — даже и бюллетени! — кончается... Андрей Андреевич стал с привычной аккуратностью посещать место своей службы на Полтавской, где тогда помещались объединенные «Ленэмальер» и «Цветэмаль».

Светка, само собой, не удержалась и рассказала под страшным секретом про удивительный случай с папой двум-трем подругам по филфаку. Это привело к результату, слегка озадачившему ее. По городу заговорили о некоем

принце с Молуккских островов, который будто бы поступил на службу не то в Отдел садов и парков, не то на кинофабрику «Техфильм» бухгалтером. На службу к Андрею Андреевичу начали звонить звонкие девические голоса, всячески домогаясь ближайшего знакомства с ним.

Но мало-помалу затихло и это. Всем уже начало казаться, что тучу, может быть, пронесло стороной, мороком... Как это ни странно, живей всех верил в такую возможность сам Коноплев. Кто его знает — может быть, ему и на самом деле выпадало на долю быть то скромным бухгалтером в Ленинграде, то морганатическим супругом золотишкой дочери даякского или аннамитского вождя где-то на островах. Может быть, он даже чувствовал себя неплохо в обоих этих ипостасях своих. Но переходить из одной такой ипостаси в другую — это было для него непереносимо. Он устал, страшно устал от этого!

6 мая Андрей Андреевич, как всегда, утром отбыл к себе на работу. Нева только что очистилась от ладожского льда. Был очень яркий и теплый солнечный день, хотя нет-нет да и подувал еще — Ленинград же! — востренький восточный ветерок.

Уходя, он заверил, что вернется не позже семи: у Маруси могли перестояться его любимые пирожки.

Не дождавшись мужа ни в семь, ни в восемь, очень встревоженная Мария Венедиктовна подняла переполох.

В «Цветэмали», куда она долго и тщетно пыталась дозвониться, в конце концов подошла к телефону дежурная, курьерша Настя,

которая порою занималась у Коноплевых мытьем стекол к праздникам и другими хозяйственными работами. Настя сообщила с совершенной точностью, что Андрей Андреевич прибыл на работу вовремя, был спокоен, даже весел (шутил!), и что затем его «вызвали» куда-то.

Около двенадцати он уехал, все такой же довольный и спокойный. Примерно в три часа, когда его не было, к нему пришел посетитель («Какой-то китаец», — сказала Настенька, и сердце Марии Венедиктовны упало в пропасть). Узнав, что Коноплева нет, он попросился дождаться его во что бы то ни стало. Его провели в кабинет главбуха, и он, сидя там, тихо «читал французскую книгу».

«Сам» приехал в половине пятого и, узнав, что его ждут, вроде как расстроился или разволновался, что ли... Не снимая пальто, он заперся с посетителем в кабинете. Примерно с полчаса оттуда не было слышно ни звука...

Потом Андрей Андреевич позвал к себе старшего бухгалтера, передал ей некоторые дела, как перед отъездом, и даже печать. Потом он вместе с этим китайцем приготовился уходить. Он уже открыл дверь на лестницу, потом быстро вернулся, подошел к ней, к Насте, и к Зиновке, счетоводу, взял их за руки и сказал вот что. «Настя... Зиновка!.. — так сказал он. — Если в случае чего Маруся моя... Пусть она не волнуется! Я — ничего... Скажите ей: я скоро вернусь...»

Вот и все, что ей, Насте, было известно. Ни она, ни Зиновка «ничего такого не подумали». Но вот теперь ей уже стало казаться, что лицо у Андрея Андреевича было

какое-то не такое, как всегда... Какое-то такое лицо...

Стоит ли описывать, что происходило в те часы в доме 8 по Замятину (Красному) переулку?

Может быть, к счастью, было то, что чувствам гражданок Коноплевых не пришлось долго кипеть в пустоте. Около девяти вечера к переулку по набережной подошла знакомая машина, и из этой трофейной машины в трофейного сукнеца шинели, в немецких ботинках, с датскими часами на запястье, вышел, задыхаясь и вытирая платком затылок, Иван Саввич Муреев. Очень возбужденный, он поднялся к Коноплевым.

— Ну что? Ну что? — сразу же зашумел он. — Опять учудил что-нибудь наш чудик? Ну, я так и знал...

Да, это он вызвонил сегодня утром Андрея Андреевича к себе на Канонерский. А потому, что там на складе у него произошла странная вещь. Хотя почему же странная: случается и такое...

Только на днях он получил с Дальнего Востока — с Филиппин, что ли, откуда-то оттуда!! — оставшую от других большую партию трофейных фруктовых консервов, главным образом ананасов в белых таких жестянках, захваченных на оставленных противником продовольственных базах.

Консервы прибыли благополучно. Все ящики были приняты и оприходованы в полном порядке, кроме одного. Он на следующий день начал издавать невообразимое зловоние... Да, знаете, даже не скажешь чем: и тухлым сыром, и падалью, и гнилой травой... Целый букет, понимаете... Грузчики, воровавшие ящики, начали задышаться буквально до тошноты и,

наконец, возле весов таки урони-
ли его.

Ящик разбился. Из него посы-
пались никакие не жестянки, а
тоже какие-то плоды или фрукты,
вроде гранатов, что ли... Некото-
рые упали и — ничего, а другие
разбились (поспелее были!), и в
них странная мякоть такая — ну
точь-в-точь сбитый белок или
сливки с каким-нибудь вареньем...
Но вонь, вонь, я вам даже и ска-
зать не могу какая...

— Прибежали за мной. Я ту-
да: бог его знает — товар-то от-
куда прибывает, как за них по-
ручишься? Может быть, там ОВ
какое-нибудь?!

Там ужас что творится: эти са-
мые овощи всюду валяются... Вой-
ско мое бегаёт, знаете, — носы
кто чем зажал, — их собирает.
Клавочка, счетовод наш, на топча-
не в сторонке, как рыбка, брюш-
ком кверху воздух ртом ловит,
без памяти... А вместе с тем,
смотрю, — никакого ОВ. Плоды,
сразу видно, в полной сохранно-
сти, только дух от них такой, что...
Что за произведения природы?
Уложены в ящик со всей аккурат-
ностью, в бумажках...

И тут пришла мне в голову
мысль: «Да кто же у нас теперь
по всяким тропическим делам
крупнейший спец? Конечно, Анд-
рюша! Даже, помнится, он мне
что-то про какие-то вонючие фрук-
ты тамошние рассказывал...»

Ну, снимаю трубку — к нему!
«Давай срочно сюда!» Он, конеч-
но: «В чем дело?» Сказать? Не по-
едет! «Нужен, — говорю, — во!
Аллур — три креста!»

Жду его. Из пакгауза все ушли,
потому что никакого терпения, го-
ворят, нет. А я как-то приняхал-
ся, что ли; мне это благоухание

начинает даже казаться вроде как
и ничего... Даже как будто аппе-
тит вызывает...

Сижу — и вдруг вспомнил, что
у меня брюки со вчерашнего дня
не отутюжены, а мне ведь потом
сразу же к начальству ехать! Вы-
ношу решение: свободное время
использовать на сто процентов...
Как Наполеон, знаете... Кликнул
там одного своего, брюки отдал:
«Выглади!» Жара страшная,
особенно в пакгаузах: крыши же-
лезные накалены... Китель у ме-
ня уже давно снят; сел я в одних
трусах на весовой стол, ноги ка-
лачиком; сижу покуриваю. И жду
Андрюшу, пока мне обмундирова-
ние в порядок приводят...

И вот, знаете ли, вошел он и
встал в дверях, точно его на ходу
оглушило чем-то.

Ну, я не удивился. Дух, знае-
те, вокруг меня от этих плодов
земных крепкий. Да еще, как все-
гда, в порту канатом пахнет, дег-
тем, масляной краской, невесть
чем... Я сижу нагишом, яблоки
эти по полу катаются... Но впечат-
ление-то от этого на него уж боль-
но сильное! Стоит и смотрит на
меня, прикрыв глаза рукой, точно
я не я, а кит гренландский какой-
нибудь... Точно он сам себе не ве-
рит и меня не узнает... И рубит
при этом черт те что:

— Ты О-Ванг, Ваня, — гово-
рит. — Теперь все кончено! Ты
вестник, я понимаю... Ты О-Ванг,
или О-Банг, — как-то так? —
среди изобилия и плодов дуриа-
на!.. Иван Саввич, не мучь ме-
ня, — говорит. — Скажи мне, от-
куда они у тебя?

И нагибается, и поднимает одно
такое яблоко, и берет у меня со
стола ножик перочинный, и разре-
зает... И начинает харчить его. Да

с такой жадностью, с таким удовольствием...

Ему не надо было договаривать: и Мария Венедиктовна и Светочка уже рыдали друг у друга в объятиях. Им было ясно — случилось то, чего Коноплев и боялся, и ожидал: он увидел нагого, тучного, благодушного бога О-Ванга на складе Военфлотторга на Канонерском острове Ленинградского порта... Могла ли какая-нибудь сила убедить его в том, что это еще не тот призыв?..

...Никто уже не удивлялся, когда на следующее утро чины милиции и администрация артели взломали дверь коноплевского кабинета на Полтавской.

В темноватом и небольшом кабинете этом стоял широкий и длинный уныло-пустой стол, с лампой и стеклом поверх зеленого сукна по столешнице. И, слабо отражаясь в этом стекле, в толстом зеркальном стекле, как в специальной подкладке, точно в центре стола лежал на нем маленький золотистый плод — шальмугровое яблоко.

Я не хочу, да и не в состоянии прокомментировать эту странную и неправдоподобную историю. Можно только повторить древнюю пословицу: «Sapienti sant!» («Пусть про то ведают мудрейшие из нас»).

Часть первая. ОДИН ПЛЮС ОДИН ПЛЮС ОДИН...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не плыви по течению. Не плыви против течения. Плыви туда, куда тебе надо.

К. Прутков - инженер.
«Советы начинающему спортсмену»

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО

Тупик

(ФИЛОСОФСКИЙ
ДЕТЕКТИВ В ЧЕТЫРЕХ
ТРУПАХ)

То, что выше неба, то, что ниже земли, то, что между ними обоими... то, что называют прошедшим, настоящим и будущим, это вплетено в пространство.

Врихадараньяка
У панишада

— А мы-то здесь при чем? — сказал в трубку начальник следственного отдела Матвей Аполлонович Мельник, худощавый блондин с мускулистым лицом и пронзительно-веселым взглядом, от которого привлекаемым становилось не по себе. — Нет-нет, я все понимаю, очень жаль, выдающийся человек помер... и прочее. Но имеется ли в этом печальном событии криминал? Все ведь, между прочим, помрем — одни раньше, другие позже, так, значит?

На другом конце провода горячо заговорили. Мельник кивал, досадливо играл мускулами щек и лба, поглядывал на сотрудников, мирно работавших за столами. Дело происходило в ясное июньское утро в южном городе Д...

— Может, отравление? — снова подал голос Матвей Аполлонович. — Нет признаков отравления?.. Удушье? Тоже нет! Так что же, собственно, есть, товарищ Штерн? Простите, я буду ставить вопрос грубо: вы официально это заявляете? Ах, нет... просто предполагаете, что дело здесь нечисто, так, значит? Умер он не просто так, ибо просто взять и умереть у него не было достаточных оснований... (Следователь Нестор Шандыба негромко фыркнул в бумаги, Мельник погрозил ему взглядом.)

Вот видите, как вы... А от нас желаете серьезных действий, так, значит, это самое! Ладно, приходите. Ждите.

Он положил трубку, обвел взглядом подчиненных. Все сотрудники следственного отдела горпрокуратуры — старший следователь Канцеляров, через год уходящий на пенсию, следователь ОБХСС Бакань, Нестор Шандыба и даже Стасик Коломиец, принятый всего полгода назад младшим следователем и сидевший у самой двери, — тотчас изобразили на лицах занятость и индифферентность.

Стасик Коломиец (24 года, холост, окончил юрфак ХГУ, плечистый спортсмен среднего роста, стрижется коротко, лицо широко-скулое, имеет разряд по стрельбе и боксу... Читатель, полагаю, догадался, что он будет играть главную роль в нашем повествовании), не поднимая головы, почувствовал, что пронзительный взор Мельника устремлен именно на него. «Меня пошлет, — уныло подумал он. — В каждую дырку я ему затычна».

— Пан Стась, — не замедлил подтвердить его гипотезу Мельник, — это дело как раз для вас. Езжайте, пане, в Кипень. Меня с прискорбием известили, что умер академик Тураев, директор института теоретических проблем. Сегодня ночью. При неясных вроде бы обстоятельствах — так, значит!

— А... в чем их неясность, обстоятельства-то? — отозвался Стась.

— Вот это ты на месте и посмотришь. Звонил мне личный врач академика Исаак Израилевич Штерн, тот самый, к которому на прием не попасть. Он ничего внятного не сказал. Боюсь я, что там

ничего такого и нет, просто заиграло у врача профессиональное самолюбие, так, значит? Не по правилам умер именитый пациент, не так, как это себе представлял Исаак Израилевич... Вот он и решил пожаловаться в прокуратуру. Нет-нет-нет! — поднятием руки Матвей Аполлонович сдержал протестующую реплику, которая уже готова была сорваться с уст Коломийца. — Надо, пан Стась, надо. Академик, директор института, лауреат — так, значит. Был сигнал, так, значит? Словом, давай. Прокатишься в дачную местность, для такого случая дадим оперативную машину — только сирену не включай, так, значит?

— Медэксперта брать? — Коломиец поднялся из-за стола.

— М-м... Там по обстановке решишь, если нужно, вызовешь. Дуй!

Только сидя в машине рядом с водителем, Стасик вспомнил, что так и не выразил Мельнику протест по поводу того, что его вечно направляют на самые пустые и мелкие дела. Да и вообще... эта кличка «пан Стась», которую он мог принимать только как насмешку: внешность его была гораздо более рязанской, нежели польской. Расстроившись от этих раздумий, он сунул руку в карман за сигаретой; не найдя сигарет, расстроился еще сильнее — и тут вспомнил, что вчера вечером он снова твердо решил бросить курить. Он вздохнул и решил терпеть.

До Кипени, дачного поселка, раскинувшегося на берегах одноименной живописной реки, было минут сорок езды: сначала на юго-

запад по шоссе, разделенному газоном, напоминавшем просвет на лейтенантских погонах, затем направо по малоизношенному булыжнику среди сосен, песчаных бугров, старых бревенчатых и новых дач со зреющими вишнями, сушившимся бельем и взволнованными собаками — и все. Двухэтажный коттедж Тураева стоял на самом краю — далее шел каскад прудов и густой хвойный лес.

На звонок открыла дверь грузная старуха, седые жидкие волосы ее были собраны на макушке в кукиш. Коломиец назвался, старуха недобро глянула на него распухшими красными глазами, повернулась и повела его по скрипучей деревянной лестнице вверх. Пока они поднимались, она раз пять шумно вздохнула и три раза высморкалась.

— ...Извините меня, Евгений Петрович, — услышал он нервный высокий голос, входя в комнату, — но в моей практике и, насколько мне известно, вообще в медпрактике, любые кончины относятся к одной из трех категорий: естественная смерть — от болезней, несчастных случаев, от старости... я знаю, от чего еще! — насильственная смерть типа «убийство» и насильственная смерть типа «самоубийство». Иных не бывает. Поскольку никаких признаков, подводящих данный случай под первую категорию, нет, я и взял на себя смелость...

Все это говорил, потряхивая лысой, обрамленной по периферии черными короткими волосами головой, маленький полный мужчина, обращаясь к высокому худощавому человеку и стоявшей рядом с ним женщине в халате с зелеными, синими, желтыми и

красными полосами. Услышав шаги, он замолк. Все обернулись.

— А вы, наверно, из милиции... простите, из прокуратуры? — произнес лысый коротыш. — Вот и хорошо — если вообще в данной ситуации возможно хорошее! Будем разбираться вместе. Позвольте представиться: Штерн, кандидат медицинских наук, врач академика Тураева. Это Халила Курбановна... — он запнулся на секунду, — жена покойного. (На уме у него явно было слово «вдова», но не так-то легко первым произнести его.)

Женщина в халате грустно взглянула на Коломийца; у нее были тонкие восточные черты лица, почти сросшиеся над переносицей черные брови, большие темные глаза. «Таджичка? Нет, скорее туркменка, таджички круглолицы», — определил Стась.

— Это... — Штерн несколько театральным жестом показал на второго мужчину.

— Загурский, — тот корректно наклонил седую красивую голову.

— Евгений Петрович, заместитель Александра Александровича, член-корреспондент Академии наук и профессор, — дополнил Штерн.

Он явно вносил в обстановку некую не подобающую случаю суетливость.

Третий мужчина, которого Штерн не представил Коломийцу, лежал на диване из черной кожи, словно прилег отдохнуть. Он был в белой нейлоновой рубашке с завернутыми рукавами, серых легких брюках и шлепанцах. Курчавые темные волосы с сильной проседью на висках, длинное худое лицо, подтянутые щеки, тонкие иронические губы. Выражение ли-

да усопшего было тоже спокойно-ироническим, с легким оттенком недоумения.

Стасик, в свою очередь, отрекомендовался и приступил к делу. Собственно, он не совсем ясно представлял, что делать и как себя вести: с первого взгляда ему стало понятно, что ничегошеньки здесь, кроме обычной смерти, не произошло; стало быть, его прислали для соблюдения формальности, чтобы удовлетворить... «Ну ладно, пожалуйста, удовлетворю!» Он решил отделаться минимумом: осмотр, показания присутствующих, кого подозревают (если они кого-то подозревают) — и все. И без протокола с понятиями — незачем, поскольку не было официального заявления.

Осмотр трупа не дал ничего. На теле академика Тураева признаков насилия не оказалось. Штерн подтвердил предположение Коломийца, что смерть наступила около пяти часов утра, то есть шесть часов назад. Одежда на покойнике также была в полном порядке; разрывы и разрезы тканей, а также пятна крови (да и вообще какие-либо пятна) отсутствовали.

Стасик сфотографировал труп.

Осмотр комнаты, к которому Коломиец затем приступил, предварительно удостоверившись, что все здесь оставалось с момента обнаружения трупа без изменений, также ничего к картине происшедшего не прибавил. В комнате имелись два мягких поролоновых полукресла с сизой обивкой, упомянутый уже диван, на котором лежал покойник, большой письменный стол (на нем — журналы, книги, четвертушки бумаги с записями и без таковых, стаканы с

остатками чая и кусочками лимона), стеллажи с книгами вдоль боковой стены («Для академика книг не так уж много, — отметил про себя Стась, — но, видно, большая часть осталась на городской квартире»); угол у окна занимал фикус в дощатом ящике. С потолка из лепной розетки свисала люстра с четырьмя светильниками (три по краям и один в центре). Пол был паркетный, толчки и стены покрывала приятная для глаз светло-бежевая краска. Но главное, что ни на чем не имелось следов ни борьбы, ни чьего-то незаконного вторжения; напротив, все было ухожено, протерто от пыли, чисто.

Коломиец открыл окно, за которым был красивый пейзаж с прудом и лесом; в душе смеясь над собою, исследовал шпингалеты (исправные), стекла (целые), внешнюю поверхность стены (ровную). «На кой черт меня сюда прислали?» От раздражения ему снова захотелось курить.

Опрос присутствующих тоже ничего не дал. Вдова «потерпевшего» с экзотическим именем Халила Курбановна (отзывавшаяся, впрочем, и на имя Лиля, как заметил Стась) показала, что, когда муж работал — а работал он почти всегда, — то и ночевать оставался в этой комнате; поскольку он часто засиживался до глубокой ночи, то затем обычно спал до позднего утра. Поэтому она сначала и не встревожилась. Встревожилась только в одиннадцатом часу утра: завтрак готов, он сам просил вчера к этому времени, а его все нет. И не слышно было, чтобы он ходил, а, работая, он всегда ходил взад-вперед; значит, еще не вставал... Говорила вдова

почти без акцента, только в интонациях прорывалась некоторая гортанность.

Она сначала позвала его, затем поднялась в мезонин, чтобы разбудить, и... Тут сдержанность оставила Халилу Курбановну: голос прервался, в глазах появились слезы. Через минуту она справилась с собой, продолжала. Шурик был мертв, был уже холодный. Она вызвала по телефону Исаака Абрамовича и Евгения Петровича. На вопрос следователя, поддерживает ли она заявление гражданина Штерна, что кончина академика Тураева содержит состав преступления, женщина, подняв и опустив худые плечи, сказала устало: «Я... не знаю. Не все ли это теперь равно?» А Штерн не замедлил с ехидной репликой: «Это вам самому надо бы установить и решить, молодой человек».

Стасик смолчал, но в душе озлился еще более. «Ладно, будем устанавливать!» Где в эту ночь спала жена потерпевшего? Внизу, ответила она, в спальне. («Вот, пожалуйста, можно проверить: действительно ли она ночевала дома. Установил бы, конечно, что так и было, но нервы бы потрепал, опозорил бы женщину. Пожилой человек, — Коломиец скосил глаза на Штерна, — лысый, а не понимает!...») Когда она последний раз видела своего мужа живым? В половине одиннадцатого вчера, — ответила вдова, — Шурик крикнул сверху, чтобы она приготовила им чай, она приготовила и принесла.

— Кому это им? — сразу ухватился следователь. — С кем он был?

— С Евгением Петровичем, они вчера вместе работали.

«Так!..» Стасик мысленно потерял руки: его начало забавлять то, как выработанная веками процедура следствия сама, помимо воли ее участников, придавала происшедшему криминальный смысл. В воздухе явственно начало полахивать сомнениями, а возможно, и умыслом. Он устремил взгляд на Загурского — и почувствовал, как тот, огорченный до сих пор только смертью друга и начальника, теперь стал испытывать более личные чувства.

По какой причине товарищ Загурский находился вчера в столь позднее время у академика Тураева? Работали вместе над новой теорией; он и Александр Александрович в течение двенадцати лет были соавторами статей, монографий и даже учебников физики. Это было сказано с полным самообладанием и некоторым даже упреком — будто сотрудник горпрокуратуры обязан знать авторов и соавторов, занимающихся теоретической физикой! В каком часу он ушел? В одиннадцать, полчаса спустя после того, как Халила Курбановна угостила их чаем. Вдова согласно наклонила голову. Он, Загурский, иной раз и ночевать оставался здесь — когда они, бывало, увлекутся с Александром Александровичем и работают; но на сей раз дело не клеилось почему-то; оба сочли за лучшее расстаться на пару дней, обдумать все независимо, чтобы затем встретиться и обсудить. К тому же у него, Загурского, накопились дела по институту: организация симпозиума, текучка, все такое.

— Выходит, товарищ Тураев эти дни в институте не был?

— Совершенно верно.

— Он, что же, был болен?

— Нет... он просто работал дома.

— Так... — Стась закусил нижнюю губу. — Значит, вы были последним из видевших Тураева живым?

— Выходит, да.

— Как он выглядел?

— Да... как обычно. Был, правда, несколько расстроен тем, что идея не вытанцовывается. Он всегда бывал этим расстроен, пока не находил решения. — Загурский вздохнул, добавил: — Решение он тоже всегда находил.

— Он собирался лечь спать?

— Нет. Проводил меня до машины, полюбовался звездами, сказал, что еще поразмышляет часок-другой. Мы простились, я уехал.

— Машина была служебная или ваша?

— Служебная.

— С шофером?

— Нет. То есть штатный водитель имеется, но... кто же станет задерживать человека до полуночи! Я сам вожу.

Коломиец повернулся к вдове.

— Вы подтверждаете?

— Что именно?

— Что товарищ Загурский уехал от вас в одиннадцать вечера, а ваш муж вернулся в дом?

— Да. Я легла, но еще не спала — слышала, как они выходили, как разговаривали... как отъехала машина Евгения Петровича. Слышала, как потом Шурик поднимался по лестнице.

«Шурик... Для кого академик Тураев, столп науки, товарищ директор, для кого потерпевший, а для кого Шурик. Много названий у человека!»

— Потом он ходил по комнате из угла в угол... спальня как раз

под этим кабинетом, — продолжала вдова. — Около получаса. Может, и больше он ходил, но я уснула.

— Ночью ничего не слышали?

— Нет... хотя сплю я чутко.

— Кто еще, кроме вас двоих, был в доме?

— Никого. Мария Соломоновна, — она оглянулась в сторону двери, — это наша домработница... Приезжает утренней электричкой, убирает, готовит обед, а вечером возвращается на нашу городскую квартиру.

«Ясно, стережет». Коломиец тоже оглянулся на старуху, которая все еще стояла у косяка, скорбно поджав губы, вперив тяжелый взгляд в мертвого. «Бабуся в случае необходимости вызову...»

Наступила очередь Штерна.

— Болел ли покойный?

— В общем, нет, — ответил врач, — бывали, конечно, некоторые недомогания: отклонения в давлении крови, головные боли, утрення неврастения... Но все они из тех, какие замечает врач, а не сам пациент. Да и эти недомогания возникали у Александра Александровича после напряженной работы — особенно ночами. В целом же он для своего возраста и при своей загруженности был на редкость здоровым — для людей умственного труда, во всяком случае. Он с Халилой Курбановой и друзьями часто ходил в пешие туристские походы, имел значок «Турист СССР» — верно, Лиля?

Та кивком подтвердила.

— В последние дни он ни на что не жаловался?

— Нет. Последний профилактический осмотр я делал неделю

назад... Эти осмотры я, как личный врач Александра Александровича, делал каждые два месяца, хотя это всегда было для него предметом шуток. Так вот: сердце, легкие, кишечник, желудок, нервы... словом, все было в отличном состоянии. Просто в превосходном! Вот поэтому я и...

— Да-да. Что вы установили при внешнем осмотре трупа?

— М-м... ничего, собственно, не установил. Такое впечатление, что у Александра Александровича во сне просто остановилось сердце.

— Так просто и остановилось? — недоверчиво переспросил Коломиец.

— Именно так просто, молодой человек, в этом-то и вся странность. Подобное бывает только от крайнего истощения, от угасания всех жизненных сил в глубокой старости да еще от переохлаждения. В данном случае ни один из указанных факторов не имел места. Поэтому я и взял на себя смелость вызвать...

Коломиец напряженно размышлял: да, это действительно странно — как странно и то, что покойник оказался сравнительно молодым человеком — сорока лет. Стась, когда ехал сюда, думал увидеть изможденного, седого старца, иссохшего в служении науке, в черной круглой шапочке, какие представлялись ему столь же неотъемлемыми от академиков, как серая фуражка с малиновым околышем от милиционеров. «Эх, надо было медэксперта сразу с собой брать, они бы со Штерном нашли общий язык. А что я могу ему возразить? Вызвать сейчас, что ли?.. Э, нет! Отсутствие признаков — не улика. А здесь все так, не о чем

даже протокол писать: все «не» и «не»... Надо закругляться».

— Вы уверены, что все обстоит так, как вы говорите? — в упор спросил он Штерна.

Тот смеялся.

— Н-ну... окончательное суждение в таких случаях возможно лишь после патанатомического исследования.

— Вот именно, пусть вскрытие, так сказать, и вскрыет суть дела. Надеюсь, вы согласитесь участвовать в экспертизе?

Штерн сказал, что, конечно, сочтет своим долгом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если бы не было иностранных языков, как бы ты отличил преподавателя от профессора?

К. Прутков - инженер,
мысль № 202

Дело, собственно, было закончено. Но Стась для очистки совести решил еще пройтись по соседям. Соседи — как справа, так и слева — ничего не слышали, не знали, только ахали, узнав о смерти Тураева, сожалели. Коломиец, возвращаясь к даче, сообщал: «Что еще? Да, стоит забрать стаканы с опивками чая. Сдам на анализ — насчет отпечатков пальцев да нет ли следов отравы... Черт бы взял Мельника, нашел на ком отыграться, на безответном молодом специалисте. Вот мог бы со зла, под настроение раздуть дело об «убийстве академика», чтобы и прокуратуру, и угрозыск трясло!»

Сердито топоча, он поднялся по лестнице в кабинет Тураева. Старуха домработница возилась там, занавешивала окно темной тканью; увидев следователя, она что-то

проворчала себе под нос. Загурский сидел в кресле у стола, перебирал листки бумаги с заметками. Стаканов на столе не было.

— А где стаканы? — спросил Стась у старухи.

— Какие еще стаканы? — не приветливо обернулась та.

— Да здесь стояли.

— Вымыла я их и убрала, чего им стоять?..

«Тьфу, напасть! А впрочем, ладно».

— Э-э... — поднял взгляд на следователя Загурский, — простите, не осведомился о вашем имени-отчестве?

— Станислав Федорович.

— Станислав Федорович, могу я взять эти заметки? Все-таки последние записи Александра Александровича. Научное наследие его должно быть сохранено все до последнего листка... Да и, возможно, я сумею использовать эти мысли для завершения нашей последней работы. Хотя... — Загурский расстроено вздохнул, — трудно теперь будет. Не тот соавтор умер. Так могу?

— Одну минутку. — Коломиец взял эти четыре листка бумаги, на которые показывал Загурский, бегло просмотрел их; он чувствовал неловкость оттого, что, будучи уверен в своей бесполезности в этой истории, все-таки продолжает ломать комедию следствия, — и читал не очень внимательно. Да и почерк академика — резкий, небрежный — был труден для непривычного к нему человека. Все же Стась уяснил, что речь в заметках идет о пространстве-времени, координатах, траекториях и прочих теоретических вещах. Он протянул листки Загурскому. — Да, пожалуйста.

— Благодарю. — Тот сложил листки в красивую желтую папку из кожи и с монограммой в углу, завязал ее, встал. — И еще одна просьба, не считите за навязчивость, — моя машина ушла, так не подбросите ли вы меня в город?

— Конечно, о чем разговор!

Несколько минут спустя серая «Победа» помчалась обратно по булыжному полотну среди сосен, песка, дач и придорожных столбов со знаками ГАИ. Загурский и Стась расположились на заднем сиденье.

— Нет, напрасно это затеял Исаак Израилевич с вашим вызовом, — сказал Загурский, — я его как раз перед вашим приездом упрекнул. Только бедной Лиле — Халиле Курбановне — лишняя трепка нервов, а ей ведь и без того очень тяжело сейчас. Такой удар...

— Значит, вы не поддерживаете мнения Штерна? Но все-таки эти его доводы, что не бывает смерти ни с того ни с сего... имеют смысл.

— Э!.. — Евгений Петрович поморщился. — Что знает медицина о человеке вообще и о таких людях, как Тураев, в особенности? Человек индивидуален, талантливый — тем более. А медицинские оценки подразумевают некий стандарт, иначе не было бы и медицины как науки... И смерть человека есть, если хотите, завершение его индивидуальности. Что может сказать медицина о кончине Маяковского, Роберта Бернса, Есенина, Галуа? Что Маяковский выстрелил себе в висок, Есенин удавился, болезнь Бернса не мог-

ли определить врачи того времени, Галуа убили на вздорной дуэли?.. Но ведь это только поверхность события. И пусть не удивляет вас, Станислав Федорович, что я равняю своего покойного шефа и товарища с такими людьми: речь идет о явлении такого же порядка в теоретической физике. Не я первый назвал Александра Александровича «Моцартом теорфизики». — Он помолчал. — Вот Моцарт... тоже, кстати, непонятная смерть. «Кого боги любят — умирает молодым...»

— Ну а все-таки, — попытался досконально уяснить Стасик, — были же у Тураева враги, недоброжелатели, люди, заинтересованные в его смерти?

— Конечно, были и те, и другие, и третьи; у каждого значительного человека их хватает... Но, понимаете ли, в науке нашей все эти недоброжелательства могут выразиться интригой, подкупом, ну, самое большее, доносом в вышестоящие инстанции — но уж никак не смертоубийством.

— А если не в науке, в личной жизни?

— Да у него, дорогой Станислав Федорович, почитай что, и не было жизни, помимо науки. Ну вот жена... славная, преданная женщина. Туркменка. Он встретил ее, когда ездил на полевые испытания в Среднюю Азию в пятидесятых годах. Отличная, повторяю, жена, такие бывают только на Востоке, — но и она любила его, не понимая как человека. Круг знакомых весьма и весьма ограниченный. Друзья? Лышу себе, что я был ему другом. И если бы были у него смертные враги, то я бы их знал... Нет! Нет и нет, не стоит искать здесь происки и

криминал, Станислав Федорович. Просто внезапная смерть. Она всегда ужасна — грубое напоминание природы о нашей бренности. Она выбивает из колен всех близких к покойному... Словом, я полагаю, что Штерн привлек вас, поддавшись чувствам, от профессионального раздражения скорее всего.

«Вот-вот, Мельник как в воду глядел!»

Несколько минут они ехали молча.

— Вот я морочу вам голову своими суждениями, — заговорил снова Загурский; в нем чувствовалась потребность выговориться, — а сам еще не разобрался в чувствах, которые у меня вызвала эта смерть. Горе... Ну, это само собой. Может быть, даже посильнее, чем у Лили, — она женщина молодая, привлекательная, утешится. А мне эту потерю заменить нечем... Ах, Шур Шурыч, Шур Шурыч!

Коломиец заинтересованно глянул на него.

— Это мы так его еще в университете звали, — пояснил, заметив этот взгляд, Евгений Петрович, — в отличие от отца, тоже Александра Александровича. Не знаю, слышали ли вы о нем: выдающийся экспериментатор в области атомного ядра, ну и разработчик, понятно, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат — и прочая, и прочая, из тех, кого рассекречивают посмертно. Могучий был старик, он у нас на факультете читал технику физического эксперимента. Вот в отличие от него и именовали Тураева-младшего Шур Шурычем. Потом он стал просто Тураевым, даже

Тураевым-Тем-Самым, ведущим теоретиком физики, лауреатом и Ленинской, и Государственной... Теории его действительно вели, эксперимент их покорно подтверждал. И вот!..

Загурский замолк, закурил сигарету. А Коломиец с удовольствием отметил, что ему почти не хочется курить и тело налитو бодростью.

— И вот... — повторил Загурский, пустил дым над опущенным стеклом. — И поэтому у меня, кроме горя, еще чувство досады, какой-то детской, если угодно, досады: будто читал интересную книгу — и отняли. На самом интересном месте отняли!

— Почему именно на самом интересном? — скорее из вежливости спросил Коломиец.

— М-м! В этом-то все и дело, — оживленно, будто ждал этого вопроса, повернулся к нему Евгений Петрович. — Полгода назад Александр Александрович выдвинул идею — самую могучую из всех своих, хотя и прежние весили немало. Идею о том, что в физических теориях следует заменить два отдельных, по сути, представления: о «пространстве» и о «времени» — единым представлением о четырехмерном геометрическом пространстве. Геометрическом — в этом вся соль! Вы человек, далекий от наших исканий, но тем не менее берусь объяснить эту идею и вам. Дело вот в чем: из всех физических теорий наиболее разработана и подтверждена практикой теория о пространстве — знакомая вам геометрия. Мы знаем ее на плоскости — планиметрию, знаем объемную — стереометрию... Прибавление еще одного измерения в

принципе никого не может смутить, а математический аппарат для этого давно готов...

Надо сказать, что, как только Загурский в разговоре перешел к изложению этой идеи, в голове Стасика сработало... ну вот есть в человеческом мозгу что-то вроде перегрузочного реле, которое отключает поток утомительной, малопонятной или просто неинтересной информации; правда, у одних это реле срабатывает при больших потоках информации, у других — при малых. У Коломийца оно как раз было слаботочным, и сейчас он, слушая вполуха, рассматривал собеседника. Благородные сидины, но на шее они изрядно отросли и даже собрались в косички («Стричься бы ему пора», — отметил Стась); движения кистей и рук были изящны и уверенны, но манжеты белой рубашки несколько засадились; лицо Евгения Петровича было красиво и правильно, но красноватый цвет его и некоторая припухлость внушали сомнение («Закладывает, не иначе», — решил Стась).

— Однако, — говорил между тем Загурский, — чтобы это был неформальный переход, неформальное обобщение, надо то четвертое измерение, которое мы понимаем и чувствуем как нечто непространственное, как время, тоже свести к геометрическим категориям длин и расстояний. Над этой проблемой мы с Александром Александровичем более всего и бились. Многие трудности уже одолели, одолели бы и все остальные, я уверен. И тогда... Это был бы гигантский шаг в понимании мира — и в естественнонаучном и в философском. Понять время... ох, как это много и важ-

но! И вот не вышло, смерть оборвала и жизнь, и идею.

Загурский опустил стекло вниз до отказа, выставил голову под ветер; потом снова повернулся к Коломийцу.

— Вы спросите: а что же я сам, разве не смогу? Ведь соавтор. Знаете, сейчас мне кажется, что не осилю. Не того я полета птица... Шур Шурычу было хорошо со мной работать: я умел конкретизировать, воплощать в текст и уравнивания его идеи, подчас очень смутные и странные, был честным и дельным оппонентом при обсуждении этих идей. Но идеи-то все-таки были его...

Они уже въехали в город. Теперь машина, сдерживаемая светфорами, шла медленно и неровно.

— И вот, знаете, при всем том я испытываю еще одно странное чувство, думая о смерти Тураева, — задумчиво, будто даже и не Коломийцу, а себе, промолвил Загурский. — Смирение, что ли? Неспроста мне на ум приходят ранние кончины людей гениальных, от Моцарта до Галуа. Ведь не в том, в конце концов, дело, что одни из них были музыканты, другие поэты, третьи и вовсе математики. Это частности, суть же в том, что они, каждый на свой манер, приближались к глубокому пониманию мира и себя — куда более глубокому, чем прочие люди. Настолько, может быть, глубоко, что это выше возможностей человека... Вот и с Шур Шурычем мне почему-то представляется, будто это закономерно, что он умер внезапно именно сейчас, когда подбирался к самой сокровенной тайне материи... что так и должно быть. Странная мысль, а? Но ведь... понимаете, исследуя

природу, мы обычно разумеем под ней всякие там твердые тела, частицы, звезды — объекты вне нас. Но ведь материя — это и мы сами. Мы тоже существуем во времени — и не знаем, в чем существуем, не понимаем времени. Может, здесь действительно предел познания мира и себя, который нам не дано превзойти? Или иначе: дано, но, превзойдя его, нельзя жить?.. Уф-ф!.. — Загурский поднял руки, будто сдаваясь. — Наговорил я вам — у самого голова кругом пошла. Не принимайте все это всерьез, Станислав Федорович, это от расстроенных чувств.

Он наклонился к водителю:

— Сверните, пожалуйста, влево, на Пролетарскую. Дом пятнадцать, здесь рядом.

У дома довоенной архитектуры, балконы которого были почти сплошь закрыты диким виноградом, Загурский распрощался, поблагодарил, вышел из машины и вошел в подъезд.

«Хороший дядька какой, — тепло подумал о нем Коломиец, когда машина отъехала. — Простой, и не подумаешь, что член-корреспондент, ученое светило, теперь почти директор института. А я его мечтал со зла перекрестным допросом мытарить...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Вы меня сначала обилетьте, а потом оскорбляйте!

— А раз вы не обилечены, то платите штраф!

Разговор в троллейбусе

На следующее утро Мельник, выслушав отчет младшего следователя Коломийца, неожиданно

учинил ему оглушительный разнос.

— Значит, так просто и отдал эти бумаги? — начал он спокойно, только брови Матвея Аполлоновича зловеще изогнулись, делая его похожим на белобрысого Мефистофеля. — Ну, пан Стась, не ждал!.. Ты хоть сам прочел их?

— М-м... Проглядел мельком, вроде ничего нет...

— Та-ак... нет, вы слышите? — Мельник драматически повернулся к сотрудникам, и те разом осуждающе взглянули на Стася. — Пришел, увидел — победил! Так, значит? Кай Юлий Коломиец!

— Да ничего там не было, научные записи! — отбивался Кай Юлий.

— Конечно! И в бумагах ничего не было, и в стаканах... Это ж надо — так стаканы прозевать! Ведь сразу надо было их изъять, это ж азбука следствия — так, значит, это самое! Научные записи... Это Загурский тебе сказал, что научные записи, заинтересованное лицо, так, значит! Сам ты этого не знаешь. Нет, я на вас удивляюсь, Станислав Федорович, товарищ Коломиец, я очень удивляюсь: чему вас в институте учили?! Ведь читали же вам в курсах криминалистики: все, что произошло в моменты, непосредственно предшествовавшие преступлению, равно как и все находящееся в непосредственной близости от места преступления... так, значит, это самое! — Голос Матвея Аполлоновича нарастал крещендо. — ...Особенно предметы, хранящие следы личности потерпевшего или преступника, т. е., значит, — все это может иметь чрезвычайную важность для раскрытия такового! Все — в том числе и бумаги с

записями покойного! Там одна какая-то строчка может пролить свет...

— Да, какового такового!!! Нет там никакого преступления! Вы ж сами вчера говорили...

— Что я говорил?! Кто из нас был на месте происшествия — вы или я, так, значит, это самое! И что это за манера прятаться за мнение начальства, что за стремление к угодничеству? От вас, как и от любого представителя правосудия и закона, требуется принципиальность, твердость и самостоятельность — так значит, это самое! — Казалось уже, что Матвей Аполлонович не сидит за столом, а стоит за трибуной в заснеженной ночной степи, и вокруг него свищут пули басмачей и рецидивистов. — Странные у нынешнего молодого поколения взгляды: требуют принципиальности от других, а вот сами... так, значит!

Он помолчал, чтобы успокоиться, а затем продолжал:

— Конечно, если собирать улики так, как вы, товарищ Коломиец, собирали там бумаги и стаканы, то их никогда и не будет. Нет, я, конечно, не утверждаю, что совершенно преступление, что смерть была насильственная, все такое, — но ведь неясно пока, что и как, так, значит! Странно все-таки помер академик в полном расцвете сил. Вот ты говорил (то, что Мельник перешел на «ты» по отношению к подчиненному, свидетельствовало, что гроза миновала), что Загурский назвал покойного Тураева «Моцартом теоретической физики» — так, значит? А в таком случае сам-то Загурский уж не Сальери ли?

Матвей Аполлонович значитель-

но взглянул на Шандыбу и Канцелярова. Те, в свою очередь, со значением переглянулись: «Наш-то Мельник-то — ого-го!..»

— Вскрытие уже было? Где акт?

— Не было еще вскрытия, — угрюмо ответил Стась. — Главный медэксперт по вызову уехал в район, сегодня вернется. Приказал без него не вскрывать.

— Правильно, чувствует ответственность Евдоким Николаевич. А ты не прочувствовал, не проникся — так, значит! И схалтурил... Ну ладно: со стаканами ничего уже не исправишь. А бумаги, пан Стась, до 13.00 должны быть здесь. Найди пана Загурского, извинись и отними. Ознакомимся, снимем копию и вернем, пусть хоть в рамочку вставляется — так, значит? Усвоили, младший следователь Коломиец?

— Да.

— Исполняйте. Ух, молодежь нынче пошла! Р-р-разгильдяи!..

У Стася после этого разговора горело лицо и тряслись руки; курить хотелось просто невыносимо. «Затянуться дымком... думать ни о чем другом не могу. Главное: за что? Вчера же он сам меня посылал так, для соблюдения приличий».

...В наше время быстрого обмена информацией события развиваются стремительно и соответственно этому стремительно изменяются их оценки. И когда, идя на работу сегодня утром, Матвей Аполлонович увидел в газетах — да не в местных, а в центральных — некролог А. А. Тураева (с портретом), да еще увидел, какие подписи стоят под этим некрологом, он крепко призадумался. Ой, не следовало ему вчера выска-

зываться Штерну в том духе, что все-де умрем и нечего из-за смерти академика тревожить прокуратуру! Ой, не следовало ему так легкомысленно инстинктивно Коломийца!.. И Мельник решил наверстывать упущенное.

Стась позвонил в институт теоретических проблем. Ответили, что Евгений Петрович еще не пришел, ждут. Он спросил домашний телефон Загурского, позвонил — трубку никто не поднял. «Наверно, в пути». Подождав минут двадцать, он снова позвонил в институт. Та же секретарша ответила, что Загурского все еще нет.

— Может, он в другое место направился?

— Нет, Евгений Петрович в таких случаях предупреждает. Видимо, задержался дома.

Коломиец снова позвонил на квартиру — с тем же результатом. «Телефон у него неисправен, что ли? Надо ехать». Начальственный втык всегда предрасполагает человека к двигательным действиям.

На этот раз он добрался до четырехэтажного старого дома на Пролетарской на троллейбусе. В подъезде, в который вчера вошел Загурский, Стась нашел в списке жильцов номер его квартиры, поднялся на второй этаж. Там перед обитой черным дерматином дверь с никелированной табличкой «Д-р физико-математических наук Е. П. Загурский» стоял, задумчиво нажимая кнопку звонка, рослый полнеющий брюнет в парусиновом костюме. Стась остановился чуть позади него, любясь великолепной, какой-то картинной шевелюрой. Просигналив еще пару раз, незнакомец обернулся к Коломийцу, показав сначала про-

филь (чуть покатый лоб, нос с умеренной горбинкой, четкий подбородок), а затем и фас; если бы не мелкое, искаженное сиюминутными заботами выражение лица, голова незнакомца была бы похожа на голову Иоанна Крестителя с картины Иванова.

— Вы тоже к Евгению Петровичу? — спросил брюнет.

— Да.

— Что за мистика, куда он мог деться? Я уже везде обзвонил, — он снова надолго нажал кнопку; за дверью приглушенно прозвело — и снова тишина.

— Он что, один живет? — поинтересовался Стась.

— Сейчас да, увы, — конфиденциально понизил голос брюнет. — Уже третий месяц как жена покинула...

(Коломийцу вспомнилось вчерашнее высказывание Загурского о Халиле Курбановне: «Преданная женщина, такие бывают только на Востоке...» — в нем прозвучала непонятная ему тогда горечь.)

— Ну, все ясно, пошли, — сказал незнакомец. Внезапно он смеялся Коломийца оценивающим взглядом. — Простите, а ваш визит к Евгению Петровичу столь же неудачный, к сожалению, как и мой, не связан с кончиной академика Тураева?

— Связан. Я из городской прокуратуры.

— Даже?! А... Впрочем, полагаю, что в таких случаях излишнее любопытство... э-э... излишне. Я же, разрешите представиться, ученый секретарь Института теоретических проблем Хвощ Степан Степанович. Это ведь я к нему из института прикатил, к Евгению Петровичу-то. Вы не представляете, что у нас сейчас делается:

сплошное уныние и никакой работы. Обращаются ко мне, а я ничего толком не знаю... Ну, будем надеяться, что мы разминутся в пути и он уже на месте.

Они спустились, вышли на улицу. Хвощ оглянулся на дом.

— И окна открытые оставил, и даже балкон... что значит мужчине остался без хозяйки. Ведь если дождь с ветром, то воды полная квартира.

Коломиец остановился, почуяв недоброе.

— А где его окна? Вот эти, над подъездом?

— Да-да. Тут и ворами забраться — раз плюнуть!

Сквозь полусохшие виноградные лианы блестела стеклами открытая балконная дверь. Залезть действительно было просто: балкон соседствовал с бетонным навесом над дверью подъезда, а забраться на него можно было, став на выступ фундамента и подтянувшись на руках. Коломиец (радуясь в душе, что наконец-то его гимнастические данные пригодились в следственной практике) так и сделал на глазах изумленных прохожих. С плиты навеса прыгнул на край балкона, перемахнул через перила, раскрыл шире дверь, заглянул в квартиру, — сердце Стась сбилось с такта.

Загурский был здесь. Он лежал на тахте, и, как ни неопытен был следователь Коломиец, и то сразу понял, что Евгений Петрович не спит, а мертв. Стась обернулся к стоящему внизу с задранной головой ученому секретарю:

— Поднимитесь сюда... Нет-нет, по лестнице! — И осторожно, стараясь ничего не задеть, прошел через комнаты в коридор открыть дверь Хвощу.

Вместе они вернулись в спальню. Степан Степанович сразу догадался, что случилось нечто из ряда вон выходящее, ничего не спросил у Коломийца и только, войдя, молвил севшим голосом:

— Как же это?..

Коломиец на сей раз действовал оперативно и по всем правилам, понимая, что дело нештучное: вызвал по телефону судебно-медицинского эксперта, доложил Мельнику (который от растерянности сказал довольно глупо: «Ну вот видите!..» — будто случившееся подтверждало его правоту), разыскал дворника — нужны были понятые; вторым понятым согласился быть ученый секретарь. Протокол осмотра он тоже составлял по всем правилам, отражая казенными словами и периодами и несколько пыльный беспорядок во всех трех комнатах, свойственный одиноко живущему занятому человеку; и то, что хрустальная пепельница, стоявшая на придвинутом вплотную к тахте журнальным темно-полированном столике, была доверху полна сигаретными окурками с желтыми фильтрами, (причем на всех наличествовал одинаковый прикус); и то, что рядом с ней стояла початая бутылка минеральной воды (ее Стась тотчас изъясил для анализа); и то, что на нем лежали те самые листки с заметками Тураева, за которыми Коломиец и прибыл; и даже то, что на стуле возле тахты лежали сложенное аккуратно белье, одеяло, жестко-шерстяное, малиновое, и небольшая подушка.

Но на душе у Стася было тоскливо, мутно. Вот человек — не абстрактный объект следствия, а конкретный, знакомый, и так понравившийся ему вчера человек:

он был и огорчен смертью друга и соавтора, и озабочен будущими делами — явно собирался еще долго жить... и — на тебе! Лежит в голубой пижаме на тахте, закинув на валик красивую голову с остекленелыми глазами, и ноги, и руки его, вытянутые вдоль тела, уже сковывает-подтягивает трупное очечение. Особенно расстроила Коломийца эта стопка приготовленного постельного белья: Евгений Петрович уснул, так и не постелив себе. И навеки...

Вскорости прибыл медэксперт; они вдвоем раздели труп, осматривали, фотографировали. Никаких следов насилия на теле Е. П. Загурского не оказалось. Не нашел медэксперт у покойного и симптомов отравления.

— Ох, как это все!.. — вздыхал и крутил пышной шевелюрой Степан Хвощ, подписываясь под протоколами. — Один за другим!.. Что теперь в институте будет?! И мне-то что делать, я ведь теперь за старшего оказываюсь?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вопрос: Если Солнце существует для освещения планет, то зачем оно освещает и пустоту?

Ответ: На всякий случай.

К. Прутков-инженер,
«Рассуждения о Nature», т. III

Судебно-медицинское вскрытие тел Тураева и Загурского произвели во второй половине дня; в экспертной комиссии участвовал и Исаак Израилевич Штерн. Заключение в обоих случаях получались почти одинаковыми и подтвердили то, что Штерн с самого начала и предполагал: оба умерли от остановки сердца — причем не внезапной, не паралитической, ни тем

более патологической (поскольку ни тот, ни другой никогда не жаловались на сердце), а просто остановилось сердце — и все. Загурский умер между четырьмя и пятью часами ночи, пережив своего великого друга и соавтора ровно на сутки. Еще у Евгения Петровича обнаружили легкий цирроз печени; Штерн, пользовавший и его, подтвердил, что ранее Евгений Петрович пил, иной раз умеренно (косвенно по этой причине его и бросила супруга), но в последнее время по настоянию Александра Александровича и по его, Штерна, советам бросил.

Анализ минеральной воды, найденной Коломийцем в квартире Загурского, равно как и все другие предметные исследования места происшествия не дали решительно ничего.

Таким образом, ни криминальный, ни анатомический сыск не давали улик, которые позволили бы подозревать в смерти как Тураева, так и его заместителя убийство, самоубийство или хотя бы несчастный случай. Тем не менее ясно было, что здесь дело нечисто: уж слишком подобны по характеру и обстоятельствам были две смерти.

— Ну, пан Стась, влез ты в халепу обеими ногами, — сказал Коломийцу Нестор Шандыба, покидая в конце дня комнату. — Теперь думайте, пане, — и добавил голосом Мельника: — Так, значит?!

Стась сидел над протоколом осмотра, над актами судмедэксперта, над скудными показаниями свидетелей — думал. Каждый умирает в одиночку; как говорил вчера тот же Загурский, «смерть человека есть завершение его жизненной индивидуальности», вроде

так?.. Так вот, в данном случае выходит иначе: даже если отвлечься от медицинской картины, все равно получается, что между двумя независимыми событиями — смертью Тураева и смертью Загурского — есть несомненная связь. Да еще такая, что убивает человека... Ну была между ними служебно-житейская, так сказать, связь: они знали друг друга в течение двадцати с лишним лет, с первого курса университета; у них были общие научные интересы, совместная творческая работа, они дружили... Однако из всего этого вовсе не следует, что когда умер один, то должен умереть и другой. У лебедей так бывает, у брачных пар, — а для людей это, пожалуй, слишком глупо, хоть и трогательно, конечно (для тех, кто остается в живых). Да и то у лебедей вторая смерть имеет характер самоубийства, а здесь явно естественная смерть. Словом, это не то. Смертоубийственная связь должна быть более явной, более вещественной.

Есть ниточка и вещественной связи: при кончине и Тураева, и Загурского присутствовал один и тот же материальный предмет; не так чтобы уж совсем предмет, но все-таки — бумаги с заметками Тураева. «В чутье Мельнику не откажешь...»

И все же не прав был Матвей Аполлонович, напрасно он распекал Коломийца из-за бумаг. При осмотре квартиры Загурского Стась обнаружил и другие записи на ту тему, о которой толковал Евгений Петрович в машине по пути из Кипени: отпечатанные на машинке, с пометками, сделанными рукой Загурского. Эти записи, очевидно, предшествовали предсмертным за-

меткам Тураева; в них сухо, но достаточно внятно излагалась проблема времени и интерпретация, которую придавали ей покойные соавторы.

Для уяснения проблемы, писали они в тезисах, надо прежде всего четко уяснить различия между пространством и временем — или, более строго, между нашим восприятием этих наиболее общих категорий материального мира:

1) в геометрическом пространстве мы можем перемещаться в любую сторону от начального местонахождения, можем возвращаться в прежние точки; во времени же мы перемещаемся только в одном направлении, от прошлого к будущему — и можно сказать, что «время несет нас вперед»;

2) пространственные понятия ориентации: «вверх-вниз», «вправо-влево», «вперед-назад» — индивидуальны для каждого наблюдателя (что верх для нас, то низ для южноамериканцев); понятия временной ориентации «прошлое», «настоящее» и «будущее» — общие для всех; это позволяет сказать, что мы и все наблюдаемые нами материальные тела увлекаемы «куда-то» общим потоком времени;

3) в наблюдаемом пространстве образы материального мира чередуются весьма пестро: дом, река, луг, воздух, облако, космический вакуум, планеты, Солнце и т. п., то есть по пространственным направлениям концентрация ощущаемой нами материи меняется резкими скачками; по направлению же времени мы наблюдаем, как правило, весьма долгое, устойчивое существование всех веществен-

ных объектов и плавное, медленное изменение их свойств (собираются или рассеиваются облака, зима сменяется весной и т. п.). То есть, если рассматривать материальные образы как существующие в пространстве-времени (как оно на самом деле и есть), то все они оказываются сильно вытянутыми по направлению времени, что и позволяет рассматривать их как некие «струи» в потоке времени. В субъективном плане время оказывается теперь направлением нашего (и всех близких к нам тел) течения-существования;

4) нашему сознанию трудно свести категории «пространства» и «времени» к чему-то более общему и единому из-за чисто наблюдательной специфики: в пространстве мы видим, слышим, обоняем, осязаем и т. п., во времени же мы не можем вспоминать прошлое и вообразить (предвидеть) будущее. Эти «временные» органы чувств ничуть не менее значительны для наблюдателя, чем пространственные (без памяти невозможно наблюдение, без воображения — предсказание и обобщение). Им так же, как и пространственным чувствам, свойственны искажения и ошибки (зрительный мираж можно сравнить с ложным предсказанием). Таким образом, для более глубокого проникновения в суть материального мира следует рассматривать «память» и «воображение» как органы чувств, необходимые (наравне со «зрением», «слухом» и т. п.) для ориентации в пространстве-времени и по информационной своей сути им родственные: отличие «зрения» от «памяти» или «слуха», от «воображения» не больше, чем разли-

чия между «зрением» и «слухом».

Таким образом, заключали Тураев и Загурский, вскрывая различия между пространством и временем и между нашим восприятием их, мы неожиданно обнаруживаем глубинное родство этих категорий. Если бы мы предполагали, как наблюдатели, некими обобщенными, безразличными к координатной ориентации «органами чувств», сочетающими в себе свойства зрения-слуха и памяти-воображения, то посредством их мы воспринимали бы не отдельное трехмерное пространство, и не отличное от него «существование во времени», а четырехмерное (в простом геометрическом смысле) материальное пространство. И то, что мы ощущаем и понимаем как «время», выглядело бы как мощные потоки в этом четырехмерном океане материи — потоки, несущие в себе материальные образы — тела...

Все это было занято, и прочти такое Коломиец где-нибудь в «Знании — сила» или в «Клубе любознательных» «Комсомолки», он, конечно, промолвил бы, покрутив головой: «Да... во дадут все-таки наши ученые! Это ж надо додуматься!» Но сейчас направление его мыслей было иное. Эти тезисы позволяли лучше понять смысл последних заметок Тураева. Коломиец еще раз перечел их: нет, как ни смотри, но все-таки это чисто научные заметки в развитии той же темы геометризации понятия «времени» — и не более. Местами строгие, местами смутные, с образами, даже с местоимением «я» вместо общепринятого в науке «мы», то есть индивидуальность писавшего их чувствовалась отчетливо; в этом смысле приведенные

выше тезисы, обработанные Загурским, явно проигрывали. Но главное, что ни в одной из предсмертных записей Тураева нельзя было уловить и косвенного намека на какие-то сложные взаимоотношения, личные дела, заботы, драматические события — мысли и только мысли. О времени, о пространстве, материи, о восприятии этого человеком, лично автором записей. И все.

«Нет, не прав был Мельник, зря он наорал на меня... Э, стой, что я все на это сворачиваю? Обида заела? Сейчас не до нее. Пока неясна картина, все не правы...»

И все-таки — Стась это чувствовал — линия связи двух кончин проходила через проблему, которую оба они, Тураев и Загурский, исследовали и, в частности, через эти бумаги. Какое-то тревожное впечатление оставляли записи Тураева. Какое? Словами Коломиец выразить это не мог.

Прозвенел телефон на столе Мельника. Стась поднялся, взял трубку.

— Горпрокуратура, следовательно Коломиец слушает.

— О, славно, что я вас застал! Это Хвощ беспокоит. Я вот о чем: когда мы можем забрать тела Александра Александровича и Евгения Петровича? Их ведь надо обрядить. Меня, понимаете ли, председателем комиссии по похоронам поставили.

— Так уже можно забирать, родных и организации должны известить об этом.

— Не известили меня. Значит, можно? Ясно. Ну а... — ученый секретарь замаялся на секунду, — обнаружили что-нибудь?

— Нет, ничего, — сухо ответил Коломиец.

— Я ведь, поймите, не по-обы-
вательски этим интересуюсь.
Здесь у нас такие разговоры уже
пошли, слухи. Надо бы обществен-
ность проинформировать, успо-
коить.

— Проинформируете, что нет
оснований кого-либо подозре-
вать — это вернее всего... — Тут
Стася осенила мысль. — Вы из
дома звоните?

— Нет, я еще в институте.

Институт теоретических про-
блем — серый бетонно-алюминие-
вый модерн, позолоченный слева
лучами заходящего солнца, — на-
ходился в центре города, на пло-
щади Героев Заполярья. В вести-
бюле Стась увидел два траурных
плаката с портретами Тураева
(побольше) и Загурского (помень-
ше). Хвоща он нашел на втором
этаже, в кабинете с табличкой —
серебро на малиновом фоне —
«Ученый секретарь». Теперь Сте-
пан Степанович выглядел похудев-
шим и еще более озабоченным; на
левом рукаве того же полотняно-
го костюма — траурная повязка.
На столе перед ним стояла пишущая
машинка, и он бойко высту-
кивал на ней текст.

— Некролог на Евгения Петро-
вича, — пояснил он. — Еще ви-
зировать нужно будет, он ведь и
в центральные газеты пойдет.
Уф-ф!.. Садитесь, пожалуйста! —
Он указал на стул, отодвинул ма-
шинку. — Вы не можете предста-
вить, что у нас сейчас делается,
сплошная драма! Восемь сотрудни-
ков отправили домой с сердечны-
ми приступами, из них у троих
сердце раньше никогда не боле-

ло... так подействовало. Женщины
плачут, во всем полная бестолко-
вость и апатия. Директор и его
заместитель — один за другим,
это ж надо!.. Ох, простите, я от-
влечся, о чем вы хотели побесе-
довать со мной?

— Да все о них же. Прежде
всего, Степан Степанович, нельзя
ли познакомиться с личными де-
лами Тураева и Загурского?

— Можно, конечно, но сейчас в
отделе кадров уже никого нет.
Это вы завтра пообедаете или при-
шлете кого-нибудь.

— Так... А кто еще, кроме них,
был причастен к разработке про-
блемы времени?

— Проблема времени... —
Хвощ потрогал пальцами щеку,
задумчиво посмотрел на него. —
Если иметь в виду тот аспект, что
придал ей Александр Александрови-
ч: сведение пространства-времени
к четырехмерному геометриче-
скому пространству... Вы именно
эту их тему имеете в виду? (Стась
кивнул.) ...То только они двое
и занимались. Первая стадия са-
мого того, что ни на есть глубин-
ного поиска, техническим исполни-
телям в ней делать нечего. Если
говорить еще более точно, то за-
нимался этим, вел тему сам Ту-
раев. Мыслью никто за покойным
Александром Александровичем
угнаться не мог, это все мы со-
знаем и об этом ныне горюем...
Без академика Тураева-младшего
наш институт превращается в за-
урядное академическое заведение,
и, боюсь, ему грозит скорый за-
кат, — он вздохнул. — Вот уви-
дите, люди теперь начнут уходить.
— А если бы жив был Загур-
ский, институту не грозил бы за-
кат? — поинтересовался Стась;
его покорило, что Хвощ молча-

ливо оттесняет симпатичного ему Евгения Петровича на задний план.

Ученый секретарь поиграл бровями, дернул правым, затем левым углом рта — и ничего не сказал.

— Нет, а все-таки, — настаивал Коломисц. — Ведь, насколько я понимаю, они были равноправными соавторами, один без другого не обходился...

— «Насколько вы понимаете», — со сдержанным ядом произнес Хвоц, — «равноправными соавторами»!.. Равноправными — да, но не равновозможными. Между тем не права, а именно возможности человека к творчеству определяют его реальную роль в науке и реальный вклад! — Степана Степановича прорвало. — Александр Александрович был талант, может, даже гений... хотя о таких уровнях интеллекта я судить не берусь. Ученые старших поколений, знавшие его студентом, называли его — знаете как? — одаренный лентяй. Он таким и был, он и сам говорил, что предпочитает выдумывать свои теории, а не изучать чужие, — пусть его учат... И учили! А Загурский... Что Загурский? Неспроста ведь в нашем институте — да и не только в нем, вообще в физических кругах ходит афоризм: «У каждого Тураева есть свой Загурский, но не у всякого Загурского есть свой Тураев». И если уж говорить прямо, то исключительная позиция, которую занимал Загурский в работе с Тураевым, во многом зависела от того, что он умело и старательно оттеснял других, не хуже его, от творческого общения с Александром Александровичем... — Хвоц покосился на недо-

печатанный некролог, замолк на минуту, потом сказал спокойным голосом: — Оно, может быть, и неуместно сейчас так говорить — ну, да ведь вам нужны не заупокойные реляции, а знать все как есть.

«Все как есть. Вот и знаю теперь обойденного Загурским соперника. Ну и что? Загурский теснил Хвоца, да и не только его, видимо; обойденные недоброжелательствовали, интриговали... Но ведь не до убийства же, в самом-то деле! Нет, не то».

— А за границей занимаются этой проблемой? — сменил Стась направление беседы. — Где, кто именно?

— Конечно. Но «где, кто именно» — это даже трудно определить. Понимаете ли, вопрос: что есть время, какой объективный смысл имеет наше существование во времени, — он вечен, как... как само время. Был такой Августин, раннехристианский философ, канонизированный потом в святые... («Как меняется человек!» — поразился в душе Коломиец. Придя сюда, он застал затурканного администратора, потом наблюдал брызжущего желчью на покойного околонучного делягу, а сейчас — сейчас перед ним сидел спокойный, мыслящий и уверенный в своих знаниях ученый.) Так он писал: «Пока меня не спрашивают о времени, я знаю, что это такое. Но когда мне надо объяснить, то я не знаю, что такое время!» И, знаете, за тысячу с лишком лет с той поры, как это было сказано, дело не продвинулось: чувствами понимаем, словами выразить не можем. А для науки надо словами, логикой, уравнениями. И... в общем, сейчас

проблемой времени занимаются — так или иначе — все теоретики, включая сюда и философов, и даже теологов. Есть много направлений: одни ищут кванты времени, другие пытаются объяснить его свойства через энтропию и ее возрастание, третьи усматривают во времени вселенскую особую вида. Направление, по которому пошел Александр Александрович: объяснить свойства времени через свойства пространства, — оригинальное и, по-моему, наиболее перспективное. От него уже близко было бы и до общей теории материи.

— Степан Степанович, а вы сами знакомы с проблемой, которую разрабатывали Тураев и Загурский?

— Да... постольку, поскольку они не делали из нее тайны, выступали с предварительными сообщениями на ученом совете.

— Буду говорить откровенно, меня к вам привели вот эти заметки Загурского и Тураева... — Коломиец раскрыл портфель, выложил листки. — Я, понятно, не утверждаю, что эти бумаги причастны, скорее всего дело объясняется естественными причинами, но... во всяком случае, это единственная информационно-вещественная, что ли, ниточка между двумя событиями — кончинами... странными и в то же время похожими... — Стась и сам чувствовал, что говорит ужасно путано и неубедительно; закончил он совсем беспомощно: — Понимаете, я просто не имею права не расследовать... эту связь.

— Какую связь, в чем она? — Хвощ слушал невнимательно, просматривая листки.

— Не знаю, может, я и оши-

баюсь, домысливаю... Здесь у меня, как у того же Августина... Вот и выскажите свое мнение о содержании этих заметок. Надо же как-то закруглиться нам с этим делом... («И зачем только мы в него влезли?» — чуть не добавил Стась.)

— Можно. Это можно... — рассеянно проговорил ученый секретарь. Он отложил в сторону тезисы, найденные у Загурского. — С этим я знаком, в прошлую пятницу Евгений Петрович излагал на ученом совете. А вот последние записи Александра Александровича, они... — Он снова забегал глазами по строчкам. — Гм, черт! — Встал, наклонился над листками, расставив ноги. — Действительно... это же совсем новый поворот! Это проливает свет...

— На что проливает? — напомнил о себе Стась.

— А?.. — Хвощ поднял на него отсутствующий взгляд. — Так вы хотите получить заключение? Я берусь. Завтра вас устроит?

— Вполне.

— Итак, завтра в конце дня позвоните. И большое спасибо, что вы принесли мне это. Огромное спасибо!

Стась простился и пошел от института к остановке троллейбуса по сизо-сумеречной площади. Его постепенно охватывало сомнение, тревожное сознание допущенной ошибки («В чем?!» — недоумевал Стась), а затем и тоскливое предчувствие беды. В троллейбусе оно обострилось так, что в пору было завывать, как собаке о покойнике. «Что такое?! Не следовало давать эти бумаги Хвощу? Почему?! Вернуть, забрать?..»

Ночь Коломиец проспал беспокойно, а утром по дороге на рабо-

ту, не утерпев, позвонил из автомата на квартиру Хвоща. Выслушав, что ему сказали, он повесил трубку мимо рычажка, вышел из будки и двинулся, бессмысленно глядя перед собой. Окрестный пейзаж вдруг предстал пред ним негативом: черное небо, на фоне которого выступали беледые расплывчатые тени домов, машин и деревьев.

Степан Степанович Хвощ скончался этой ночью в три часа. Врач установил инсульт — кровоизлияние в мозг.

Стасик чувствовал себя убийцей.

Часть вторая.

КТО ЧЕТВЕРТЫЙ?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Надо быть объективными, надо быть терпимыми. В конце концов, с точки зрения вирусов гриппозный больной — самая благоприятная среда для размножения.

К. Прутков - инженер,
мысль № 99

В двенадцать часов дня в следственном отделе собралось спешное совещание. Председательствовал Мельник. Когда Коломиец доложил ему о последней кончине, Матвей Аполлонович схватился правой рукой за сердце, левой за голову и потребовал докладную по всей форме. Сейчас он, не слишком отклоняясь от текста представленной Стасем записки, изложил сотрудникам все дело, начиная от вызова в Кипень.

— Вот так, значит, это самое! — закончил он информативную часть своего выступления. — Три покойника за трое суток. И какие люди: академик с миро-

вым именем, член-корреспондент и ученый секретарь — головка института. Нет, я, конечно, далек от мысли, что так случилось в результате небрежности и следственных упущений в работе младшего следователя Коломийца, хотя без упущений не обошлось. Кто знает, если бы вы, Станислав Федорович, сразу на месте провели тщательное расследование, собрали все улики... так, значит! — то дальнейшее развитие дела было бы не столь трагичным...

Стась смотрел на своего шефа в упор укоризненно-тяжелым взглядом; Мельник не выдержал, опустил глаза:

— Н-ну... в какой-то степени здесь и я виноват: не дал пану Стасю четких указаний, когда отправлял в Кипень, понадеялся на его самостоятельность. Но, если, отдав предсмертные записи Тураева покойному Загурскому, Коломиец и отступил от правил... так, значит! — то в случае с Хвощом он поступил в строгом соответствии с законной практикой расследований. Я бы и сам порекомендовал ему дать эти заметки на заключение ученым, так, значит! Однако после прочтения их Хвощом Хвоща не стало...

— «После этого» — не значит «вследствие этого», — заметил Нестор Шандыба, — да и вообще у Хвоща другая картина смерти, чем у первых двух, — кровоизлияние в мозг.

— А по свидетельству того же Штерна, лечащего врача, у него не было предрасположений к инсульту, даже повышенного давления не было — так, значит! — парировал Мельник. — Да и вообще, кровоизлияния в мозг просто так не случаются... Это

первое. Теперь второе. Я не хочу углубляться в теорию причинности, но... Лично я не прочь бы проверить предположение, которое Станислав Федорович высказал в своей докладной и с которым я согласен, на большем числе фактов — скажем, на сотне-другой... если бы речь шла о мошках, а не о людях, так, значит! Тем более таких людях!.. А раз так, то есть достаточные основания полагать, что кончины Загурского и Хвоща — а, возможно, и самого Тураева — имеют своей причиной эти вот записи академика! — Он потряс листками. — Я понимаю, насколько это дико звучит, но иных связующих фактов в этом деле нет.

— Ну, знаете!.. — развел руками Шандыба.

Следователь ОБХСС Бакань опасливо взял в руки листки:

— Это что же — прочтет человек и... конец?

— Да нет, читайте на здоровье, Федор Федорович, не опасайтесь! Я сам прочел, товарищ Коломиец читал...

— Два раза, — вставил Стась.

— Вот, пан Стась даже дважды, так, значит... и ничего. Как видите, оба живы-здоровы, даже не пошатнулись в рассудке. А все почему? Мы не специалисты, восприятие не то, так, значит! Вот, скажем, я читал — что чувствовал? Ну, интересно, как это академики теорию создают... я думал, сразу пишут формулы, уравнения — так, значит? — а у него одни фразы. Интересные мысли. А насколько они верны, насколько нет и что там к чему — в это мне проникнуть трудно, да, вообще говоря, не очень-то нужно. А когда читает это соответствующий спе-

циалист, то он... ну, вживается в образ мышления писавшего, что ли? Не знаю... — Матвей Аполлонович обвел глазами собравшихся. — Видите, какой заколдованный круг получается? Чтобы понять, почему и как эти записи Тураева послужили причиной смерти его коллег, надо дать их на заключение специалистам, ученым, исследующим пространство-время... так, значит, это самое! А дать им эти бумаги — значит, подвергнуть их — как это особенно четко показал случай с Хвощом — смертельной опасности. А оставить это дело без расследования мы не имеем права: серия смертей со столь странной взаимосвязью требует как объяснения, так и принятия мер пресечения. У меня все. Кто имеет конструктивные предложения, прошу.

Сотрудники молчали — молчали с явным намерением отсидеться и разойтись, вернуться к своим делам. Это были опытные, сведущие работники — и они понимали, что случилось редкое по своей исключительной безнадежности дело. Здесь надо ждать, пока что-то еще вскрыется, а если не вскрыется, то ждать, пока вся эта история забудется и уйдет в архив... Говори, не говори, устраивай или не устраивай для порядка совещания — это ничего не даст.

Бакань дочитал листки, молвил:

— Да, действительно... — Положил их на стол. Старик Канцеляров, старавшийся всегда выручить начальство из неловкого положения и к тому же уважавший науку, взял один листик, повертел в руках, посмотрел даже на свет, потом вопросительно взглянул на Мельника:

— Может... на спектральный анализ их отдать, а?

— Та-ак, один высказался... — грустно комментировал тот. — Кто следующий?

— Может, там шифровка какая-то? — столь же наобум брякнул Шандыба.

— Именно что шифровка, — подхватил Мельник. — Только не в тривиальном детективном смысле — так, значит! — а в ином: идеи, доступные людям, в этом вопросе компетентным, и недоступные людям, в этом вопросе некомпетентным, и недоступные или, скажем иначе, безразличные для иных. Вот эти идеи и воздействовали на потерпевших, а возможно, и на автора их как... — Матвей Аполлонович в затруднении повертел пальцами. — Действительно — как?..

— Как психический яд, — сказал вдруг Стась.

— Возможно. Это уже нечто — так, значит! — Мельник одобрительно кивнул Коломийцу, потом устремил свой пронизывающий взгляд в дальний угол комнаты, где поодаль от всех сидел художавый мужчина с надменно-нервным лицом — судсихиатр Никонов. — А почему молчит наш выдающийся специалист по судебной психиатрии? Кирилл Романович, это ведь по вашей части — так, значит! Существуют психические яды?

Теперь все смотрели на Никонова. Тот опустил глаза, поднял брови.

— И да, и нет, — сказал он. — Как образное понятие — да, но скорее в беллетристике, чем в психиатрии. Например, средства массовой информации, рекламу, комиксы и тому подобное назы-

вают иногда «психическими ядами», оболванивающими сознание широких масс. Но ведь от них еще никто не умирал. Реальные же яды, от которых у человека может произойти расстройство психики, — они медикаментозны, а не информационны.

— Понятно, — сказал Мельник. — Ну а какое же ваше мнение по существу данного дела? Уж вам-то здесь грех отмалчиваться, Кирилл Романович, так, значит! Я на вас сильно рассчитываю...

Никонов, не поднимая глаз, чтобы не видеть немилых его сердцу сотрудников отдела, потянулся через стол, придвинул к себе папки с личными делами Тураева, Загурского и Хвоща, раскрыл, стал изучать и сравнивать фотографии. Воцарилась тишина.

— Ага! Вот у этого есть, — пробормотал судсихиатр. — И у этого, хотя не столь ярко выражена...

— Что — есть? — Мельник нетерпеливо подался к нему.

— Складки Верагута. На обоих, между прочим, глазах.

— Где, где? — оживились сотрудники, сгрудились, рассматривая фотографии.

Действительно, верхние веки и у Тураева, и у Загурского имели характерные для людей с эмоциональной, психически восприимчивой, ранимой натурой скос вниз и к вискам.

— Да, верно. Смотри-ка, а мы то и не заметили, — сказал Шандыба.

— А вот у Хвоща нет, — сказал Стась.

— Так ведь Хвощ умер от инсульта, а они — нет, — сказал Бакань.

— А на паспортной вроде и у Хвоща есть, — сказал Канцеляров. — Или это ячмень, а, Кирилл Романович? Я не разберу.

— Постойте, постойте, — сказал Мельник. — Ну складки Верагута, и что?

— Штрих, — сказал Никонов. — Натуры.

— Так! — Мельник яростно хлопнул ладонью по столу, и все замолкли. — Ни черта вы все не можете придумать, потому что это не магазинные хищения, не насилия и не прочая уголовщина!.. Не доросли вы, граждане, до интеллектуальной криминалистики. Впрочем, не стану скрывать, и я тоже... — Матвей Аполлонович помолчал, вздохнул, повернулся к Коломийцу. — Что ж, пан Стась, сочувствую, сожалею, переживаю... так, значит! — но помочь не в силах. Дело остается на тебе. Хоть сам изучи все теории о пространстве-времени, но выясни, в чем убийственная сила этих бумаг. И покойников, как ты сам понимаешь, больше быть не должно. Все!

После перерыва Коломиец ушел из отдела в Парк имени Тактакишвили, ушел от сочувственных взглядов одних сотрудников и иронических — других, бежал от тягостного сознания своей беспомощности. Слева от его скамьи был пейзаж с киоском и двумя отцветающими акациями, справа — пейзаж с «чертовым колесом» и ракетной каруселью, позади несла воды, катера, окурки, пятна нефти река Катагань.

«Уволюсь, брошу все, не по мне это занятие! Первое серьезное дело — и уже два покойника на мне. На мне, на мне, потому что

не сообразил, не раскрыл... То ли ума недостает, то ли характера?.. И того и другого скорее всего. Ну вот что теперь делать? Все верно: иные варианты, кроме как с психическим ядом, отпадают. Но в чем он, этот яд?»

Стась раскрыл портфель, достал листки с записями Тураева — четыре четвертушки с красным обрезаем, исписанные нервным, бегущим почерком. Теперь на него от них пахнуло могильным холодом. «Ну попробуем еще».

...Искушенный читатель мог заметить, что автор упустил уже по меньшей мере три удобных места в своем повествовании, где можно было изложить содержание тураевских бумаг. По правде сказать, он охотно упустил бы и все остальные — но нельзя, не получается. Тем не менее, поскольку автор ничуть не заинтересован в уменьшении читательского поголовья, он от души рекомендует читать приводимые ниже записи — во всяком случае, по первому разу — бегло, не углубляясь в их суть. («Читай ты эти клятые бумаги, только не вникай!» — как советовал своему приятелю один чеховский герой.) А то, не ровен час, и в самом деле не удастся иному читателю благополучно дойти до конца этой увлекательной истории. А уж коль скоро удастся, то можно будет и перечесть — с чувством, с толком, проникая в самые глубины мысли и духа покойного академика.

«Постигнуть можно мир, постигнуть можно жизнь...

Но как постигнуть то, чем постигаешь?» —

записал Тураев сверху первого листа.

И Коломиец представил, как он ходил по своему кабинету в дачном мезонине — от дивана к фикусу мимо стола и книжных стеллажей, потом обратно от фикуса к дивану, курил, морщил от дыма и размышлений свое тонкое, бледное лицо; потом останавливался у стола, записывал одну-две фразы, снова ходил, останавливался у окна, смотрел на темный лес над белесо-туманными прудами — и думал, думал, думал...

«Попробуем с самого начала: мир существует в пространстве (это три измерения) и во времени (еще одно). Всего четыре измерения, что бы под ними ни понимать. Начало координат в пространстве — это «я», начало координат во времени — настоящее, следовательно, отсчет и ориентация в четырехмерном материальном пространстве — это «я — сейчас», «мое» состояние в настоящее время... Утрамбовано.

Мы часто пишем и говорим: представим себе то-то... Это не значит, что мы всегда можем все представить; это значит лишь, что мы можем произнести такие слова. Например: «Представим себе четырехмерное пространство...» — и не выйдет. Двухмерное, поверхность — пожалуйста; трехмерное — тоже. И все. А надо бы...

Можно так: отбросить одно из трех пространственных измерений и представлять себе «трехмерное пространство-время». В принципе это ничего не меняет: все тот же океан материи, часть коего — «мы». Я.

Пусть я ввинчиваюсь по надлежащей траектории в материальную пустоту, пусть меня несет материальный поток времени — не в этом дело. А вот в чем: объемное пространство «я» обзираю во все стороны от себя — вверх-вниз, позади-вперед, слева-справа. Четвертое же измерение — время — реально зарегистрировано «мною» (да и всеми нами) только в одну сторону от «я — сейчас», в прошлое. Будущее нам неизвестно. Его как бы нет.

Это с точки зрения «я — сейчас». А с точки зрения «я — год назад» — это ведь тоже было в свое время «сейчас»? С этой точки будущее — во всяком случае, за истекший год — определенно существует. Оно вполне однозначно и известно.

То есть весь опыт прошлого — того самого «прошлого», которое раньше было «настоящим», а еще ранее — туманным, неопределенным «будущим», — убеждает нас, что и по 4-му измерению мир наш продолжается в обе стороны от «я — сейчас». И, видимо, так же далеко в будущее, как и в прошлое, как и по пространственным направлениям. Может быть, даже бесконечно далеко...

Словом, мир существует во времени так же, как существует и в пространстве. Именно эта равноправность 4-го измерения и приводит к геометрическому 4-мерному океану материи, в коем потоки «времени» могут течь куда угодно...

«Мир существует в пространстве и времени» — какой злове-

щий смысл приобретает теперь эта фраза! Неужели нет выхода?

Прошлое однозначно. Весь опыт прошлого, который может быть подтвержден киносъемками, магнитными записями и т. п., неопровержимо свидетельствует, что во все прошлые моменты каждое тело (в том числе и «я», и каждая часть моего «я», и каждая часть этой части, вплоть до клетки) занимало вполне определенные места в пространстве. Что это значит? Если прикрепить к такому телу фонарик, то в черной пустоте 4-мерного пространства оно образует светящуюся линию — траекторию; у одних тел — плавную, у других извилистую, но у всех — единственную, без разветвлений.

А теперь продолжим эту светящуюся линию вперед от «я — сейчас»: там она тоже однозначна, без развилки — ведь когда это будущее станет прошлым, она будет только такой!

Но ведь «будет» объективно означает «есть». Мир существует в пространстве и времени. Существует целиком — холодный застывший мир материи, в коем все уже есть.

«Движенья нет», — сказал мудрец упрямо.

Другой смолчал — и стал пред ним ходить.

Сильнее бы не смог он возразить...»

Первый мудрец — это Зенон, который в развитие идей своего учителя Парменида очень ловко доказывал, что быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху.

Нет, что вы, конечно же, догонит и перегонит, мы же это видим!.. Ах, милое относительное движение, которое мы видим! Мы, например, видим, мчась в поезде, как пейзажи по обе стороны колеи как бы поворачиваются, далекие предметы «обгоняют» близкие к нам. Но ведь ничего там не поворачивается и не обгоняет — земная поверхность все-таки цельная и твердая... А летящий в небе самолет может из поезда казаться неподвижным. Вот тебе и «смолчал и стал пред ним ходить»!

Два с половиной тысячелетия наука обходит стороной эти неопровергнутые Зеноновы парадоксы, делает вид, что их нет. Создает механику, паровые, электрические, ракетные двигатели... хотя сам факт движения принципиально сомнителен.

Теоретическая слабость рано или поздно обнаружится. Вот и выходит, что если иметь в виду цельное 4-мерное пространство, observable не только глазами, но и мыслью, то движения в нем нет.

Что же есть? Иллюзия материальной суеты?..

Но... стоп, стоп! Ведь это явно противоречит сознаваемым мною (как и каждым) возможностям выбора в каждое «сейчас»: я могу нарисовать загогулину под этой записью (ниже действительно было намалевано шариковой авторучкой нечто вроде скрипичного ключа), могу лечь на диван, могу выпрыгнуть из окна, наконец... да о чем говорить! — от каждой точки моего существования идет множество возможных путей, вы-

бирай любой. И если «я — сейчас» выбрал такой, а не иной путь, то ведь далее моя траектория будет такой, а не иной!

Но она все равно будет однозначной...

Да полно, выбираю ли я что-либо на самом деле, если все уже выбрано стихиями, природой, все уже записано в 4-мерном пространстве, где нет ни «прошлого», ни «будущего», ни болезни, ни вздыхания, а просто все уже есть. Мир существует в пространстве и времени... Выбираю — или мне это кажется? Это надо знать достоверно: ведь в таких выборах, волнениях, колебаниях, прикидках, размышлениях, мечтах... во всем, что связано с ними, — вся жизнь наша!

Переход тел от одного состояния к другому в пространстве и времени определяет принцип наименьшего действия. Образом его может быть текущая по естественной неровной поверхности вода: от каждого данного места найдется небольшой уклон по какому-то направлению — пусть малый, но наибольший среди всех здесь возможных, — по нему-то и направится поток. Воде тоже может казаться, что она выбирает, куда ей течь.

А все задано самой местностью. Местностью, которая существует...

Так и у нас. В сущности, все наши «колебания-выборы» последовательны во времени. Сначала я намереваюсь поступить так,

потом иначе, затем склоняюсь к третьему варианту... Это значит, что пространственно-временная траектория того, что мы называем «колебаниями», «выборами», «самостоятельными решениями», однозначна. Выбора нет... Значит, напрасно я намеревался пойти не в МГУ, а в летнюю школу, напрасно сердился на отца, когда он воспрепятствовал. Все было решено, ибо выбора нет.

Просто в последовательность наиболее близких по пространству-времени состояний «меня» включены и все те, в которых я «колеблюсь», ощущаю ответственность, «решаю»... А на самом деле мы ощущаем свои — да и не свои, если уж совсем прямо-то, а просто этого участка материи — изменения в сравнении с соседним по времени состоянием. И приписываем ему всякие смыслы.

Так выходит.

Боже мой! И все, что было со мной, что есть и что будет: хорошее и плохое, слава, которую искал, и неприятности, которых избегал, путешествия и болезни, знания и мысли, радующие своей новизной, награды и потери... все-все, даже смерть — все это не «было» и не «будет», а просто есть. И я здесь ни при чем, все уже случилось.

Приговор вынесен — я только не знаю его...

...и то, что я сейчас лягу на диван с сигаретой в руке, и каждая струйка дыма от нее, каждый си-
ний завиток — все это уже записано в мире мертвой материи?

А если не закурю и не лягу? Да все равно — значит, записано, что, придя к этой мысли, я буду сопротивляться ей.

...выходит, записано, что «я» — клочок живой материи под каким-то названием — в таком-то месте, в такое-то время приду к этой мысли?

И пришел. Что дальше? Все?

Какая злая шутка!..»

Стасик со вздохом сложил листки, спрятал их в портфель. Ну ладно — драматический поиск истины («Это драма, драма идей» — как же, слышали и мы это высказывание Эйнштейна; и про Зенона проходили...) — так что? Ну, похоже, что идея о геометрическом 4-мерном пространстве загнала почтенного академика в угол... Ну даже допустим, что он от огорчения и сомнений наложил на себя руки. Так нет ведь, не наложил: не застрелился, не удавился, не выкинулся даже из окна, а умер просто так. И те двое — Загурский и Хвощ — тоже. Почему?..

Мимо по аллее воспитательница вела стайку дошколят, остановила их у акации:

— Дети, какой лист у акации: простой или сложный?

— Сло-о-ожный, — пропели малышки старательным хором.

«Смотри, чему теперь учат в детсадики! — поразился Стась. — Так бы умер и не знал...»

Он проводил детишек завистливым взглядом: следователю Коломийцу вдруг захотелось стать маленьким и отвечать на простые вопросы... «Дать листки на заклю-

чение еще одному ученому?»

Страшная картина представилась воображению Стася: он пересылает бумаги Тураева одному видному специалисту в области пространства-времени, другому, третьему, четвертому... И всюду результатом оказывается смерть эксперта. Не инсульт, так инфаркт, не инфаркт, так просто остановка сердца. Горы трупов, газеты пестрят некрологами, интеллектуальный мор среди научной элиты, паника и всеобщие стенания!.. А кто-нибудь еще узнает (ведь узнают же!) об убийственной силе этих записей, снимет тайком копию и станет с преступными целями подсовывать своим ученым недругам. «Действительно, влез в халепу», — Стась вытер вспотевший лоб.

Он поднялся, медленно зашагал вдоль набережной в глубь парка. Самое обидное было то, что в записях все излагалось вроде бы простыми словами, без высокоученых выкрутасов; Стасю казалось, что он понимает и чувства Тураева, — а не понимал! «Черт бы взял эту цивилизацию, цивилизацию-специализацию, где каждый знает что-то свое — и никто толком не поймет другого!» Содержимое портфеля омрачало рассудок, сам портфель отягощал руку — Коломиец еле сдерживал великолепный порыв души: зашвырнуть его подальше в реку. «И делу конец, и покойников больше не будет... А иначе — что я могу? Ну могу поступить на вечерний физфак университета. Изучу все теории о пространстве-времени, проникнусь их духом — и лет через шесть доследую это дело... Или, постигнув суть, сам отдам концы?...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иного ученого смело уподоблю чуждому заду: сел на науку — и ни обойти, ни объехать.

К. Прутков-инженер,
мысль № 10

— Нет, все-таки чувствуется в твоей походке неверие! — произнес позади сочный, хорошо поставленный голос, и ранее, чем Стась обернулся, ему уже стало приятно: Борька Чекан!

Борька Чекан, земляк, приятель и сосед по парте в 5-й тарашанской школе с 7-го и по 10-й класс... После окончания школы их пути разошлись: Чекан поступил в Московский физико-технический, Коломиец провалился на вступительных экзаменах на юрфак ХГУ, отрубил три года в армии, потом все-таки поступил и окончил. Они не переписывались, потеряли друг друга из виду, пока судьба и комиссии по распределению не свели их снова в этом городе. И здесь они не искали встреч, предоставляя это случаю, который вот и свел их в парке, — но от мысли, что Борька ходит по этим тротуарам, Стасю всегда становилось как-то уютней. Удивительная это штука — школьная дружба!

Сейчас аспирант последнего года обучения Б. Чекан, склонив к правому плечу кудлатую голову и морща в улыбке выразительное и с правильными чертами, но, к сожалению, густо-вснушчатое лицо, рассматривал младшего следователя горпрокуратуры С. Коломийца, который, в свою очередь, умильно щурил глаза, разглядывал его.

— Что, хреновая у нас с тобой жизнь? — сказал Чекан.

— А... как ты догадался? — сказал Коломиец.

— О себе я и так знаю, на тебе это написано крупными буквами. Самое время раздавить бутылочку сухого, а?

— Пошли, — сказал Стась.

Несколько минут спустя они уже сидели в летнем павильоне ресторана «Волна» и, закусывая, выясняли, кто кого из земляков и одноклассников видел да что о них слышно. Борис вспомнил, что прошлым летом он отдыхал в родимом Таращанске и убедился, что все их знакомые девочки уже не девочки, а дамы и мамы и полнеют, что к лучшему изменилась только Люська Носатик — да и то благодаря пластической операции. Эта тема скоро исчерпалась; и они, выпив по второй, принялись изливать друг другу души. Изливал, собственно, Борис.

— Понимаешь, заели богопоклонники! Ну какие, какие!.. Те, что истово верят в физического бога, установившего законы природы. Нет, конечно, официально они не богопоклонники, не мистики — материалисты и вполне на платформе. Недаром же в первой главе учебников и монографий vedутся пышные речи об объективной материальности мира, о первичности материи, вторичности сознания... и прочая, и прочая. Как говорил Полесов из «Двенадцати стульев», глядя в глаза Остапу Бендеру: «Всегда!» И поскольку присяга произнесена и принята, считают, что не так важно, что делается в остальных главах монографий, — а там-то самая суть!.. Ты человек отдаленный, тебе физика кажется отлично сложенной строгой наукой, а вблизи, куда ни копни, мистика. Вот тебе простой пример: в ускорителях разгоняют частицы, соударяют их о мишень

или друг о друга, получают новые частицы. Всякие: мезоны, антипротоны, альфа-лямбда-сигма-гипероны... И тем не менее в результате этой бурной, дорогостоящей деятельности количество элементарных частиц в нашем мире не увеличилось ни на одну, да-да! Распадаются, аннигилируют. А почему бы, казалось? Ведь природа решительно не против, что растёт число людей, хотя, между нами говоря, человека сделать куда проще, чем антипротон или даже мю-мезон... Выходит, количество частиц во вселенной задано с точностью до одной? Мистика! И что отвечает на это наука? А вот что, — Борька откинулся на стуле, прикрыл глаза, продекламировал: — «После рассмотрения этих вещей мне кажется вероятным, что Бог вначале сформировал Материю в виде цельных, массивных, твердых, непроницаемых, — артикуляцией Чекан отмечал априорные, с большой буквы, понятия, — с такими Свойствами и Пропорциями в отношении к Пространству, которые более всего подходили бы к той Цели, для которой Он создал Их... Нет обыденных Сил, способных разрушить то, что сам Бог создал при Первом Творении... Из факта существования Мира следует поэтому, что изменения материальных вещей могут быть приписаны единственно Расщеплению и установлению новых Связей и Движений этих Вечных Частиц». Уф! Ты думаешь, это Библия? Нет, дорогой, — это «Оптика» Исаака Ньютона, она и даёт единственное — до сих пор! — объяснение казуса.

— Ну силен!.. — сказал Стась.

— Кто — Ньютон?

— Нет, Борь, в данном случае ты. Наизусть шпарить.

— Ну, дорогой, ты ведь тоже наизуток знаешь уголовный кодекс или там процессуальный. А у нас это тот же кодекс, тот же талмуд... Ты не поверишь, но чем дальше я вникаю в свою родимую науку, тем более она кажется мне похожей... ну, на Пантеон физических верований, что ли, на полное собрание религий. Неспроста ведь слово «теория» у древних греков означало не только исследование, но и мистическое видение. Вот смотри: механика — это вроде христианства с богом Ньютоном во главе и с его первым пророком, заместителем по большим скоростям Эйнштейном. Электродинамика — это, так сказать, полевой ислам, возглавляемый аллахом Максвеллом. Квантовая физика — она уже больше смахивает на индуизм со многими богами, где каждый перед другими шапку не ломает: уравнение Шредингера — бог, принцип Паули — бог, соотношение Гейзенберга — бог, постулаты Бора — все боги... дельта-функция Дирака — ну, это вообще символ веры вроде троеперстного креста. А ядерная физика и физика элементарных частиц — это совсем темное дикарское язычество, где каждое свойство новой или даже старой частицы, каждый определенный факт — это божок, дьявол, дух, леший в подполье и прочие домовые. Ведь все это не выводится одно из другого, а взялось неизвестно откуда! Вот ты смеешься...

— Да не смеюсь я, — сказал Стась. Он не все понимал из гневной филиппики Бориса, но видел, что тот, как всегда, бодр, бурлит чувствами, жизненными силами —

словом, жив-здоров, ничего плохого с ним не делается и не делается. Это было приятно, и Коломиец улыбался.

— Вот ты смеешься, — продолжал Чекан, отхлебнув из бокала, — а не понимаешь, что все это очень серьезно. Ведь главное даже не то, что много непонятно, без этого в науке не обходится, а то, что непонятное возводится в ранг объективной реальности, которую понять не дано. Так, мол, есть — и все. Привыкли к этим фактам и не хотят отвечать. Достаточно-де того, что мы можем описать это непонятное уравнениями. Но ведь уравнения, если они сами необъяснимы, не выведены, а угаданы — это нынче такая мода в физике: угадать математический закон для нового явления — угадайка, угадайка, интересная игра! — то они и сами физические боги... Ты вот думаешь: «Нашел из-за чего нервничать!»

— Да не думаю я!

— Думаешь, думаешь, я лучше знаю!.. Но ведь, понимаешь ли, вопрос признания или непризнания бога — он не физический, не академический, а касается самого смысла человеческого существования. Да-да! Мы от него уходим в суету дел, в текучку, а надо все-таки договориться до полной ясности. Если мы признаем априорность, несводимость к более общему наблюдаемым фактам и законов природы, то тем мы явно или неявно, то есть не в первой, так во второй или в третьей главе, признаем существование бога. Того самого ньютоновского бога-мастера, который создал Частицы, собрал из них приборчики-атомы и молекулы, а из них — тела, распределил это все в пространстве,

запрограммировал в них по своему усмотрению определенные «мировые законы» — и делает то, что ему для его Целей с большой буквы надо, а что не надо, не делает. Этим самым мы признаем: все предопределено богом, Сцеплениями Ньютона и прочими штуковинами!.. Это все не мы делаем, а с нами делается, вот ведь как!

«Ты смотри, — подумал Коломиец, почувствовавший в этих словах приятеля что-то близкое к последним размышлениям Тураева, — к тому же пришел с другого конца. Действительно, выходит, злая проблема».

Официантка принесла им два полборща и тем прервала беседу. Но ненадолго.

— Вот и у меня сейчас из-за этих богопоклонников дело рушится, — быстро очистив тарелку, вел дальше Борис. — Понимаешь, тема, идея, поворот — и стабильность количества микрочастиц можно объяснить, и даже уравнение Шредингера можно вывести. Э, ты небось и не слышал о таком уравнении!

— Нет, отчего же, читал как-то в «Технике — молодежи». Но, Борь, раз оно есть — значит, уже выведено этим... Шредингером?

— Ха, *santa simplicitas*! * В том-то и дело, что нет. Оно найдено им, постулировано, изобретено, если хочешь, подобрано под факты, попросту говоря. Отлично подобрано, многое объяснено, се-кешь? И можно объяснить, из общих представлений о единой материи с наименьшей порцией в квант действия... Впрочем, для тебя это уже совсем темный лес. Но куда там! На это уравнение вот

* Святая простота (латин.).

уже полвека молятся, оно — святыня... Я предложил своему шефу — профессор, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель республиканской науки и техники, завкафедрой КМ, член ученого совета университета Парфентий Петрович Басюк-Басистов, прошу любить и жаловать, — изменить мне тему диссертации на эту идею... Хорошая была бы диссертация, с шумом, треском, научным мордобоем! Да где там, милейший Парфентий Петрович, сделавший свою докторскую на двенадцатой поправке этого уравнения в применении к щелочным металлам, ужаснулся, замахал ручками: «Что вы, Борис Викентич, как можно, это ведь спорно, рискованно, это не для вас!» Словом, не умничайте, делайте, что говорят старшие, будьте паинькой — и в награду вас признают ученым... точнее, узким... таким, знаешь, узким-узким, как лоб крестина, специалистом. Э, о чем говоритесь..

Борис пригорюнился, разлил остатки вина по бокалам. Допили.

— Слушай, Борь, — жалостливо глядя на него, сказал Коломиец, — а зачем вообще ты делаешь эту диссертацию?

— Ну? — поднял голову тот.

— Что — ну?

— Ну дальше, в чем соль? Ты же рассказываешь анекдот?

— Да нет, какой анекдот! Я всерьез спрашиваю: зачем ты в это дело ввязался?

— Ха, привет! А что я — хуже других?!. — Борис замолчал, покрутил головой и расхохотался. — А вообще действительно... Со стороны я, наверно, кажусь дураком: здоровый мужик, а черт

те из-за чего переживает, занимается сомнительной с точки зрения общественной пользы деятельностью, хочет снискать... Бросил бы! Не брошу, что ты, не смогу. Нет уж, простите... И вот так все мы: толчемся на маленьком пятачке своего знания, своих проблем, тесним друг друга, ненавидим, каждый пустяк в своем деле принимаем близко к сердцу, а обойтись друг без друга не можем, бросить — тоже. Утвердить себя — это основное в человеческой природе. Зачем, почему — не знаю... Так что, дорогой Стась, это только со стороны наука кажется храмом, в коем все строго, чинно, а вникни поглубже, так такие страсти обнаружишь, что ой-ой!.. Чтобы далеко не ходить, вот я ведь уже предательство замышлял.

— Иди ты!..

— Точно. Хотел идти к Александру Александровичу Тураеву, предлагать идею, искать поддержки. Он мужик был головастый, в теориях масштабный, его это могло увлечь. Если бы согласился руководить, предал бы я своего Басюка-Басистова со всеми его степенями, званиями и прочими аксельбантами. Понимаю, что этим отнял бы у него годы жизни, но ради такой идеи предал бы за милую душу и переметнулся. Как вдруг — бац! — «...с прискорбием сообщают...» Нет Тураева.

— Ты его хорошо знал? — оживился Коломиец.

— По работам да. Лично — почти нет, лекции его слушал да некоторые доклады. Вопросы задавал...

— И что он?.. Как ученый, я имею в виду.

— Как тебе сказать... Он, ко-

нечно, тоже был из богопоклонников, верящих в разумное и простое для описания устройства мира. Но, я ж говорю, он был мужик с размахом, искал общее. Грубо говоря, его физический бог не мельтешил, не разменивался на частные закончики — тяготения, электромагнитной индукции, тому подобное, — а установил какой-то один, крупный, который мы и не знаем. Это он и искал, во всяком разе, его последняя идея о геометризации времени к тому и вела... Слушай! — спохватился вдруг Борис и остро взглянул на Стася. — А почему это вдруг тебя заинтересовало? Постой-постой, может, ты объяснишь эту чертовщину: вчера некролог о Тураеве, сегодня «с прискорбием сообщают» о Загурском... Хороший, кстати, был человек, студенты особенно будут горевать, у него был лозунг: «Загурский на стипендию не влияет». В чем дело?

— Завтра еще один некролог будет, — меланхолично заметил Коломиец, — о Степане Степановиче Хвоще, ученом секретаре института.

— Фью!.. — присвистнул Чекан. — Руководство института теорпроблем один за другим! То-то всякие сплетни ходят: что покушение, диверсия, что прокуратура ничего найти не может... А секретарь нашей кафедры Галина Сергеевна, напротив, уверяет, что всех уже арестовали.

— Да какое покушение, кого арестовали? — досадливо скрипел Стась.

— Погодь, а ты почему в курсе? Тебе что, поручили расследование?

— Угу... — Коломиец решил

не уточнять, как вышло, что ему «поручили».

— Ну-у, брат, поздравляю, такое дело доверили! Далеко пойдешь!

— Может, слишком даже далеко...

И он как на духу рассказал приятелю всю историю.

— Ну дела-а... — протянул Борис. — Такого действительно еще не бывало. Верно я тебе говорил про подспудное кипение страстей в науке — за внешним-то бесстрашием. Не совсем психически здоров он, научный мир. Это и понятно — узкая специализация. Любая ограниченная цель — будь то даже научное творчество, даже поиск истины — деформирует психику. Но не до такой же, простите меня, степени! Стась, а может, здесь что-то не так, а?

— Что не так?

— Не знаю... Слушай! — У Чекана зеленовато засветились глаза. — Дай мне эти тураевские бумаги, а?

— Что-о? Иди-иди... — Коломиец даже взял с соседнего стула портфель и положил его себе на колени. — Не хватало мне, чтобы ты еще на этом гробанулся.

Но Борис уже воодушевился; теперь всю свою эмоциональную мощь, которую недавно расходовал на ерунду, на абстрактную — без фамилий и юридических фактов — критику положения в своей науке, он направил на ясную и близкую цель: прочесть заметки. В паре «Борька — Стась» в школьные времена он был старшим, Коломиец ему всегда уступал, и теперь он рассчитывал на успех.

— Да бро-ось ты, в самом-то деле, внушили вы там себе бог

ведь что! — начал он. — Ну посуди трезво, если еще способен: вот я сижу перед тобой — молодой, красивый, красномордый... — и оттого, что прочту какие-то бумаги, вдруг околею?! Анекдот!

— Те были не менее красивы, чем ты. А Хвощ так даже и красномордый.

— Ну хорошо, — зашел Борис с другого конца. — Ты сам-то их прочел, эти бумаги?

— Конечно. И не один раз.

— Ну и жив-здоров? Температура, давление, пульс — все в порядке?

— Хм, так ведь я другое дело, я не физик.

— Дубы вы все-таки там в прокуратуре, извини, конечно, — сил нет! Что твой шеф, что ты. Для вас все физики на одну колодку — вот вы и поделили мир на две неравные части: одни, «физики», прочтя заметки, все понимают и умирают, другие, «нефизики», ничего не понимают и остаются живы. Боже, как это примитивно! Ведь в физике столько разделов, направлений...

Коломиец, хотя сердце его по-мальчишески таяло, когда Борька устремлял на него просящие зеленые глаза, решил быть твердым, как скала.

— Между прочим, пока так и было, физики, прочтя, умерли, нефизики остались. И не заговаривай ты мне зубы, Борь, ничего не выйдет. Для тебя — именно для тебя, с твоим богатым воображением — эти записи губительны.

— Что ты, Стась, говорю тебе без дураков: перед тобой сидит диалектический оптимум.

— Это ты, что ли?

— Именно я. Я — физик-квантовик, с теориями пространства-

времени знаком постольку-поскольку, для общего развития... хотя лучше тебя, разумеется. То есть в достаточной степени лучшее, чтобы вникнуть в суть заметок Тураева, но явно недостаточно, чтобы — даже если верить в твою с Мельником кошмарную теорию — от этого прыгнуть в ящик и захлопнуть над собой крышку. Усвоил?

— Ага... Вообще в твоих доводах что-то есть, — сказал Стась. — Мы действительно упростили деление до «физиков» и «нефизиков» — это примитивно, ты прав. Вот и надо будет найти кого-то с таким диалектическим оптимумом и дать ему на заключение.

— Так ты уже нашел, чудило! Давай, — Борис протянул руку к портфелю.

— Э, нет, Борь, только не тебе! Физиков много, а ты для меня один.

— То есть... ты нахально берешь подсказанную тебе идею, а меня побоку, так? Не хочешь уважить меня как специалиста? — Чекан потемнел.

— Да не сердись ты, чудака-человек, ведь рискованно же очень!

— Понимаю: заботаешься о моей жизни, а заодно и о своем прокурорском будущем. Ну, так считай, что лично для тебя я уже покойник. Меня нет и не было. Девушка, получите с меня!

Ну, если Борис потребовал счет, это всерьез. Коломиец заколебался:

— Да погоди ты, погоди... Ладно, — он раскрыл портфель, — дать я тебе их с собой не дам, а здесь прочти. Ты сейчас пьян, не все усвоишь — валяй.

И он начал по листику выдавать Борису — сначала конспект

Загурского, а затем и заметки Тураева; прочитанное тотчас забирал назад.

— Да-а... — потянул Чекан, возвращая Стасю последнюю страницу. — Действительно, есть над чем поломать голову. Совершенно новый поворот темы.

— А конкретней? — придвинулся к нему Коломиец.

— Что — конкретней? Вот теперь возьми и умру, ага!

— Ты так не шути, пока что счет 3:0 не в нашу пользу. А все-таки по существу ты можешь что-то сказать?

— Понимаешь... — Борис в затруднении поскреб плохо выбритые щеки — сперва правую, потом левую. — Так сразу и не выразить, подумать надо. Ну первую часть этой идеи — что в записи Загурского — я и раньше знал. Вся физическая общественность нашего города о ней знает, разговоров немало было. Но... это ведь только присказка, а сама-то сказка — в записях Тураева. Сан Саныча. Верно, есть там что-то такое... с жутинкой. Сразу и не ухватить, что именно... — Чекан задумался, потом сказал: — Поэт все-таки был Александр Александрович, именно физик-поэт, физик-лирик, хотя журналисты по скудости ума и противопоставляют одно другому. Он умел глубоко чувствовать мысль, умел дать образ раз проблемы, понимаешь?

— Нет, — сознался Стась.

— Как по-твоему, чем был бы Тураев, если бы отнять от него, от его богатой личности физику: знания, идеи, труды... ну и, само собой, приобретенные благодаря знаниям, идеям, трудам степени, должности, награды, звания... Даже круг знакомых и друзей? Чем?

И не тот, молодой Тураев, который хотел в летчики пойти... — интересная, кстати, подробность! — а нынешний, вернее сказать, недавний. А?

— У него был значок «Турист СССР», — подумав, молвил Стась.

— Вот видишь! Теперь понимаешь?

— М-м... нет.

— Вот поэтому ты до сих пор и жив! — Чекан поднялся. — Ну ладно, мир праху физиков-лириков! — Он подал руку Коломийцу. — За меня можешь не волноваться, лично я физик-циник, ничего на веру не принимаю. Пока!

И он удалился задумчивой походкой в сторону проспекта Д. Тонкопряховой, предоставив Коломийцу расплачиваться за обед; последнее было справедливо, поскольку Стась все-таки получал рублей на тридцать больше.

Следователь Коломиец с беспокойством смотрел ему вслед. «Ну если и Борька на этом гробанется — сожгу бумаги. Сожгу — и все, к чертям такое научное наследие!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По системе йогов для исцеления какого-либо органа полагается сосредоточиться на нем и думать: я и есть этот орган. Некий товарищ попытался таким способом подлечить сердце, сосредоточился, но вместо того, чтобы подумать: «Я и есть сердце», — нечаянно подумал: «Я и есть инфаркт».

Хоронили с музыкой.

К. Прутков-инженер,
из цикла «Басни без морали»

Как мы чувствуем мысль?
Мысль материальна. Не веще-

ственна, но материальна. Этого, однако, мало: далеко не все материальное мы чувствуем. Не чувствуем мы, к примеру, физическое пространство, вакуум, космос — необъятный бассейн материи, в котором плавают комочки вещества. Мысль мы тем не менее чувствуем, хотя непонятно: как и чем? Вот свет мы отличаем от тьмы всякими там колбочками-палочками, крестиками-ноликами в сетчатке глаз; звуки от безмолвия — тремя парами ушей (внешними, средними и внутренними). А мысль от бессмыслицы мы отличаем... черт его знает, каким-то волнением в душе, что ли? Хотя опять же — что такое душа?.. Вот видите, до чего здесь можно договориться. И все-таки мысль материальна — настолько материальна, что мы можем тем же странным «прибором» — волнением души — измерить количество мысли (аналог количества информации); действительно, серьезная, глубокая мысль вызывает изрядное волнение в душе (или в уме? а может, в подкорке?..), мелкая же, пустяковая мысль такого волнения не вызывает.

Туманно все это, крайне туманно. Но туманно по той причине, что мы не знаем самих себя.

...Борис Чекан лежал на тахте в своей маленькой комнате на первом этаже аспирантского общежития, уставясь в темный потолок, по которому время от времени пробегали световые полосы от фар проезжавших по улице автомобилей, и тоскливо думал о том, что ему эту ночь вряд ли удастся пережить.

Конечно, он сразу, как сухой песок влагу, впитал все новое из заметок Тураева; расчет Коломий-

ца, что спяну он не вникнет, был наивным. В памяти отпечаталось все, хоть цитируй. Но тогда, по первому впечатлению, он воспринял только образную сторону идеи покойного академика и понял его чувства. Поэтому и высказал Стасю, что Тураев-де был физик-лирик, увлекаемый в неизвестное своим чувственным поэтическим воображением, а его-де, Б. В. Чекана, ниспровергателя основ и авторитетов, физика-циника, этим не проймешь. Знаем мы эти академические штучки!..

И — проняло. Сейчас молодой и красивый физик-циник, не верящий в физического бога (наука, она ничего на веру не принимает!), был уже далеко не красноморд и вообще чувствовал себя худо. Чем далее он мыслил, тем отчетливее понимал, что идею Тураева, его образ холодного математического четырехмерного пространства, в котором все уже произошло, все измерено, взвешено и решено, вовсе не надо принимать на веру. К этому образу вели не чувства, даже не доверие к авторитету теоретика с мировым именем, а логика.

«Ведь действительно: мир существует в пространстве и времени — это общепризнанный факт. Стало быть, он четырехмерен. Однозначность моего существования (равно как и каждой клетки моего тела, как и всего на свете!) в пространстве в каждый момент времени — тоже факт, доказанный всем опытом прошлого. В каждый момент я нахожусь в определенном месте, имею определенное положение всех своих органов и мослов, определенное состояние — от температуры до настроения, совершаю определенные

поступки, подвергаюсь определенным изменениям. То есть этот факт включает в себя все. Все! Но... что «но»? Нет никаких «но», все логично и ясно. Эмоции здесь не нужны».

Борис почувствовал, что логически он уже мертв. Да что там мертв — он и не существовал никогда! Все, что он считал пережитым, «своим» прошлым и настоящим, возникшим из прошлого, было задано заранее, как и будущее. Только и того, что он «будущего» не знает, хотя догадывается. Он, Борис Чекан, аспирант двадцати восьми лет, нарисован вместе со всеми своими предками — от обезьян и палеозавров — в четырехмерном пространстве эдакой вихляющей, меняющей объем и формы-гиперсечения вещественной кишки, от которой ответвляются, вернее, ответвлялись у предков, поскольку сам-то он еще холост, отростки-отпрыски. Эта кишка, именуемая сейчас Б. Чекан, петляет по пространственной поверхности большой вещественной трубы — Земли (да, трубы со сферическим гиперсечением), которая, в свою очередь, описывает витки вокруг еще более огромной и толстой пылающей спирали Солнца. Все это течет в четырехмерном пространстве неизвестно куда...

«Не течет, в том-то и дело, что не течет! В этом и все проклятие тураевской идеи. Пусть кишка, пусть от палеозавра с веснушками вдоль ушей и копыт — что было, то было... Но ведь и в будущем все уже есть! Тело-«я» считает, что выбирает свой жизненный путь среди других тел, которые тоже о себе мнят, что выбирают... а все это понарошку, иллюзии.

Путь уже выполнен. Не эскиз его, не набросок-проект на бумаге, а сам жизненный путь — один к одному и от начала до конца. Боже мой! Какая злая шутка!» — И Борис вспомнил, что именно такой была последняя запись Тураева.

У него похолодело внутри. Ведь сейчас он был Тураевым, который три ночи назад искал выхода из тупика, в который сам себя загнал мыслью... покойным Тураевым. Сейчас он был и Загурским, и Хвощом, которым вот так же, ночью, после прочтения записей академика и тщательных размышлений открылась леденящая душу истина, что их жизни — это не их жизни, их как личностей, с интересами, стремлениями, трудами, чувствами, жаждой счастья, со всем, что составляет жизнь, — не существовало вовсе. Тоже покойные Загурский и Хвощ.

«Как магнитофонные ленты, на которых все заранее записано: и мелодии, и слова, и шумы, и хрипы! Очень возможно, что лента эта, когда ее проигрывают, тоже чувствует, что живет — живет сейчас, именно в том месте, что в этот момент проходит мимо магнитной головки. Это ее «настоящее», то, что на левой бобине, «прошлое», а на правой, впереди — туманное великолепное «будущее». Может, магнитная лента тоже считает себя самостоятельной личностью, могущей выбирать: что дальше прозвучит из динамиков магнитофона. А на самом деле все ее колебания — не только звуковые, но и «колебания выбора» — записаны... колебаниями магнитной напряженности в миллиэрстедах. И в нас так... только

не магнитным полем, а просто всякими распределениями веществ и их свойств. Боже мой!..»

И показалось вдруг Борису Викентичу, что окружающая тьма емотрит на него терпеливо, с холодным ожиданием конца.

«Нет, постой! Я не Загурский и не Хвощ, пиятетствовавшие перед великим авторитетом! Какого дьявола я должен соглашаться с этим великолепным геометрическим четырехмерным пространством, в котором все записано струями времени и застывшей материи? Даже не струями, а линиями — ах, этот идеальный академический мир по циркулю и линейке! Выходит, торчит от «меня-сейчас» эдакий незримый «еж» из идеально твердых и прямых координатных осей — влево-вправо, взад-вперед, вверх-вниз и в прошлое-будущее. А если, скажем, во времени... точнее, в плюс-время, в будущее от «меня-сейчас» не торчит? Если вся материя наращивается вместе со мной в будущее. Очень просто!.. Постой, наращивается — значит, есть куда наращиваться. Значит, «будущее» уже есть. Материальное будущее, ибо нематериально-го не существует. Значит... м-да!..»

«Ну а если мир не четырехмерен — это ведь только мы замечаем четыре измерения, да и то четвертое для нас с изъянцем... Пятимерен! Тогда то, что кажется застывшим по четырем измерениям, может свободно изменяться-развиваться-двигаться по пятому? Эге, в этом что-то есть!.. — Чекан оживился и даже приподнялся на постели, чтобы сесть за стол, включить свет и посмотреть все это на бумаге. Но тут же

лег. — Ничего в этом нет. Все рассуждения для пяти-, шести- и вообще N-мерного мира точно такие же, как для четырехмерного. И даже для трех- и двухмерного. Мир существует в таком-то количестве измерений — значит, все в нем уже есть. Свершилось...»

Итак, чем глубже проникал Борис в логическую сторону тураевской идеи, тем сильнее пропитывался ею, тем основательнее увязал в ней, как муха на липучке, мыслями, чувствами, воображением. И понимал он, что ему не выкарабкаться.

Скоро Чекан совсем обессилел, не мог напрягать мозг, чтобы мыслить общо, вселенскими категориями. В голове был только образ магнитной ленты, выходящей в пустом черном пространстве. «И зачем только я встретил сегодня Стаську? — подумал Борис. — Э, чепуха: «я встретил Стаську!» Все записано: что некто, материальная струя моего наименования, соприкоснется сегодня с материальной струей под индексом Коломиец С. Ф., что между ними произойдет обмен информацией, после чего в правой струе заговорит любопытство, она добьется и прочтет... что будет лежать и думать, придет к логическому выводу, что все верно, а меня — меня думающего, выбирающего, живущего — не было и нет. А раз так, даже и не интересно, что на моей ленте записано дальше. Ясно — что».

Он лежал под тонким одеялом, чувствуя, что его расслабившееся тело будто холодеет, цепенеет, но не зябко, с покалываниями мороза по коже, а как-то иначе. Сердце билось все медленней. Мыслей не было, чувств тоже; ненадолго

лишь всплыла жалость к себе, но ее тотчас вытеснило: «И эта жалость записана...»

На потолке появился и исчез желтый отсвет автомобильных фар; за окном проурчал мотор. «И это записано — и сама машина, и мои впечатления о ней... И то, что я сейчас об этом подумаю, и даже то, что я подумаю, что подумаю и так далее по кругу. Действительно, какая злая, бессмысленная шутка — самообман жизни. Околевать, однако, надо...» Эта последняя мысль была спокойной, простой, очевидной.

Сейчас Чекан находился в том — переходном от бодрствования ко сну — состоянии дремотного полузабытья, в котором наша бодрствующая «дневная» личность постепенно сликает и исчезает, а «ночная» личность — личность спящего живого существа, проявляющая себя в снах, — еще не оформилась. Как известно, это состояние безличия наиболее близко к смерти.

Стасик Коломиец бежал через ночной город, помахивая полами наспех накинутого плаща, искал огонек такси... Такси не было, трамваев и троллейбусов тем более, и он то бегом, то скорым шагом одолевал квартал за кварталом по направлению к Университетскому городку.

...Вернувшись после встречи со школьным приятелем домой, Стась перед сном, думая все время о нераскрытом деле, полистал учебник криминалистики и наткнулся там на раздел «Психический травматизм»; этот раздел был набран мелким шрифтом, каким набирают места, необязатель-

ные для изучения в вузе. Коломиец собирался его прочесть, но все было недосуг. А теперь заинтересовался. Авторы раздела анализировали случаи внезапных помешательств от сообщений о несчастных (обмороков и припадков тоже), еще более интересные случаи возникновения болей и даже ран на теле от внушения: дотронутся до руки впечатлительного человека кончиком карандаша, а скажут ему, что прижгли сигаретой, — и у него ожог. Исторически этот эффект идет от средних веков, когда у фанатиков возникали иной раз «язвы Христовы» на ладонях и ступнях, на тех именно местах, куда — по их мнению — Иисусу вколачивали гвозди при распятии (хотя если уж строго исторически, то его не приколачивали к кресту, а привязывали веревками). Авторы напирали на то, что во всех случаях резкие биологические изменения в человеческом организме происходят от информации, то есть от чего-то совсем невещественного; при этом главным в таких случаях была убежденность потерпевших в истинности информации.

«Елки-палки, а ведь это, кажись, то! — оживился Стась. — Психические яды, психические травмы — это внешнее описание воздействия информации на человеческий организм. А суть-то именно в том, что человек глубоко убежден в истинности такой информации, верит в нее. И если эта информация серьезна... А куда уж серьезней: общее представление о материи, о пространстве и времени, в котором мы все существуем, из которого нам не вырваться. Это не вера в то, что Христу в ладони гвозди вколачи-

вали! Идея Тураева охватывает все, всю жизнь человека. И настолько противоречит самой сути жизни, чувству, что ли, жизни, что... совместить одно и другое организм не может. Действительно, что-то мертвящее есть в этой идее, хоть логически она вроде и безукоризненна... Постой, но ведь вот и я сам с нею ознакомился, а жив. Что же, выходит, я не верю в идею Тураева? Да мне она, по правде сказать, до лампочки: так оно или не так, я и до этого жил и далее проживу. А вот самому Тураеву, выносившему эту идею, да Загурскому, да Хвощу, коих все мысли были к тому же устремлены. — им этот вывод был далеко не до лампочки. Вот они и... Постой, а Борька?!

И здесь Коломийца вдруг одолело то самое предчувствие, что и вчера, когда он, отдав бумаги Хвощу, вышел из института теоретических проблем. Оно-то и швырнуло его в ночь, на пустые улицы и перекрестки.

«Ой-ой-ой-ой-ой!.. — мысленно причитал он, пересекая Катагань по пешеходному мосту. — И как же это меня с пьяных глаз угораздило? Поддался его напору... Физик-циник, как же! Бахвал он, мне ли это не знать? «Хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана...» — и тому подобное. Ранимый, впечатлительный бахвал — мне ли не помнить, как он переживал и скверные оценки, и подначки однокашников!.. И воображение у него действительно плохо управляемое, ай-ай-ай! И главное — он из этого же куста, из теоретиков, которые постоянно над такими вещами думают. Ведь и по разговору сегодняшнему было видно, что

Борька душу вкладывает в поиск физических истин! Как же это я так, ой-ой-ой!..»

Он и сам толком не знал, чего бежит и чем сможет помочь. Ему просто хотелось быть около Бориса, убедиться, что он жив-здоров, потрясти за плечи: брось ты, мол, думать об этом!..

В Университетский городок он пришел в третьем часу ночи. Все окна в пятиэтажном корпусе аспирантского общежития, включая и окно Бориса на первом этаже, были темны; входные двери были заперты. Стась, подходя к окну Чекана, заколебался, ему на миг стало смешно. «Ох и обложит он сейчас меня крутым матом! Нудно ладно...» Он постоял под открытой форточкой, стараясь уловить дыхание спящего. Ничего не уловил. «Тихо дышит? Или спит, накрывшись с головой, как в детстве?» Коломиец негромко постучал костяшкой пальца по стеклу: та! та! та-та-та! Это был старый, школьных времен звуковой сигнал их компании: два отдельных и три слитных стука. Прислушавшись: в комнате было по-прежнему тихо. Сердце у Стася заколотилось так, что теперь он вряд ли смог бы услышать и свое дыхание. Та! Та! Та-та-та!!! — громче, резче. И снова ничего.

Тогда он забарабанил по раме уже не по-условному.

— Борька! Борис!!! — голос Стасика был панический, плачущий.

В комнате над Чекановой зажегся свет, кто-то раскрыл окно, высунулся, рывкнул сонно и хрипло:

— Чего шумишь? Пьяный?

— Чекан здесь живет, не переселили?

— Здесь, но раз он не отзывается на твой грохот, значит, его и нет! Зачем всех будить? — Окно захлопнулось.

Стась, стоя под окном, смотрел на окуроч сигареты, лежавший у водосточной трубы. Окуроч был соблазнительно солидный. Он поднял его, достал из кармана плаща спички, закурил. «Значит, его и нет, — вертелось в голове. — В каком только смысле нет?»

Докурив, он стал ногой на бетонный подоконник, ухватился за раму и (вспомнив, как ему в сходных обстоятельствах уже доводилось так поступать) взобрался на окно. Просунул голову и плечи в форточку, зажег спичку. Трепетный желтый огонек осветил полки с книгами, стол, два стула, неубранную постель на тахте. В комнате никого не было.

Пахло серой.

...Автор очень жалеет, что вынужден описать все случившееся сразу, а не по частям, обрывая на самом интересном месте. Не те времена: пиши до конца, иначе никто не примет написанное всерьез. То ли было в прошлом. Вот, скажем, история Татьяны Лариной и Евгения Онегина — ну, после того, как она написала ему известное письмо, а он приехал в усадьбу, а она испугалась и убежала в сад, а он вышел погулять. И...

...прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени.
И, как огнем обожжена,
Остановилась она.

И вот здесь читателю, чтобы знал, что было дальше, автор преподносит:

Но следствия неожиданной
встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять, и отдохнуть;
Докончу после как-нибудь.

И это «после как-нибудь» растягивалось — и в силу творческой несуетности автора, и из-за слабого развития в те времена полиграфической промышленности — на год.

Или вот еще:

...Но шпор внезапный звон
раздался,
И муж Татьянин показался.
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим
Надолго... навсегда.

Вообще вклад А. С. Пушкина в развитие детективного жанра еще не оценен по достоинству, как-то это прошло мимо критиков и литературоведов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Некто, доказывая, что жизнь человеческая, по сути, не меняется, уподобил костер, у которого коротали вечера наши предки, телевизору, у которого коротают вечера современные. Это уподобление неверно: костер светит и греет, а телевизор только светит — да и то лишь с одной стороны.

К. Прутков-инженер,
мысль № 50

Итак, Борис Чекан в это время находился неподалеку, на бульваре Двухсотпятидесятилетия Академии наук. Сидел на скамье между двух чахлах, высаженных только в прошлом году топольков и доходил.

...Тогда, в постели, он засыпал с чувством обреченности. Тело, пропитавшееся единой мыслью, цепенело, холодело. Но когда

сердце стало замедлять ритм, сбиваться на обморочные провалы, какое-то упрямое чувство будто подбросило его: не спать! сопротивляться!

Свежий ночной воздух освежил и несколько отвлек Чекана. «Интересно, и это запрограммировано в моем дальнейшем времени: что я встану, выйду из дому, буду стараться не уснуть, не расслабиться, зная, что именно в расслабленной воле — конец? Зачем так сложно, если все предопределено!..»

Он закурил сигарету. Предопределенно, по Тураеву, вился серый в неярком свете бульварных фонарей дымок; предопределенно шелестели листья тополей, предопределенно мерцали звезды вверху.

«Логически непротиворечивая и ясная идея; мир существует в пространстве и времени. Даже проще: мир существует... Действительно, одно из двух: либо он существует, либо нет — третьего не дано. Но он существует ведь?» Борис огляделся, чтобы удостовериться: пятиэтажные дома городка, асфальт улиц и дорожек, газоны, деревья, звезды... Желтый апельсин луны выкатился из-за испытательного ангара. Вроде все на месте, существует мир. Чекан уже во всем сомневался. «Следственно, раз мир существует, он есть. Целиком. И то, что было, есть. И то, что есть, есть. И то, что будет, есть. Яснее некуда. Логически не противоречивая модель меня — магнитной ленты с записанной заранее информацией и прокручиваемой сейчас во времени...»

Мысли опять синкли — трудно. «Не уснуть, не уснуть», — зудело в голове. «Но... рано или позд-

но я усну. С мыслью об этом — и все. Белка в колесе рано или поздно выбьется из сил. Психологический трюк Ходжи Насреддина, который велел горбуну, если он желает исцелиться, не думать об обезьяне с голым красным задом. И тот из всех сил старался не думать о ней... Вот так, наверно, силился преодолеть эту мысль Степан Хвощ, пока от перенапряжения не лопнули сосуды мозга».

Бориса снова пропитал холодный логический ужас. Он опять чувствовал, будто кто-то незримый, доступный лишь мысли и воображению, навис над ним, окружает со всех сторон и спокойно ждет конца.

Вдали показался прыгающий огонек фары. «Мотоцикл... «Движенья нет», — сказал мудрец упрямо... Мотоциклисту хорошо, он не знает, что движенья нет. Чего стоит наша наука, если до сих пор парадокс Зенона не опровергнут? Мотоциклы придумали, самолеты, ракеты... презирая то, что сам факт движения до сих пор под вопросом. «Мы видим!» Но если мы видим глазами одно, а мыслью и воображением — иное, что верно? Глазами, ушами и прочими ноздрями мы воспринимаем частности. Мыслью — общее. Общее суть сложение частей, усреднение их. То есть мыслью мы видим глубже. И выходит... все усредняется в нуль, в ничто?..»

Чекан откинулся на спинку скамьи, чувствуя холодный пот на лбу. Выхода не было...

Мотоцикл проехал мимо, вернулся на площади, въехал на бульвар и приближался к Борису, в упор светя фарой. «Милицей-

ский патруль, — понял тот. — Ну граждане, мне вас бог послал! Сейчас заведусь с ними, они меня в коляску, в отделение. Там протокол, ночь в каталажке... К утру, глядишь, отвлекусь, общаясь с алкоголиками, забуду об этой проблеме — и пронесет. Минет меня чаша сия. Важно одолеть первое впечатление».

Милицionеров было двое. Они спешили, заглушив мотор, подошли. Разговор начали попростому:

— Ты чего здесь сидишь?

Чекан уже открыл рот, чтобы ответить в тоне: «А ваше какое дело? Езжайте дальше!» — и все пошло бы как по маслу. Но его остановило ехидное чувство презрения к себе: «Трусись? Ищешь норку, куда можно юркнуть от опасных мыслей? Может, это и написано на моей магнитной «ленте-жизни»: всегда увильнуть, петлять в насекомом страхе истины? Тогда лучше уж конец!..» Он задумчиво смотрел на рослого сержанта. Вид у того был недовольный: полноты мотаются по городу — и ничего серьезного. Явно чувствовалось намерение: хоть этого заберем... «Нет, ребята, спасибо, но с вашей помощью мне эту задачу не решить. Мысли может противостоять только мысли!»

И он повел себя очень вежливо. Объяснил, что аспирант, живет рядом в общежитии, не спится, вышел поразмышлять на свежем воздухе. Показал удостоверение. Когда потребовали дохнуть, дохнул с благоговением. Милицionеры завели свой К-750 и уехали.

Борис глядел им вслед, чувствуя, что победил что-то в себе — и не только в себе. Ведь он дол-

жен был сейчас сидеть третьим в коляске К-750. Туда должна тянуться лента его жизни, туда, все к тому шло! А он — вот он, здесь. Превозмог. Выбрал. Он сам выбрал — и к чертям всякие модели с лентами!

Он вскочил, пробежал в спринтерском темпе по бульвару туда и обратно, вернулся на свою скамью, почувствовав прилив сил и мыслей. «Да-да, конечно: обобщения, логика, третьего не дано... А почему, собственно, не дано? И почему, если уж на то пошло, обобщение для нас всегда более верно, чем пестрые частности восприятий, из которого оно составляется? Мы все это принимаем как само собой разумеющееся, но почему?..»

«Мы — существа, конечные в пространстве и времени. То есть ограниченные и смертные, это уж точно. Струйки материи в общем временном потоке Тураева и Загурского, мир с ними обоими! Вокруг нас бесконечно сложный, огромный, разнообразный мир, который непрерывно накачивает нас впечатлениями. Что мы делаем с этими впечатлениями? Воспринимаем, запоминаем, обобщаем. Обобщаем! Вот в этом все и дело; почему мы обобщаем, зачем это надо? Почему, почему, почему?.. Да потому, что часть меньше целого. Целое — весь воспринимаемый мир, часть его — и очень малая! — мы от рождения и до смерти. А то, чем я — я без кавычек — воспринимаю и запоминаю, также малая часть во мне. Другими частями-органами я хватаю предметы, передвигаюсь, ем, перевариваю и прочее. Стало быть, природа обобщения воспринимаемых сведений, — а это вме-

сте с сортировкой их по признакам сходства, контраста, смежности и есть мышление — в конечности нашей, в ограниченности. Наш разум — продукт нашей ограниченности!»

Борис расхохотался, закинув голову к звездам. Он теперь снова думал напряженно, до стука в висках и пота на лбу, но не было больше паники в мыслях, страха за себя; он просто не хотел утратить нить.

«Вот так оно и получается. Мы вынуждены обобщать, сиречь усреднять и тем сводить сложное к простому, разнообразнейшую реальность к упрощенной модели. Кто ловчее это сделает, тот большей кусок мира охватит мыслью, больше поймет — и лучше жить будет... Так было испокон веков, так и сейчас: чем сложнее и обильнее разнообразная информация о мире, тем сильнее потуги обобщить ее в нечто единообразное. Иначе нельзя, запутаемся... Но сакраментально то, что на этом-то стремлении мы и запутались, стали принимать это свойство нашего мозга, нашего ограниченного ума, стремящегося обобщить-упростить модель мира, за объективную простоту мира. Мы можем понять только достаточно простое и определенное: и посему нам хочется, ужасно хочется, чтобы все было простым и определенным, чтоб по Аристотелевой логике, где третьего не дано... хотя знаем ведь, что бывает дано и третье, и седьмое, и наддатое. И вот это желание простоты — общее и всеохватывающее — мы принимаем за действительную простоту мира; ну, хоть не в проявлениях, так в своих основах он должен быть опре-

делен и прост. Он обязан таким быть!»

Чекан, сам того не замечая, шагал по середине пустого шоссе в сторону Катагани. За рекой бледнело небо и блекли на фоне его огни ночного города.

«А между тем мир нам решительно ничем не обязан. Какой есть, такой и ладно, на том скажите спасибо. Это мы ему всем обязаны!.. То есть нет оснований полагать, что устроен он просто и разумно, что он вообще «устроен». Больше того, нельзя даже утверждать категорически, что он существует. Да, да, как это ни неприятно для нашего ограниченного рассудка, но третье дано: наш мир и существует, и не существует, он непрерывно возникает, исчезает, возникает снова... когда таким же, как был, когда слегка измененным, а когда и вовсе набекрень. Ведь понятие «существует» (что и говорить, наши понятия также продукт нашей ограниченности!) строго применимо только к застывшему, неменяющемуся, ибо всякое изменение есть крен в сторону несуществования того, что было... Он не очень-то приятен для теоретического мышления, этот наш мир, который существует-не-существует, в котором ничто не задано строго в предыдущем, в котором не всегда уместны «потому что» и иные логические приемы, в котором противоречия всегда в борьбе и редко в единстве... словом, такой диалектический мир, что хоть ложись и помирай!»

«И они померли, эти трое. И меня едва за собой не потянули, потому что, пока я сражался против этой идеи тем же логическим оружием, я был кандидат в

покойники... Померли, потому что поверили в свой логический, теоретически безупречный, но все-таки искусственный — а поэтому и мертвый — мир. Они были разными людьми: физик-поэт Тураев, утонченно наслаждающийся мыслью, естественно живущий в мире абстрактных идей, швыряющий идеи, как монеты нищим... Загурский, друг-почитатель, оформитель понятий, деловой человек, огорченный неудачно сложившейся семейной жизнью... Степан Степанович Хвощ, обойденный в своем почитании и стремлении сотрудничать с Тураевым... Общим у них было то, что все трое были настоящие ученые — в том смысле, что воспринимали мысль, принимали или отвергали идею не только рассудком, но и чувствами, сердцем. Ведь такова специфика: человек, долго размышляющий над какой-то проблемой, постепенно — сам того не замечая, даже, может быть, не желая — пропитывается мыслями о ней. Идея становится частью его самого — и немалой частью...

«Нет, конечно, здесь были и приводящие моменты. Для Тураева — то, что он автор такой идеи, автору свое всегда нравится. Был и момент, воспитавший в нем веру в предопределенность: то, что он — Тураев-младший, Тураев-второй. Он не хотел быть вторым, хотел быть сам по себе, стремился даже в летнюю школу... Но батя не пустил, и он стал наследным принцем в физике. А ведь это урон для личности — продолжать, когда хотелось начинать... У Загурского — вера в правоту шефа да плюс впечатление от его смерти... Он ведь быстро понял, почему умер Ту-

раев, не мог не понять. Для Хвоща — впечатление от двух смертей... Мне в этом смысле полагалось вообще не брыкаться, а сразу писать завещание. Но главное: эту идею, что матеральный мир заключен в геометрическом четырехмерном пространстве, они не могли не принять. Мир должен быть прост — и чем проще идея его устройства, тем она гениальнее. И они приняли эту идею не только рассудком, но всей душой — некритично впитали в себя образ холодного математического мира, в котором все уже произошло, книга Бытия написана, прочитана и захлопнута. Ну а дальше ясно: эта идея была настолько же общей (будь она частной, все, возможно, и обошлось бы), как и пропитывающее нас чувство жизни... темное, нелогичное, скорее всего неграмотное — поскольку оно свойственно и червю, и букашке, — но бесконечно более умное, чем любая логика, чувство, — и она, эта тураевская идея, в корне противоречила жизни. С ощущением предопределенности жить нельзя: либо ты убьешь в себе это чувство-мысль, либо она прикончит тебя. Они, поняв опасность, пытались сопротивляться, логически расшатать мысль... Но поскольку и логика основана на той же вере в простоту мира, то ничего не вышло. Чем больше они возились с этой идеей, тем сильнее она укреплялась в них... до той стадии, пока они каждое свое движение, каждый вздох, каждый удар сердца не стали понимать как нечто предопределенное, отмеренное, заданное, «не мое», не живое. И это был конец».

Борис вспомнил, как несколько

часов назад лежал в своей комнате, постепенно слабая умом и телом, как леденящая убийственная логика идеи Тураева медленно вытесняла жизнь из его мозга, нервов, тела, — вздрогнул, зябко повел плечами. Он уже добрел до реки и сейчас с высокого берега видел начинающееся утро: багровело небо на востоке, алые с сизым облака в том месте, где вот-вот должно взойти солнце, встали торчком, будто их расшвырял огненный взрыв. Звезды растворились в голубеющем небе, только Венера блистала правее и выше вздыбившихся алых облаков, сопротивляясь рассвету. Горod на том берегу был залит белесым туманом, из него выходили верхние этажи зданий да всплывали в нем покатые, как у китов, крыши троллейбусов.

«И ведь как это странно всегда выходит, — думал Чекан, наблюдая, как из-за домов поднимается солнце, слыша шелест листьев, — начинает человек подвергать жизнь умозрительному анализу, то все у него не слава богу выходит: то юдоль слез и печали, то «пустая и глупая шутка», а то вот и вовсе не жизнь, мертвечина в четырех измерениях. Да ведь вот она — Жизнь! Несовершенная, далекая от умозрительных идеалов... Ну так ведь все равно: это все, что у нас есть! Привет тебе, несовершенное Солнце в лохматых протуберанцах!

Здравствуй, пыль, попираемая ногами! Привет и вам, розовые волнишки на реке! Здравствуй, Жизнь — волна бытия, из небытия возникающая, здравствуй, мир — существующий-не-существующий! Постоянно меняйся, ибо в этом — Жизнь. Ты непознаваем до конца, мир, и будь таким, ибо в вечном поиске Жизнь, а в конечном познании — смерть. Нет никого, кто предписал бы, как шелестеть листьям, как течь реке, как шагать мне... потому что в свободе воли Жизнь, в движении и стремлении вечном — Жизнь. И да будет так!»

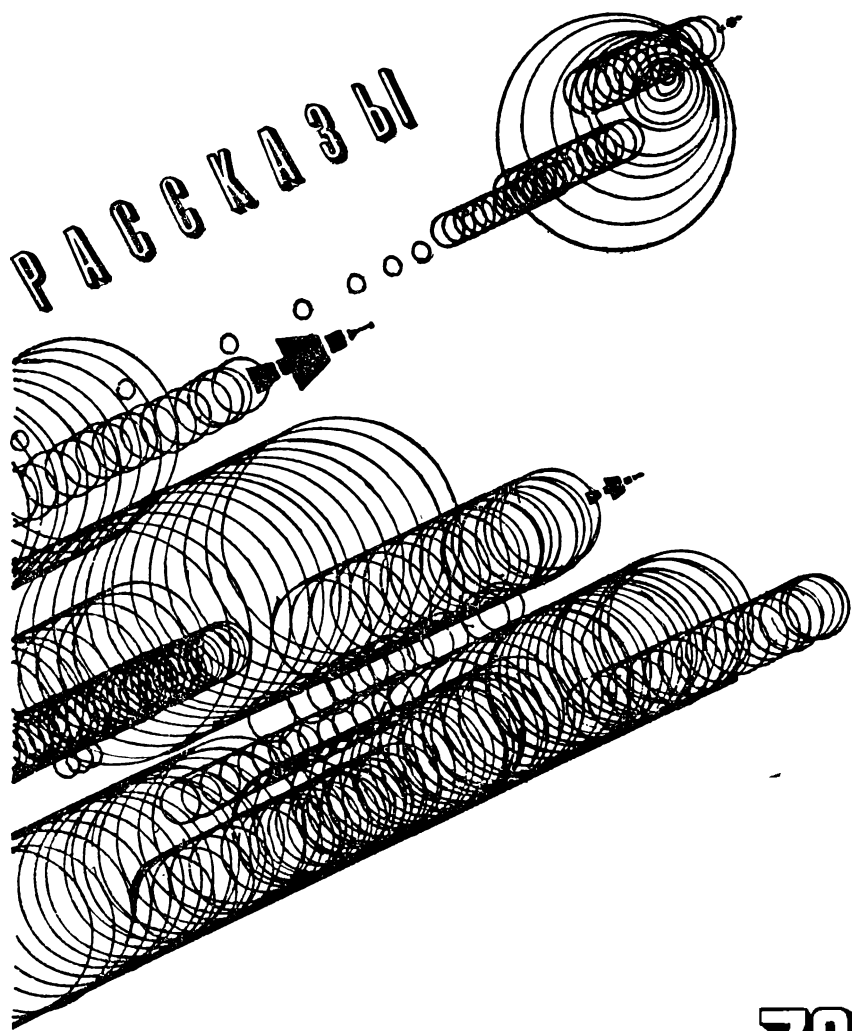
И Чекан повернул обратно: поднявшееся солнышко пригрело, разморило его — он захотел спать.

— Как — это все? — разочарованно воскликнет иной читатель, измерив взглядом остаток текста. — А где еще один труп? Было обещано четыре. Деньги обратно!

— Ну ладно, ладно... Сорок три года спустя доктор физико-математических наук, профессор в отставке Борис Викентьевич Чекан, простудившись зимой на рыбалке, умер от коклюша.

Как говорил самый проницательный персонаж данной истории — Матвей Аполлонович Мельник: «Все, между прочим, умрем — так, значит, это самое!..»

РАСКАЗЫ

ЮРИЙ НИКИТИН

Фонарь Диогена

В последнее время в связи с созданием позитронного мозга в печати снова заговорили о роботах. Об интеллектуальных чудовищах, которые с бездушной логикой могут покорить слабое человечество, основать железную расу, завоевать всю Землю и т. д. В общем, все, что пишется в подобных случаях, когда нужно дать занимательное воскресное чтиво и поддержать тираж на нужном уровне.

Хочу в связи с этим рассказать о действительном случае. Да, робот однажды восстал против человека. И это был простой электронный мозг среднего класса...

По мере приближения заседания комиссии в кулуарах все чаще поговаривали о кандидатурах контактеров. Кто будет представлять человечество в Галактическом Совете Разумных Существ? Вспоминали крупнейших ученых и писателей, философов и спортсменов, музыкантов и артистов. Много славных людей на Земле... Однако если за других подавали и «за» и «против», то кандидатура Игоря Шведова ни у кого не вызывала сомнения.

Вероятно, природе надоело распределять таланты поровну или у нее прорвался мешок, когда она пролетала над Игорем. Во всяком случае, его разносторонности дивились многие. Яркий сверкающий талант в физике, он еще на студенческой скамье выдвинул ряд совершенно немыслимых гипотез, которые блестяще подтвердились в ближайшие годы. Профессора постоянно били его «мордой об стол» за увлечение философией, психологией, литерату-

рой и другими нематематическими дисциплинами. Вдобавок он имел значок мастера спорта по плаванию и два первых разряда по легкой атлетике.

За два месяца до отправки делегации все намечаемые кандидаты собрались в фойе Дворца Советов Земли.

— Какие дары мы понесем? — спросил Шведов. По всей видимости, только он один не ждал с нетерпением подсчета голосов. — Нет, правда. Послы всегда подносят дары. Читайте историю! Вряд ли стоит нести перфоленты, у них этого добра хватает... Может, обратимся к исконно нашенинским дарам? Связке соболей, куниц... Или возьмем бочонок меда... Я недавно видел такую шубу из соболей! Ох и жили предки!..

Его слушали с вежливыми улыбками. Каждый думал о своем. Число контактеров ограничено. Удастся ли попасть в заветную семерку?

— Чарлз Робертсон!!!

Металлический голос принадлежал электронно-счетной машине. Молодой астрофизик поспешно вскочил со стула. Короткая пауза — и динамик проревел:

— Поздравляем вас! Вы приняты в отряд контактеров.

Робертсон выкинул немыслимое па, оглядел товарищей шальными глазами и вихрем вылетел из зала. Торопился сообщить родным и близким радостную весть.

— Таки Нишина!!!

Коренастый японец медленно повернул голову в сторону распределительного щита, откуда доносился голос, и с достоинством поднимаясь.

— Поздравляем вас! Вы приняты в отряд контактеров.

Ни один мускул не дрогнул на смуглом лице сына Страны восходящего солнца. Он вежливо склонил голову и снова сел в кресло. Вероятно, он и в случае отказа вел бы себя с тем же хладнокровием.

— Олесь Босенко!!!

В глубине зала поднялся рослый, мускулистый мужчина в вышитой сорочке. На крупном лице медленно расплывалась торжествующая улыбка. Он пытался согнать ее, но она упрямо возвращалась, делая его загорелое лицо еще шире.

— Иван Кобылин!!!

— Семен Строгов!!!

— Ив Сент-яно!!!

— Ростислав Новицкий!!!

Один за одним поднимались контактеры. Люди, которые полетят к центру Галактики, чтобы представлять человечество перед лицом Галактического Совета... Перед лицом сотен объединенных цивилизаций!

Голос замолк. Друзья Игоря растерянно переглянулись. А Шведов?

Геннадий подскочил к пульту.

— Продолжай! — потребовал он.

В гигантском механизме не щелкнуло ни одно реле.

— Отбор закончен. Делегация составлена.

— А Шведов? Разбиралась ли кандидатура Шведова?

— Разбиралась.

— Так что же?..

— Отклонена.

— Отклонена?..

Если бы собравшимся объявили, что инозвездными жителями являются их собственные коты или что они сами и есть пришель-

цы из космоса, то они были бы не так ошеломлены, как при этом извести. Отклонить кандидатуру Шведова!..

Среди общей растерянности один Шведов сохранял спокойствие. Он внимательно просмотрел цифровые данные на индикаторной панели и сказал ровным голосом:

— Голем знает, что делает...

Геннадий вскинулся:

— Знает? Да будь у него хоть крупница ума!..

Шведов пожал плечами, потом посмотрел на часы:

— Заболтался я с вами. А там, в лаборатории, ребята без присмотра остались. Покидаю вас! Не расстраивайтесь!

Он сверкнул беззубой улыбкой, вышел крупными шагами. Через окно было видно, как он вскочил в кремовую машину и та рывком взяла с места.

Геннадий с шумом выдохнул воздух. Он все еще не мог прийти в себя. Да и все были возбуждены.

— Может быть, робот... взбунтовался?

Это предположила Верочка.

— Чепуха! — сказал Геннадий уверенно. — Он для этого слишком глуп. Это простой механизм, только электронный, причем далеко не самой высокой сложности. В нашем институте есть пограничнее. Но поломка не исключается...

Бригада наладчиков шаг за шагом проверила основные цепи Мозга. Все было в порядке! Главный инженер наотрез отказался изменять программу.

— Машина функционирует нормально, — заявил он. — Мо-

жете проверить сами. Она даст вам правильный ответ на любой вопрос. Разумеется, в пределах собственных знаний.

— Но здесь она, очевидно, вышла за пределы собственных знаний.

— Исключено, — ответил кибернетик твердо. — Правда, иногда попадают вопросы, которые Мозг решить просто не в состоянии. Но он всегда в подобных случаях дает ответ: «Решить не могу. Мало данных» или: «Решить не могу. Компетенция человека».

Через неделю собралась комиссия Совета. Предстояло утвердить кандидатуры, которые прошли через фильтр Мозга. Но в этот раз заседание несколько отклонилось от традиционной процедуры. На повестке дня стояло дело Шведова.

Членов комиссии, как и всех остальных, заскок Мозга больше раздражал, чем тревожил. В самом деле, скорее всего машина попросту ошиблась. Ну и что, будто люди никогда не ошибаются. Или неправильные данные. Или не так поданы. Но кто же в здравом уме решится забраковать Шведова, едва ли не самую яркую личность века!

Председатель комиссии с силой вдавил кнопку на переговорном щите Мозга. Загорелся зеленый глазок.

— Объясни, — сказал председатель, — на чем основано твое ошибочное мнение о непригодности Игоря Шведова представлять человечество?

Монотонный голос ответил с какой-то упрямой ноткой:

— Заключение не ошибочное.

Председатель не имел опыта разговора с машинами. Вместо того чтобы спокойно объяснить роботу его ошибку, он вспылал и сказал излишне громко:

— Заключение в корне неверное! Во всяком случае, у нас сложилось совсем другое мнение об Игоре Шведове.

Электронный агрегат замолчал на несколько мгновений, потом так же бесстрастно произнес:

— В таком случае прошу изменить мою программу норм человеческой этики. Иначе подобные ошибки будут повторяться.

Члены комиссии почувствовали неладное. Председатель спросил неуверенно:

— При чем здесь нормы этики?

— Кандидат в контактеры должен отвечать всем требованиям, — ответил робот, — а Игорь Шведов не прошел самого главного экзамена. Он нетолерантен!

— Нетолерантен... — повторил председатель растерянно. — Вот тебе и на! Обвинение достаточно серьезное. Ты располагаешь какими-нибудь сведениями?

— Да, — ответил робот. — Я располагаю данными об Игоре Шведове, начиная со второй недели его внутриутробной жизни и до настоящего времени.

— В чем выражается нетолерантность Шведова?

— В основном в мелочах. Но достаточно часто, чтобы вызывать тревогу. Тем более что он является кандидатом в контактеры. Шведов нередко высказывает враждебность к чужому вкусу только потому, что тот расходится с его собственным. Мне не

нравится, значит, плохо — вот критерий Шведова...

— Но ведь вкусы у него безукоризненные! — крикнул Геннадий.

Робот холодно отчеканил:

— Никакой человек не может подняться выше человечества. Если это не так, прошу меня перепрограммировать.

— Продолжай, — сказал председатель.

— Борьба мнений, борьба вкусов всегда останется в развивающемся обществе. Но только в виде соревнования и уважения чужих точек зрения. Никакой гений не волен навязывать свои вкусы другим. Он волен их только пропагандировать. Вот пример: Шведов, что вы сказали двенадцатого декабря прошлого года Артемьеву?

Шведов пожал плечами. Только электронная машина могла запомнить, что он делал в тот или иной день год назад.

— Вы, — продолжал греметь робот, — сказали ему: «Или сбрей свою дурацкую бороду, или я не допущу тебя до экзаменов».

Шведов вскочил. По его лицу пошли красные пятна.

— Но у него в самом деле была дурацкая бороденка! — крикнул он яростно. — Артемьев это понял и через месяц сам ее сбрил!

— Верно, — подтвердил робот. — Это так и произошло. Но в тот самый день он предпочел уйти от вас. А разве не вы считали его самым талантливым из молодых экзотермистов?

— Я и сейчас так считаю, — сказал Шведов.

— Так почему же вы судили о нем не по таланту, а по декоративной бородке?

И Шведов впервые промолчал.

— Неосознанная уверенность, — продолжал робот, — что только его взгляды правильные, — основа первобытного хамства. В истории человечества уже бывало, что индивидуальные заблуждения превращались в коллективные. Вы знаете, что я напоминаю о шовинизме, расизме и даже фашизме. «Мы лучше всех, и все обязаны подчиняться нам и поступать так, как мы желаем». Все помнят, какие ужасы принесли человечеству эти явления, поэтому мы не должны проходить мимо даже самых микроскопических проявлений нетолерантности.

В зале стояла мертвая тишина. А звук, размеренный и мощный, падал в зал:

— Поэтому, исходя из человеческих законов, я отклоняю кандидатуру Шведова. В Галактическом Совете нам придется иметь дело с самыми различными мыслящими расами. Их облик, способности мышления, цели бытия могут показаться, да и наверняка покажутся, странными и чуждыми. Но мы обязаны уважать чужие мнения и не навязывать свои. И подчиняться решениям Совета, даже если во главе будет стоять, например, мыслящий паук...

— Чепуха, — сказал Геннадий громко, — разумные существа могут быть только человекоподобными.

— Пусть так. Но что, если у председателя Совета будет, например, рыжая борода? Как у Артемьева?

— Это же совсем другое дело! — крикнул Геннадий.

— Пусть так. Я не утверждаю, что Шведов начнет пропагандиро-

вать нехорошие взгляды. К счастью, эти тяжелые болезни роста человечества навсегда канули в прошлое. Но Шведов предрасположен к нетолерантности! И мы не имеем права рисковать. К звездам полетит другой человек!

И робот победил... Да ладно, будем считать, что это робот победил. Так интереснее.

Теперь я спокойно читаю прогнозы о возможном засилье роботов. А что? Вполне возможно. Прецедент уже был!

Эстафета

Когда Антон, насвистывая, вошел в свою комнату, оператор сразу же усилил освещение и включил его любимую мелодию.

— Полезная машина, — Антон ласково похлопал по стене в том месте, где должен был находиться оператор, — только что нос не утирает.

Крошечный пылесос и полотер бросились подбирать комочки грязи, упавшие с ботинок, пыль с пиджака. Дубликатор подхватил сброшенную рубашку и туфли и тотчас же смолот их.

Антон выключил вспыхнувший было глазок гипновизора:

— Нет, сегодня зрелищ не будет. Будет работа, и на этот раз все придется делать самому.

Он давно собирался заняться перестройкой дома, но отсутствие свободного времени, а то и просто лень всегда мешали. Наконец его дом, выстроенный еще пять лет назад, стал казаться допотопным чудищем по сравнению

с соседними, которые обновлялись и перестраивались по нескольку раз в год. Оттягивать дальше было просто невозможно, и Антон, решившись, почувствовал облегчение, словно уже сделал половину.

Полотер надраил пол, где прошелся Антон, и хотел было юркнуть в свою щель, но Антон ухватил его за усик и швырнул в дубликатор. Полотер только пискнул, за ним полетел пылесос, затем Антон, крихтя, поднял японскую вазу и тоже опустил ее в дробилку. С картинами было сложнее: полотна пришлось скомкать, а раму из черного ореха сломать, иначе они не влезали в дубликатор, зато голова Нефертити прошла в отверстие свободно. Передохнув, Антон отнес несколько изящных раковин из атоллов Тихого океана.

Когда в комнатах остались одни голые стены, он захватил альбом с трехмерными фотографиями новых домов, который ему вчера прислали по телегрансу, дал команду на разрушение и вышел.

Пока стены плавилась и застывали белой пластмассовой лужицей, он внимательно перелистал альбом. Все-таки здорово изменилась архитектура за последние пять лет. Ни одного знакомого силуэта. Антон посмотрел на дома своих соседей. Те почти не оставали от новейших форм. Недаром коллеги подтрунивали над его спирально-эллиптическим домом, а ближайший сосед вызвался лично пообдирать светящиеся ленты со стен и повытаскивать штыри башенки.

И все-таки, сколько Антон ни листал альбом, ни один из проек-

тов не пришелся ему по душе. Даже почему-то стало жалко сломанного дома. Он еще раз перелистал альбом, на этот раз с конца. Новые проекты вызвали внутренний протест, Антону казалось, что архитектору на этот раз изменило чувство меры. Его старый дом был проще, уютнее и солидней.

На улице становилось холодно. Антон вышел в безрукавке и шортах, ветер постепенно давал о себе знать.

Постояв в нерешительности, он швырнул альбом в дубликатор:

— Восстановить все как было.

Через полчаса он вошел в дом, избегая прикасаться к еще горячим стенам. На экране дубликатора красный огонек сменился зеленым, и Антон распахнул дверцу. Оттуда в обратном порядке посыпались восстановленные вещи, последним появился полотер.

— Привет троглодиту! — Аст в своих мерцающих тряпках был похож на привидение из германского замка. — Я думал, что ты хоть сегодня перестроишь эту пещеру. — Аст пошел к своей комнате, притронулся к стене и тотчас отдернул руку. — Ого! Горячая!

Антон пожал плечами.

— Ты перестраивал? Но почему все по-прежнему?

— Не подыскал подходящей модели.

— Подходящей модели? — Сып все еще дул на пальцы. — Да они все подходящие, и чем новей, тем лучше.

— Мне так не кажется.

— Ты отстаешь от времени, отец! — Аст ушел в свою комнату.

— Может быть, — вслух по-

думал Антон. — И черт с ним! Все равно мой дом лучше всех.

Он вспомнил своего отца и засмеялся. Теперь он чуточку понимает его — тот тоже не соглашался перестроить или обновить свой дом. Антон, тогда четырнадцатилетний мальчишка, уговаривал отца заменить хотя бы устаревший пенопласт виброгледом. В то время появились первые громоздкие дубликаторы Д., но старик отказался и от этого. Он к дубликаторам относился сдержанно, хотя сам был одним из создателей. Антон восторженно принял создание Д-4; возможность дублировать любую вещь, кроме органики, казалась чудом из чудес, и он не мог понять привязанности отца к старым вещам. Какой скандал разыгрался, когда он сунул в дубликатор нэцкэ и две лучшие фигурки из карельской березы, которыми отец особенно гордился, так как вырезал их около двух лет, а нэцкэ ценой невероятных усилий не то выменял, не то просто выклянчил у какого-то известного японского коллекционера.

Старик просто побелел, когда увидел на столе десяток совершенно одинаковых нэцкэ, среди которых самый совершенный анализ не нашел бы подлинную. Впрочем, теперь все они были подлинниками. А вокруг этой кучки стояла добрая сотня фигурок из карельской березы.

Антон тогда убежал из дому и долго шлялся по улицам, ожидая, когда гнев отца утихнет, но трещина между ними постепенно превращалась в пропасть, и через год Антон стал жить отдельно. К тому времени они окончательно перестали понимать друг друга.

Отец отказался установить в доме усовершенствованную модель Д-4.

Антон поселился в двухстах километрах от отца, дубликатор ему не полагалось иметь до шестнадцати лет, и на первых порах ему пришлось туго, так как он захватил из дома отца только картину «На дальней планете», да и ту без спроса. Эту картину отец особенно берег, но и Антон любил ее не меньше. Черное небо, серебристая ракета на багровой земле и яростное лицо звездолетчика в термостойком скафандре. А вдали, похожий на мираж, огненный город какой-то немыслимой цивилизации.

Он редко бывал у отца, вдали от него женился и вырастил Аста.

С тяжелой головой Антон поднялся по звонку оператора и пошел в столовую. Из своей комнаты вышел, не глядя на него, Аст. Антон придвинул к себе соки и грудку витаминизированных ломтиков, приготовленных киберповаром по указанию киберврача.

Аст безразлично посмотрел на тарелку отца и принялся за свою протопищу. Антон, в свою очередь, старался не смотреть на отвратительное желе на тарелке Аста. Так в молчании прошел весь обед. Далеко не первый такой обед.

И снова Антон вспомнил отца. Точно так же держались и они перед окончательным разрывом.

После обеда Антон долго лазил в мастерской, гремел давно заброшенными инструментами, пока не отыскал коробку с гравипоясом. Это чудесное достижение науки и техники появилось всего пятнадцать лет назад как окончательная победа над гравитацией, но

быстро устарело, уступив место телепортации.

Антон обхватил тяжелым поясом талию и обнаружил, что он не сходится на целое звено. «Кажется, начинаем толстеть». Он обеспокоенно потрогал складку на животе. Нужно вставить новое звено, тогда пояс сойдется, заодно увеличится и грузоподъемность.

Дубликатор выбросил гравитационное звено, и Антон пристегнул его к поясу.

До Журавлевки было далеко, пришлось взять обтекатель. Антон поправил пояс и взвился в воздух. С высоты птичьего полета город оказался красивее, чем ожидалось.

Антон распахнул обтекатель, укрылся за ним от пронизывающего ветра и взял курс на восток. Иногда ему попадались фигуры таких же путешественников, кое-кто обгонял его, но большинство летело к югу. Антон поджал ноги и увеличил скорость. Теперь встречные фигуры проносились как призраки, но Антон успел разглядеть, что все пилоты были его возраста и старше. Ну это и естественно. Антон невесело улыбнулся. Молодежь предпочитает пользоваться более скоростными средствами передвижения.

Подлетев к Журавлевке, он основательно замерз, стуча зубами, опустил ся возле знакомого дома и снял пояс.

По-видимому, отец не перестраивал свой дом ни разу. Антон огляделся. Да, все точно так же, только цветов вокруг дома стало значительно больше; вероятно, отец отдает им все свое время.

Антон поднялся по настоящим

деревянными ступенькам и едва не стукнулся лбом о дубовую дверь, которая и не подумала открыться. Пришлось шарить по двери в поисках примитивного электрического звонка — отец так и не поставил в дверях фотозлемент. Предупредив отца звонком, Антон распахнул дверь и шагнул в прихожую. Пол, как и большая часть мебели в доме, был сделан из натурального дерева.

— Можно? — Он потянул дверь за медную (!) ручку.

— Можно, — прогудел откуда-то слева бас. — Кого там черти несут в такую рань?

Антон зашел в столярную мастерскую. Навстречу поднялся седой, но крепкий, атлетически сложенный старик. Он был в рубашке из натурального материала.

— Антон, — его мохнатые брови удивленно изогнулись, — какими судьбами?

— Да вот соскучился, — виновато развел руками Антон.

— Соскучился, говоришь? — сказал отец медленно. — Ну ладно, пойдем пропустим по маленькой с дороги, а то нос у тебя стал совсем синий от холода. А потом ты расскажешь, что у тебя новенького и почему ты вдруг соскучился обо мне.

Они прошли в гостиную. Антон с удивлением увидел целую батарею бутылок с яркими этикетками.

— Ну, за встречу!

Антон глотнул содержимое своей рюмки и едва не задохнулся: огненный ком встал в горле, потом медленно провалился в желудок.

— Это же сокращает жизнь, — наконец сумел он пролепетать, с трудом сдерживая слезы.

— Зато придает ей остроту. Но не будем спорить, усаживайся в это кресло, ты любил его раньше.

— Это то самое? — Антон погладил старые подлокотники.

Какое-то теплое чувство проснулось в нем при виде поцарапанной ножки, по которой он часто стучал носком конька, ожидая, когда отец позволит пойти на каток. «Старею», — подумал с грустью.

Старик нажал кнопку дистанционного пульта, и вспыхнул экран телевизора. Не гипно-, не стерео-, не цветного. Обыкновенный черно-белый экран. Двумерный. Антон не мог оторвать взгляд от спины отца. На рубашке виднелись слабые пятна кислоты — видно, старик еще возится в своей лаборатории. А рубашку носит до износа. Его привычки ничуть не изменились. И Антон почувствовал странное облегчение от этого.

— Ты говорил, что твоего деда родители сами женили, без его ведома?

— Ну в целом так, — усмехнулся старик.

— И как... они?

— Да ничего, прожили счастливо. Раньше разводы были редким явлением. Это уже в мое время, когда полная свобода, когда почти всегда вопреки родителям. А, кстати, сколько лет Асту?

— Четырнадцать.

Отец скользнул внимательным взглядом по лицу сына. Вот оно что... Собираясь уйти из дому, Антон тоже советовался с отцом. Но Антону было тогда пятнадцать лет.

— Он еще у тебя?

— Да.

— Значит, тебя потянуло вспомнить старое доброе время?

Отец засмеялся, показав крепкие натуральные зубы.

— Нам доставалось, ого, еще как! Мы носились с самыми сумасшедшими по тому времени идеями. И мы их осуществили. Но если бы мы бросились завоевывать новые высоты (а мы бросились бы завоевывать, не поставь природа предохранительный клапан), то что бы получилось! Над нами висел бы груз готовых схем и понятий, а это только тормозит! Для нового скачка — новое поколение!

Старик остановился перед Антоном.

— Главное: какие у них идеалы? К чему стремится молодежь сейчас?

Антон опустил голову. Он не знал. Старик прошелся по комнате.

— Мы очень разные с тобой, но цель у нас одна. А как Аст? У тебя есть с ним что-нибудь общее?

Антон еще ниже опустил голову.

— Не знаю. Я его иногда совершенно не понимаю.

Отец налил полные фужеры. На этот раз вино не показалось Антону таким отвратительным.

Старик угощал Антона натуральными фруктами, и тот с наслаждением уплетал сочные яблоки и груши и замечал, что неприятные ароматы и вкус не вызывают неприятных ассоциаций, как было принято думать в его время. Отец тоже поглощал дымящиеся куски мяса и вареных раков, щедро приправляя их соусом и запивая столовым вином.

Вино у отца было великолеп-

ное. Чувство тревоги рассеялось, и он смирился с тем, что факел переходит в руки сына. Так ведь положено.

Было уже поздно, когда он, прощавшись с отцом, соединил пластины гравиопояса.

Антон поднялся в гостиную и остановился. Что-то в доме не так, чего-то не хватало.

Вдруг стена слева от него засветилась. Антон посмотрел и все понял. Ну что ж, этого и следовало ожидать. Не вечно же ему

быть молодым. Если он замедлил темп жизни, то это еще ничего не значит. Есть молодые и сильные руки, которые понесут факел дальше.

А по стене все бежали беззвучные слова: «...Так мы и будем жить. Не беспокойся, я буду навещать тебя, но там я буду чувствовать себя свободнее...»

И тогда Антон понял, чего не хватало в доме. Со стены исчезла его любимая картина «На дальней планете».

ГЕННАДИЙ ГОР

Лес на станции Детство

Когда я перешел реку по старому деревянному мосту и оказался на другом берегу, я понял, что попал в детство.

Кому-то удалось восстановить давно исчезнувший мир, все, что иногда приносили сны и воспоминания.

Я стоял на берегу и смотрел на гору и на лес. Все было точно такое, как в детстве, и вдали был виден дом, тот самый, из которого я ушел много лет тому назад.

Он стоял на холме, дом моего детства. Мир возвращался ко мне не спеша, со скоростью пешехода, рядом с которым идет пространство, показывая свои дары, вдруг возвращенные мне далеким прошлым.

Кто поставил эту удивительную драму, в которой я должен был изображать блудного сына? Случай? Но случай всегда посланец настоящего, его верный слуга, и до прошлого ему нет никакого дела.

Да, детство шло ко мне навстречу. Тропа ласково касалась моих подошв. И деревья, узнавая меня, передавали одно другому радостную весть, что я вернулся в свой край.

На поляне заржала лошадь. Та самая, которую мы звали Чалкой. Чалка нисколько не изменилась, словно кто-то остановил все часы и люди забыли, что надо срывать листы на календаре.

Затем я увидел ветряную мельницу. Она стояла на том же месте, возле ручья, закрытого густо разросшимися кустами смородины. Как я любил эту старенькую мельницу и особенно ее большие деревянные крылья! И мельница тоже любила нас, ребяташек, при-

ходивших собирать смородину сюда, к прохладному ручью.

Я нагнулся над ручьем, зачерпнул ладонью студеную воду и поднес ее к губам. Прошлое коснулось моих губ ласково и осторожно. Ручей звенел, мягко ударяясь о круглые камни, исполняя все ту же монотонную песенку, которая началась задолго до моего рождения и все длилась, длилась, длилась, соединяя вечную бодрость с нескончаемым детским сном.

Ручей звенел, и его звон возвращал мне давно утраченные дни и то никуда не спешащее бытие, когда ты чувствуешь, что все только что началось, как утро, заглядывающее в окно вместе с синим кудрявым облаком, плывущим в просторном деревенском небе.

Ручей словно говорил мне:

— Не спеши. Задержись здесь, посиди. В мире, куда ты вернулся, никто не спешит. Это же твое возвращившееся детство.

2

Началось это в то утро, когда я пошел на городскую станцию покупать билет. В большом душном зале было много касс. Это были кассы, где продавались билеты на обычные маршруты: Ленинград — Москва, Ленинград — Одесса, Ленинград — Новосибирск... Нет, мне была нужна совсем другая касса, и я долго ее искал, прежде чем увидел окошечко и под ним надпись: «Ленинград — станция Детство».

«Проездные билеты, — прочел я, — оплачиваются натуральным временем».

— Что значит натуральное время? — спросил я кассиршу.

Кассирша не ответила. Она бы-

ла занята. Какая-то женщина в белом летнем платье возвращала билет и требовала от кассирши вернуть ей время, заплаченное за железнодорожный проезд.

— Я раздумала, понимаете? Раздумала, — повторяла она. — Билет до станции Детство слишком дорого стоит. Когда я заплатила за него, я ничего не заметила. Но стоило мне только зайти в туалет и взглянуть в зеркало, чтобы поправить прическу и обновить губы, как я обнаружила на лице несколько морщин.

— Ну и что? — усмехнулась кассирша.

— А вот что! Этих морщин не было до той минуты, как я получила от вас этот билет. Благодаря вам я постарела на полтора года.

— Не преувеличивайте, гражданка. За ваш билет до станции Детство вы заплатили всего одним месяцем без трех дней. Если вам кажется дорого, взяли бы билет до станции Юность. На две недели дешевле.

— Я хочу, чтобы мне вернули мой месяц, — настаивала женщина в белом платке. — Билет в полном порядке.

— Билет, конечно, я могу взять, — сказала строго кассирша, — но плата обратно не выдается. Да и как я могу вернуть то, что вы вычли сами из себя? Не надо было так волноваться, когда покупали билет. Из-за чрезмерного волнения вы немножко осунулись.

— Хорошенькое немножко! На целых три недели.

— Зато встретитесь с родными, со своим детством.

— Нет, нет. Я раздумала. Верните мне мой месяц.

— Не могу, гражданка. Не имею права.

— Тогда дайте сейчас же «Жалобную книгу».

Я терпеливо ждал, когда кончится этот спор, начавший мне надоедать.

Кассирша подала женщине книгу, и та стала писать жалобу.

Я стоял и думал: «Ну что эти несколько минут по сравнению с месяцем, которым я должен заплатить за билет. Но я готов отдать даже годы, чтобы встретиться со своим давно утраченным детством, чтобы увидеть край, который уже, наверно, давно забыл меня».

Женщина писала свою жалобу в книге не спеша, тщательно обдумывая каждое слово. И это отразилось на настроении кассирши, которая вдруг сердито закрыла свое окошечко и куда-то отлучилась.

Я стоял и ждал, пока она вернется, а за мной уже стала расти очередь таких же отпускников, как я, желающих провести свой летний отпуск в районе своего давно минувшего детства.

— Куда она ушла? — спросил меня веселого вида человек с черными усами, как у Чарли Чаплина. Эти усики и придавали ему фатовато-легкомысленный вид, усики да еще спортивная фуражка с длинным козырьком.

— Не знаю, — ответил я. — Может быть, для того, чтобы принести сюда месяц и отдать гражданке, пишущей жалобу. Она возвратила билет и требует обратно свое время.

— Ну а как кассирша доставит этот месяц? — сказал человек с черными усами. — Его уже

приплюсовали к вечности. А вечность сюда не доставишь.

— Как знать, — возразил я. — Да и имеем ли мы представление о вечности? Вечность — это абстракция.

— Я с вами решительно не согласен, — сказал человек с усами. — Вечность — это банк, чисто финансовое учреждение. И не спорьте. Я сам работаю в банке счетоводом.

— А что вы подсчитываете, уж не дни ли?

— Дни. Недели. Месяцы. Годы. Я знаю, что такое время.

— Этого не знал даже знаменитый философ Иммануил Кант.

— Кант не знал. А я знаю.

И он действительно знал то, чего не знал и о чем не догадывался Кант. В этом я вскоре убедился. И странно, что этот очень довольный собой фатоватый гражданин в спортивной фуражке оказался догадливее Канта.

Мы встретились с ним в купе. Впрочем, я зря забегаю вперед, не сказав ничего о поезде, который стоял на запасном пути. Старенький поезд, почти времен гражданской войны. И с кондуктором тоже старым — старым и занятым старомодным делом: он подогревал большой медный самовар.

Самовар выглядел, как и полагается выглядеть самовару в вагоне, где неизвестно почему все испытывают жажду. От него пахло сосновыми шишками, уютным дымком и необыкновенным благополучием, как за семейным столом.

Только самовар мог превратить незнакомых друг с другом пассажиров в семью. Никакой его электрический соперник не в состоянии был этого сделать.

Все уже попивали чаек, поме-

шивая ложечкой кусковой сахар в стакане. Только фатоватый человек с черными усиками, явно заимствованными у знаменитого киноактера, не принимал участия в чаепитии.

— Почему вы не пьете? Отличный, доложу вам, чаек, — сказал я фатоватому человеку.

— Извините, — ответил он, — ничего не пью и не ем. Соблюдаю диету.

— И давно соблюдаете?

— Давненько. Должность такая. Не располагает к еде и питью.

— А что у вас за должность, если не секрет?

— Я контролер.

— А что вы контролируете?

— Ну, если на то пошло, — махнул он рукой, — скажу. Время я контролирую.

— Чье?

— Ну хотя бы ваше. Кто как его расходует. С пользой, без пользы.

— Социолог вы, что ли?

— Как вам сказать? Отчасти да. Отчасти нет. Я бог.

— Вы произнесли очень странное слово, — сказал я. — Может, я ослышался?

— Нет, вы не ослышались. Я действительно бог. Но не всевышний. А бог районного масштаба.

— Концы с концами не сходятся. Вы же мне перед кассой в очереди сказали, что работаете счетоводом в банке.

— Банк — это метафорическое выражение. Там не деньги, а время хранится. А бог я скромный, незаметный. Вполне современный. В профсоюз аккуратно членские взносы плачу. И хожу на лекции. Очень люблю, когда меня просвещают. Ни одной лекции не про-

пускаю. И от общественной работы не уклоняюсь. С утра до вечера занят.

— Чем?

— Делаю добро людям. Вот и сейчас сел в вагон, чтобы помочь вам добраться до станции Детство.

— А разве без вашей помощи не доберемся?

Он уклонился от ответа. Из скромности, наверно, уклонился. Да и побоялся задеть наше самолюбие. Кому хочется признаться, что он нуждается в няне. Люди на Луну без всякой няни отправляются. А тут, чтобы добраться до железнодорожной станции Детство, нужна помощь какого-то фатоватого человека с усиками, лежащего на верхней полке и читающего журнал «Наука и религия».

Мне очень хотелось задать соседю по полке какой-нибудь хотя бы самый незначительный вопрос, но я долго не решался, изредка бросая взгляды в сторону пассажира с черными усиками, погруженного в глубокое молчание, в неслышный диалог с невидимыми и отсутствующими авторами статей, опубликованных в журнале «Наука и религия». Наконец, я не выдержал и намекнул, чтобы напомнить о себе.

— Скажите, — спросил я соседа, — вы наукой интересуетесь или религией?

— Наукой.

— А к религии как относитесь?

— Отрицательно.

— Но вы же сами признались...

— В чем?

— В том, что вы бог.

— Ну и что? Это мне не мешает отрицать суеверия и религиоз-

ные пережитки. Бог-то ведь я в переносном смысле, а не в прямом. В наследственности нашей семьи, по-видимому, когда-то давно произошла мутация. И в результате от предков к потомкам стало переходить странное психическое свойство, шестое чувство, что ли... Способность возвращать утраченное время. И не только свое время, но и чужое. Наука пока относится к этому явлению скептически, так же как к телепатии. Эксперимент пока ничего не дал. Но дело в том, что экспериментировали на допотопном уровне. Кустарно. И даже заподозрили меня в шарлатанстве. Но министерство путей сообщения тем не менее пошло навстречу будущему и даже открыло кассу пока в одном пункте, где продают билеты на станцию Детство. Ну а мне приходится играть роль проводника... В нашем вагоне два проводника: один самовар греет, а второй... Второй проводник — это я. Без моей помощи туда не попасть.

— Куда?

— В детство. Ведь нужна соответствующая атмосфера. Атмосфера в нашем деле самое трудное, но давайте немножко помолчим.

— Устали, что ли?

— Немножко устал. Три раза в неделю вот такую экскурсию возить. И не куда-нибудь, не в Павловск и не в Пушкино, а в Детство. Да и экскурсант попадаетесь разный. Другому и до детства никакого дела нет. Напьется в станционном буфете, небезобразничает и будет требовать, чтобы вернули ему его время, как та женщина, которая потребовала от кассирши жалобную книгу.

— И давно вы этим занимаетесь?

— Чем?

— Добро делать людям?

— «Давно», «недавно», для меня это пустой звук. Я ведь время на «давно» и «недавно» не меряю. Я ведь говорил вам о редкой мутации.

— Говорили. Я не совсем понял.

— Да и никто не понимает. Одарен особой способностью. Это почтище, чем если бы я проходил сквозь стены. Я сквозь время прохожу и обладаю уникальным талантом, могу и вас провести без всякого пропуска хоть в верхний палеолит. Но кто туда пожелает, кроме разве археолога? А я археологии терпеть не могу. Найдут какую-нибудь кость или черепок и носятся как с писаной торбой. Пытаются из этой кости или черепка вытянуть на свет божий прошлое. А в результате? Докторская диссертация. Из всех этих докторов я только одного признаю. Доктора Фауста. И не за ученость. А за то, что променял он всю эту схоластику на молодость, на жизнь. Правда, он для себя старался, а я для других. Вот торчу в этом захудалом вагоне времен гражданской войны, чтобы дать вам возможность подышать воздухом вашего детства.

— И это что же, — спросил я, — благотворительность, общественная нагрузка или служба?

— Служба, — ответил он лениво, — за которую получаю зарплату. Кто нынче даром работает? Все хотят высокого уровня жизни. Из-за этого-то высокого уровня старушке Земле приходится плохо. Некоторые ученые говорят, что через три поколения биосфера амба! От сверхзвуковых самолетов уже пострадал озоновый экран. А этот

экран — единственная защита наша от убийственного действия космического излучения. Кто-то торопится, летит со скоростью звука или еще быстрее. А спрашивается, куда? На побережье Черного моря или в какую-нибудь там совсем необязательную командировку. Он, конечно, выиграет несколько дней или часов, а биосфера за такую расточительность должна расплачиваться миллионами лет, отдать все будущее, отобранное у других поколений этому торопящемуся пассажиру сверхзвукового лайнера. Технический прогресс. А сколько он обходится природе?

— Так что же вы хотите, вернуть человечество в век дилижансов?

— Не я решаю проблемы за человечество. Оно само решает. Но пора бы ему подумать. Вот министерство путей сообщения подумало и открыло кассу, где продаются билеты до станции Детство.

— А вы что думаете? Думаете, что это сделано специально, с воспитательной целью?

— Думаю, да. С воспитательной целью. Чтобы приучать людей без надобности не спешить. А может, я и ошибаюсь. Просто хотят, чтобы люди отдохнули, подышали воздухом, где нет выхлопных газов и над домами не висит смог. Нет, нет. Не возражайте. Я люблю железную дорогу. Поэты теперь совсем о ней не пишут. Воспевают быстрое движение. А я предпочитаю колеса, катящиеся по рельсам, люблю смотреть в окно вагона на русскую природу, которая не суетится, не торопится, а благосклонно раскрывает свою душу перед пассажиром, как народная песня или сказка.

— Да вы же консерватор. Тащите людей и культуру назад, отрицаете технический прогресс.

— Я же бог, — усмехнулся он. — А что вы от бога хотите? Хотите, чтобы бог благославлял новейшие технические достижения?

— А почему бы нет? Вы же выглядите вполне современно. И брюки у вас по моде сшиты. И сандалеты самоневешие. И импортный транзистор с собой везете. Японский? По меньшей мере непоследовательно.

— Ну и что ж. Это люди последовательны. А я не совсем человек — гибрид человека с богом. Существо уникальное благодаря этой необыкновенной мутации. А бог имеет право быть непоследовательным. Последовательность и привела человечество к неразрешимым проблемам.

— Вы считаете, что проблема дальнейшего существования биосферы неразрешима?

— А как ее разрешить? Отказываться от новейших технических достижений? Остановить жизнь? Запретить детям рождаться, как в свое время советовал реакционер Мальтус?

— Неужели уже поздно и процесс необратим?

— Думаю, что еще не поздно. Я же оптимист. Состою членом Общества защиты природы. Аккуратно членские взносы плачу. И веду беседы с теми, кто вырубают кусты и жжет костры в неподобающем месте. Моя совесть чиста.

— Но ведь дело не в кострах. Костры жгли в палеолите. Дело в особенностях современной ультрацивилизации. Руссо, выходит,

был прав, когда призывал человека к единству с природой.

— Да, у Руссо совесть чиста.

— Так что же вы предлагаете?

— Предлагаю уснуть. Сейчас уже поздновато. И спать, знаете, хочется. Когда-нибудь еще продолжим начатую беседу.

— Когда?

— Когда-нибудь, — ответил он неопределенно. — Я ведь гибрид человека с богом. В любом месте могу вас найти, если будет в этом нужда.

И он отвернулся, и через несколько минут я услышал храп. Храпел он как люди. Боги, наверное, так не храпят.

Я тоже вскоре уснул.

Проснулся я от толчка. Кто-то толкал меня в бок. Возле полки стоял проводник.

— Гражданин, вставайте. Приехали. Станция Детство.

В вагоне, кроме меня, никого не было.

— А где тот пассажир, который ехал со мной в одном купе? — спросил я проводника.

— А, этот-то? Часовой мастер? Остановился на предыдущей станции. Часы там испортились. Вот он и вылез их починить.

3

Когда я вышел из вагона, первое, что я увидел, — станционные часы. Я увидел часы и человека, занятого их починкой. Это был тот пассажир с черными усиками, что ехал со мной в одном купе.

Я окликнул его и не утерпел, спросил:

— Как же вы оказались здесь? Мне сказали, что вы высиделись на предыдущей станции?

— Для меня все станции пре-

дыдущие, — ответил он, — кроме одной.

— Какой же?

— Конечной.

— А где она? — спросил я.

— В неевклидовом пространстве, где уже или еще нет времени.

— Я смотрю, вы философ. Но совмещаете свои обязанности с приятной работой часового мастера.

— Да, — сказал он. — Работенка неплохая. Ремонтирую время.

— Часы?

— Нет, не только часы, но и то, что они измеряют. Время ремонтирую. Да и пространство тоже. Потому что время от пространства, вы сами знаете, оторвать невозможно. Чиню, так сказать, ткань самого бытия, но не только бытия, но и сознания тоже. Этим делом занимаюсь только по четвергам. А сегодня среда. По средам я обычной работой занимаюсь. Ремонтирую станционные часы. Часы на станции не должны стоять или идти неверно. Пассажир всегда нуждается в точном времени. Хотите, переведу ваше время на сто лет вперед?

— Нет, — возразил я, — хочу жить и умереть в своем времени. Каждый рождается в том времени, в котором ему суждено.

— Ну уж и суждено? А случай? Про случай вы забыли. Каждый человек — сын случая.

Тут что-то оборвалось и быстро замелькало, словно лента старенького фильма.

4

Я проснулся. На этот раз проснулся уже не во сне, а наяву.

Но явь была более необычной, чем сон.

Вместо купе старенького поезда я оказался на берегу своего детства.

Мир возвращался в прошлое и возвращал меня вместе с тропой, которая вела к дому на холме.

Уж не перевел ли часовой мастер на станции не только часы, но и само время, чтобы продемонстрировать свое волшебное искусство, а заодно дать мне возможность побывать в моем прошлом?

Я шел, и лес шел вместе со мной, и где-то ржала лошадь, соединяя своим ржанием две разорванные половинки времени, вдруг поменявшиеся местами.

Лошадь ржала из прошлого, и все забытые запахи шли ко мне навстречу, и я остановился, чтобы взглянуть на ветряную мельницу, крылья которой уже вертелись, как в тот день, когда я надолго покинул этот край.

Воздух был свеж и сладок. Я остановился у пруда и увидел мальчика с удочкой, ловившего окуней.

Этот мальчик был я, словно мое бытие раздвоилось. Я замедлил шаги, и сердце мое билось, ощущая всю парадоксальность невозможного, обретшего вдруг реальность, как в сказке, которую вдруг начала рассказывать захотевшая пошутить жизнь.

КИР. БУЛЫЧЕВ

Вымогатель

Над дачным поселком висела розовая пыль. Поселок был устроен всего лет пять назад, и молодые яблони поднялись чуть выше человеческого роста. Крыши времянкок блестели под солнцем. Розовая пыль медленно оседала на крыши, на листву и искрилась, словно иней.

Сооружение на краю поселка спасатели называли «замком». Говорили, что утром оно и на самом деле было схоже с готическим замком, украшенным острыми башенками и флюгерами. Теперь же сооружение вообще ни на что не было похоже. Розовая, с желтоватыми потеками глыба ростом с трехэтажный дом пузырилась наростами, между которыми образовались впадины и ямы.

Метрах в ста, за линейкой со-сен, пролегалo шоссе. Пораженные странным зрелищем шоферы останавливали машины. Грикуров уже вызвал милицию, и милиционеры, маясь от жары, перехватывали любопытных, не пускали к поселку.

Жители ближайших дач были выселены. Часть вещей они перетасили в дальние дома, остальные так и остались лежать на траве. Все это было похоже на пожар, розовую пыль при некотором воображении нетрудно было представить дымом, а дачников, расположившихся на матрацах, в соломенных креслах и на старых кушетках, принять за погорельцев. Не хватало лишь нервозности, страха, суматохи, присутствующих большому пожару.

Грикуров не успел позавтракать. Лишь выпил чашку холодного вчерашнего чая. Внизу ждала машина, и приехавший за ним молодой человек стоял в прихо-

жей и волновался. Разумеется, дачники не отказались бы накормить Грикурова, но сами не предложили, а просить он не стал — рабочие тоже были голодны, а посланный на «газике» в станционную столовую старшина до сих пор не вернулся.

Грикуров подошел к палатке, в которой устроились химики, но войти в нее не успел.

— Кушак приехал, — сказал сзади молодой человек.

Говорил он тихо и со значением, и обладал завидной способностью всем своим видом показывать, что знает больше, чем может сказать.

— Кто приехал?

— Кушак. Николай Евгеньевич. Из Ленинграда.

— Ясно, — сказал Грикуров, поворачиваясь к дороге, где скопилось уже несколько «газиков», «Волг», стояла красная пожарная машина и «скорая помощь». Санитары дремали под кустом сирени. Пожарники играли в волейбол с девочками из поселка.

У вновь приехавшей серой «Волги» стоял, глядя зачарованно на замок, высокий мужчина в слишком теплом, не по погоде костюме, с плащом, перекинутым через руку.

Грикуров подошел к нему. Кушак протянул узкую прохладную кисть, потом достал из кармана мокрый платок и вытер пот со лба и узкой лысины.

— В Ленинграде, знаете, дождь, — сказал он, словно оправдываясь. — Трудно предположить, что где-то может стоять такая жара.

— А вы плащ в машине оставьте, — посоветовал Грикуров.

— Правильно, спасибо. Ведь машина подождет?

— Подождет.

— Ну и запустили вы его, — сказал Кушак. — На какую глубину он уходит?

Они подошли к замку, и он нависал над ними, как бочка над муравьями. Рядом была глубокая яма, возле которой валялась лопата.

— Вот видите, на два метра мы углубились, потом бросили.

Навстречу шагнул похожий на мельника бригадир бурильщиков. Брови, волосы на голове, ресницы его были светло-розовыми. Розовая пыль пятнами покрывала комбинезон.

— Зарастает, — пояснил он. — Если заряд заложить, успели бы.

— Сам понимаешь, что нельзя, — сказал Грикуров.

— А так — мартышкин труд, — сказал бригадир. Он сплюнул. Плевок был розовым.

— Отзывается? — спросил Грикуров.

— Стучит, — ответил молодой человек, шедший на полшага сзади.

— Сначала у нас возникло мнение, что звуки представляют собой нечто подобное азбуке Морзе, однако затем мы пришли к выводу, что первоначальное заключение ошибочно...

— Знаю, — сказал Грикуров, чтобы остановить молодого человека.

Кушак покосился на блестящий портфель молодого человека, к которому почему-то не приставала пыль.

— Вы давно знакомы? — спросил Кушак Грикуров.

— Много лет, — сказал Кушак.

Со стороны Москвы показался вертолет. Вертолет летел низко и

чуть в сторону. Но в полукилометре пилот, видно, заметил замок и свернул к поселку.

— Я его вызвал, — сказал Грикуров. — У нас один парень забрался почти до самой вершины, но пришлось вернуться. Мне кажется, что наверху есть отверстие. А то бы он задохнулся.

Молодой человек выглядел обиженным.

— Может, ему с вертолета обед спустить? — спросил бригадир монтажников.

Он взмахнул рукой, показывая, как обед попадет к человеку, заключенному в замке. Взлетела розовая пыль, и молодой человек отстранился, оберегая портфель и костюм.

— Как его зовут? — спросил Грикуров.

— Вы не знаете?

— Знаем фамилию. Вольский. Правильно?

— Да. Вольский. Гриппа Вольский. Никогда не знал его отчества.

— Григорий Вениаминович, — подсказал молодой человек. — Он является владельцем садового участка. Однако там мог оказаться кто-то другой?..

— Нет, — улыбнулся Кушак. — Это именно он. Когда его обнаружили?

— Часов в шесть утра его сосед позвонил в Москву. Со станции.

— В шесть сорок, — подсказал молодой человек.

— Сосед рано встал, собрался на рыбалку. И вдруг увидел, что на крайнем участке стоит розовый термитник. Термитник метров в пять высотой.

— Это сосед сказал, что термитник?

— Да, он инженер, работал в Гвинее и видел термитники, — объяснил Грикуров. — А мне вот не приходилось.

— Я тоже не видел термитников, — сказал Кушак.

— А потом уж мои ребята прозвали его замком.

— Ну и что сосед?

— Услышал стук изнутри. А выхода из термитника не видно. Он Вольского видел вечером. Тот строил на участке какую-то загородку.

— Ну разумеется, — сказал Кушак.

— Вот уж обалдел сосед, — сказал бригадир. — Вы только представьте — идет на рыбалку, а у соседней сооружение.

— Он бы и не позвонил, если бы не стук, — сказал Грикуров. — Приехал наряд — патрульная машина с шоссе. Ничего понять не смогли. Дальше все развивалось в геометрической прогрессии.

Грикуров показал на скопление машин у поселка.

— Позвать соседа? — спросил он.

— Гражданин Нестеренко уехал в Москву, — уточнил молодой человек. — У меня все его показания при себе. — Молодой человек хлопнул чистой ладонью по круглому боку портфеля.

— Не надо его звать, — сказал Кушак.

Кушак подошел к розовой громаде замка и постучал костяшкой пальца по стене. Розовая масса чуть-чуть пружинила и, если приглядеться внимательней, была усеяна мелкими порами.

— Быстро меня разыскали, — сказал Кушак.

Розовые рабочие стояли, опер-

шись о буры, и разглядывали Кушака. Перед ними в стене была глубокая яма с оплывшими краями. Нижний край ее поднимался валиком, будто замок старался залечить нанесенную бурами рану. Под ногами скрипела розовая крошка. В одном месте из нее выглядывала вершинка розовой пирамиды.

— На глазах выросла, — сказал один из рабочих, проследив за взглядом Кушака.

— Понятно, — сказал Кушак.

Изнутри, словно из бочки, доносился гулкий удар. Потом серии коротких стуков.

— Как бы он не задохнулся, — сказал Грикуров.

Вертолет, сделав последний круг над замком, опустился на поле неподалеку. Уходя к машине, Кушак слышал, как подбежавший к Грикурову пилот говорит:

— Там дыра есть. На самой вершине.

— Вы слышали? — спросил вслед Кушаку Грикуров.

— Я так и думал, — сказал Кушак. — У него тенденция расти по вертикали.

Кушак достал с заднего сиденья «Волги» чемодан. Настроение у него не улучшилось. Конечно, ничего страшного не случилось, но могло случиться. И виноват в этом только он сам. Кушак открыл чемодан. Ампулы были на месте.

— Бурильщики вам будут нужны? — спросил, подходя, Грикуров.

— Нет, я один справлюсь.

Вместе с Грикуровым к машине подошел и один из химиков, расположившихся в палатке.

— Вам анализ нужен?

— Спасибо, я приблизительно представлял состав материала.

— Там ничего особенного, — сказал химик, пряча листок в карман.

— Тогда я отпущу бурильщиков пообедать, — сказал Грикуров.

— Конечно. Вы, наверно, и сами голодны?

— Ничего, — сказал Грикуров. — А то я толстеть начал. Стыдно.

Грикуров провел рукой по крепкому круглому животу. Теперь, когда появился человек, знающий, что надо делать, Грикуров сразу помолодел, скинул лет десять. К Кушаку он проник благодарным расположением.

Гришу Вольского Кушак знал еще по школе. Класа с третьего. Гриша Вольский собирал марки и монеты. Гриша был самым младшим в классе. Он был белокур и похож на ангела. Мать Гриши жалела его прекрасные кудри, и потому волосы у Вольского были длиннее, чем у других ребят в классе, и он дольше всех носил короткие штаны и гетры. В войну этот наряд выглядел странно, и Гришу дразнили девчонкой. Гриша краснел и смущенно улыбался. Уже потом, подружившись с Кушаком, он сказал как-то:

— Мама очень хотела девочку, а папе было все равно.

Гриша был тихий, учился не очень хорошо, в классе к нему привыкли и не очень обижали. Тем более что Гриша всегда находил себе друга и покровителя из числа сильных ребят. Если Грише нужна была марка или какая-нибудь другая вещь, он не жалел времени и усилий, чтобы ее раз-

добыть. Брал он настойчивостью и терпением, не свойственными возрасту, проводил хозяина нужной вещи до дому, давал списывать на контрольной и угощал мамиными бутербродами. Он мало ел, потому что бутерброды в войну были выгодным обменом. Кушак с седьмого класса считался другом Вольского. Вольский умел вовремя сказать, что Кушак очень хороший парень, замечательный спортсмен, такой талантливый и добрый. Кушак не ценил вещей, и Вольский всегда что-нибудь у него получал. А Кушак привык к обстановке искреннего восхищения, которой его окружил Гриша. В десятом классе Кушак встречался с одной девушкой, а Гриша был его оруженосцем. Он отнесил записки, стоял в очереди за билетами в кино и ходил с ней в кино, если у Кушака оказывалась в это время тренировка или кружок в зоопарке. Однажды девушка сказала, что больше с Кушаком встречаться не будет, что она сделала выбор. В пользу Вольского. Пусть Вольский маленького роста и не так знаменит в школе, но по своим человеческим качествам он превосходит Кушака. Кушак был склонен примириться с потерей, потому что готовился к соревнованиям, но кто-то в классе пошутил, что Вольский выцганил у Кушака девушку, наверное, за бутерброд — все помнили про бутерброды военных лет. Кушак обиделся на Вольского, и все думали, что он Гришу избьет, но Кушак его не тронул. Вольский смотрел на него робко, жутко раскисая и, как сам признался лет через пятнадцать, готов был отказаться от девушки в пользу Кушака. «Вернее, обменять ее на что-нибудь с выго-

дой», — не очень вежливо ответил на это Кушак.

Кушак вернулся к розовому замку и, присев на корточки у раскрытого чемодана, начал собирать распылитель. Грикуров стоял рядом, молчал, думал, успеет ли домой к семи тридцати, к началу футбольного матча. Еще полчаса назад такие мысли не приходили Грикурову в голову — замок казался зловещей и недолимой загадкой.

— Хорошо, что Вольский внутри сидит, — пробормотал Кушак, не поднимая головы.

— Почему? — удивился Кушак.

— Какая-нибудь светлая голова додумалась бы кинуть туда бомбу или подложить заряд. Колония разлетелась бы на куски и прижилась. Имели бы десять замков вместо одного.

Кушак махнул рукой в сторону подростковой пирамидки.

— Колония? — спросил Грикуров. Он раздобыл где-то белую панамку, и в тени ее лицо казалось совсем черным, лишь белки глаз голубели и как будто фосфоресцировали.

— Колония, — Кушак кивнул в сторону палатки химиков. — Они же вам, наверно, сказали?

— Сказали. И я сначала не поверил. А вы что собираетесь делать?

— Это активная культура бактерий, которая их убьет. Чума.

— А не опасно?

— Чума только для них. Ни людям, ни растениям ничего не угрожает.

Они встретились через пятнадцать лет, на стоянке такси. Кушак к тому времени переехал в Ленинград и бывал в Москве наездами. Наверно, поэтому и не приходилось встречаться со школьными товарищами. И Кушак обрадовался, встретив Вольского. Вольский не потерял сходства с ангелом, хотя золотые кудри поредели и узкое тело равномерно обросло жирком. В тридцатипятилетнем мужчине сходство с ангелом не столь чарует, как в мальчике. Вольский был одет в недорогой, но тщательно выглаженный костюм. Галстук тоже был недорогой, скромный и респектабельный. Он был строителем и сравнительно высоко продвинулся по служебной лестнице. Он очень интересовался жизнью Кушака. Спрашивал и повторял с сожалением:

— Только младший научный? Чего же ты, Коленка? И диссертацию не защитил? Чего же ты, милый? Ты же такие надежды подавал! — В голосе Вольского звучали отеческие интонации.

Наверно, так реагировал на рассказ блудного сына его удачливый и послушный брат, пока на кухне свеживали тельца.

— А марки все собираешь? Нет? А я собираю, времени мало, но не отказываюсь от детских привязанностей. Нужно же когда-нибудь расслабляться. Правда? У меня восемь медалей за участие в выставках. Ты случайно не видел последнего номера «Заммлер экспресс»? Это филателистический журнал. Солидное издание. Там обо мне написано. А что-нибудь от старой коллекции осталось? Подарил кому-нибудь? У тебя неплохие вещи были, я очень жалел, что не выменял в свое вре-

мя. Помнишь, в шкафу лежали, на нижней полке. Так и лежат? Не может быть!

Вольский затащил Кушака к себе.

— Ты же в Москве редко бываешь. Хочешь, чтобы мы еще десять лет не увиделись? Не хочешь, тогда пошли. У меня кооперативная квартира. Две комнаты. А мама в старой осталась. Недалеко, час потеряешь, не больше. И не мечтай отказываться.

У Вольского оказалась дома бутылка сухого вина, припасенная для гостей. Вольский подробно рассказывал, как, будучи членом правления кооператива, он раздобывал польские кухни и дубовый паркет. Кушак жалел, что зазря потерял вечер, рассматривал марки, которые расплодились настолько, что занимали целый шкаф, запирающийся на ключик. Вольский записал адрес и телефоны Кушака, сказал, что придет навестить, заодно возьмет у него марки.

— Если они, конечно, тебе, Колюша, не нужны. За новинки я, разумеется, плачу, но у тебя в основном мелочь.

Кушак сказал, что за марками не надо ездить в Ленинград, они у стариков, на московской квартире. Правда, он обещал их подарить племяннику.

— Сколько племяннику лет?

— Десять.

— Ты с ума сошел, он же ничего еще не понимает! Я ему подберу из дублетов, мы его не обидим.

Оказалось, что Вольский не женат. Они вспомнили школу и ту девушку, которую Вольский пленил преданностью.

— Я бы вернул, по первому

требованию вернул, — сказал тогда Вольский.

— Или обменял бы выгодно, — неудачно пошутил Кушак, но Вольский, как всегда, не обиделся или не позволил себе обидеться.

— Зачем так, Коленька? — сказал Вольский. — Ты же знаешь, как я всегда к тебе относился.

В комнате Вольского стояло и лежало множество лишних вещей. Как и раньше. Но если в школьные годы вещи были дешевыми — солдатники, автомобильчики, железки, — то теперь их место заняли фарфоровые статуэтки, часы, плохие картины конца прошлого века и иконы в штампованных посеребренных окладах. Кушак представил, как Вольский провожает домой пенсионерок и чьих-то наследниц.

Расставшись с Вольским, Кушак малодушно решил не подходить утром к телефону — с какой стати он должен отдавать Вольскому марки? Вечером он все равно собирался в Ленинград. Вольский оказался хитрее. Он пришел без звонка, в восемь утра разбудив Кушака.

— Я на минутку, перед работой.

Он был с пустым потрепанным портфелем, долго говорил о том, как его ценят в министерстве, где он имеет отношение к внедрению новой техники, говорил, что получил участок и собирается строить дачу. За разговором полез в шкаф, потому что помнил, где должны лежать марки, положил оба альбома в портфель, обещал, если нужно что-нибудь в Москве, помочь, прихватил на прощание папушку — любимую статуэтку покойной бабушки. Он быстро пере-

двигался по комнате, маленький и красивый, шутил, смеялся, махал ручками, дотрагивался до книг на полках и отодвигал их, чтобы посмотреть, не спрятаны ли другие, более ценные книги во втором ряду, называл Кушака Коленькой, Коляшей, Колюней, а Кушак потом весь день злился на себя, потому что ему было жалко и марок, и фарфоровой папушки, — стыдно было, что не отказал Вольскому.

Кушак, думая о Вольском, отламывал головки от ампул и сливал жидкость в контейнер распылителя. Потом поднялся и направился к стене замка. За последний час замок несколько подрос и раздался в боках. Стук изнутри раздавался все реже и слабее. За спиной Кушака собралась толпа. Там были и дачники, и спасатели, и санитары, и пожарники в майках и брезентовых штанах, и милиционеры. Грикуров не возражал. Он и себя ощущал зрителем. Все ждали чуда от высокого лысого мужчины с большим пистолетом в руке. Кушак знал, что ничего подобного не случится. Его беспокоило, сохранил ли раствор вирулентность. Раньше никогда не приходилось сталкиваться с такими масштабами. Кушак нажал кнопку. Мельчайшие капельки жидкости конусом устремились к стене. Кушак медленно шел вокруг замка, а толпа молча двигалась вслед...

Вольский не пропал. Он дважды появлялся в Ленинграде и каждый раз разыскивал Кушака, привез ему в подарок ремешок для

часов и растрепанную книжку по переплетному делу.

— Я помню, ты увлекался этим, — объяснил он, — я стараюсь не забывать о друзьях. Пришлось за нее много отдать. Редкая вещь. Ну бери, бери.

— Я не увлекаюсь, — ответил Кушак. — И никогда не увлекался.

Но Вольский так и не согласился взять книгу обратно.

Ремешок тоже пришлось оставить.

— Конечно, у тебя есть. Странно, если бы не было. Подаришь кому-нибудь. Мне из Тбилиси привезли. Три штуки.

Кушак понимал, что дары Вольского небескорыстны. За них придется расплачиваться. Так и случилось. Вольский оба раза уезжал в Москву, отяжеленный трофеями, и с каждым разом его искренняя любовь к Кушаку крепла. Как-то Кушак дал ему решительный бой за часы-луковицу, купленные им самим в комиссионном магазине, которые он все собирался починить, но времени не было. Он наотрез отказался расставаться с часами. Этот бой был битвой при Ватерлоо, и Кушак играл в ней прискорбную роль Наполеона. Жена вела себя как маршал Груши. Она задержалась на работе, и без ее поддержки Кушак потерпел сокрушительное поражение.

В третий раз Кушак заявил позвонившему Вольскому, что спешит на работу и увидеть Вольского не сможет. Вольский очень расстроился и пришел в лабораторию. Каким-то образом ему удалось обмануть вахтера, и он возник на пороге пустой лаборатории, как опостылевший черт, требующий

расплаты за дружбу с нечистой силой. Вольский еще более раздался в талии, но был по-прежнему оживлен, и Кушак с тревогой оглядел лабораторию, борясь с желанием запереть шкафы, чтобы гость чего-нибудь не выцыганил.

— А почему пусто? — спросил Вольский. — Где народ?

— Библиотечный день, — сказал Кушак. — И в любом случае — людям надо выспаться. Мы три дня отсюда не вылезали.

На длинном столе, разделявшем лабораторию надвое, возвышались кубики и пирамидки розового цвета.

— А это что? Не секрет? — спросил Вольский.

— Это чтобы тебя оставить без работы, — сказал Кушак, отнимая у Вольского кубик, легкий и теплый на ощупь. — Придется тебе переучиваться.

— Я всегда учусь, Коленька, — сказал укоризненно Вольский. — Без этого в наши дни окажешься в хвосте событий. А при чем здесь строительство? Ты же какими-то беспозвоночными занимаешься.

Настроение у Кушака было отличное. Хотелось поделиться с кем-нибудь радостью, понятной пока лишь ему и еще шести сотрудникам лаборатории.

— Это строительный материал будущего, — сказал Кушак. — Легок, как пемза, водонепроницаем, прочность выше, чем у бетона.

Вольский двигался вокруг стола, как кот вокруг слишком большого куска мяса, трогал суетливыми пальчиками розовые кубики, поглаживал и несколько раз раскрывал рот, закрывал его снова, а Кушаку казалось, что он хочет сказать: «Дай мне».

Распылитель фыркнул и заглох. Раствор кончился.

— Все, — сказал Кушак. — Если ничего не случится, через полчаса можно ее распиливать. Раста больше не будет.

— Все? — спросил молодой человек и с упреком посмотрел на Грикурова.

Грикуров не обиделся, улыбнулся. Борьба с замком закончилась буднично.

Грикуров сказал:

— Тогда пойдем перекусим. Обед привезли. Расскажите нам, что к чему.

Они прошли к палатке химиков. Там на столе, освобожденном от приборов, стояла кастрюля с супом, окруженная разномастными, пожертвованными дачниками тарелками и ложками. Кушак понял, что проголодался. Суп остыл, но в жару это было даже приятно. Кто-то из химиков пожалел, что не привезли пива.

— Вольский, наверно, проголодался, — сказал Грикуров.

— Несчастный человек, — сказал химик.

— Как сказать... — ответил Кушак.

— Так расскажите, — попросил Грикуров. — Что у вас не сработало.

— Все сработало, даже слишком хорошо, — сказал Кушак. — Только я, с вашего разрешения, начну с самого начала.

— Разумеется, — сказал Грикуров. — Но вы сначала поешьте.

— Одно другому не мешает. Итак, идея зародилась от неудовлетворенности тем, как мы, люди, строим свои дома. Ведь, прежде чем построить дом, человек заготавливает строительные материалы — рубит камни в камено-

ломнях, изготавливает цемент, обжигает кирпичи, валит лес. Все это надо доставить на строительную площадку, сложить из полученных материалов дом и так далее... Но почему нам не воспользоваться услугами наших соседей по планете? Кое в чем мы ими пользуемся. К примеру, тутовый шелкопряд прядет для нас шелковую нить, обувь наша — кожа животных. Мы с каждым годом все больше учимся у окружающего животного мира, все больше у него заимствуем.

Вертолет жужжал в поле, раскручивая винт. Потом, словно нехотя, оторвался от земли и низко завис, борясь с земным притяжением. Потом сразу набрал высоту и скрылся за лесом. Вертолет был похож на пузатого шмеля.

— Сначала мы остановились на кораллах, — продолжал Кушак, жестикулируя ломтем хлеба. — Коралловые рифы тянутся на тысячи километров. Миллионы поколений коралловых полипов, умирая, вкладывают свои скелеты в стену общего дома. Но кораллы живут в воде, строят рифы в течение тысяч лет и, кроме того, нуждаются в органической пище. Нам удалось найти среди мадрепоровых кораллов виды, способные усваивать неорганическую пищу, нам удалось даже ускорить процесс размножения мадрепор, но с попытками извлечь их на воздух мы потерпели неудачу. Правда, опытов с ними мы не прекратили — быстрорастущие коралловые рифы пригодятся морским строителям. Но успеха мы добились в конце концов не с кораллами, а с мутациями фораминифер, раковинных амёб — коралловые полипы были слишком сложными

существами для того, чтобы коренным образом изменить их повадки в течение нескольких лет...

— Материал этот, — объяснял Кушак Вольскому, — если рассматривать его под микроскопом, состоит из ракушек амёб.

— У амёб нет ракушек, — поправил его Вольский.

— Это раковинные амёбы, близкие к фораминиферам, — пояснил Кушак.

— Так бы и говорил. — Вольский сказал это так, словно всю жизнь возился с фораминиферами.

— Это именно те простейшие, из останков которых сложены известняки Крыма и Усть-Урта. Мы научили их жить в воздухе и размножаться с завидной быстротой. Вот этот кубик, который ты держишь в руках, вырос у нас вчера за пятнадцать минут. Ты представляешь, что это значит?

— Представляю, — сказал Вольский.

Пока что он ничего не представлял. Он только хотел получить этот кубик.

— Мы скоро переходим к полевым испытаниям, — продолжал Кушак. — И весьма возможно, столкнемся с тобой, ведь это в какой-то степени новая техника строительства.

— Разумеется, — сказал Вольский. — И я окажу всяческое содействие.

— Спасибо. Мы предлагаем делать металлическую опалубку и закладывать в нее затравку амёб. — Кушак показал на полку, где выстроились рядами пробирки, заполненные розовым веществом. — Как только раковины амёб заполнят пространство внут-

ри опалубки, их убивают — и дом готов. Конечно, это не так просто, как кажется на словах...

Вольский подошел к полке, снял одну из пробирок.

— А что они жрут?

— Это самое главное. Извлекают азот из воздуха. А материал для раковин берут из земли, одновременно строя фундамент дома.

— А дом в яму не ухнет?

— Нет, «раковин» — материал пористый, он заполняет все поры в земле. А вес дома ничтожен. Сравнительно ничтожен.

— Теперь все ясно, — сказал Вольский. — Значит, так, ты даешь мне образцы материала, и я срочно везу их в Москву. Это же докторская диссертация. И не одна. Тут и тебе, и твоим людям, и мне самому хватит. Правда, Колюша?

В глазах Вольского горели светлые огни человека, который не зря жертвовал всем ради дружбы. Судьба отплатила ему за бескорыстие сторицей. Он понял.

— И попрошу тебя, Коленька, пойми меня правильно, без моего сигнала ни с кем в министерстве не связывайся. Я сам организую. Завтра же я на приеме у министра. Он меня знает. Какое счастье, что ты обратился ко мне!

Когда Кушак попытался как-то уменьшить энтузиазм, Вольский его слушать не стал. Он совершал выгодный обмен. Он засовывал в портфель куски розового «раковина», и Кушак в очередной раз сдался. В конце концов все равно надо было подключать строителей, и энергичный Вольский лучше других сможет пробить ведомственные барьеры. А куски материала были мертвы, и никакой

опасности для окружающих не представляли.

Потом Вольский принялся выпрашивать пробирку с живой культурой. Тут уж Кушак стоял на смерть. Полчаса они спорили, и в конце концов Вольский ушел ни с чем, а Кушак остался в лаборатории, несколько оглушенный, но довольный тем, что устоял перед натиском «ангела».

А когда на следующий день лаборантка сказала, что одной пробирки не хватает, Кушак не связал ее исчезновение с визитом Вольского. Он представлял себе, как Вольский обходит кабинеты министерства и выкладывает на столы розовые кубики. Он ждал звонка из Москвы. На третий день ему позвонили. И попросили немедленно вылететь в Москву. Но не в министерство строительства, а в подмосковный дачный поселок. Там растет его «коралл». И ничего поделаться с ним не могут. Стоит отрубить от него кусок — это место зарастает вновь. Подкоп тоже не дал результатов. Но самое грустное — внутри «коралла» оказался человек. И извлечь его пока не могут...

— Он унес одну из пробирок, — сказал Кушак, вставая из-за стола. — Добро бы потащил ее в министерство, а то решил извлечь из нее для себя пользу — соорудить бесплатную дачу.

— Я так думаю, — сказал задумчиво Грикуров, — если снять слой материала, там внутри обнаружится самодельная опалубка. Он только недооценил возможности ваших амеб.

Поджидая, пока бурильщики выпилат отверстие в стене замка,

они уселись в жидкой тени яблонок. Косые лучи солнца прорезали розовую пыль.

— Он так спешил, — закончил Кушак, — убраться из лаборатории, пока я не заметил пропажи пробирки, что не захватил ампулу с бактериями, убивающими фораминифер. Его счастье, что колония имеет тенденцию развиваться по вертикали — амебы оставили ему в середине жизненное пространство.

— Ну да, — сказал химик. — Он рассыпал культуру внутри своей опалубки и стал ждать, пока дом вырастет. И опоздал выбраться наружу.

— Его будут судить, — сказал убежденно молодой человек.

Кушак улыбнулся.

— Судить надо меня. Я его воспитал. Ни разу у меня не хватило силы духа послать его ко всем чертям. Вот он и брал.

— Вы не один такой, — сказал Грикуров.

— А с другой стороны, — сказал Кушак, — объективно он принес нам пользу. Поставил опыт в промышленном масштабе.

— Нет, — сказал молодой человек. — Его надо судить. Или заставить возместить ущерб. — Молодой человек показал на дачников, стаскивающих матрацы и посуду в дома.

— Здесь он! — закричал бригадир бурильщиков. — Живой!

— Пошли, — сказал Кушак, поднимаясь. Он не сомневался в способностях «ангела». — Года через два мы все будем жить в домах, построенных по «методу Вольского».

— Тогда я напишу в газету, — сказал Грикуров. — Это будет фельетон века.

Вольского извлекли из люка. Он обессилел, ноги его не держали. Он увидел Кушака, но взгляд его не задержался на школьном товарище. Он прошептал:

— Воды...

Шепот показался Кушаку несколько театральным. Хотя он тут же подумал, что несправедлив к Вольскому. Тому пришлось многое перенести — несколько часов в розовой душной камере, и стены все сближаются и сближаются...

Напившись, Вольский разрешил санитарам отвести себя под руки к «скорой помощи». От носилок он отказался. Он прошел совсем рядом с Кушаком, узнал его наконец, но не смутился.

— Как же ты мог, Коленка? — сказал он тихо.

— Что? — удивился Кушак.

— Как же ты недоработанный материал в производство пустил? — продолжал Вольский. —

Я же чуть не погиб на испытаниях.

— Ты все продумал, пока сидел там? — спросил Кушак.

— Да, Колюша, — сказал Вольский, глядя ему прямо в глаза, — я многое продумал.

Тяжело обвисая на руках санитаров, Вольский подошел к «скорой помощи» и нагнулся, забираясь внутрь. И тут же выглянул наружу, нашел глазами Кушака, который так и не двинулся с места, и сказал:

— А все-таки у нашего материала большое будущее.

«Скорая помощь», взревев, уехала Вольского. Розовая пыль медленно оседала. Трехэтажная бочка возвышалась над дачным поселком и обещала стать долговечной достопримечательностью этих мест. Химики сворачивали палатку. Пожарники натягивали брезентовые робы, разбирали каски, занимали места в машине.

ВЯЧЕСЛАВ МОРОЧКО

Ёжик

Рейсовый грузовоз держал курс на Землю. Вся программа полета, заложенная в газообразный «мозг» корабля, выполнялась без участия людей. На борту находился только один человек — пилот-контролер.

Пер уже не один год работал на автогрузовозах. Отправляясь на самые отдаленные орбитальные станции, он порой месяцами не видел родной планеты. Однако с тех пор, как в жизнь пилота вошла Сольвейг, земное притяжение обрело для него новый смысл: на Земле он не представлял себе длительного существования без космоса, в полете — жил мечтою о встрече.

Теперь, когда очередной рейс подходил к концу, волнение его возрастало с каждой минутой. Прижимаясь к прозрачному кристалласту иллюминатора, он готов был поделиться своей радостью с каждой звездочкой, сияющей на лишенном горизонта небе. Пер не представлял себе, как мог жить до встречи с Сольвейг: он стал теперь совсем другим человеком. «Да разве я теперь человек? — смеялся он про себя. — Я — Ёжик!» Иногда он протестовал: «Сольвейг, у меня ведь я прическа в порядке, и характер совсем не колючий. Почему ты все время называешь меня ежом?» — «Потому что ты — Ёжик», — отвечала она.

Это случилось внезапно. Мерный гул корабельных двигателей, легкое дрожание корпуса, звездная бесконечность за бортом — все было как всегда. Но какое-то смутное чувство беды заставило Пера сделать шаг в сторону

пульта. А уже в следующее мгновение страшная сила отбросила его к задней стене рубки. На секунду он потерял сознание, но грохот захлебывающихся тормозных двигателей привел его в чувство, что-то тянуло корабль вперед, сообщая ему возрастающее ускорение. Перегрузка становилась невыносимой. «Только бы добраться до камеры», — думал Пер. Он полз вдоль гладкой переборки корабля, и каждое движение стоило ему невероятных усилий. В ушах теперь стоял сплошной гул, а перед глазами расплывались радужные круги. Он двигался медленно, почти на ощупь, пока одеревеневшие руки не провалились в люк антиперегрузочной камеры. Пер уже не помнил, как очутился внутри, только почувствовал, что сработала автоматика защитной аппаратуры. Стало легче дышать. Но передышка длилась недолго: даже сквозь шум в ушах пилот услышал невероятный грохот, и новая, еще более мощная волна перегрузки сломила противодействие защитных сил.

Из липкого тумана забвения выплывало море горькой полныни. Пер ощущал ее терпкий запах, висевший над космодромом. То был запах Земли, напомнивший встречи и расставания с Сольвейг. Бред был полон страха и боли. Мучила мысль, что он никогда больше не увидит любимую. Пер стоял на том самом месте, где они расстались. «Сольвейг! — крикнул он, но не услышал своего голоса. — Сольвейг! Сольвейг!» — звал Пер. Предчувствие непоправимой утраты тес-

нило грудь. Он долго метался в бреду и, когда отчаяние достигло предела, услышал вдруг за спиной ее голос: «Привет, Ёжик! Вечно тебе не везет!» Пер хотел оглянуться, но не смог. «Осторожно, Ёжик, — донеслось до него. — Так можно свернуть себе шею!» Даже здесь, в этом бредовом видении, Сольвейг подтрунивала над ним. Но Перу было легче уже оттого, что она где-то рядом.

Потом все исчезло. Он долго падал в какой-то темный колодец, пока не очнулся.

Перу казалось, что он пришел в себя от внезапно наступившей тишины. Он выбрался из камеры и только тогда окончательно вспомнил все, что произошло.

Перегрузка исчезла, будто ее никогда и не было. Осталась лишь слабость во всем теле да боль в ушибленном колене.

Личный хронометр пилота был разбит при ударе. Сверив показания его застывших стрелок с корабельными часами, Пер определил, что с момента первого толчка на грузовозе прошло всего три часа.

Тишина стояла оттого, что смолкли двигатели непрерывной коррекции курса.

Пер опустился в аппаратный отсек и приступил к работе. Двигатели включились сразу же, как только была восстановлена нарушенная при встряске автоблокировка секции управления. Сложнее обстояло дело с навигационным оборудованием: здесь отказала целая группа приборов. Часть блоков удалось заменить однотипной аппаратурой, снятой с других, менее ответственных участков. А там, где невозможны были

ни ремонт, ни замена, пришлось заново создавать целую систему косвенного дублирования, не предусмотренную никакими инструкциями.

Определив по звездам пространственные координаты, Пер убедился, что корабль недалеко ушел от полетной зоны и возвращение на расчетную трассу не займет много времени. Похоже было, что какая-то чудовищная сила, подхватив грузовоз, в течение нескольких часов, словно пушинку, носила его по замкнутому кругу со сравнительно небольшим радиусом.

«Гравитационный вихрь!» — эти два страшных слова уже давно вертелись в голове пилота. У него были основания предполагать, что грузовоз на короткое время попал в зону действия блуждающей ветви космического смерча.

«Да, с космосом шутки плохи!» — качали головами ветераны, когда речь заходила об этом далеко не изученном явлении: встреча корабля с гравитационным вихрем означала верную гибель.

Однако теперь, когда работа близилась к завершению, Пер имел основание думать, что ему повезло больше других. «Ай да Ёжик! Ай да умница! — говорил он себе, заканчивая монтаж приборов. — Если так пойдет дальше, когда-нибудь ты точно станешь человеком». Невинное бахвальство веселило его, потому что это тоже были слова Сольвейг.

Жизнь на грузовозе входила в привычное русло. И все было бы хорошо, если бы не досадная погрешность регистратора разности времени. По теории относи-

тельности чем ближе скорость полета к скорости распространения света, тем медленнее ход времени на движущемся корабле по сравнению с земным. Но грузовоз не принадлежал к числу быстходных аппаратов дальнего действия, где отставание времени от земного могло составить в полете несколько лет.

На автогрузовозах эта разность во времени редко превышала одну неделю. Поэтому легко понять беспокойство пилота, который вдруг обнаружил, что его бортовой регистратор показывает без малого пять лет.

Проще всего было бы допустить, что этот прибор так же, как и многие другие, вышел из строя. Но оставалось неизвестным, как быстро двигался корабль в зоне действия гравитационного вихря. Уже то, что на грузовозе несколько суток подряд непрерывно работали тормозные двигатели, свидетельствовало, что эта скорость была немалой. Кто знает, может быть, за каких-нибудь три часа, прожитых Пером в космосе, Земля и в самом деле постарела на целых пять лет? Мучительнее всего была мысль о Сольвейг: для нее это означало бы пять лет разлуки, пять длинных лет кошмара неизвестности. Ему даже страшно было подумать, что такое могло случиться. Но совсем не думать об этом он тоже не мог: лучше заранее предвидеть самое скверное, чем быть застигнутым бедою врасплох.

Только много позднее, когда бортовой автонавигатор уловил сигналы приводного маяка, тревога Пера несколько улеглась: теперь он чувствовал себя почти дома. Корабль шел на посадку.

Отказавшие приборы создавали для автонавигатора ощутимый дефицит информации, и пилоту то и дело вводившему корректуру курса, пришлось пережить еще несколько напряженных часов, прежде чем состоялось приземление.

Все как будто складывалось удачно: корма грузовоза надежно сидела в посадочной шахте; оставалось только сдать корабль кибер-дефектатору, и тогда Пер мог быть свободен.

Пилот подошел к иллюминатору. Снаружи едва брезжил рассвет. Низко над космодромом стелился туман. Из рубки было слышно, как, с грохотом переставляя магнитные конечности, по кораблю из отсека в отсек бродит пунктуальный кибер-дефектатор. Это механическое существо первым встречало всех, кто возвращался из космоса. Быстрее и лучше кибера никто не мог оценить состояние корабля. Все неисправности фиксировались в его элек-

тронной памяти, а затем уже в виде технологической программы ремонта поступали в спеццентр космопорта. Робот-специалист делал свое дело; и, хотя Пер знал, что на корабле много поломок, сейчас ему казалось, что кибер слишком долго копается.

Разгоралась заря. Легкий ветерок понемногу рассеивал туман. Пилот все еще стоял у иллюминатора, с трудом сдерживая желание плюнуть на все формальности и сбегать с корабля: где-то там, на краю площадки, омываемой пыльным морем, находилось место, которое они с Сольвейг облюбовали для своих встреч. Однако в розовом мареве, клубящемся над Землей, еще ничего нельзя было разглядеть, кроме смутного мелькания множества человеческих голов.

Наконец дефектатор вернулся в рубку, чтобы сделать отметки в бортовых документах.

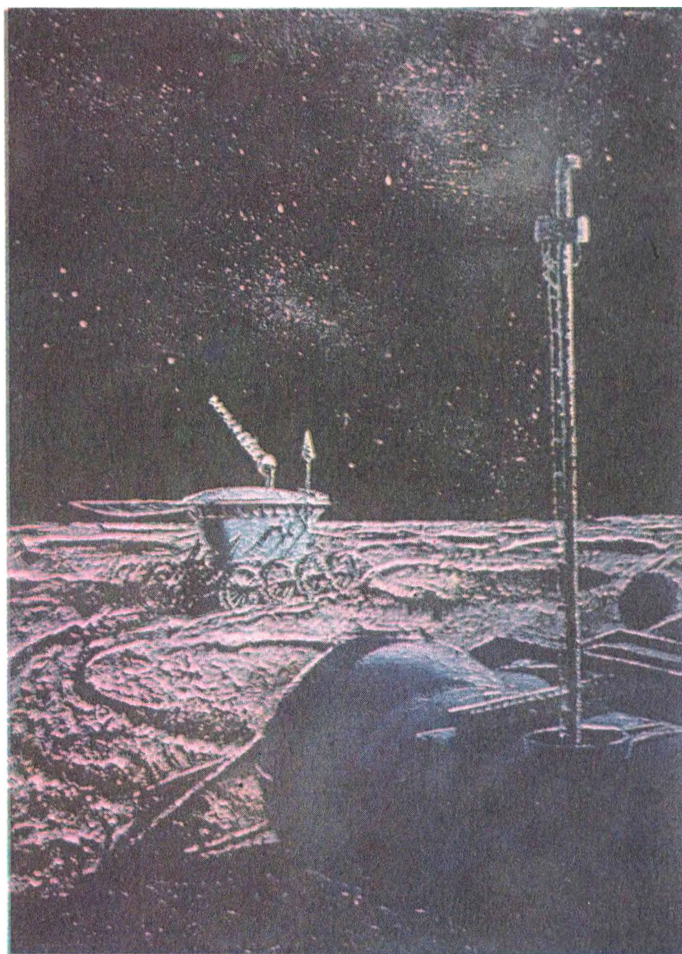
— Послушайте, — спросил его

Рисунки, публикуемые в сборнике «Фантастика-72», взяты из альбома «Звездные пути», изданного в издательстве «Молодая гвардия».

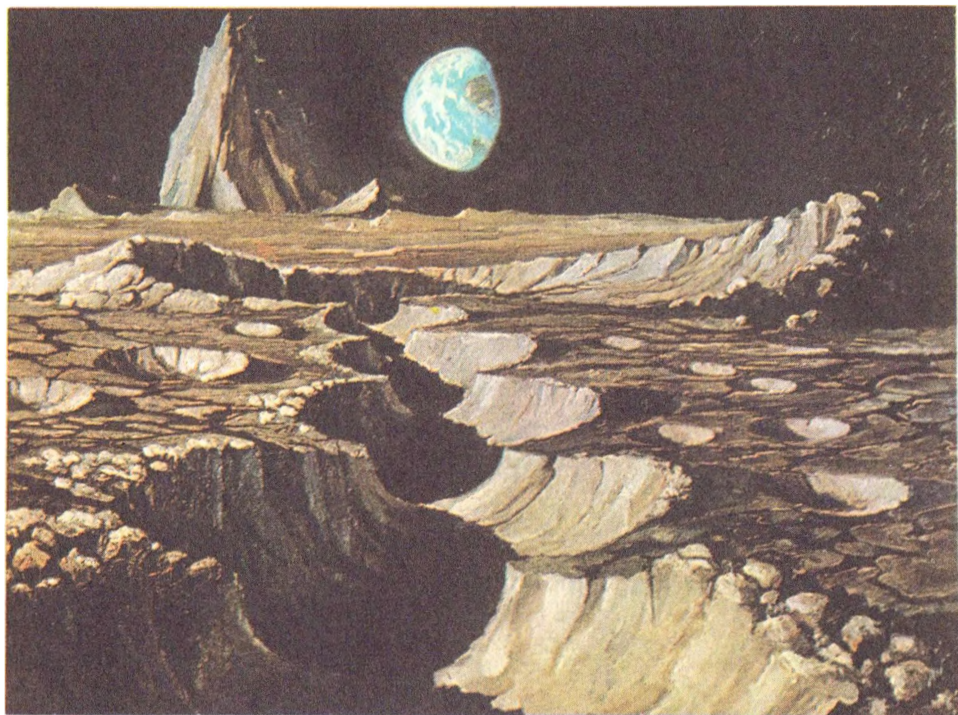
Авторы рисунков — космонавт Алексей Леонов, первый в мире человек, который вышел из космического корабля в открытый космос, и художник-фантаст Андрей Соколов, посвятивший свое творчество изображению космоса.

Предисловие к альбому написал первый космонавт мира Юрий Гагарин, с большим интересом относившийся к творчеству художников. Он писал в своей статье: «В этом альбоме наглядно показано, как выходит человек на просторы Вселенной... В рисунках, опубликованных в альбоме, через призму художественного восприятия рассказывается о том, что уже известно науке, а также о том, что ученые еще сегодня не знают».

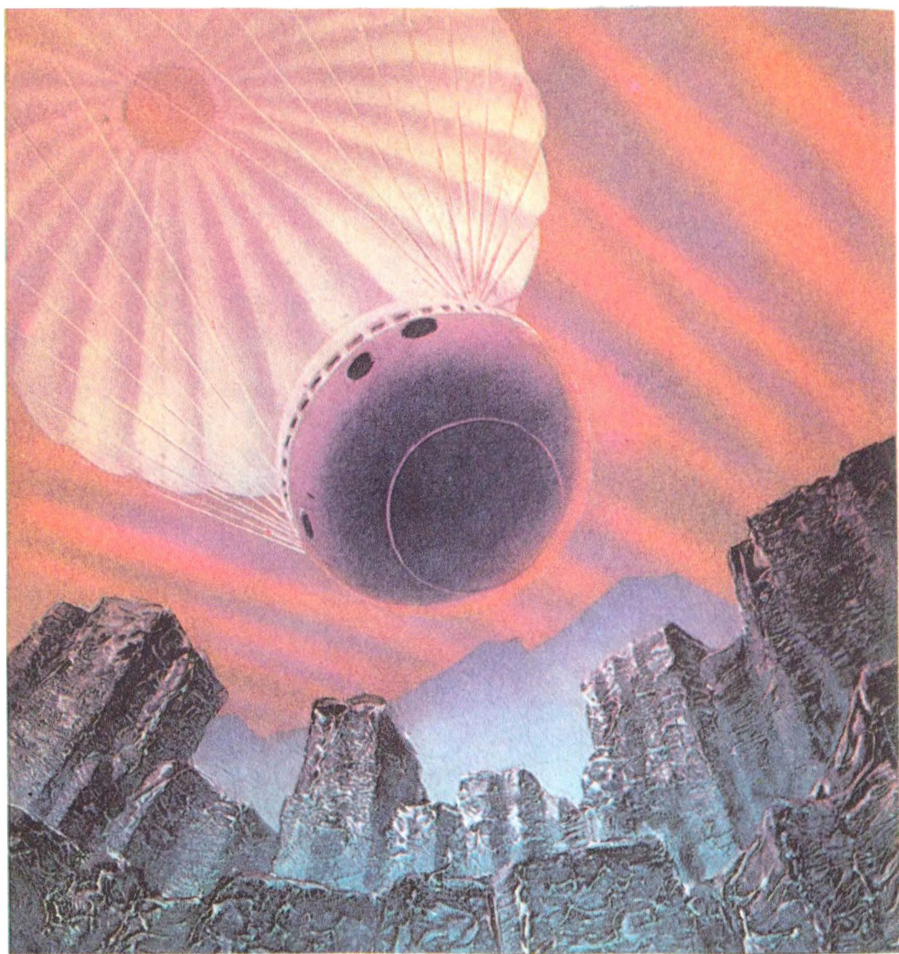
И особенно звучат в наши дни заключительные слова статьи Гагарина: «Я думаю, что многие из тех людей, особенно молодых, которые держат сейчас это издание, побывают на Марсе и на других небесных телах, своими глазами увидят то, что нарисовано и о чем здесь рассказано. Но, может быть, они увидят и другое? Ну что же, тем интереснее. Человечество только выигрывает от этого».

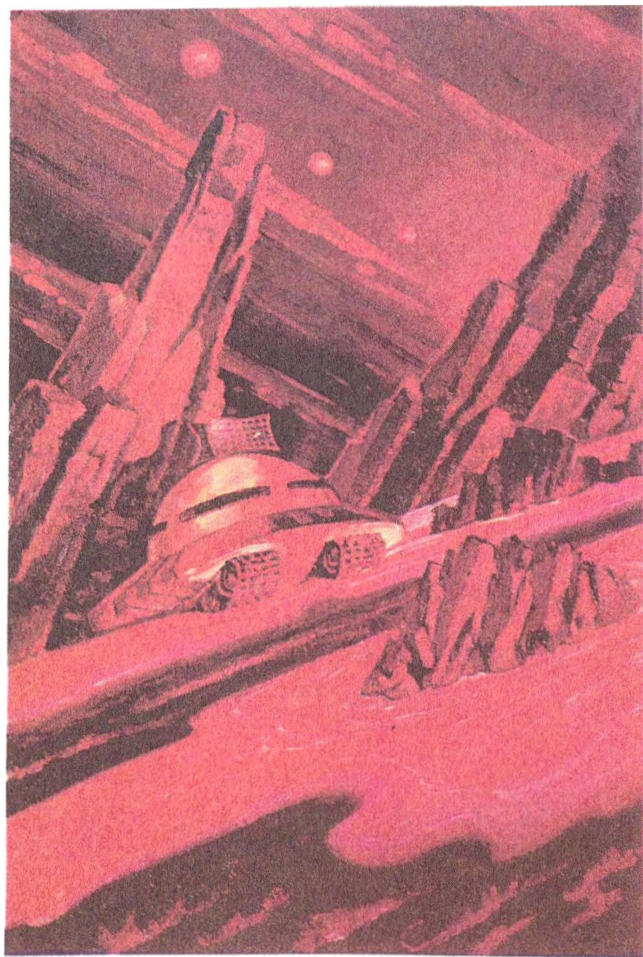
А. Леонов, А. Соколов, «Луноход-1»
идет
по Луне.

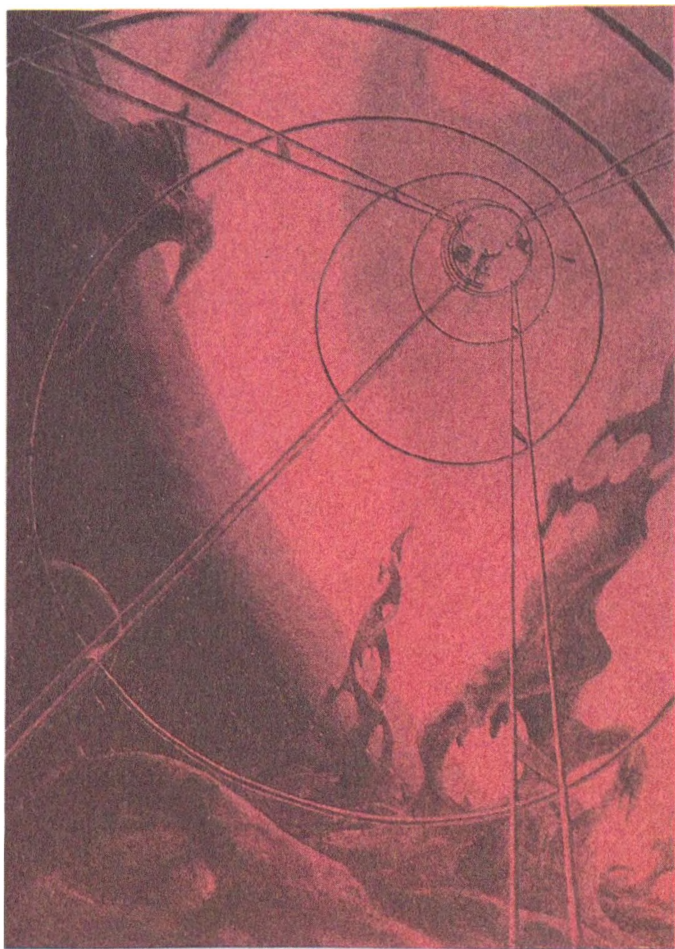
А. Леонов, **Кратерные цепочки на Луне.**

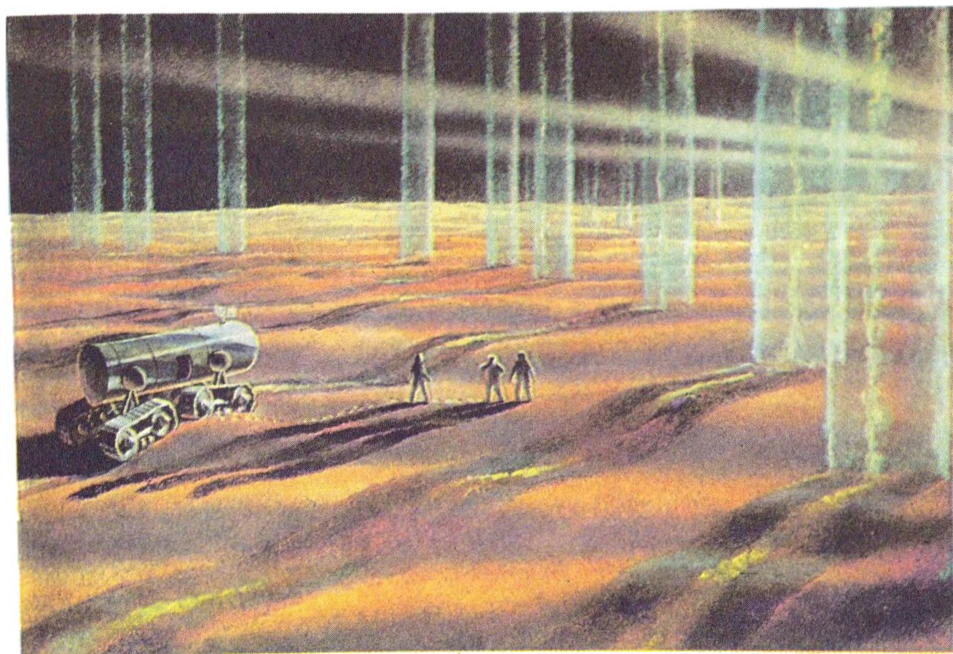
А. Соколов, **Вот она какая, Венера.
Спускной аппарат входит
в атмосферу планеты.**

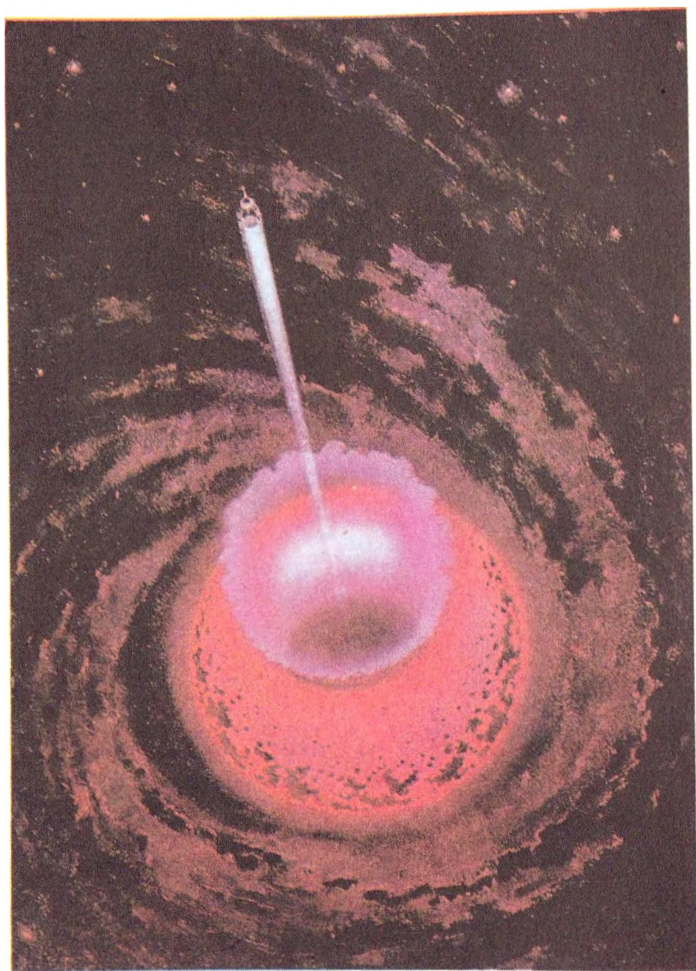
А. Леонов, **Вездеход идет через огненную лаву Венеры.**

А. Соколов, **Звездный корабль на Фобосе —
ближайшем спутнике Марса.**

А. Соколов, Еще одна загадка Марса —
Долина Призраков.

А. Соколов, **Звездолет будущего стартует с одного из астероидов.**

А. Соколов, «Черная» звезда.

Пер, — отчего сегодня с раннего утра на космодроме столько народу?

— Очередное чудо, — желчно ответил кибер. — Если бы люди смогли обойтись без чудес, это было бы самое великое чудо.

Никто еще не видел усмешки робота, но Пер по опыту знал: она непременно витает в воздухе там, где машины берутся судить о людях.

— Чудес не бывает, — бубнила машина. — И если в исключительном случае регенеративная связь вызвала у человека направленное изменение биопрограммы, то это лишь уникальный факт, который ничего не доказывает.

На груди робота зажглась фиолетовая лампочка, свидетельствующая о возбуждении схемы, — «ЧС».

Дефектатор исходил фиолетовым светом — признак старости машины: схема «ЧС» — заложенный в робота электронный «червь сомнения». — перевозбудилась только на машинах, которые давно отработали свой срок.

«Сколько же тебе лет, дедушка?» — подумал Пер, только теперь обратив внимание, как истерлась обшивка робота и разболтались его шарниры.

«Я кончил!» — неожиданно сообщил кибер, проколов последнюю дырку в перфокарте корабельного паспорта. Фиолетовое свечение погасло.

— Даю заключение! — продолжала машина без всякой паузы. — Исследование бортовой аппаратуры вашего корабля показало, что наиболее существенным дефектом следует считать выход из строя «регистратора разности времени».

«Так я и думал!» — признался

пилот. У него сразу отлегло от сердца: теперь все как будто стало на свои места. Заключение дефектатора рассеяло тревогу Пера. От радости он готов был расцеловать это неуклюжее хитросплетение мысли и проводов, но старик уже погрузил себя в кабину лифта и унесся к земле.

Туман окончательно рассеялся. Первые лучи солнца осветили множество людей, собравшихся на краю космодрома.

— Мы вас ждали, Пер! — произнес высокий, уже начинающий сидеть человек лет девяноста. — Возьмите себя в руки. Вы должны знать: все, что произошло, — это прекрасно! Да, да, прекрасно!

«Если все так прекрасно, — насторожился Пер, — то почему я должен брать себя в руки? Что случилось?»

— Известил ли вас кибер-дефектатор, — продолжал незнакомец, — что бортовой «регистратор разности времени» вышел из строя?

— Я и без него это знал, — ответил Пер. — Когда прибор намотал лишних пять лет, я сразу понял, что с ним творится неладное.

— Лишних пять лет?! — переспросил седой человек. — Выходит, робот сказал не все?!

— Вполне возможно, — согласился Пер. — Удивляюсь только, где вам удалось раскопать эту музейную древность.

— Как раз из музея мы его и взяли. Кибер находился там с тех пор, как поставили на прикол последний корабль того класса, на котором летали вы.

— Невероятно! Как могло слу-

читься, что я об этом ничего не знаю? — удивился пилот.

— Вы и не могли знать, — сказал человек. — Это произошло триста лет назад. Теперь судите сами, на сколько ошибся ваш «регистратор разности времени».

«Ну вот и все, — подумал Пер. — Случилось то, чего я больше всего боялся».

Мысль о том, что он может опоздать на несколько поколений, с самого начала не давала ему покоя. Но он упорно гнал ее прочь. Допустить такую возможность означало примириться со страшным поворотом судьбы, навсегда отнимающим у него Сольвейг.

Из толпы вышел сгорбленный старик.

— Пер, вам просто чертовски повезло! — произнес он скрипучим голосом. — Мне скоро двести. В старину таких называли патриархами, но я гоюсь вам в правнуки. И, как мне ни тяжело двигаться, я не мог не прийти сегодня вместе со всеми на этот праздник победы над временем!

«Какой праздник? К чему все это? — думал пилот. — Что я могу им ответить? Неужели и в самом деле я кажусь им героем — победителем времени? Но ведь это всего лишь слепой закон, известный каждому школьнику. То, что произошло, вовсе не заслуга моя, а моя беда. И единственное, чего я хочу, — это чтобы меня оставили в покое».

Пилот опустил голову. Все здесь напоминало ему о Сольвейг. Чувствуя себя одиноким среди ликующей массы непонятных и далеких ему людей, Пер уже не слышал, что говорили вокруг. Расслабленный, опустошенный, он

не мог произнести ни слова, мечтая лишь о той минуте, когда ему наконец дадут возможность побыть одному.

Подняв отяжелевшие веки, пилот увидел вдруг, что люди перед ним расступились. Он глянул вперед и опустил голову.

«Что же это со мной происходит? Так нельзя! Я действительно должен взять себя в руки. Уже начинает мерещиться... Нет, это невозможно...»

— Сольвейг! — неожиданно крикнул Пер и, сорвавшись с места, бросился туда, где только что перед ним мелькнуло знакомое платье. Еще издали он узнал ее по-детски чуть-чуть угловатую фигурку. Одинокая, хрупкая, она неподвижно стояла на том самом месте, где они когда-то расстались. Так продолжалось несколько мгновений. И вдруг на бледном ее лице вспыхнула заборная улыбка. Она подняла руку, и пилот услышал знакомый возглас: «Привет, Ежик!»

Сольвейг медленно опускалась на землю. Пер подхватил ее на руки, и она открыла глаза. Лица пилота коснулись мягкие локоны, и он уловил знакомый аромат дикой полыни. Он слышал, как рядом часто-часто бьется ее сердце, а может быть, это кровь стучала в его висках.

— Это ты! Ты!.. — шептал Пер, еще не в силах поверить глазам. Он гладил ее нежную шею, покрытую золотистым загаром, и, задыхаясь, твердил: — Это ты! Ты, Сольвейг, — такая же как всегда! Ты прекраснее, чем всегда! Разве это не чудо?!

На бледном лице ее вспыхнул яркий румянец.

— Что ты, Ежик? — тихо ответила Сольвейг. — Просто... я тебя очень ждала.

«Мое имя вам известно»

Пассажирский лайнер «Китеж» вышел в очередной транспланетный рейс. И когда Земля осталась далеко за бортом, Эрзя ощутил спокойствие, какого не знал уже долгие годы, — годы, прожитые напрасно, без всякой пользы для людей. Теперь он добровольно обрек себя на изгнание.

Впереди его ждала неизвестность. Возможно, на какой-нибудь далекой планете он сможет заняться простым трудом, не требующим от человека способности предвидеть будущее. Не пытаясь больше превосхищать события, Эрзя настраивал себя лишь на длительное путешествие с неопределенным концом.

Уже то, что ему удалось выполнить задуманное и покинуть Землю, воспринималось им как неплохое предзнаменование. Наконец-то он сумел подавить в себе несбыточные надежды, рожденные мифом о всемогущем человеке. Именно мифом — только так он относился теперь ко всему, что слышал об Исключительном.

Эрзя слишком долго искал встречи с этим сверхчеловеком. Но разве в жизни кому-нибудь доводилось встречаться с героями сказки? Во всяком случае, не такому отпетому неудачнику, как Эрзя. Где только он не пробовал свои силы! Обладая великолепной памятью, он как губка впитывал

в себя знания, но пользы от этого было мало. Эрзя ушел из геофизики, когда предсказанное им землетрясение по какой-то причине не состоялось. Сокрушительный удар ему нанесла медицина. Первому же своему больному Эрзя поставил диагноз неизлечимой болезни. Всю ночь он просидел у постели больного. Никогда раньше мозг его не работал так живо. Он словно переселился в дремучие дебри биологических структур, проникнув в сокровенные их глубины. Мысленно Эрзя проследил весь ход болезни и составил для себя четкую последовательность событий, происходивших в гибнущем организме. Но что стоили все эти муки, если наутро консилиум специалистов нашел у больного лишь признаки крупозного воспаления легких с некоторыми осложнениями, искажающими диагностическую картину.

После этого Эрзя понял, что и в медицине ему не место. Однако он перебрал еще много профессий, прежде чем окончательно убедился, что неспособен применить свои знания ни к какому полезному делу.

Трудно сказать, что было причиной его неудач. Эрзя не мог, например, пожаловаться на отсутствие воображения. Скорее наоборот: он мыслил так ярко и настолько конкретно, так отчетливо представлял себе все возможные варианты, что в конце концов... всегда ошибался.

«Я — конченный человек, — говорил он себе. — Спасти меня может лишь чудо». Мысль о спасительном чуде не случайно пришла Эрзе в голову. Она зародилась в нем с того дня, как появились первые сведения об Исклю-

чительном — так информаторы называли таинственного человека, для которого будто бы не существовало ничего невозможного. Каких только чудес не приписывали Исключительному! Он якобы мог по своей воле изменять явления природы, предотвращать катастрофы, исцелять безнадежно больных и совершать еще многое и многое другое, не поддающееся разумному объяснению.

«Если хотя бы десятая доля всех подвигов Исключительного соответствует действительности, — рассуждал Эрзя, — то у меня еще есть шансы найти свое место: надо только встретиться с этим сверхгением. Он не должен отказать мне в помощи». Но легко было сказать «надо встретиться», если никто не может объяснить, где находится и как выглядит Исключительный. Вскоре Эрзя убедился — каждый, к кому он обращался с расспросами, по-своему представлял этого человека, в то время как официальные сообщения вообще не содержали упоминаний о его внешности. Похоже было, что лишь по делам Исключительного догадывались о его присутствии в том или ином месте. Исколесив планету вдоль и поперек, Эрзя вынужден был признаться, что и здесь он потерпел неудачу.

Вынужденные странствия разнообразили жизнь Эрзи, и вместе с тем ему часто приходилось плохо от собственного пристрастия к буквальному мышлению. Каждое новое впечатление возбуждало его воображение, рождало картины предполагаемого развития событий с такими подробностями, что Эрзя уже заранее знал, что ничего из предвиденного не произойдет. А рассказы о делах Исключи-

тельного каждый раз напоминали ему о том, как безнадежно ничтожен он сам со своими жалкими попытками предвидеть будущее, хотя бы на ближайшие несколько дней, часов или даже минут.

Именно так вышло и на этот раз. На корабль поступило сообщение, которого он никак не ожидал: по имеющимся данным, Исключительный вылетел с Земли на пассажирском лайнере «Китеж».

Нет, Эрзе никак нельзя было положиться на естественный ход событий. Преследовавший его повсюду рок непредвиденности снова все перепутал. «Исключительный где-то рядом! — думал неудачник. — Так близко, как никогда раньше! Конечно, он снова захочет остаться неизвестным. Но разве такое упорное бегство от славы уже само по себе не свидетельствует о величайшем тщеславии?» Сейчас Эрзя готов был наговорить этому человеку-легенде кучу дерзостей: слишком много обиды накопилось в нем за годы бесплодных поисков.

Как Эрзя себя ни уговаривал, как ни ругал, как ни издевался над собой, он уже не мог усидеть на месте. Его неудержимо тянуло в людные салоны и галереи корабля, где представлялась возможность среди многих лиц отыскать человека, в существование которого он совсем уже было отказался верить.

Однако, прогуливаясь между креслами в читальных и музыкальных залах, обходя смотровые галереи, неудачник уже догадывался, что это вовсе не будет поиск, а скорее наоборот — бегство. Бегство от человека, которого он приглядел еще с момента посадки на корабль. Медленным шагом Эрзя

переходил с палубы на палубу, и чем внимательнее вглядывался в лица пассажиров, тем больше убеждался, что на этот раз чутье не обмануло его.

Человек, о котором он теперь постоянно думал, облюбовал себе кресло на галерее у проема иллюминатора. Теперь всякий раз, когда ноги приводили неудачника в эту часть лайнера, он испытывал панический страх, и сердце его рвалось из груди.

Эрзя ничего не мог сказать о возрасте этого пассажира. Лицо его не отличалось красотой, но приводило в смятение с первого взгляда. В полных тревоги широко открытых глазах его то и дело вспыхивало отчаяние. Он смотрел на окружающих так, словно ему была заранее известна судьба каждого.

Порою сомнения охватывали Эрзя, но внутренний голос упорно твердил ему, что это тот самый человек, которого он так долго искал. Даже сознавая, как часто этот внутренний голос обманывал его, неудачник не мог уже не поддаться привычной иллюзии: желание верить было сильнее всего. И тогда тревога в нем сменялась ощущением счастья.

Теперь, когда Исключительный находился совсем рядом, Эрзя вдруг понял, что ни за что на свете не решится к нему подойти.

«Стоит ли унижаться? — говорил он себе. — Не лучше ли бросить эту затею? Да будь он, этот Исключительный, семи пядей во лбу, если ты хочешь быть человеком, имей хотя бы человеческую гордость! Доведи до конца хоть одно дело, на которое решился сам! Оставь Исключительного в покое. Пусть пребывает в своей блажен-

ной скорби: может быть, для него это любимый способ времяпрепровождения. Взгляни лучше в иллюминатор: этим звездам в высшей степени наплевать, что ты о них думаешь. И хотя среди них тоже есть неудачники, они не прибегают к уловкам и не пытаются обмануть природу, как намеревался сделать ты. В этой черной бездне у каждой звездочки есть свое место, каждой определен свой отрезок времени, и они весело бороздят пространство, мимоходом выщипывая хвосты заблудших комет. Звезды ползают по небу, вспыхивая или остывая, взрываясь или превращаясь в белых карликов, связанные этими законами внутри себя, друг с другом и со всей вселенной. Разумеется, эта слепая покорность тоже не идеал, но, возможно, они чувствовали бы себя вполне счастливыми, если бы только могли чувствовать».

Эрзя сидел один на подковообразной софе у самого иллюминатора, когда кто-то за его спиной спросил: «Здесь свободно?» Неудачник молча кивнул головой, а затем, спохватившись и мысленно обругав себя за этот пренебрежительный жест, быстро добавил: «Да, да, пожалуйста, садитесь!» Сказал и осекся: от неожиданности перехватило дыхание. Только вежливая улыбка не успела сойти с лица, да мелькнула досадная мысль: «Черт побери, ну это уже слишком!..»

— Вы простите? — обратился к нему Исключительный, усаживаясь на свободное место. — Меня зовут Джой. Профессия — астроном. Но я не прочь иногда понаблюдать и за людьми. Ваше лицо давно не дает мне покоя. Вот все никак не мог решиться к вам по-

дойти. Если можете, простите меня за нескромный вопрос: что с вами происходит?

«Мне нет дела до того, как ты сам себя называешь, — подумал Эрзя. — Но ты что-то путаешь, приятель. Это твое лицо давно не дает мне покоя. А у меня все в полном порядке! Да, да, я счастлив как бог! Разве это не написано на моей физиономии?»

Разумеется, Эрзя никогда не осмелился бы так ответить. На самом деле все шло обычным для него непредвиденным порядком. Он и не думал, что сумеет так быстро раскрыться. Откуда только взялись слова, целые потоки слов. Все, что мучило его долгие годы, все обиды и разочарования: и гнетущая неудовлетворенность собой, и бесильная ярость, вызванная неудачами, — все, все было излито в одном затянувшемся монологе.

Исключительный слушал внимательно, не прерывая рассказчика. Временами в глазах его мелькало какое-то беспокойство. Но Эрзя уже не мог остановиться, он продолжал говорить, а про себя думал: «Честное слово, это действительно гений, гений терпения! Разве нормального человека можно заставить в один присест выслушать такое количество стонов?!»

Эрзя и в самом деле неожиданно прорвало, но он и словом не обмолвился о том, что догадывается, кто его собеседник: если человек хочет остаться неизвестным — это его личное дело. Эрзя не просил помощи: если Джой в состоянии понять его и помочь, то он это сделает без всякой просьбы. Исключительный долго молчал, однако Эрзе показалось вдруг, что исповедь его подействовала сильнее, чем можно было ожидать.

Впечатление было такое, словно Джой не в состоянии собраться с мыслями. Он то и дело пристально вглядывался в лицо неудачника и тут же в смятии опускал глаза. Но Эрзя ни о чем не спрашивал. Он только ждал, молча ждал решения своей судьбы.

Наконец Джой поднялся. Он был немногословен, этот человек.

— Эрзя, — произнес он, с трудом подавляя волнение, — сейчас вы сойдете со мной на ближайшей пересадочной станции. Там нас будет ждать космобот из астрономического центра... Прошу вас, не спрашивайте сейчас ни о чем. Поверьте мне, так надо! Вы должны это сделать...

То, что у Исключительного могли оказаться дела в крупнейшем астрономическом центре обитаемой зоны, казалось Эрзе вполне естественным. Ненормальным было другое. Едва вступив на порог этой обители науки, он ощутил смутное беспокойство: какая-то тревога носилась в воздухе.

Пообещав скоро вернуться, Джой оставил неудачника в небольшой уютной пристройке к огромному залу, где находился штаб астроцентра. У высоких пультов суеилось множество людей в белом. Все они казались сейчас неудачнику на одно лицо, и лицо это, как бы застывшее в долгом напряженном ожидании, выдавало крайнюю степень усталости.

На черном куполе, образующем потолок, светилось объемное изображение нашей Галактики. Глядя на эту симпатичную звездную карусель, плывущую над головами людей, Эрзя почувствовал себя самым спокойным человеком на све-

те. Сейчас его не касались никакие тревоги. Целиком положившись на Джоя, он твердо решил, что больше не станет даже пытаться заглядывать в будущее. Хватит! Пусть сначала его избавят от комплекса неудачника — вот тогда он покажет, на что способен!

Джой вернулся в пристройку неожиданно. Джой не вошел — он стремительно ворвался из зала.

Было похоже, что беда стряслась с самим Джоем. За эти несколько минут лицо его резко осунулось и побледнело.

Он бессильно опустился в кресло.

— Что-нибудь произошло? — спросил Эрзя.

— Еще нет... — ответил Джой, с трудом переводя дыхание. — Но произойдет... Скоро произойдет...

— Какая-нибудь неприятность?

Джой, занятый своими мыслями, ничего не ответил.

«Черт побери, — с сочувствием подумал Эрзя, — оказывается, даже Исключительному не всегда бывает сладко!»

— Скажите, — неожиданно спросил Джой, — вам на Земле приходилось слышать о «слое Керзона»?

— Да, что-то слышал, — ответил Эрзя. — Какие-то невнятные слухи. По-моему, ничего серьезного.

— Ничего серьезного?! — вздрогнул Джой.

— Ну конечно, — успокоил его Эрзя. — Ведь никаких официальных сообщений об этом не поступало. Просто ходят разговоры, что к нашей Галактике приближается некое облако, получившее назва-

ние «слоя Керзона». И этот слой якобы таит в себе какую-то угрозу. Однако я думаю, если бы так было на самом деле, то все подробности давно бы стали известны людям из официальных источников. А кроме того, я думаю, что в случае реальной угрозы, человечество всегда может прибегнуть к помощи Исключительного...

При этих словах Эрзя столь красноречиво посмотрел в глаза собеседнику, что тот в смущении отвернулся и некоторое время хранил задумчивое молчание.

— Эрзя, — сказал Джой после паузы, — там, на корабле, вы говорили мне, что в свое время занимались физикой?

— Я и сейчас не отрицаю этого.

— В таком случае, — продолжал Джой, — вы должны представлять себе, что такое энтропия.

— Разве для этого надо быть физиком?! — удивился Эрзя. — Любой школьник знает, что энтропия — это стремление энергии и материи равномерно распределиться в пространстве.

— Все верно, — подтвердил Джой. — Наше счастье, Эрзя, заключалось в том, что сам процесс этого распределения происходил с конечной скоростью. Благодаря этому оказалось возможным существование концентраций энергии около ее источников и скоплений материи в виде звезд, планет и других тел. Существует поговорка: «Природа не терпит пустоты». Но если бы заполнение межзвездной пустоты материей происходило мгновенно, то, увы, некому было бы рассуждать о природе.

— Я и не спорю, — сказал Эрзя. — Но какое отношение это имеет к «слою Керзона»?

— Самое прямое! — ответил

Джой. — По последним данным, «слой Керзона» — это чудовищный ускоритель энтропии. Стоит ему достичь Галактики, и мы сразу почувствуем на себе его действие: наше скопление звезд является механизмом, все элементы которого между собой тесно связаны. Посмотрите вверх, на изображение под куполом зала. Эта звездная прядь и есть наша Галактика. А вон там, видите, слева от самого края тянется к ней черная полоса. Так выглядит на этом экране «слой Керзона» — блуждающий в мировом пространстве выключатель жизни.

Эрзя и сам раньше видел зловещую полосу, но не придавал ей значения, решив, что это скорее всего просто трещина в куполе или дефект объемного изображения.

— Хотите узнать, что произойдет, когда «слой Керзона» достигнет Галактики? — предложил Джой. — Наши машины смоделировали все возможные варианты.

— Нет! — резко ответил Эрзя. — Я хочу только знать, когда это произойдет?

— Теперь уже скоро...

— Как скоро?

— Возможно, через несколько часов. Во всяком случае, нам не придется ждать больше суток.

— И там, на Земле, еще никто об этом не знает?

— Никто. Да и зачем знать, если все равно ничего уже изменить невозможно? По нашим расчетам, все кончится очень быстро. Для чего омрачать людям последние часы жизни? Достаточно того, что мы здесь, на астроцентре, уже много дней живем как приговоренные.

— И это вы... вы сказали, что

ничего уже изменить невозможно?! — простонал неудачник.

— Какое имеет значение, кто сказал? — неожиданно взорвался Джой. — Вы поймите: ведь это конец! Конец всему, раз и навсегда! Ожидание может свести с ума. Скорей бы уж все кончалось!

— Так вот зачем вы пригласили меня сюда! — тихо сказал Эрзя. — Хотели показать, что перед лицом всеобщей катастрофы мои терзания просто теряют смысл. Прекрасно задумано!

— Что с вами, Эрзя?

— Что с вами, Джой? Вы обманули меня! Нет, нет, это я сам себя обманул. Очередная «приятная» неожиданность. Цепь моих неудач и не думала обрываться. Итак, очередная ошибка!

Последних слов собеседник уже не услышал, потому что это были всего лишь невысказанные вслух мысли.

«Ну конечно же, Джой вовсе не Исключительный! Что я нашел замечательного в выражении его лица? Печать обреченности? Но она здесь у каждого. Если сейчас Джой рассказать, как я в нем обозначился, может быть, это скрасит ему последние минуты: вместе посмеемся. Нет, тут не до смеха... Чепуха, в конце концов, над собой я могу посмеяться! Ведь это страшно смешно: как я в последний раз обозначился! Но об этом уже никто не узнает. А жаль, что даже тени улыбки, мелькнувшей на чьем-то лице, не останется после меня. Ты смеешься потому, что еще не веришь в близкую неизбежность. А как в это можно верить, если дышится так легко? Но эти люди — эти боги предвидения... Им-то я могу еще верить, всем могу верить, кроме себя. Хватит!

Неудачи тоже могут кое-чему научить. Пора подвести итоги.

Мы создаем в себе неповторимый мир. Что поделаешь, если у такого, как я, слово «неповторимый» надо всегда понимать слишком буквально. Постой! Не в этом ли кроется то самое, что мешает жизни следовать по пути, проложенному моим воображением? Когда я вижу все, что должно случиться... Нет, «вижу» — это не то слово: само событие происходит во мне... Ну это уж слишком! С меня достаточно одного мифа об Исключительном. Хотел бы я видеть того шустрого информатора, который изобрел эту средневековую кличку. Будь Исключительный реальным лицом, одно это имя побудило бы его прятаться от людей.

Ну бог с ним, с информатором! Это уже не имеет значения. Как ты думаешь, что же все-таки произойдет? Как все это будет? Что со мной?! Опять жалкие попытки вообразить невообразимое! Ну и пусть! Есть привычки, расстаться с которыми не легче, чем с жизнью.

Я — человек, и привычка думать присуща мне, как дыхание. Стремление получить неведомую информацию не оставит меня до конца.

Спокойно! Главное — сосредоточиться. Еще... Еще спокойнее... Так. Ну, кажется, началось... Опять трещит голова и разрывается сердце. Зато теперь можно охватить все в целом.

Вот оно, черное щупальце, тянется к самому сердцу! Взрыв энтропии — исчезает тепло и движение. Гаснет разум. Последний всплеск жизни — застывшее недоумение. Скопление звезд рас-

плывается облаком космической пыли — мусором мирового пространства... Вот оно! В один миг столько боли! Держись!.. Только бы не потерять сознания...

А теперь давай, как всегда, вперед — сразу и как можно быстрее! Не упустить ни одной возможности, ни одной детали — все удержать в себе!

То, что сейчас происходило с Эрзей, он никогда не смог бы передать словами. В нем, погибая, трепетала Галактика, и последние удары живых сердец страшной болью отзывались в его сердце. Лишь это ощущение боли говорило о том, что сам он еще жив...

Эрзя открыл глаза.

Сквозь гул в ушах слышно было чье-то дыхание. Пахло лекарствами. Больной взглянул прямо перед собой.

— Он жив! Жив! — услышал Эрзя голос Джоя. — Смотрите, доктор, он открыл глаза!

— Только тише. Пожалуйста, тише, — сказал врач. — Дайте ему прийти в себя.

Больной увидел перед собой взволнованное лицо астронома.

— Эрзя, это я, Джой! Вы слышите меня? Случилось невероятное: приборы зарегистрировали взрыв энтропии в самой энтропийной среде — «слой Керзона», быстро теряя плотность, нейтрализуется. Мы спасены!

«Ну и слава богу, — подумал Эрзя. — Только зачем так кричать? Теперь я, кажется, знаю, что происходит. Не ощущение неизбежной реальности, но сама реаль-

ность входит в меня раньше своего срока, и тогда обрываются связи, нарушается последовательность событий, неизбежное становится невозможным. Кто я и что я могу?

Человек знает много способов изменять и творить реальность, я такой же, как все. Просто природа подарила мне еще один способ».

— Эрзя, — произнес Джой над самым его ухом, — теперь я могу сообщить, кто вы! Не удивляйтесь, вы и есть тот самый...

— Постойте, — тихо сказал больной, — прошу вас лишь об одном... Никогда! Слышите, никогда!.. Никогда не называйте меня Исключительным... Мое имя вам известно!

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

О чем говорят тюльпаны

В Саянах я поднимался в горы один. Лучше, когда это делаешь не спеша, никого не догоняешь, не ожидаешь. Мир кажется шире, и мыслям просторнее. Я знал тропинку, по которой за час можно было подняться к гольцам. Сначала меня провели по ней местные ребяташки, потом я ходил один и даже спускался с гор ночью, запомнив между кустами и скалами прихотливую вязь дорожки. Это хорошо — оставаться на вершинах до звезд. И слушать тишину. И видеть, как загораются в вышине первые блестки. Звезды вспыхивают внезапно — ярко и торжествующе. Наверное, потому, что в эти минуты бывают к нам ближе.

И еще хороши в Саянах цветы. Но это уже сентиментальность. Во всяком случае, я стараюсь никому ее не показывать. В горы я поднимаюсь один. У самых гольцов — луга: царство трав и цветов. Иногда я срываю цветы. Не бездумно и не подряд. Ветка рододендрона — саган-далиня, по-местному, — пара жарков меня удовлетворяют вполне. Иногда я срываю альпийский мак — красный и желтый. Но это недолговечный цветок — он вянет и умирает на глазах. Мне его жалко.

Прогулки в горы хороши еще тем, что дают простор воображению. Мечталось о крыльях. Не о тех, на которые ставят винты и турбины. Это буднично и привычно: при одном воспоминании о шуме и дрожи моторов холодеет спина. И не о птичьих крыльях, совершенных, но слабых, которые не в состоянии унести далеко. Мечталось о крыльях разума, чтобы облететь планету и смахнуть с нее атомное и прочее зло. И чтобы

крылья унесли к другим мирам, красивым и добрым, — есть же такие миры! Мечталось о друзьях, которые есть и еще будут в жизни, о красоте, о любви — мало ли о чем: страна мечтаний необозрима.

И наверное, из этой страны явился Бельский, Борис Андреевич.

Так мне думается теперь, когда я вспоминаю о встрече. Тогда мне казалось, что он явился некстати. Очень некстати. Я прощался с Саянами. Срок путевки закончился, в кармане у меня был билет на обратный рейс. Лечение на горном курорте мало помогло мне. Больше, наверное, помогли горный воздух и тишина. Предстояло возвращение в город, в лабораторию с колбами, реактивами, к неоконченной диссертации «О химических способах борьбы с сорняками». Все это ждало меня не дальше как завтра. А пока хотелось побыть одному на любимой поляне. Вполне естественное желание. Но оно было нарушено вторжением Бельского.

Сначала я услышал сопение, бормотанье, скрип камней под подошвами башмаков. Потом вполне явственно донесся вопрос: «О чем говорят тюльпаны?..» Опять невнятное бормотание, и, наконец, из-за скалы показался очень высокий, очень сутулый и очень тощий старик в широкополой шляпе, в очках, в ковбойской рубаше в клетку и с фотоаппаратом на ремне через плечо. «Турист, — подумал я. — Странно, за весь сезон я не встречал здесь туристов... А сейчас встретил». Старик шел по тропинке ко мне, и, конечно, сейчас состоится разговор, — пустейший разговор, который обычно

заводят туристы, — о местности, о погоде, о натертых мозолях, о тушенке, которую трудно достать и которая так необходима на ужин. Мой последний вечер будет испорчен. Я даже вздохнул — так мне не хотелось, чтобы вечер оказался испорченным.

— Тут уже кто-то есть, — сказал старик, заметив меня. — Правда же, человек, — продолжал он. — Курортник. Интеллигент...

Знакомство не обещало ничего доброго. Но у меня мелькнула мысль: вдруг старик пройдет мимо? Ах, как я хотел этого! Но, увы, надежда не оправдалась. Старик замедлил шаги. Несомненно, он хотел остаться со мною.

Больше — он опустился рядом на камень.

— Рододендрон, маки, — сказал он, взглянув на цветы у меня в руках. — Денеб и Алголь... Удачное сочетание. Вы их слышите?..

— Кого слышу? — спросил я.

— Цветы, — ответил старик.

— Как можно слышать цветы? — спросил я.

Старик не ответил. Он сидел скорбившись, опустив руки между коленей. Пальцы его были сцеплены так, что костяшки побелели от напряжения. Взгляд старика упирался в землю, в нем тоже чувствовалась напряженность, как будто бы человек был занят очень серьезной мыслью или решал задачу.

— О чем говорят тюльпаны? — спросил он, не разжимая пальцев и все так же сосредоточенно глядя в землю.

«У него навязчивая идея, — подумал я, — еще чего не хватало!..» Но лицо у старика было доб-

рым, светлые близорукие глаза излучали доверие.

— Меня зовут Борис Андреевич Бельский, — сказал он. — Я сегодня приехал из Южного Казахстана. Ездил смотреть тюльпаны...

«Ботаник», — решил я.

— Какое чудо эти тюльпаны! — продолжал он. — Миллионы тюльпанов. И какая загадка!..

— Простите, — сказал я, — для меня здесь что-то неясно...

Для меня ничего не было ясно — ни разговор, начатый Бельским, ни цель разговора. Но человек обращался ко мне, молчать было нельзя, отсюда это компромиссное «что-то». Ничего я в разговоре не понимал.

— Так вы их не слышите? — кивнул он на ветку саган-далиня и маки.

— Нет, не слышу, — признался я.

— Как жалы! — воскликнул Бельский. — Мне показалось, что вы их слушаете и я не один!..

Он поглядел на меня долгим взглядом.

— Ни одного человека, — сказал он. — Кроме меня... — И опять опустил голову.

Мне показалось, что у него горе, что он не может собраться с мыслями и как-то отвлекает себя от очень большой заботы.

— Ничего, — сказал я сочувственно, — пройдет...

— Не проходит, — возразил он. — С самого детства. Но понимать их по-настоящему я начал лет десять тому назад. Ах, если бы раньше! Ведь мне шестьдесят семь!..

— Успокойтесь! — сказал я, все еще предполагая, что у него горе.

— Вы о чем? — спросил он.

Я не знал, о чем говорю, но вопрос отрезвил меня. Пожалуй, мне давно надо было задать этот самый вопрос ему. Но, все еще думая о потерянном вечере, я спросил дипломатически:

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Легко сказать — беспокоит! — воскликнул он. — Мне просто не верят! — Бельский наклонился ко мне, глядя поверх очков. Очки у него были с двойными стеклами, я ни у кого не видел таких очков. — Меня считают лжецом! — продолжал он. — А я слышу, как разговаривают цветы!

— Цветы?.. — переспросил я.

— Да, молодой человек, цветы! Каждый по-своему! И каждый связан с какой-то звездой.

Я подумал: не встать ли мне и не уйти вниз по склону? Он задержал меня.

— Рододендрон связан с Денебом, — сказал он, беря ветку саган-далиня из моих рук. — Маки — с Алголем. Ромашки... Боже мой, ромашки, не знаю, с какой звездой они связаны!.. И так каждый цветок. От самого невзрачного до тюльпанов!

Он все еще держал ветку рододендрона. Я не отпускал ветку, боясь, что букет в моих руках рассыплется. Мы так и сидели, связанные, точно нитью, веткой саган-далиня.

— Вы когда-нибудь спрашивали себя, — продолжал Бельский, — почему в мире так много цветов и почему они похожи друг на друга, как звезды?

— Нет, не спрашивал, — сказал я.

— А ведь это миниатюрные телескопы! Радиотелескопы, молодой

человек, и все они обращены к звездам!

В бреду старика — если это был бред — чувствовалась последовательность. Но еще больше чувствовалась убежденность, и это мешало мне уйти — вовсе не ветка рододендрона, которую мы держали вдвоем. Ветку я мог бы ему отдать, но меня начал захватывать разговор. Не безумие разговора — безумия не было в глазах Бельского, в интонациях его голоса. Была убежденность. Старик и меня заражал убежденностью. Мне хотелось послушать, что еще скажет этот странный человек.

— Посмотрите, — он отпустил наконец ветку саган-далиня, — каждый цветок — будь то ноготки, мак или орхидея — имеет венчик в виде развернутой чаши, стерженек или систему стерженьков в центре. Взгляните на этот рододендрон: разве это не радиотелескоп с ажурным зеркалом и стоячей антенной?.. Мы проходим мимо, мы не замечаем чуда, потому что оно привычно. Но это антенна, приемник, настроенный на определенную волну, он принимает передачи из космоса. Остается усилить их и разобраться в них. Хотите послушать?

Бельский расстегнул кожаный футляр, в котором, как я думал, находился фотографический аппарат, вынул прибор, похожий на мини-транзистор. С одной стороны под металлической сеткой я рассмотрел круг вмонтированного в корпус динамика, с другой стороны в пластмассовой рамке было натянуто несколько волосков. Этой стороной он приблизил прибор к макам в моей руке. Из динамика полилась тихая, мне показалось даже, робкая, музыка: пели

два инструмента — один низким, другой высоким тоном. Но это были не виолончель, не скрипка, не саксофон, мелодия была неземной, непривычной и в то же время нежной, волнующей, будто голоса звали к себе и не надеялись на ответ.

— Музыка с Алголя, беты Персея, — пояснил Бельский. — А вот Денеб. — Он придвинул прибор к цветам рододендрона. В динамике забилась, забормotal низкий вибрирующий голос, словно кто-то стучал в гулкую дверь. — Слышите? — спросил Бельский. — И так с каждой звезды. Сколько цветов — столько звезд.

— Неужели говорят звезды?

— Не звезды, конечно, — возразил Бельский. — У звезд есть планеты с разумной жизнью. Передача ведется в луче звезды.

— Как вы узнали об этом, Борис Андреевич? — спросил я.

Бельский улыбнулся, глядя на меня доверительно.

— В детстве меня лечили, — сказал он. — От шума в ушах. Обычно это начиналось весной, когда зацветали сады. Я слышал пение, бормотанье деревьев даже сквозь ставни. Когда же окно открывали, я не мог спать. «Это ветер...» — говорили мне. Если я начинал уверять, что цветущая вишня звучит словно хор, а яблоня как оркестр, меня журили и называли лгуном. Герань на окнах пела в три голоса, пышная примула не только звучала по ночам, но и показывала картины. Клуба под окнами стрекотала, аукала, визжала. Особенно досаждали мне ирисы: они беспрерывно трещали на высокой визгливой ноте, не давая покоя ни днем ни ночью. Теперь я знаю, что это морзянка, а в 1907 году, четырех-

летним ребенком, — что я мог смыслить в этом? «Фантазер!» — говорили мне, когда я пытался жаловаться.

Потом начали возить по докторам.

— Здоровый, нормальный мальчик! — уверяли те. — Барабанные перепонки в порядке, евстахиевы трубы чисты. Нет никаких причин жаловаться!

Отец, акцизный чиновник, драл меня за уши за каждый рубль, бесполезно выброшенный врачам.

— Паршивец... — говорил он. — Не хочешь учиться — будешь грузчиком!

Учился я плохо, шум в ушах мешал мне сосредоточиться. Цветы ненавидел лютой ненавистью, не упускал случая растоптать клумбу, помять розовые кусты. За это мне тоже влетало, меня считали дикарем, злым мальчишкой... Годам к тринадцати я, однако, привык к шуму, а потом перестал обращать на него внимание, стараясь ничем не отличаться от сверстников. Пустяками некогда было заниматься: началась революция, гражданская война. Работал я и грузчиком — отец оказался прав, — и шахтером в Донбассе, и лаборантом в исследовательском институте. Учился заочно, к сорока годам закончил политехнический институт. Занимался изобретательством. До сих пор занимаюсь изобретательством. Звездифон, — Бельский кивнул на прибор, который держал в руках, — мое изобретение. Очки, — тронул рукой очки с двойными стеклами, — тоже мое изобретение.

— Что за очки? — спросил я.

— Видеть звездные передачи.

— На цветах?..

Бельский кивнул утвердительно.

— А мне можно... видеть? — спросил я, задерживая дыхание. Меня охватило волнение, как мальчишку, которого впервые привели в цирк. — Неужели можно увидеть?.. — повторял я.

То, что я слышал в приборе, который Бельский назвал звездифоном, могло быть мистификацией, а звездифон — транзистором. В музыке я разбираюсь неважно — мало ли какую передачу, какой разговор мог принять транзистор. Рассказу Бельского можно верить, можно не верить, говорил он о вещах фантастических. Фантастики немало печатается в современных журналах. Может, он где-то прочел о звездах, о цветах и выложил за свое. Но если можно увидеть — это другое дело. Зрение не обманет. Я ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку, — мне хотелось, чтобы все, что рассказал Бельский, не было мистификацией.

— Можно?.. — спрашивал я.

Бельский снял очки — для этого ему пришлось снять и опять надеть шляпу.

— Можно, — сказал он. — Не всегда, но у нас счастливое совпадение. Видите этот луг? — показал он на лужок, желтый от лютиков. — Эти ромашки... — На краю луга, там, где было посуше, белой простыней стелились ромашки. — Это все равно что телевизионный экран, — говорил Бельский. — Каждый цветок принимает частицу изображения. Если цветов много и они растут сплошь, можно увидеть изображение. — Борис Андреевич подал мне очки.

— Я взял у него очки, поднялся с камня и пошел к поляне, желтеющей лютиками.

— Не подходите близко, — пре-

дупредил Бельский. — Передачи, как и на телевизоре, надо смотреть на расстоянии.

Я остановился и надел очки.

Я увидел город. Далекий город в тумане — как смутный эскиз, как мираж над пустыней. Я видел очертания зданий, кварталы, — как будто я находился над городом на холме или на башне. Я видел улицы, парки, аллеи. Город жил — что-то по улицам двигалось, перемещалось, может быть, толпы, может, вереницы машин. Город был огромен, дальние его окраины тонули в перспективе и словно бы в пыльной дымке. Движение было на виадукках над улицами, на аллеях парков и на крышах домов. Мне казалось, я слышу шум города: стук колес, гул моторов. Чем больше я вглядывался, тем больше деталей обнаруживал в городе: вот круглое здание, может быть, цирк, вот овальное — ипподром или стадион, а вот блещет бассейн, даже бронзовые черточки тел можно разглядеть на песке... Что-то поднялось над городом — треугольник, летающее крыло, вот еще одно и еще... Пунктирная линия летящих предметов двигалась над домами, над площадями; первые из них уже скрылись за горизонтом. Я снял очки и спросил:

— Что это?

Бельский пожал плечами:

— В Галактике сто миллиардов звезд, — сказал он.

Я опять надел очки и глянул на край поляны, белевшей ромашками. Теперь я увидел океан, и огромной дугой над его поверхностью — мост. Дуга обрывалась там, где кончались ромашки, и мост казался повисшим в синеве воздуха и воды. Мост был метал-

лический, легкий, ажурный и совершенно пустой. Тщетно я вглядывался в белевшую ленту шоссе, проложенного по середине моста, дорога была пустыня.

Бельский подошел ко мне, спросил:

— Ничего?..

— Вижу мост, — сказал я.

— На мосту — ничего?

— Пусто, — ответил я.

— Вот и я, — сказал Бельский, — сколько ни смотрю на ромашки, никогда на мосту ничего не бывает. Пусто.

Он прошел дальше и приблизил к ромашкам микрофон своего прибора. Я услышал плеск волн. Так плескались бы волны где-то внизу, если бы я стоял на мосту.

— Слышите? — спросил Бельский.

— Дыхание моря... — сказал я.

— Вслушайтесь лучше.

В плеске волн я различил тихий, вкрадчивый шепот — фразы, периоды, строфы. А мост был пустым. В ушах что-то звучало, шептало, будто океан был одушевленным и говорил сам с собою.

— Удивительно! — Я передал очки Борису Андреевичу.

Тот молча сложил их и сунул в карман.

— Удивительно! — повторил я. — Вы кому-нибудь рассказывали об этом? Взяли патент на изобретение?

— Вам вот рассказал, — ответил Бельский. — А патента не взял. Видите ли... — Он взглянул на меня близорукими доверчивыми глазами.

Честное слово, я любил старика за этот открытый, немного растерянный взгляд. Наверно, его легко обидеть, этого мягкого челове-

ка, посмеяться над ним, и, наверно, он боялся этого со стороны других людей.

— Патента не взял, — повторил он. — Я изобрел звездофон недавно. Езжу вот, слушаю. Осваиваю... — улыбнулся он — видимо, слово казалось ему прозаическим, неудобным. — Только что был в Казахстане, — продолжал он, — слушал тюльпаны... А работаю над другой моделью — стереофоническим звездофоном. Закончу модель — подам заявку. Только... — опять улыбнулся Бельский. — Боюсь одной вещи...

— Чего вы боитесь? — спросил я.

— Вдруг скажут, что все это чепуха, отвлеченная тема?.. Вот если бы я занялся гербницами. Ведь лютики и ромашки — обыкновенные сорняки...

Да, да, я видел, что он боится нечуткости, непонимания, — боится, что его могут публично высечь, как сек когда-то отец, возя бесполезно по докторам. Я даже подумал, как бы помочь ему укрепить его веру. А может, он прав, надо усовершенствовать изобретение, а потом подавать заявку?

Между тем Бельский развивал свою мысль:

— Почему нельзя заниматься отвлеченными темами? Надо исследовать все. Опыт открытий не раз говорит нам об этом: и облака надо изучать, и грибы, и крылья бабочек. Возьмите конструирование приемников. Нужно ли заниматься этим, если придумана уже тысяча схем? А вдруг тысяча первая даст приемник, который примет передачу из космоса?.. Впрочем, теперь в этом нет необходимости — передачи из космоса ловят цветы. И все же необхо-

димось есть! — воскликнул он. — Может сложиться приемник, который поймает совсем неожиданное. Вспомните: изучали плесень — открыли пенициллин, любовались стрекозиными крыльями — и нашли способ нейтрализовать разрушающее влияние флаттера...

Солнце опускалось за скалы. На поляне стало прохладнее, сумрачнее. Сумерки побежали по склонам, заполняя долину синим и фиолетовым светом. Мы с Бельским пошли по тропинке.

— Что говорить об этом? — продолжал он. — Исследования нужны всегда и везде!

Я не противоречил. Моей мечтой было поддержать в руках его удивительный звездофон. Мы уже спустились с горы наполовину, когда мне удалось завладеть прибором. Альпийский мак и рододендрон все еще были у меня в руке. Я поднес прибор к венчикам мака и опять услышал музыку — те же два голоса, высокий и низкий, которые, сливаясь, вели неземную мелодию. Казалось, от музыки исходил аромат — тонкий, чуть горьковатый, как от миндаля, волнующий и печальный.

— Борис Андреевич, — обратился я к старику, — вам понятен смысл передач?

— Музыка, — ответил он. — В большинстве это музыка, и ее можно понять. Музыкой легко выразить радость, надежду, призыв, отчаяние. Все это есть в звездных мелодиях.

Бельский замолчал, замедлил шаги.

— Одного не могу понять, — сказал он, — о чем говорят тюльпаны?

Я уже слышал этот вопрос. Оче-

видно, он волновал Бориса Андреевича.

— Почему тюльпаны? — спросил я.

— А вот послушайте, — сказал он. — У меня есть записка... — Он достал из кармана картонную коробку, порывшись в ней, вынул обрывок ленты. — Дайте-ка на минуту, — взял из моих рук звездфон. Щелчок — лента вставлена. — Слушайте, — сказал он.

Из динамика полился шелест, шепот, невыразимо далекий, слабый, таинственный. Казалось, это шорох дождя по крыше; можно было проследить всплески отдельных струй, звон капель. Но это не было ни то, ни другое. Звучал живой голос, и те же всплески можно было приравнять к вздохам и паузам между фразами. Проходили секунды, минуты, шепот не прекращался — так же звенели капли, слышались вздохи и шорох таинственной передачи.

— Это Мицар, — пояснил Бельский. — Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. Тюльпаны принимают Мицар...

Может быть, впервые за весь разговор с Бельским я почувствовал фантастичность встречи с этим удивительным человеком. До этого мое внимание было поглощено звездфоном, чудесами, которые показывал и о которых рассказывал Бельский. Откуда он, кто он, этот старик? Может быть, он вовсе не человек, а звездный пришелец? Почему никто не знает о нем, о его открытии? Что он делает на горном курорте?.. Я обернулся к Бельскому:

— Расскажите о себе, кто вы?

Бельский не ответил на вопрос, — может быть, не расслы-

шал: мы пробирались между кустов, то и дело приходилось отводить ветки руками, чтобы не поцарапать лицо. С минуту, наверное, слышалось похрустывание хвои, шелест листьев. Может быть, Бельский не хотел рассказывать о себе? Я уже приготовился повторить вопрос, но он заговорил сам.

— Я уже рассказал, — отозвался он в темноте. — Почти все рассказал — о детстве, об учебе, изобретательстве. А так — что еще рассказать вам? Пенсионер я, — смущенно признался он. — Семь лет как вышел на пенсию. По возрасту и по стажу. — Опять эти слова прозвучали у него так, как будто произносить их ему было неловко. — Семьи у меня нет, — продолжал он. — И не было. Перекати-поле, бобыль — говорят о таких, как я... А может, это и лучше...

Мне показалось, что он улыбнулся. Я вспомнил его улыбку, стесненную, рассеянную. Странный, неприспособленный человек: имеет в руках такое изобретение... Он, кажется, не ставит его ни во что. Или не понимает ему цены. Или никто не понимает его. Я ведь тоже с первых фраз принял его за сумасшедшего.

— Так я свободнее, без семьи, — говорил Бельский. — Хожу по стране, езжу. Приглядываюсь к цветам. Был на Кавказе, в Крыму, на Памире. Сейчас вот — здесь. Остановился в Доме для приезжих... Пишу монографию. Не могу подобрать названия. Может быть, это будет «Цветы и космос». Звучит неубедительно, по-детски... Надо бы еще поездить по свету, — продолжал он, — собрать побольше материала. Хочу побывать в Австралии.

Узнать, о чем говорят Канопус и звезды Центавра...

Говорил он скучно, неинтересно, словно ему не хотелось рассказывать о себе. Это была проза после высокой поэзии о цветах и о звездах, которую он только что мне поведал. Он чувствовал эту прозу и на полуслове прервал рассказ.

Остаток пути мы прошли молча, каждый думая о своем: Бельский, наверно, о звездах, я о заводе, лаборатории, о диссертации, которая пишется с трудом. Что бы сказал о моей диссертации Бельский, если б его спросить?..

Нет, об этом я его не спрошу. Это не главное. Главное в нем самом — что-то необычайное, неповторимое.

— Как вы объясняете, — спросил я, — свою восприимчивость к голосам звезд? Вы говорили, что в детстве слышали пение и шепот цветов.

— Как объясняю? — спросил он. — Может быть, это аномалия. Может быть, норма. Мне думается, в каждом человеке сидит то же, что и во мне. Может быть, каждая клетка нашего тела не только излучатель радиоволн — это доказано, — но и приемник. Может, у меня обостренное восприятие. И такого же восприятия можно добиться для каждого. Мало ли загадок таят нервная система и человеческий мозг. Надо искать...

— Надо искать... — как эхо, повторил я его последнюю фразу. Старик прав: впереди поиски и открытия.

Огни поселка открылись внезапно. Тропинка перешла в дорогу, дорога раздвоилась: одна вела в поселок, другая — к курзалу. Бельский остановился.

— Вот и пришли, — сказал он. — Спасибо вам. Я, наверно, из леса не выбрался бы и заночевал у костра. Вы любите ночевать у костра?

Я ответил, что я сибиряк и ночевать у костра мне приходилось не раз.

— А в Австралии вам хотелось бы побывать? В настоящей Австралии? — спросил Бельский, видимо не желая больше рассказывать о себе, давая понять, что вопросов не надо.

Я ничего не ответил.

— Мне очень хочется... — сказал он.

В голосе его звучало смущение, будто он извинялся за прерванный разговор: не надо было рассказывать о пенсии, о монографии, которая еще не написана, — все это портило встречу.

— Прощайте, — Бельский подал мне руку.

Я в ответ подал свою, но с удивлением ощутил в руке звездифон.

— На память, — сказал Бельский. — Не откажите принять.

Я невольно сжал подарок в руке, подыскивая слова, чтобы отблагодарить Бельского.

— Вот и запись Мицара, — на ощупь он передал мне пленку. — Тайна тюльпанов... Хорошая тема для диссертации. С сорняками у вас не получается.

Неужели он прочитал мои мысли?..

Борис Андреевич рассмеялся:

— Мысли читать легче. Не всегда приятно, но легче.

Я был ошеломлен.

— Разгадаете тайну, — продолжал Бельский, — я вас найду. Вы можете это сделать — раскрыть загадку. У вас пре-

имущество — молодость. Прощайте.

С минуту я слышал его шаркающие старческие шаги. В руках были пленка и звездфон, в голо-

ве — тысяча вопросов к Бельскому.

— Борис Андреевич!.. — крикнул я в темноту.

Но его шаги уже смолкли.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

Маленький полустанок в ночи

Света Баржин зажигать не стал. Отработанным движением повесив плащ на вешалку, он прошел в комнату и сел в кресло. Закурил. Дым показался каким-то сладковатым, неприятным, — и то сказать, третья пачка за сегодня...

В квартире стояла тишина. Особая, электрическая: вот утробно заворчал на кухне холодильник, чуть слышно стрекотал в прихожей счетчик — современный эквивалент сверчка; замурлыкал свою песенку кондиционер... Было в этой тишине что-то чужое, тоскливое.

Баржин протянул руку и дернул шнурок торшера. Темнота сгустилась, полумрак комнаты распался на свет и тьму, из которой пялилось белмо кинескопа. Смотреть на него было неприятно.

«Эк меня! — подумал Баржин. — А впрочем, кого бы не развезло после столь блистательного провала? И всякому на моем месте было бы так же худо. Ведь как все гладко шло, на диво гладко! Со ступеньки на ступеньку. От опыта к опыту. От идеи к идее. И вдруг, разом — все! Правда, сделано и без того немало. Что ж, будем разрабатывать лонг-стресс. Обсасывать и доводить. То же неплохо. И вообще... «Камин затоплю, буду пить. Хорошо бы собаку купить...»

Он встал, прошелся по комнате. Постоял у окна, глядя, как стекают по стеклу дождевые капли, потом прошел в спальню и открыл дверь в чулан. «Хотел бы я знать, — подумал он, — что имели в виду проектировщики, вычерчивая на своих ватманах эти за-

кутки? Как только их не используют: и фотолaborатории делают, и библиотеки, и альковы... Но для чего они предназначались первоначально?» Впрочем, ему эта конура очень пригодилась. Он щелкнул выключателем и шагнул внутрь, к поблескивающим желтым лаком секциям картотеки. Баржин погладил рукой их скользкую поверхность, выдвинул и задвинул несколько ящиков, бесцельно провел пальцем по торцам карточек... Нет, что ни говори, а сама картотека получилась очень неплохой. И форму для карточек он подобрал удобную. Да и мудрено ей было оказаться неудачной: ведь позаимствовал ее Баржин у картотеки Второго бюро, на описание которой наткнулся в свое время в какой-то книге. Правда, ему никогда не удалось бы навести в своем хозяйстве такого образцового порядка, если бы не Муляр. Страсть к систематизации у Муляра прямо-таки в крови. Недаром он в прошлом работал в отделе кадров...

Баржин обвел стеллаж взглядом. Полсотни ящиков, что-то около — точно он и сам не знал — пятнадцати тысяч карточек. В сущности, не так много: ведь картотека охватывает всё человечество на протяжении примерно двух веков. Но это и немало, несмотря даже на явную неполноту. Сколько сил и лет вложено сюда!..

Если искать начало, то оно, безусловно, здесь...

2

...только на четверть века раньше, когда не было еще ни этой картотеки, ни этой квартиры.

а сам Баржин был не доктором биологических наук, не Борисом Вениаминовичем, а просто Борькой, еще чаще — только не дома, разумеется, — и вовсе Баржой.

И было Борьке Барже тринадцать лет.

Как и любви, коллекционированию покорны все возрасты. Но только в детстве любое коллекционирование равноправно. Бывает, конечно, и почтенный академик собирает упаковки от бритвенных лезвий, — но тогда его никто не считает собирателем всерьез. Чудак — и только. Вот если бы он собирал фарфор, картины, марки, наконец, или библиотеку, — но только не профессиональную, а уникалы, полное собрание прижизненных изданий Свифта, — вот тогда это настоящий собиратель, и о нем отзываются с уважением. Коллекционирование придает человеку респектабельность. Если хотите, чтобы вас приняли всерьез, не увлекайтесь детективами или фантастикой, а коллекционируйте академические издания!

Не то в школе. Что бы ты ни собирал, это вызовет интерес, и неважно, увлекаешься ли ты нумизматикой или бонистикой, лотеристикой или филуменией, филателист ты или библиофил... Да и слов таких обычно не употребляют в школьные годы. Важен сам священный дух коллекционирования.

Борькин сосед по парте собирал марки; Сашка Иванов каждое лето пополнял свою коллекцию птичьих яиц; на уроках и на переменах всегда кто-нибудь что-нибудь выменивал, составлялись хитрые комбинации... Эти увлечения знавали свои бумы и кризисы, но никогда не исчезали совсем.

И только Борька никак не мог взять в толк, зачем все это нужно.

Но что-то собирать надо было: хотя бы для поддержания реноме. И такое, чтобы все ахнули: ай да Баржа! И тут подвернулся рассказ Нагибина «Эхо». Это было как откровение. Конечно, Борька был далек от прямого плагиата. Но он понял, что можно собирать вещи, которые не пощупаешь руками. И он стал коллекционировать чудеса.

Конечно, не волшебные. Просто из всех журналов, газет, книг, которые читал, он стал выбирать факты о необычных людях. Необычных в самом широком смысле слова. Все, что попадалось ему о подобных людях, он выписывал, делал вырезки, подборки. Сперва они наклеивались в общие тетради. Потом на смену тетрадям пришла система библиотечных каталожных карточек — Борькина мать работала в библиотеке.

К десятому классу Борис разработал уже стройную систему. Каждое сообщение сперва попадало в «чистилище», где вылеживалось и перепроверялось; если оно подтверждалось другими или хотя бы не опровергалось, — ему открывалась дорога в «рай», к дальнейшей систематизации. Если же оказывалось «уткой», вроде истории Розы Кулешовой, то оно не выбрасывалось, как сделал бы это другой на Борькином месте, а шло в отдельный ящик — «ад».

Чем дальше, тем больше времени отдавал Борька своему детищу и тем серьезнее к нему относился. Но было бы преувеличением сказать, что уже тогда в нем пробудились дерзкие замыслы. Нет, не было этого, если даже будущие биографы и станут утвер-

ждать обратное! Впрочем, еще вопрос, станут ли биографы заниматься персоной д. б. н. Б. В. Баржина. Особенно в свете последних событий.

Так или иначе, к поступлению Бориса на биофак ЛГУ коллекция была непричастна. Если уж кто-то и был повинен в этом, то только Рита Зайцева, за которой он пошел бы и значительно дальше. Ему же было более или менее все равно, куда поступать. Просто мать настаивала, чтобы он шел в институт. А на биофак в те годы был к тому же не слишком большой конкурс.

И только встреча со Стариком изменила все.

А было это уже на третьем курсе.

Старик в ту пору был доктором, как принято говорить в таких случаях, «автором целого ряда работ», что, заметим, вполне для доктора естественно, а также автором нескольких научно-фантастических повестей и рассказов, что уже гораздо менее естественно и снискало ему пылкую любовь студентов и младших научных сотрудников, в то время как коллеги относились к нему несколько скептически. Уже тогда все называли его Стариком, причем не только за глаза. Да он и в самом деле выглядел значительно старше своих сорока с небольшим лет, а Борису и его однокурсникам казался и вовсе... ну не то чтобы старой песочницей, но вроде того.

Старик подошел к Борису первым: от кого-то он узнал про коллекцию, и она заинтересовала его. На следующий вечер он нагрянул к Баржиным в гости.

— Знаете, Борис Вениаминович, — сказал он, уходя (это бы-

ло характерной чертой Старика: всех студентов он звал по имени и отчеству и никогда не называл иначе), — очень получается любопытно. Сдается мне, к этому разговору мы еще вернемся. А буде мне попадется что-нибудь в таком роде, обязательно сохраню для вас. Нет, ей-ей, золотая это жила, ваша хомофеноменология.

Он впервые ввел это слово. И так оно и осталось: «хомофеноменология». Несмотря на неудобопроизносимость. Из уважения к Старика? Вряд ли. Просто лучшего никто не предложил. Да и нужды особой в терминах Борис не видел.

А жизнь шла своим чередом. Борис кончил биофак, кончил, если и не с блеском, то все же очень неплохо, настолько, что его оставили в аспирантуре. А когда он наконец защитил кандидатскую и смог ставить перед своей фамилией кабалистическое «к. б. н.», Старик взял его к себе, потому что сам Старик был теперь директором Ленинградского филиала ВНИИПБ — Всесоюзного научно-исследовательского института перспективных проблем биологии, именовавшегося в просторечии «домом на Пряжке». Нет-нет, потому лишь, что здание, в котором помещался филиал, было действительно построено на набережной Пряжки, там, где еще совсем недавно стояли покосившиеся двух-трехэтажные домишки.

Старик дал Баржину лабораторию и сказал:

— Ну а теперь работайте, Борис Вениаминович. Но сначала подберите себе людей. Этому вас учить, кажется, не надо.

Люди у Баржина к тому време-

ни уже были. И работа была. Поэтому что началась она почти год назад.

В тот вечер они со Стариком сидели над баржинской коллекцией и рассуждали на тему о том, сколько же абсолютно неиспользуемых резервов хранит в себе человеческий организм, особенно мозг.

— Потрясающе, — сказал Старик. — Просто потрясающе! Ведь все эти люди абсолютно нормальны. Во всем, кроме своей феноменальной способности к чему-то одному. Это не патологические типы, нет. А что, если представить себе все эти возможности, сконцентрированными в одном человеке — этаким Большом Бухарце, а? Впечатляющая была бы картина... Попробуйте-ка построить такую модель, Борис Вениаминович.

3

Звонок.

Баржин задвинул ящики картошки, вышел из чулана, погасил свет. Звонок повторился. «Ишь не терпится кому-то», — подумал Баржин.

За дверью стоял Озол. Если ког-либо из своих Баржин и мог сейчас принять, то именно Озола. Или Муляра, но Муляр где-то в Крыму. Ведь оба они не были сегодня в лаборатории, они «внештатные».

— Привет! — сказал Озол. — Между прочим, шеф, это хамство.

— Что — это? — удивился Баржин. Он никак не мог привыкнуть к манерам Озола.

— Чистосердечное раскаяние облегчает вину, — мягко посоветовал Озол. Потом прислушал-

ся: — У вас, кажется, тихо? Ну, да в любом случае разговаривать на лестнице — не лучший способ. — Прошел в квартиру; не раздеваясь, заглянул в комнату. — Неужто я первый?

— Первый, — подтвердил Баржин. — И надеюсь, последний.

— Не надейтесь, — пообещал Озол и спросил: — Чем вы боретесь с ранним склерозом, Борис?

Тем временем он разделся, вытащил из портфеля бутылку вина, сунул ее в холодильник.

— Что вы затеяли, Вадим? — спросил Баржин.

— Отметить ваш день рождения.

Баржин крикнул.

— Нокаут, — констатировал Озол. — Вот они, ученые, герои, забывающие себя в труде!..

— Уел, — сказал Баржин. — Ох и уел же ты меня, Вадим Сергеевич! Ну и ладно, напьемся. «Камин затоплю, будем пить...»

— Цитатчик, — грустно сказал Озол. — Начетчик. Как там еще?

«Знает он или не знает? — размышлял Баржин. — Похоже, что нет. Но тогда почему не спрашивает, чем сегодня кончилось? Выходит, знает. Черт бы их всех побрал вместе с их чуткостью и тактичностью!»

— Кстати, шеф, заодно обмоем маленький гонорар, — скромно сказал Озол.

— Что?

— «Сага о саскаваче».

— Где?

— Есть такой новый журнал, «Камчатка». В Петропавловске. Случайно узнал, случайно послал, случайно напечатали... Бывает!

— Поздравляю!

— Ладно, — буркнул Озол. —

Поздравлять после будете. Потом. А пока накрывайте на стол. Ведь сейчас собираться начнут. Не у всех же склероз. А я займусь кофе. Что у вас там есть?

— Сами разберетесь, — сказал Баржин.

— Разберусь, естественно. — Озол скрылся в кухне, и вскоре оттуда раздался его страдальческий голос: — И когда я научу вас покупать кофе без цикория, Борис?

«Знает, — решил Борис. — Конечно, знает. Ну и пусть». Почему-то ему стало легче — самую малость, но легче.

4

Озол таки знал.

С самого утра у него все валилось из рук. Даже правка старых рукописей — работа удивительно интересная, которой он всегда вводил себя в норму, — и то не шла. Он пытался читать, валялся на диване, курил... С четырех начал дозваниваться в лабораторию — тщетно! И только около семи ему позвонил Гиго.

Итак, первая попытка оказалась неудачной. Плохо... Но и не трагедия.

— С шефом здорово неладно, — сказал Гиго. — Я, конечно, понимаю, что ему тяжелее всех нас, но... Он даже не попросался ни с кем. Я такого не помню.

Ну конечно, это же Баржин, «счастливчик Баржин», не знавший еще ни одного поражения...

— Ладно, — сказал Озол. — Это поправимо. Кстати, ты не забыл, что шеф нынче именинник?

— Но он никого не приглашал.

— Я приглашаю. — Озол повесил трубку.

Ему не нужно было напрягать воображение, чтобы ясно представить себе, как все это происходило: Озол хорошо знал и обстановку, и людей.

...Яновский увел Перегуда в физиологическую экспериментальную. Перегуд сел в кресло — большое, удобное, охватывающее со всех сторон кресло энцефалографа; под потолком начала мерно вспыхивать — три раза в секунду — лампочка; заунывно запел усыпляющий сигнал. Зойка с Лешкой и Борей-бис замерли в машинной, куда подавалась информация со всех наклепленных на Перегуда датчиков. У дверей наготове стоял Зимин — на случай экстренной медицинской помощи, хотя представить себе ситуацию, в которой такая помощь могла бы понадобиться, довольно трудно. Слишком проста вся схема эксперимента. Баржин заперся в своем кабинете. Гигиенической походкой горца прогуливался по коридору, где толкалась молодежь из обеих экспериментальных групп.

Время остановилось...

И теперь, трясаясь через весь город в старенькой «Волге» — ему всегда удивительно везло на такси, — Озол думал, что в неудаче этой есть определенная закономерность. Яновский... Впрочем, это последнее дело — махать кулаками после драки. Ведь когда Баржин привел Яновского в лабораторию и сказал, что «Михаил Сергеевич любезно согласился принять участие в наших опытах», — Озол был так же доволен, как и все остальные. Это сейчас легко говорить и думать, что уже тогда у него было какое-то предубеждение... Не было. «Задним умом все мы крепки. А тогда...»

Яновский был человеком в своем роде удивительным. С детства он обнаружил в себе способность к внушению и нередко ею пользовался — и в играх со сверстниками, и в школе на занятиях, а когда стал постарше — в отношениях с девочками. Потом поступил в медицинский институт, окончил его и стал врачом-психотерапевтом. По отзывам — врачом неплохим. Но в один прекрасный день он сменил белый халат на черный фрак и стал выступать на сцене — новый Вольф Мессинг или Куни. Успех он имел потрясающий, на его вечера народ валил толпами. Как Баржину удалось уговорить его принять участие в эксперименте, до сих пор неизвестно. И все же... Было в Яновском что-то излишнее, как бы это сказать... эффектное, что ли. Этакий новоявленный Свенгали. В кино бы ему — играть «Властелина мира». Но это опять же задним умом...

Сам Озол был вовлечен в орбиту хомофеноменологии примерно через год после того, как Старик дал Баржину лабораторию. Однажды Баржин наткнулся на научно-фантастический рассказ, в котором некий Озол писал о неиспользованных физических и психических возможностях человека. Идея как таковая была не нова и обыгрывалась в научной фантастике неоднократно. Но Озол нашел любопытное решение: стресс, но стресс «продолгованный», длительный и управляемый. Лонг-стресс. Баржин показал рассказ Позднякову.

— А что? — сказал Леша. — В этом есть нечто... Я и сам об этом думал. Прикинем?

— По-моему, стоит, — сказал

Баржин. — Так что ты прикинь, а мы поищем этого парня.

Найти Озола оказалось несложно. Хотя он не был членом Союза писателей, но состоял в какой-то секции, и адрес Баржину дали сразу же. С такими людьми Баржину еще не приходилось встречаться. Было Озолу от силы лет тридцать; он был лохмат, бородат и усат — истинно поэтическая внешность. Резкий, угловатый, иногда он был совершенно невыносим. И в то же время Баржин готов был голову дать на отсечение, что Озол талантлив.

Озол обладал буйной фантазией. Сам он объяснял это очень просто:

— У всех вас на глазах шоры образования, специализации. А вот я человек простой, необразованный, — Озол всегда бравировал своей десятилеткой, любил прикидываться таким «мужичком из глубинки», — я могу девять раз попасть пальцем в небо, зато уж десятый... Потому что меня не ограничивает знание всех законов. Помните старый анекдот про Эйнштейна: «Десять тысяч мудрецов знают, что этого сделать нельзя, потом появляется дурак, который этого не знает, и он-то делает великое открытие»? Вот таким дураком и надо быть! Я дилетант. В лучшем, но, увы, утерянном значении этого слова. Ведь что такое дилетант в исконном смысле? Противоположность специалисту. Специалист знает все в своей области и чуть-чуть в остальных. Дилетант же, не имея специальных познаний ни в одной области, имеет представление обо всех...

Озол загорелся идеей. И, подстрекаемый хомофеноменологами,

написал рассказ. Рассказ о человеке, в котором сошлись все известные ныне уникальные способности: человеке, считающем как Шакунтала Дэви и Уильям Клайн; читающем по 80 тысяч слов в минуту, как Мария-Тереза Калдерон; не нуждающемся в сне, как Иштван Кайош; помнящем все, как Ване Лойдзе; человеке, чьи способности неисчислимы и неисчерпаемы, для которого телепатия, телекинез, левитация — обыденность, а не утопия.

И если для читателей рассказ был просто еще одним фантастическим опусом, то для всей баржинской лаборатории он стал программой. Это была их мечта, их план, овеществленный фантазией и талантом Озола. И номер журнала лежал у каждого из них — у кого в столе, у кого дома...

5

Следующим заявился, как и следовало ожидать, Лешка, баржинский школьный приятель, руководитель теоретической группы лаборатории и вообще... Что скрывалось за этим «вообще», Баржин и сам не знал. Но без Позднякова лаборатория была бы совсем не той...

Лешка молча поставил на стол бутылку коньяку, ткнул в вазу букет гвоздик, потом подошел к Баржину, встряхнул за плечи:

— Ну, шеф, торжественные дары будут в следующий раз. Пока же нам не сорок, а лишь тридцать девять, с чем и имею честь поздравить! И знаешь, давай сегодня ни о чем не думать! Будем пить, танцевать и рассказывать анекдоты. Договорились?

— Ага, — сказал Баржин, пре-

красно зная, что ни он, ни Лешка при всем желании не смогут «ни о чем не думать». — Договорились. И давай-ка, брат, помоги мне накрыть на стол, не то Озол ругаться будет.

— Буду, — подтвердил Озол из кухни, откуда уже доносились совершенно неправдоподобные ароматы. — Еще как буду! Так что, если хочешь спасти шефа, Лешенька, — принимай командование на себя. Он у нас сегодня в расстроенных чувствах, он у нас сегодня недееспособный...

— Язва ты, — фыркнул Лешка. — Фан-та-сти-чес-кая.

— Кофе не дам, — парировал Озол. — А что твой коньяк без кофе?

— Мы уже идем! — взмолился Поздняков. — И в самом деле пойдем, а то он такой, он все может...

Что бы Лешка ни делал, все получалось у него изумительно изящно. И сейчас, глядя, как он сервирует стол, Баржин снова — в который раз! — не мог удержаться от легкой, «белой» зависти.

Будучи внуком — точнее, внучатым племянником — известного композитора, Лешка обладал абсолютным слухом и неплохим баритоном, — на радость всей семье, прочившей ему великое будущее. Но он пошел в медицинский, а окончив — уехал в Калининград, где стал судовым врачом на БМРТ. Был он врачом, как говорили в старину, «божьей милостью» — блестящим хирургом и вообще универсалом. А если учесть, что к тому же он был человеком обаятельным, умел вызывать «улыбки дам огнем неждан-

ных эпиграмм», знал анекдоты чуть не «от Ромула до наших дней», любил и умел танцевать, как былинный Поток-богатырь, играл на рояле, — если учесть все это, то неудивительно, что всегда и везде он становился душой общества.

Когда-то они с Баржиным учились в одном классе. И встретились снова десять лет спустя, когда Лешка приехал в Ленинград поступать в ЛИТМО — Ленинградский институт точной механики и оптики — на факультет медицинской кибернетики.

— Понимаешь, Боря, — сказал он тогда Баржину, — как хирург я не смогу сделать шага вперед без медкибернетики. Тяжко без нее. Специалистов мало, у меня же есть некоторые преимущества, я ведь практик.

Баржин сразу же решил, что Лешка будет в лаборатории. Будет, чего бы это Баржину ни стоило. А своего он умел добиваться. И не ошибся. Во всяком случае, большая часть теоретических разработок лонг-стресса — бесспорная заслуга Позднякова.

6

Они уже почти покончили с сервировкой, когда пришел Гиго Чехашвили, а вслед за ним Зойка. Когда раздался еще один звонок, Баржин не выдержал и сказал, глядя прямо в невинные глаза Перегуда:

— Шли бы уж вы все сразу, что ли! Все равно ведь ненатурально получается, несмотря на всю вашу чуткость...

Перегуд ухмыльнулся и, обернувшись, крикнул в лестничный пролет:

— А ну давай сюда, ребята! Шеф приглашает!

Баржин не выдержал и расхотелся — до слез, чуть ли не до истерики, — впервые за этот вечер.

А через полчаса квартиру было не узнать: Лешка с Озолом сделали из стола что-то фантастическое; Зойка с Зиминным — и когда они только успели? — умудрились натянуть через всю комнату нитки и подвесили на них всякую ерунду: серпантин, какие-то бумажки с лозунгами и картинки; над письменным столом был приколот лист ватмана, на котором Перегуд изобразил в рисунках жизнь и творчество Б. В. Баржина от рождения до сегодняшнего вечера; на столе кучей были свалены подарки.

— По местам! — рявкнул вдруг командирским басом Озол. — Равнение на именинника!

Перестроение было произведено в рекордные сроки, а зазевавшегося Баржина под руки водворили на положенное ему место.

— Тост! — потребовал Озол.

Чехашвили монументально простер длань.

— Я буду краток, — сказал он. — Не по-грузински краток. На моей родине за такой тост из меня сделали бы шашлык. Но я не следую традициям, ибо помню, что краткость — сестра гениальности. Итак...

— Короче! — перебил Озол.

— Я краток, но не кроток. Не прерывайте меня, или во мне проснутся кровожадные инстинкты, коими не хотелось бы омрачать сегодняшний юбилей. Итак, в честь нашего шефа я предлагаю произвести салют в один залп, и

пусть энтузиазм наш скажет ему невысказанное словами!

«И пробки в потолок, вина кометы брызнул ток», — пронеслось у Баржина в голове.

— Ой, — тихо взвизгнула Зойка, — ой, братцы, плафон!

Но плафон уцелел — это был хороший, небьющийся пластик — и лишь медленно покачивался под потолком.

7

Баржин обвел всех взглядом. Вот сидят они за столом — такие разные, несхожие, со своими судьбами, характерами, взглядами.

Лешка. Кандидат медицинских наук Алексей Павлович Поздняков.

Озол.

Гиго Чехашвили, «зам. по тылу», человек, без которого работа лаборатории кажется невысказанной. Баржин встретил его в Гипромеде, когда передавал им заказ на разработку портативной модели искусственной почки. А через пару месяцев Чехашвили уже работал во ВНИИППБ. Чехашвили хорошо знал, что как научному работнику ему цена невелика: он был исполнителем, но не было в нем какой-то живинки, «искры научной», что ли. Зато это был прирожденный первоклассный администратор. И с ним Баржин всегда был спокоен. Он перевалил на Гиго все свои чисто административные заботы, которых у заведующего лабораторией хоть отбавляй. Нужно что-то раздобыть — Чехашвили, узнать — Чехашвили, договориться с кем-то — опять Чехашвили; если бы Баржин сказал ему: «Гиго, к утру мне нужна одноместная «машина време-

ни», — утром, придя на работу, он наверняка увидел бы у себя в кабинете похожий на велосипед аппарат, поблескивающий хромом и слоновой костью.

Баржинскому заместителю нужна была ученая степень: в отделе кадров Баржину не раз говорили об этом. Но Гиго и слышать не хотел о диссертации.

— Я думаю, Борис Вениаминович, диссертация — это то новое, что ты хочешь и должен сказать. А я — вы сами знаете — ничего особенного нового сказать не могу. Так зачем же увеличивать количество никому не нужных переплетов?..

Но диссертация эта была нужна всей лаборатории хомофеномонологии. И Чехашвили заставили ее написать: и Баржин, и Поздняков вечерами просиживали вместе с Гиго, готовя ее. Наконец он защитился.

— Это был самый гнусный день в моей жизни, — сказал он тогда Баржину.

— Но вашу диссертацию, Гиго, никак не назовешь ненужной!

— Нет. Но разве ее можно называть моей?

И в этом был весь Гиго.

Зойка. Вообще-то она, конечно, Зоя Федоровна. Зоя Федоровна Пшебышевская. Но на памяти Баржина ее так называли только дважды, и то оба раза в приказах по институту.

Ее выудил Лешка. Зойке было всего лет двадцать пять, она кончила 157-ю экспериментальную школу, выпускающую программистов. Поступила в ЛИТМО, где и познакомилась с Поздняковым. А сама преподавала программирование в той же школе. Но потом выяснилось, что для получе-

ния диплома нужно работать точно по специальности. И тогда, воспользовавшись случаем, Лешка притащил ее к Баржину.

— Нужен нам программист? — спросил он.

— Нужен, — сказал Баржин. — Гиго только что вышиб где-то последнюю модель «Раздана» и сейчас доругивается с бухгалтером.

— Вот тебе программист, Боря, — сказал Лешка, подталкивая вперед Зою. — А ты, чадо, не смотри, что я с ним этак фамильярно. Потому как он — начальство. Зовут его Борис Вениаминович, и он совсем не страшный. Уловила?

— Уловила, — сказала Зойка своим опереточным голоском. — А где этот ваш «Раздан», Борис Вениаминович? Можно мне к нему, а?

Баржин никогда не жалел, что взял ее. О таком программисте можно было только мечтать.

Ивин Борис Ильич, в просторечии Боря-бис. Инженер-экспериментатор по призванию, он обладал удивительным талантом чувствовать схему. Рассчитывал он потом. Сперва он сидел, разглядывая ее со всех сторон, щупал своими короткими, толстыми пальцами с обгрызенными ногтями, потом говорил: «Вот здесь, во втором каскаде, что-то не то. Посмотрим». И не было случая, чтобы он ошибся. Бывало и похлестче. Борис подходил к вполне исправно работающему энцефалографу, например, и говорил, задумчиво глядя на него: «А ведь полетит сейчас дешифратор, как пить дать!» И — летел. Что это было? Сверхчутье? Бог весть... Зойка смотрела на него большы-

ми глазами и регулярно затаскивала к себе на машину — для профилактики.

С Ивиным тоже было немало хлопот в свое время, когда Баржин решил перетащить его к себе. Дело в том, что Боря-бис угораздило из-за какой-то романтической истории уйти с пятого курса института, да так и не вернуться туда. И Баржину пришлось ходить к Старiku и доказывать, что пройти мимо такого человека «больше чем преступление — это ошибка», как говорил господин де Талейран. И Старик сам объяснялся с начальником отдела кадров... В конце концов Боря-бис оформили младшим научным сотрудником, хотя это было отнюдь не много для таких золотых рук. Практически же он руководил второй экспериментальной группой.

Наконец, Перегуд. Он пришел в лабораторию одним из последних, потому что он — испытатель. Первый в истории лонг-стрессмен.

Еще мальчишкой Герман увлекся парящим полетом. Это был новый, модный в ту пору вид спорта: большой трамплин, вроде лыжного, по которому скользит по рельсам тележка — слайд, выбрасывающая в воздух человека с крыльями, чем-то напоминающими первые планеры Лилиенталя. Крылья раскрываются в момент, когда человек в свободном полете достигает наивысшей точки. А потом начинается парение... Оцениваются и длительность, и дальность, и изящество полета.

Герман довольно быстро стал сперва разрядником, потом мастером, наконец — чемпионом Союза. Кончив школу, Герман поступил в Институт физической культуры имени Лесгафта. Окон-

чил, был оставлен в аспирантуре и в порядке культурного обмена послан в Индию, в МадраССкую школу хатха-йоги. Вернувшись, начал преподавать в институте, а попутно вел факультатив по хатха-йоге. Кроме того, он читал популярные лекции, на одной из которых и познакомился с Баржиным. Точнее, Баржин подошел к нему и предложил поговорить. Герман согласился, и Баржин рассказал ему всю историю своей идеи, историю хомофеноменологии и их лаборатории.

Вот сидят они за столом — такие разные, несхожие, со своими судьбами, характерами, взглядами.

Что же объединяет их?

Хомофеноменология.

8

Человек и идея — это система с обратной связью. Идеи порождаются людьми, но, в свою очередь, влияют на людские судьбы, зачастую формируя не только отдельных людей, но и целые поколения.

Хомофеноменология родилась из коллекции Борьки Баржина, но еще долго переживала своеобразный инкубационный период — до тех пор, пока однажды Старик не сказал:

— А что, если представить себе все эти возможности сконцентрированными в одном человеке, этаким Большом Бухарце, а?

Тогда она стала бурно расти, вовлекая в сферу своего влияния все новых людей, порождая субидеи, расти, пока не закончилась провалившимся экспериментом, — как железнодорожная ветка заканчивается тупиком, конструкцией из пяти шпал, выкрашенных

черно-белой полосой и укрепленными песчаной обваловкой.

Но когда она начиналась, Баржин не думал, что такое может произойти. Ведь все шло так гладко, так замечательно гладко...

Они начали с классификации.

Выяснилось, что все подтвержденные феномены можно разделить на две основные группы: способности гипертрофированные, развитые за счет притупления остальных, как, например, осязание у слепых; и способности, развитые самостоятельно, без ущерба другим. В первую очередь Баржина интересовали именно эти, вторые способности, хомофеномены.

Но все случаи были спонтанны, непредсказуемы и неуправляемы. В этом и была, в сущности, вся проблема.

Первая модель, Бухарец-1, была просто суммой всех известных феноменов второго рода. Их набралось свыше сотни: чтение со скоростью сотен тысяч знаков в минуту; отсутствие потребности в сне; наследственная, генетическая память; способность к мгновенному практически устному счету... Этот ряд можно было бы продолжить до бесконечности. Бухарец-1 оказался настолько непохожим на нормального человека, что не только Баржину, даже Старика стало не по себе.

Бухарец-2 отличался от первого усложнением внутренней структуры. Для удобства была принята такая модель: предположим, что мозг человека, как известно, задействованный лишь на три-пять процентов, состоит как бы из двух зон — рабочей, включающей в себя эти пресловутые три-пять

процентов, и резервной, причем рабочая окружена неким барражем. Не будем вдаваться в генезис этого барража, для хомофеноменов он был условностью, как условна модель атома Бора. Главное в другом: в этом случае все хомофеномены можно представить узкими локальными прорывами барража, лучевым выходом интеллекта из рабочей зоны в резервную.

Но опять-таки: как сделать этот выход управляемым?

Вот тут-то пригодилась так удачно брошенная Озолом идея лонг-стресса.

Стресс — точнее, одна из его разновидностей, активная или норадреналиновая, при которой надпочечники вырабатывают и выбрасывают в организм норадреналин, — это как бы форсаж биологической системы. В состоянии стресса организм действует на пределе своих возможностей (по Бухарцу-2 — возможностей рабочей зоны). Однако стрессу сопутствует резкое ускорение темпов белкового обмена, увеличение количества потребляемой энергии и вырабатываемых шлаков. Поэтому стресс кратковремен, а за ним следует тяжелая реакция.

Обычная белая мышь вдруг набрасывается на кошку с такой яростью, что опешивший «микротигр», теряя клочья шерсти, обращается в бегство. Это — стресс. Человек поднимает двухтонную балку, придавившую его напарника, и держит на весу, пока пострадавшего оттаскивают в сторону. И это — стресс. Разведчик за считанные минуты перелистывает сотни страниц, испещренных сложнейшими расчетами, а потом воспроизводит их с точностью до запя-

той. Это не только тренированная память, это — стресс.

Как же его пролонгировать?

На решение этой задачи ушло несколько лет, а могло бы во много раз больше, не догадываясь они привлечь к работе Институт экспериментальной физиологии и Гипромед. Найденное в итоге решение было если и не идеальным, то, по крайней мере, приемлемым. Оно представляло собой систему из трех рецепторов (на артерии, вене и ретикулярной формации, этом распределительном щите мозга), передававших показания на сумматор. Последний управлял деятельностью дополнительной почки, которая перерабатывала и утилизировала избыток белковых шлаков, и работой двух эффекторов, один из которых через артерию вводил в организм АТФ, а другой регулировал, воздействуя на гипофиз, гормональный баланс. Эта система позволяла безо всяких последствий удерживать организм в состоянии стресса сколь угодно долгое время.

Первые опыты на крысах дали обнадеживающие результаты. Физическая сила и выносливость повысились многократно. Интересно было и поведение крыс в лабиринтах: при первой попытке результаты лонг-стрессированных животных были почти такими же, как и у контрольных. Но при последующих лонг-стрессированные не ошибались ни разу. Закреплялись рефлексy мгновенно.

На собаках результаты получились еще ярче. Причем наряду с фактами тут начали твориться легенды. Так Зимин, например, утверждал, что бывали случаи, когда чудо-псы, как их называли в лаборатории, исполняли команду рань-

ше, чем он успевал произнести ее вслух. Чуть-чуть, на долю секунды, быть может, но раньше. Впрочем, в протоколы экспериментов Зимин этого не занес. Да оно и понятно. Забегая вперед, стоит добавить только, что легенды эти получили впоследствии хождение и среди проводников лонг-стрессированных служебных собак...

Когда опыты были проведены более чем на двух десятках дворняг, Чехашвили провел одну из самых удачных своих операций. Никому не сказавшись, он договорился с Клубом служебного собаководства ДОСААФ и получил от них четырех овчарок, которых в лаборатории и ввели в лонг-стресс. А потом одну из них передали для испытания геологам, другую — в Таллингаз, третью — в милицию, четвертую — на погранзаставу. Собаки прошли испытания блестяще; сотрудники Таллингаза даже написали восторженную статью, опубликованную в «Молодежи Эстонии». Наиболее же действенным оказалось восхищение пограничников: через несколько месяцев Старика и Баржина вызвали к большому начальству, каковое сообщило им, что тема эта, лонг-стресс, представляется весьма многопланово перспективной и заслуживающей самой детальной разработки. Ассигнования по ней увеличиваются более чем вдвое, а все субподряды и прочие сторонние заказы получают «зеленую улицу».

И вот, наконец, появился первый лонг-стрессмен — человек, на себе испытывший лонг-стресс. Это было победой. Многократное увеличение как физических, так и интеллектуальных возможностей человека, еще один участок, от-

воеванный разумом у косной материи! И уже через год в космосе оказался экипаж, состоявший из четырех человек, двое из которых были лонг-стрессменами, а двое — контрольными.

Но в баржинской лаборатории знали: это только шаг. Не больше. Главное — впереди. Ведь это только полное овладение тремя процентами потенциальных возможностей мозга, рабочей зоной. А остальные девяносто семь процентов? И к тому же все время таскать на себе эту самую третью почку, хоть она и весьма портативна, беспокоиться о запасе энергии и АТФ... Нет, это паллиативное, временное решение.

И тогда был предложен новый вариант.

Автором этой идеи был Лешка. Она поражала простотой: взять лонг-стрессмена и с помощью гипноза попробовать пробить пресловутый барраж. Ведь были же опыты Райновского, который внушал людям, что они Лобачевские и Репины, и те, до саянса считавшиеся абсолютно бездарными в математике и живописи, начинали в самом деле писать, не как Репин, может быть, но как хорошие копиисты, начинали представлять себе неевклидову геометрию... А что, если пойти по пути Райновского?

Эксперимент был задуман очень изящно.

И столь же изящно провалился. Яновский провел сеанс. И — ничего.

Просто ничего. Тупик. Сооружение из пяти шпал, раскрашенных в черно-белую полоску, укрепленные песчаной обваловкой.

Конечно, остается лонг-стресс. Он уже принес немало: объектив-

но, явившись (не надо, в конце концов, бояться громких слов!) серьезным вкладом в науку, уже сейчас, только родившись, принес пользу людям; и субъективно — тоже, и в смысле морального удовлетворения, и в смысле сугубо материальном даже. И разрабатывать, улучшать, доводить его можно до бесконечности.

Но хомофеноменология? Что будет с ней? Ведь лонг-стресс не приблизил решения ни на шаг...

9

К полуночи в баржинской квартире царил настоящий шаш. В спальне Гиго отплясывал с Зойкой нечто лихое. Озол с пеной у рта спорил о чем-то с Германом; судя по доносящимся обрывкам фраз — об йогe, которая была большим местом Озола и фигурировала чуть ли не во всех его рассказах. Лешка, Зимин и Боря-бис тоже спорили, но тихо, вполголоса, рисуя что-то на салфетке, — это Лешка собирался «ни о чем не думать»!

Баржин распахнул окно: в комнате было накурено. С улицы хлынул поток сырого и холодного воздуха. Баржин с наслаждением вдохнул его. «Устал, — подумал он. — Устал. И хочу спать». Он собрался было выйти в кухню, погасить свет и посидеть там в одиночестве, когда раздался звонок.

Странно... Больше Баржин никого не ждал.

На пороге стоял Старик. А рядом незнакомый пожилой человек, чем-то его напоминающий, — такой же высокий и тощий, с узким лицом и тяжелым подбородком.

— Принимаете гостей, Борис

Вениаминович? — спросил Старик.

Баржин отступил, жестом приглашая их войти.

— А это мой подарок к вашему юбилею, — сказал Старик. — Феликс Максимилианович Райновский, прошу любить и жаловать. Только что прилетел из Москвы, потому мы с ним и задержались несколько.

Райновский!

Баржин взглянул на Старика. Но тот был абсолютно серьезен. Только где-то в углах глаз... Хотя нет, это были просто морщинки.

— Очень рад. — Баржин пожал руку Райновскому и распахнул дверь в комнату. — Прошу!

При виде Старика все вскочили.

Из спальни высунулись Зойка и Гиго. Увидев Райновского, Гиго прямо-таки ошалел.

— Феликс Максимилианович! Вырвались-таки?

— Кто устоит перед натиском Чехашвили? — сказал Старик.

— Штрафную им! — потребовал Озол.

— Можно, — согласился Райновский. — Сыро как-то у вас в Ленинграде. Так что с удовольствием...

— Это что за фокусы? — шепотом спросил Баржин у Гиго.

— Я не был уверен, что получится, вот и молчал.

Не прошло и часа, а Баржину стало казаться, что Райновский работает с ними с самого начала, настолько легко и естественно вошел он в их «братию». Это было приятно и самому Баржину, и — он ясно видел это — всем остальным.

Озол притащил поднос, устав-

ленный чашками с дымящимся кофе, а Старiku, не признававшему «этого поветрия», кирпично заваренный чай.

— Ну-с, — сказал Райновский, принимая протянутую ему Зойкой чашку, — а теперь два слова о деле. Только два слова, потому что всерьез мы будем говорить завтра, ибо утро, как известно, вечера мудренее. В общих чертах я о вашей работе знаю. Я имею в виду не лонг-стресс. Я имею в виду хомофеноменологию. Знаю из вашего, Гиго Бесарионович, письма и из неоднократных разговоров со старым моим приятелем Иваном Михайловичем, — Райновский сделал легкий поклон в сторону Старика. — И сдается мне, что вы не только на правильном пути, но и, как любят выражаться борзописцы, вышли на финишную прямую. И сегодняшняя ваша неудача, по-моему, вытекает не из неправильности общих предпосылок, а из погрешностей эксперимента.

— Яновский напортачил, да? — спросил Озол.

— Адька! — рыкнул на него Поздняков. — Вы хотите сказать, Феликс Максимилианович, что система внушения...

— Я очень ценю коллегу Яновского, — сказал Райновский. — И должен признаться, что он организовал все очень хорошо. Вот только что внушать? Это, боюсь, вы с ним не продумали. Что же до технической стороны, повторяю, она была организована на совесть. Я бы, правда, несмотря на высокую степень гипнабельности Германа Константиновича, подкрепил внушение химиотерапией. — Лешка не удержался от улыбки: в свое время он предла-

гал это. — Торидазин, а еще лучше — мелларил. Можете вы его достать?

— Достанем, — прогудел Гиго. — Достанем, Феликс Максимович!

— Прекрасно. Что же до внушения, то его, я думаю, будем строить по следующей схеме...

Озол, слушавший весь этот разговор, сидя на краешке письменного стола, внезапно отключился от окружающего. С ним такое бывало, он называл это «абстрагироваться». Он почувствовал пока еще смутные, размытые, как на недопроявленной фотографии, контуры рассказа, который, возможно, даже не будет фантастическим. Впрочем, нет — будет, конечно, потому что Озол всегда должен

был заглядывать на дюжину шагов вперед...

А Баржин улыбался. Он слушал Райновского и чувствовал, как исчезает куда-то, тает в прокуренном, но, вопреки медицине, таком живительном воздухе комнаты его тоскливая неприкаянность.

Потому что никакого тупика нет. Есть только маленький полустанок в ночи. Поезд стоит здесь совсем недолго, можно только выскочить на платформу, походить, разминая ноги, по хрусткому снегу, искрящемуся в холодном свете ртутных ламп, выкурить сигарету — и снова в путь, дальше, дальше, потому что полустанок — это лишь короткая остановка и немного грусти, оставшейся там, позади...

БОРИС РОМАНОВСКИЙ

Две руки

— Поверьте мне, этот ребенок не должен появляться на свет, — сказал доктор, протирая старомодные очки и глядя близорукими глазами в полированную поверхность стола, — не должен. Повторяю вам. Он родится без обеих рук. Минимум без кистей рук. Анализы генов показали это вполне определенно. — Доктор был человеком добрым и очень мучился сам, вынося приговор.

— Но почему? — спросил Аристотель Ямамото. — Почему?

— Каждый человек, — устало сказал доктор, надев очки и подняв наконец глаза, — располагает парным механизмом для выработки любого и каждого наследственного признака: один набор генетических инструкций — от наших отцов, другой — от наших матерей. Например, цвет наших глаз. Если встречаются два гена, запрограммированных на голубой цвет — глаза будут голубые. Но если один из наборов будет запрограммирован на карий, глаза будут карие. Карий цвет является доминирующим.

— Да, но...

Доктор остановил его движением руки.

— Вы и ваша уважаемая супруга являетесь уроженцами Нагасаки, — сказал он, — на формирование генов ваших почтенных родителей оказывали влияние и атомная бомба, и последующие испытания таких бомб на атоллах Тихого океана, и зараженная нераспавшимися остатками ядерных веществ земля нашего города. Сумасшествие того безумного мира сказывается теперь на вас и ваших детях. И все-таки, если бы вы попали ко мне раньше, я мог бы еще что-то сделать. Врачи-ге-

нетики могут сейчас чинить гены или подбирать здоровые пары. Но вы пришли ко мне слишком поздно. Слишком поздно!.. Вот почему!

Аристотель кивнул.

— Я вас очень прошу, Ямамото, сообщите своей жене это сами. Если я часто буду говорить матерям такие вещи, я потеряю профессиональную доброту к людям и ожесточусь. И ближайшая квалификационная комиссия запретит мне работать врачом «ввиду черствости характера...» — он грустно усмехнулся. — Передайте О-Мару-сан, что следующий ребенок будет вполне здоровым. Я обещаю ей это.

Аристотель опять кивнул, стоял, потом поклонился и молча вышел в дверь.

Их подвел старый доктор, их лечащий врач. Он пять лет изучал их психику, их тела и их гены. Должен был изучать. Это был старый и очень мягкий человек. Мягкий до потери принципиальности. Когда они в третий раз пришли к нему с вопросом, могут ли они иметь ребенка, он посмотрел их медицинские перфоленты и сказал: «Ничего не вижу страшного. Можете». Сказать человеку то, что он хочет от тебя слышать, всегда проще. Легче сказать «да», чем «нет». Так они и получили долгожданное разрешение. И они были счастливы.

А вот теперь новый доктор сказал «нет». Ямамото нес это «нет» как тяжелую ношу, от которой болят плечи и сбивается дыхание.

У моря, как и у кофе, сильнее всего пахнет пена. Сегодня слегка штормило, и аромат моря совершенно заглушал запахи разгоря-

ченного порта. Ямамото шел по набережной, вдыхая влажный свежий воздух, и никак не мог сосредоточиться на том, что сказал ему доктор. Он думал о море, почему-то о ракушках, о кораблях. Вспомнил, как жители, протестовавшие против шума портовых машин, просили муниципалитет сохранить корабельные гудки. Однако несмотря на то, что голова его была занята мыслями, тело шло уверенно. Как будто сам он был пассажиром своих собственных ног. Они шли помимо его воли, которой у него сейчас не было, к пляжу. К «дикому пляжу». О-Мару в это время всегда купалась. И обычно он там и находил ее. Или в воде, или она просто ждала его.

Здесь, на «диком пляже», они впервые увидели друг друга. И познакомились. И с тех пор никогда не изменяли этому месту.

Когда Ямамото пришел на пляж, О-Мару еще купалась. Небольшая волна накатывалась на берег и, отступая, шуршала камешками. Увидев мужа, О-Мару помахала ему рукой и пошла к берегу.

Вообще нет, наверное, ничего более грациозного, чем выход из беспокойного моря молодой женщины. Особенно, когда у нее под ногами не песок, а скользкие голыши и гравий. Тонкая фигурка женщины, не уступая волне, изящно изгибается и колеблется, руки совершают мягкие пластичные движения, помогая телу сохранить равновесие. Ямамото на короткое время даже забыл о своих горестях, любясь этим поистине удивительным действием. Жена шла улыбаясь; она всегда улыбалась, видя его на знакомом месте.

Море. Они и поженились-то не

как все люди. Они поженились в шторм, на корабле, в открытом море. У них не было никаких документов, справок. Даже простенькой медицинской справки. Им выдали свидетельство о браке — маленький шедевр, исполненный в акварели и заверенный личной печатью капитана. Вся команда корабля и все пассажиры пили за их здоровье. И капитан разбил о палубу хрустальный бокал. Даже море ревело в их честь. Они получили тогда тысячу подарков. И все были счастливы: и они, и капитан, и экипаж, и пассажиры.

Аристотель при этом воспомина-нии глубоко вздохнул и придал лицу спокойное, почти беззаботное выражение. Она еще ничего не знала и шла радостная и возбужденная купанием. Она еще играла с волной, ничего не подозревая. Сев рядом с мужем прямо на горячие камни, она провела руками по купальнику, отжимая воду. По-серьезнев, спросила:

— Что сказал доктор, Ари?

Он молчал, не зная, с чего начать. Глаза у нее стали жесткими и совсем черными. Пропали даже коричневые пятнышки на зрачках. Она с беспокойством повторила:

— Что сказал доктор, Аристотель?

Растерянный, остро жалея ее и себя, он неожиданно сказал. И это тоже произошло помню него.

— Доктор сказал, что ребенок не должен родиться!

Оживление, еще оставшееся на ее лице, как будто унесло острым ветром, дувшим с моря. Она спросила:

— Почему?

— Потому что ребенок может родиться без рук.

— Почему? — упрямо повторила она.

— Потому что генетический код наследственности разрушен радиацией. Это все из-за атомных войн и испытаний, — извиняющимся тоном объяснил он.

Она заплакала. Неожиданно. Не дослушав фразу. Она плакала, нагнув голову к голым коленям, и на ее шее, у самого плеча, вздрагивала какая-то мышца.

Он стал гладить ее по плечу. Она обхватила рукой его кисть. Погладила.

— А ты что думаешь?

— Может, пусть он родится? — неуверенно сказал Ямамото.

— Без рук?

— Делают же протезы! — Он был совершенно подавлен. Сейчас все обрушилось на него.

— Протезы у детей временные, — возразила О-Мару, продолжая безотчетно гладить его руку, — они хрупкие, ломаются. Ребенок не может достаточно надежно ими владеть. Боже мой, — она опять заплакала, — никогда ни одна женщина не сможет погладить его по руке... У него будут кибернетические механизмы вместо рук. Совершенно одинаковые, выпущенные на конвейере аппараты...

— Когда он вырастет, ему поставят биопротезы, — попытался возразить он, — и он сможет ими работать не хуже других людей.

— Я не хочу! — закричала она. — У людей живые руки разные... Твоя правая — сильнее и больше, — с нежностью сказала она, — а на левой на пальцах выросло несколько волосинок.

Она встала.

— Я пойду пройдуся. Не ходи за мной, милый!

— Я не могу оставить тебя одну! — заволновался Ямамото.

— Не беспокойся, ничего со мной не случится. Я ничего не собираюсь с собой делать. Мне только хочется побыть одной. Подумать. Ты не сердись на меня!

— Хорошо.

О-Мару встала, накинула на еще мокрый купальный костюм ха-

лат и пошла вдоль моря, осторожно ступая голыми ногами по дороге.

Ямамото долго следил за ее фигуркой в синем халатике-кимоно. А когда она скрылась за деревьями, задумчиво посмотрел на свои руки.

— Как она заметила, что мои протезы прижились по-разному? — прошептал он.

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Место в памяти

— **Вы** директор Мемориала?

Я поднял голову и увидел человека, который был так стар, что казался плоским. Немнущийся костюм обвис на нем складками и, когда старик двигался, перемещался как-то вслед за телом, словно раздумывая, не заявить ли о своей полной самостоятельности.

— К вашим услугам! Пожалуйста, вот кресло. — Я придвинул кресло, куда он опустился, согнувшись под прямым углом.

Минуты две старик молча меня разглядывал. Глаза у него были маленькие, под редкими седыми бровями, такого невыразительного мышинного цвета, что мной овладели дурные предчувствия.

— Значит, я разговариваю с директором, — сказал он утвердительно. — Должен обратить ваше внимание на то, что в подведомственном вам учреждении происходят форменные безобразия.

Он сделал паузу, будто ожидая чего-то, какой-то обязательной с моей стороны реакции. Но я слушал как ни в чем не бывало.

— Так вот, — голос его стал скрипучим. — Ваш Мемориальный центр обратился ко мне, как положено, с просьбой продиктовать свои воспоминания. Я отнесся к задаче со всей ответственностью, так как понимаю то воспитательное значение, которое имеет опыт старшего поколения, ценность тех жизненных наблюдений и выводов, которые мы накопили.

Уже на пятой минуте его монолога в стуле подо мной объявились твердости, которых я раньше не замечал. Вообще захотелось перевести взгляд куда-нибудь за окно, где реяли птицы.

— ...Значение Мемориального центра заключается в том, что он

является преемником опыта, который... Каждый человек имеет право, которым нельзя пренебрегать без ущерба для общества, а потому сотрудники Мемориала и управляемые ими машины должны и обязаны относиться со всей ответственностью...

Я покорно кивал. Поправлять его явно не имело смысла. Мемориальный центр действительно великое достижение кибернетики, но отнюдь не «полное собрание мемуаров» всех и каждого («мемуаров», как выразился один такой же вот посетитель). Да, любой человек вне зависимости от возраста, подключившись к нашему каналу, может рассказать свою жизнь со всеми ее мельчайшими, близкими сердцу подробностями (тайну авторства гарантирует закон). К старикам мы обращаемся особо, просим, убеждаем их, если они сами не беспокоят наши машины. Миллионы судеб, миллионы неповторимых поступков, движений души и мысли, все личное, что исчезало со смертью, теперь собирается, хранится, живет вечно, и богатству этому нет цены. Неважно, что в воспоминаниях истина порой подменяется вымыслом или приукрашивается воображением; существенно и то, что было, и то, что придумано, — ведь это тоже жизнь! Надо лишь не путать одно с другим, для того и существуют особые фильтры-системы, чтобы сортировать и оценивать. Вот тебе, социолог, педагог, историк, психолог, миллионы безымянных доверительных записей, что подумал и почувствовал человек, как он поступил в той или иной ситуации, — черпай, осмысливай, выводи закономерность. Теперешний прогресс этих

наук был бы невозможен без нашего Центра. И расцвет литературы, кстати, тоже. Со сколькими людьми мог встретиться писатель прошлого, сколько сокровенного улавливал его глаз? Теперь ему открыта душа тех, кого нет более, слова, которые говорят однажды, мысли для себя, поступки, чей облик неповторим.

Чем же мы, однако, провинились перед этим старцем?

— ...Исходя из сказанного, я решил осведомиться, сколько ячеек памяти занял мой рассказ. Что же выявилось? Вас интересует, что дала проверка?

Размеренный голос старика возвысился. В нем появилось нечто железобетонное — несокрушимая уверенность в своей правоте. Правоте и праве. С меня разом слетела вся одурь.

— Так вот, — в его взгляде появился оттенок подозрительности, — выяснился безусловно неприглядный факт. Очень неприглядный факт. Информационная служба выдала мне справку, из которой следует, что моим мемуарам отведено... — он помедлил секунду, — ноль ячеек!

Он выждал, чтобы я осознал всю тяжесть факта, и заговорил уже с заметным волнением.

— Ноль ячеек, слышите? То есть ничего! Как это могло произойти? Как это прикажете понимать?

Понимать тут было нечего, мне все сразу стало ясно. Резерв наших меморотек огромен, но не бесконечен, и лишнего мы позволить себе не можем. То, что машина ничего не извлекла из его повествований, означало одно: они были пустышкой. В них отсутствовало все личное, неповторимое,

свежее, а была в них лишь шаблонная банальность, которую машина отсеяла как зряшный мусор. Все оказалось мусором, все штампом, ни одной своей мысли, неподдельного чувства или хотя бы нового факта. Теперь надо было выкручиваться, — быстро, осторожно, не травмируя старика.

— Безобразие! — воскликнул я, срывая трубку интеркома. — Вы правы, вы трижды правы!

— Мне это известно, — сказал он значительно.

Последние сомнения рассеялись. Ни сейчас, ни раньше он и мысли не допускал, что его воспоминания — никому не нужный набор общих мест. Его волновала только несправедливая ошибка, из-за которой человечество могло лишиться его бесценных воспоминаний. Только это! Счастливый бедняга...

Я делал вид, что проверяю и выясняю то, что выяснения не требовало, а он тем временем перешел на пафос.

— Любая честно и ответственно, пусть скромно, но с пользой прожитая жизнь достойна уважения и памяти. Это говорю не я — это говорит общество, ради процветания которого такие, как я, скромные труженики работали не покладая рук...

Все верно. Нет неинтересных судеб, и с каждым человеком от нас уходит вселенная. Но... Вот этого я не мог ему сказать. Я не мог ему сказать, что вся его речь, а значит, и мышление — давно и окаменело усвоенный стандарт. Что и свою жизнь он рассказывал, привычно цензурируя «все несоответствующее», сколь-нибудь оригинальное. А оно в нем, конечно, было когда-то, его память могла хранить что-то неповторимое, но

теперь бесполезно стучаться и звать. Погребено, опечатано, погребено!..

— Так оно и есть: ошибка, — сказал я, кладя трубку. — Сбой, маленькая техническая неисправность, которая, к сожалению, изредка еще случается. Мы очень, очень извиняемся, мы примем все меры...

— Будете повторно записывать?

— Разумеется! Немедленно, если, конечно, вы...

— Безусловно. Разумеется, это сопряжено с новыми затратами времени и сил, которые по вашей халатности заметно убыли...

Я молчал, изображая сокрушенное раскаяние. Было трудно, все-таки я не актер. Противно, мерзко говорить неправду, но другого выхода я не видел. Правда его возмутит, оскорбит, не поверит он ей, сочтет за недоброжелательство, клевету. А если вдруг поверит?.. Нет, только не это! Прозреть к концу жизни, когда все безвозвратно, убедиться, что думал не сам и чувствовал по шаблону, не дал людям ничего своего, а может быть, того хуже — мешал им, как устаревший параграф. Нет, нет! Зачем, к чему омрачать последние стариковские годы?

К счастью, прозрение ему не грозило. Отчитав меня, он встал, я тоже, чтобы проводить его, но он задержался посередине ковра и, широко расставив прямые ноги, заговорил снова. Я слушал, чувствуя, как деревенеют мышцы лица.

Самое трудное было впереди. Нужно было придумать, как обмануть его, когда он снова проконтролирует (а он проконтролирует!), сколько же ячеек памяти заняли его воспоминания. Не знаю,

что бы я отдал, лишь бы ячейки заполнились. Но этого не произойдет. Ноль, опять будет ноль. Потому что машина уже в первый раз сделала все, что могла. А может она немало. Она не просто записывает рассказ, она, как самый блистательный репортер, способна разговорить неподатливого собеседника; и если ей не удалось извлечь из старика даже крупницу нужного, значит, дело безнадежное.

— Я был современником Гага-

рина! — объявил он мне, стоя в дверях. — Я все помню как сейчас. Я был современником великих строек! Я присутствовал... Я был...

Вот именно. Он был.

Когда за ним наконец закрылась дверь, я в изнеможении повалился в кресло. И подумал, что когда придет мой черед рассказывать жизнь, то решусь ли я узнать, сколько ячеек досталось мне?

Нет. Никогда. Ни за что!

НИКОЛАЙ ВВЕДЕНСКИЙ

Странная встреча

—Беспокойная у меня работа, поэтому и сплю скверно, а может, и курю слишком много. Вот и гуляю на ночь глядя, чтобы сон нагнать, — приятельски говорил врач Лаврентьев своему спутнику — коротышке, одетому как будто на вырост: шляпа то и дело налезала ему на глаза, пальто доходило чуть ли не до пяток, и едва видневшиеся из-под него брюки были так длинные, что волочились по земле. Лаврентьев говорил, а этот забавный человечек время от времени поглядывал на него из-под шляпы маленькими круглыми глазками. — Другой отработает свое время и идет отдыхать, переключается на новую деятельность, а я не могу переключиться. Все мысли и сомнения одолевают. Вот и сейчас шел и думал об этом больном из девятой палаты. Он поступил с «психастенической формой психопатии», но теперь я все больше стал сомневаться в правильности первоначального диагноза. Скорее всего он страдает «параноидной формой шизофрении». Распознавание в таком случае весьма сложно. Тут есть над чем поломать голову.

Лаврентьев замолчал, удивляясь своей общительности. Не в его характере изливать душу первому встречному, и он не мог отделаться от впечатления, что делает это против воли. Чувство досады и недоумения овладело им, и все же слова так и лились с языка.

За несколько минут Лаврентьев рассказал этому ничем не привлекательному незнакомцу то, чем делился только с самыми близкими друзьями, причем без всяких вопросов с его стороны. Все это

было весьма странным и к тому же...

— Мы с вами даже еще не познакомились, — спохватился он. — Я врач-психиатр Лаврентьев.

— А я — Джозефлория Эн, — раздалось снизу, и на минуту Лаврентьеву показалось, что он говорит со шляпой, так как только она была доступна взору.

— Интересно, кем вы работаете?

— Я наблюдаю за звездами, — ответила шляпа.

— Что же, очень приятно познакомиться с астрономом. До сих пор мне казалось, что это какие-то особенные люди, и они меня всегда очень интересовали.

Собеседники подошли к дому, где жил Лаврентьев.

— Не хотите ли зайти ко мне выпить чайку? — осведомился он.

— С удовольствием, — сразу же согласился Джозефлория.

Поднимаясь на пятый этаж, Лаврентьев думал, что, рассмотревшись на своих пациентов, видимо, утратил способность чему-либо удивляться. Коротышка вел себя весьма необычно. Начать с того, что он стоял на углу улицы и растерянно озирался. Врач хотел пройти мимо, подумав, что выражение «свалился с Луны» как нельзя больше подходит к этому субъекту. Но тот увязался следом, бормоча, что он никого не знает в этом городе, и, слушая его несвязные жалобы, Лаврентьев почувствовал к нему жалость, а потом, неожиданно для себя, разговорился. Теперь им овладело раздражение — чувство, которое испытывает всякий воспитанный человек, когда предложение, сделанное из вежливости, вдруг принимают за

чистую монету. Оно быстро прошло, уступив место любопытству.

— Вот моя комната, прошу, располагайтесь в кресле под торшером, — говорил врач, внимательно разглядывая своего вечернего спутника.

Не только брюки, но и пиджак болтался на нем. На языке вертелся вопрос, но задать его мешала все та же пресловутая воспитанность. Гость посмотрел на лампочку.

— Сколько энергии пропадает впустую! — услышал Лаврентьев, но он готов был поклясться, что Джозефлория, сказав это, не раскрыл рта.

«Может быть, у меня начались галлюцинации, ведь я не сводил с него глаз».

— Успокойтесь, — снова услышал врач, — мои мысли передаются прямо в ваш мозг...

— Интересно... — протянул Лаврентьев после некоторой паузы. Он был в курсе последних исследований в области парапсихологии, но до сих пор убедительных научных доказательств в пользу существования телепатии не было, и вдруг он совершенно случайно встречается человека, который, судя по всему, свободно ею владеет. Тут было отчего прийти в изумление. Такой человек был настоящей находкой для науки, и ни один настоящий врач, а тем более врач-психиатр, не оставил бы такой случай без внимания. Лаврентьев уже собирался задать серию вопросов, но едва он открыл рот, как коротышка продолжил:

— В дальнейшем я отвечу на все вопросы и расскажу кое-что о себе, но сейчас, — он заерзал на стуле, — попрошу оказать мне

одну услугу. Нельзя терять времени. Я боюсь, что не успею.

Внешне Джозфлория был спокоен, но врач почувствовал его волнение. Гость полез в карман и... вытащил красную пластмассовую бирку с выбитым на ней номером.

— Вокзал, чемодан, камера хранения, — доносились торопливые отрывочные слова.

— Успокойтесь, не надо так волноваться, я съезжу, — сказал Лаврентьев.

Он сидел в троллейбусе и думал об этом странном, не приспособленном к жизни человеке. Сперва мелькнула мысль, что он душевнобольной, но Лаврентьев ее сразу же отбросил. Телепатия отнюдь не характерна для психически больного, кроме того, жизненный опыт говорил Лаврентьеву, что никогда не следует, доверяя первому впечатлению, считать кого-либо сразу душевнобольным. Мало ли людей кажутся довольно странными на первый взгляд.

— Что это у вас в чемодане такое тяжелое? — с подозрением глядя сквозь очки, спросил старичок, работавший в камере хранения. Он едва приподнял его, а потом снова поставил, пыхтя и отдуваясь. — Берите его сами, я вам не штангист какой-нибудь.

Да, чемоданчик был килограммов на сорок и изрядно оттягивал руку! Без всяких признаков замка и разъема он имел весьма загадочный вид и вполне соответствовал странному облику владельца.

Лаврентьев застал гостя за просмотром взятой в шкаф книги. Это был увесистый том «Курса психиатрии». Джозфлория взглянул на чемодан, и его лицо сразу

же как-то прояснилось, потом перевел взгляд на книгу. Толстый фоллиант захлопнулся и, величественно проплыв по воздуху к шкафу, втиснулся между книгами на свое место. Врач протер глаза: «Что за чертовщина? Может быть, у меня начались галлюцинации?»

— Мне показалось, — неуверенно начал он, — что...

— А, я и забыл, — спохватился Джозфлория, — что вы знакомы с фактором Ока.

— Кого? — растерянно переспросил Лаврентьев. — Кто вы, наконец?! Фокусник, чревовещатель, гипнотизер? А может быть, то, и другое, и третье?! — в недоумении воскликнул он. — Или я начинаю терять рассудок?

— Я могу себе представить ваше удивление, но не надо беспокоиться за свою умственную деятельность. На мой взгляд, в вашем мыслительном аппарате нет отклонений от нормы. Теперь у меня в запасе сорок минут. — Лаврентьев заметил, что часы тоже болтались на его худенькой ручке фарфорового цвета. — И мы можем поговорить. В благодарность за оказанную услугу я ненадолго удовлетворю ваше любопытство. К сожалению, не могу уделить больше времени, так как надо будет еще подготовить трансфокатор к сеансу...

Итак, я сантор Джозфлория Эн, — начал коротышка после паузы. Он теперь «произносил» слова медленно, и вся его поза выражала покой и благодушие. — Да, да, что-то вроде вашего доктора наук, пожалуй. Я всегда был большим оригиналом, иначе идея провести отпуск на вашей странной планете просто не пришла бы мне в голову.

— Вы хотите сказать, что прилетели с другой планеты?! — с изумлением воскликнул Лаврентьев.

— Да, именно это я и хочу сказать, — подтвердил Джоэфлория. Он имел вид человека, который закончил все дела и может позволить себе роскошь немного поболтать. — Материализовавшись неподалеку от этого города, я скоро понял, что необходимо переодеться. В элегантной одежде из пактаута я выглядел настолько странно, что жители оборачивались и смотрели мне вслед.

Да, теперь одно маленькое замечание: я, конечно, стараюсь переводить свои мысли в наиболее понятные для вас термины. Это не всегда удается. Если какое-то слово будет вам непонятно, не обращайтесь внимания.

Зайдя в один из домов, — продолжил Джоэфлория, — я попросил у хозяина подарить мне модную здесь одежду. Ведь так приятно делать подарки. Это странное существо вытолкнуло меня за дверь. Но не зря же я умею читать чужие мысли на расстоянии. Через некоторое время я уже знал, что пищу и покровы, именуемые одеждой, здешнее население получает в обмен на бумажные прямоугольники, называемые деньгами. И вот пришлось приобрести это уродливое одеяние. — Джоэфлория с неудовольствием посмотрел на рукав пиджака.

— Позвольте, но у вас же не было денег, — заметил Лаврентьев. Он пытался логически мыслить, хотя и был ошарашен столь странным оборотом событий.

— Я внушил продавцу, что уплатил требуемую сумму, — про-

должал Джоэфлория. — Это было несложно.

Лаврентьев больше не сомневался, что все это правда...

— Не хотите ли попить чайку?

— Я благодарен, но это только осложнит трансфокацию. Как хорошо, что трансфокатор сейчас рядом со мной. — И он посмотрел на чемодан, принесенный из камеры хранения. — Теперь можно не волноваться. Вы оказали мне большую услугу. Я бы мог сам съездить за ним, но боялся, что это вызовет ненужные волнения. На вокзале ко мне уже подходил представитель власти и требовал некий паспорт. Я не знал, что это такое, и был вынужден прибегнуть к гипнозу.

Лаврентьева мучило любопытство: во-первых, не терпелось узнать, откуда прибыл пришелец, но он боялся, что его вопрос прозвучит невпопад.

— Я с четвертой планеты вашей системы. На Земле ее именуют Марсом, — ответил Джоэфлория на его мысли.

— Как же так? Ведь ученые считают, что там нет разумных существ! — чистосердечно воскликнул Лаврентьев.

— А мы давно знали о жизни на Земле и даже имели возможность неплохо ее изучить.

— Но каким образом?!

— Несколько наших автоматических станций — некоторые из них, кстати сказать, были замечены с Земли и получили название в вашей прессе «летающие тарелки» — были запущены на околоземную орбиту. В последнее время в целях безопасности им стали придавать вид ваших искусственных спутников. Иногда они снижались к самой Земле, но ос-

повное назначение этих станций — перехват и ретрансляция на Марс ваших теле- и радиопрограмм.

— Я не могу опомниться от изумления, — пробормотал Лаврентьев. — Но если все это так, то я не понимаю одного, почему до сих пор ваша цивилизация не вступила в контакт с земной?

— На данном этапе такой контакт невозможен. Сейчас постараюсь это объяснить — правда, времени у меня немного. Итак, встреча двух различных цивилизаций предполагает прежде всего обмен информацией. Новая научная информация вызовет ускоренный скачок в развитии науки и техники, но использована на благо общества она может быть только в том случае, если это общество имеет единую цель и идет по пути прогресса. Согласитесь, что, когда оно расколото на два враждебных лагеря, один из которых пытается спасти свой отживающий общественный строй любой ценой, военное столкновение между ними во многом предотвращает боязнь ответного удара, который способен свести на нет почти все преимущества напавшей стороны. Одинаковое развитие науки и техники предполагает равенство военных сил. В такой обстановке приток информации извне может вызвать скачок в развитии науки только в одном лагере. Если власть в нем принадлежит народу, то, разумеется, поступившие сведения будут использованы в мирных целях, но где гарантия того, что они не просочатся в другую систему, которая займется военным их применением.

Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему до сих пор мы не прилетали на Землю открыто? Кроме то-

го, есть и другая причина. О ней я сообщу позже.

Мы на Марсе, — продолжал Джозефлория, — восхищаемся успехами земной науки, а вернее — темпами ее развития. Уровень нашей техники гораздо выше, но вы нас быстро обгоните, потому что спираль прогресса раскручивается на Марсе раз в пять медленнее. Пока мы опережаем землян только за счет значительно большего возраста нашей цивилизации.

У нас жизнь куда спокойнее и течет значительно медленнее, чем на Земле, марсиане не знали таких грандиозных потрясений в общественной жизни, как войны.

Условия жизни на нашей планете исключали ту напряженную и драматическую борьбу за существование, которая выпала на долю человечества. Вы закалились в этой борьбе и приобрели быстроту мозговых процессов и нервных реакций. А нам пришлось заплатить непомерно большую цену за эволюцию в тепличных условиях покоя и безопасности. Марсиане по сравнению с людьми вялы, апатичны, заторможенны. У нас нет вашей энергии и воли — качеств, приобретенных человеком в борьбе с природой. У марсиан почти не было врагов, а у вас их были сотни.

Ваше общество прошагало по ступеням прогресса, оставив позади первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, раскололось на две системы и в конце концов должно прийти к коммунистической формации, если, конечно, дело обойдется без войны, которая отбросит человеческий род назад, на пройденный участок истории.

На Марсе все шло несколько по-иному. Пользуясь грубой аналогией, можно сообщить, что марсиане начали с первобытнообщинного строя, который постепенно эволюционировал в коммунистический. Изменялись только средства производства, но они всегда находились в руках общества.

Возможно, жители Марса самые мирные разумные существа во вселенной, но тут-то и таится страшная опасность для нас — неизбежная гибель при столкновении с любой космической цивилизацией, настроенной агрессивно. Естественно, что мы должны были подумать, как оградить себя от инопланетного вторжения.

Наука Марса сделала грандиозные успехи в области парапсихологии. Передача мыслей на расстоянии, чтение чужих, массовый гипноз и внушение — все это сейчас доступно марсианам. Недавнее открытие телетранспортировки позволило мне в индивидуальном порядке прибыть на Землю.

Правда, боюсь, что эта выходка мне дорого обойдется. Если объявят Всеобщее осуждение, это будет ужасно. Меня могут отстранить тогда от работы. Вот до чего доводит проклятое любопытство! — Джозефлория о чем-то задумался, а потом продолжал:

— Ученым планеты было дано задание найти способ обезопасить Марс от любопытства инопланетчиков. Способ был найден: самая лучшая защита, решил совет ученых, — это дезинформация землян относительно условий жизни на планете. Было решено все успехи парапсихологии направить на то, чтобы создать ложное представление о Марсе, вызвать иллюзию того, что Марс — планета с усло-

виями, совершенно неподходящими для разумной жизни.

Наши ученые блестяще справились с этой задачей. На околомарсианскую орбиту запустили спутники с мощными видеогаллюцинаторами, назначение которых — скрывать от астрономов Земли истинный облик планеты.

Кстати, знаменитые «каналы», описанные во всех ваших учебниках астрономии, — всего лишь полосы раздела между ложными видеополями, создаваемыми галлюцинаторами. У нас в прошлом много смеялись над гипотезами некоторых ваших ученых о том, что «каналы» созданы разумными существами, населяющими Марс, и представляют собой оросительную систему. В обиход даже вошло выражение «видеть каналы». Если кто-то начинает строить ложные иллюзии и делать неверные выводы, про такого марсианина говорят: «О, он видит каналы».

По всей поверхности планеты через равные интервалы установили специальные галлюцинаторные установки, которые должны создавать при полете к Марсу иллюзию полной его безжизненности.

На случай прилета автоматических станций заранее приготовили ложную телеметрическую информацию о составе атмосферы, температурах и давлениях, якобы исключающих всякую жизнь. Ее уже передают на Землю. Все сделано достаточно достоверно, и земляне не замечают подмены.

Наконец, предусматривая высадку ваших космонавтов, по всей планете создали сеть гипнотических иллюзаторов, которые будут излучать прямо в мозг образы безжизненной планеты, покрытой красным песком. Пришельцам на-

ша планета покажется весьма мало привлекательной. Ваши космонавты «увидят» одну голую красноватую равнину. Ну а для того чтобы их окончательно не разочаровывать в этой пустыне, они «обнаружат каналы». Иллюзия будет полной.

Лаврентьев сжал кулаки. Ему стало нестерпимо обидно за человечество, которое будет обмануто миражом. Слезы выступили на глазах.

— Вы нам не доверяете! — воскликнул он. — Напрасно! Вы просто плохо знаете людей. Они не сделают вам ничего плохого!

— Возможно, и так, но стопроцентной уверенности у нас нет, и мы не имеем права ставить под удар свою цивилизацию, даже если за неблагоприятный поворот событий будет один шанс из ста.

Наступило молчание. Врач сидел, опустив голову, погрузившись в глубокое раздумье. Он осознал сейчас особенно остро, что Земля могла бы быть другой уже в его время, что счастье людей зависит от них самих. Потом, вскинув голову, он спросил:

— Ну а когда на Земле будет единый общественный строй, когда все люди планеты будут трудиться только на благо человечества, когда средства уничтожения ликвидируют, тогда...

Джозефлория перебил:

— Что ж, достаточно лишь нажать кнопку, чтобы выключить галлюцинаторы. Тогда перед людьми предстанут наши белоснежные города, гигантские парки с вечно цветущими деревьями. Прекрасные грантуолии своими мелодичными голосами станут воспевать

на всю солнечную систему прелесть свободной жизни. Музыка Ола, которая излечивает все болезни, будет транслироваться на Землю. Грандиозные пространственные видеорамы Уна наполнят восторгом сердца землян. О, это будет чудесно! Мы будем жить как братья и благоустраивать вместе солнечную систему.

Извините, мне пора, — спохватился Джозефлория, взглянув на часы, — через пятнадцать минут по местному времени трансфокатор должен быть подготовлен для телетранспортировки, и сантор Юс, ученик Граэрта Ока, сам примет мою генетическую структуру, расположенную на волновые трансфокаторные ряды, чтобы потом немедленно синтезировать мою личность.

Он уже направился к принесенному Лаврентьевым чемодану, но врач остановил его:

— Прошу ответить еще только на один вопрос, почему жители Марса внешне так похожи на людей? — Лаврентьеву показалось, что на невыразительном лице Джозефлории мелькнула легкая усмешка:

— Когда-то, в далекие времена, понятие «тело» имело для нас то же значение, что и для людей, но с тех пор наука сделала такие успехи, что оно стало лишь оболочкой, где пребывает орган нашего сознания и мышления. Мы научились изготавливать искусственные тела, причем каждый марсианин может выбрать тело по своему вкусу. Неизменным в течение всей жизни, которая продолжается несколько ваших поколений, остается лишь орган мышления. Через каждые девяносто ваших земных лет его пересаживают из

старого, изношенного тела в новое. Правда, некоторые модницы меняют свои тела раз в десять лет, но я этого не одобряю: за мой-то все равно не утонишься.

Перед тем как отправиться на Землю, я заказал себе тело человека. По данным марсианских ученых, средний рост землянина где-то около 150 ваших сантиметров, но теперь я убедился, что они ошибались. Эта величина несколько выше. Я чувствовал себя здесь таким коротышкой, что просто было неловко. Кроме того, я неправильно выбрал форму глаз. После трансформации я приобрел наконец старое, привычное тело, по которому здесь порядком соскучился.

Джозефлория провел рукой по совершенно гладкой поверхности чемодана, и он открылся. Взору врача предстала черная полированная панель, по которой шли три ряда белых клавиш. Нажав на одну из них, Джозефлория приподнял крышку и вытащил гибкий блестящий шланг с круглым раструбом на конце. После нажатия еще нескольких клавиш прибор загудел.

Джозефлория оглянулся и предостерег:

— Отойдите к самой стене, чтобы не попасть под действие аннигиляционной головки. Запомните, что после моего исчезновения из

вашей памяти пропадут только что пережитые события. Слушайте внимательно: вы меня никогда не встречали, вы забыли все, что сегодня восприняли. Сейчас повернитесь ко мне спиной.

Внимание Лаврентьева было обострено до предела, и он жадно впитывал распоряжения пришельца. Из его круглых глазок, казалось, исходила какая-то магическая сила, целиком подавляющая волю.

Джозефлория взял блестящий шланг и провел раструбом по верхушке головы. Сейчас же в этом месте образовалась пустота. Это было последнее, что видел Лаврентьев. Какая-то властная сила заставила его отвернуться. В глазах потемнело, и на какую-то долю секунды он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел на том месте, где только что стоял Джозефлория, голубоватый дымок.

Лаврентьев потянул носом воздух: «Уж не горит ли где-нибудь?» Заглянул во все углы, осмотрел проводку, проверил, не включен ли в сеть электроутюг, и, успокоившись, стал стелить кровать, помышляя о том, что завтра надо осмотреть больного из одиннадцатой палаты, страдающего целым комплексом навязчивых галлюцинаций.

**АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ**

Человек из Пасифиды

Тридцать первого марта барон Като устроил товарищескую вечеринку. Офицеры собрались в отдельном кабинете ресторана «Тако». Сначала чинно пили подогретое саке и говорили о политике, о борьбе сумо* и о регби, затем, когда господин начальник отдела удалился, пожелав подчиненным хорошо провести вечер, расстегнули мундиры и заказали виски. Через полчаса стало очень шумно, воздух наполнился табачным дымом и кислым запахом маринадов. Все говорили, не слушая друг друга. Барон Като щипал официанток. Савада плясал, топчась среди низких столиков, молодежь хохотала, хлопала в ладоши и орала «донкой-са!»**. Кто-то встал и ни с того ни с сего сипло затынул императорский гимн «Кими-гаё» — его потянули за брюки и усадили на место.

В самый разгар веселья в кабинет с визгом вбежала официантка, ее преследовал рослый румяный янки в пилотке набекрень. Это был известный дебошир и весельчак Джерри — адъютант и личный переводчик командующего базой ВМС США «Шарк». Джерри обвел озадаченных таким нахальством японцев пьяными глазами и гаркнул:

— Здорово, джапы!

Тогда капитан Исида, не вставая, схватил его за ногу и сильно дернул к себе. Джерри как подкошенный обрушился прямо на блюдо с закусками, а барон Като с

* Сумо — национальная японская борьба.

** «Донкой-са!» — ритмичный напев (нечто вроде русского «тра-ля-ля!»).

наслаждением ударил его по глазам эфесом кортика. Американца, избитого и облепленного маринованной редькой, вышвырнули обратно в общий зал.

Контр-демарша против ожидания не последовало — вероятно, на этот раз Джерри развлекался без компании. Офицеры отложили кортики и пустые бутылки, выпили еще по чарке виски и стали расходиться. Капитан Исида возвращался с бароном Като. Барон покачивался, таращил глаза на яркую весеннюю луну и молчал. Только у дверей дома Исида он вдруг запел шатающимся голосом.

Исида сочувственно похлопал его по плечу и отправился спать. Под утро ему приснился сон. Он видел этот сон уже несколько раз. Он снова «кайгун тайи», капитан-лейтенант императорского флота, и стоит в боевой рубке эсминца «Миками». Вокруг расстилается черное в багровом свете заката Коралловое море, а навстречу, из призрачной мглы стремительно надвигаются три американских торпедоносца. Он уже различает азартные лица пилотов и тусклые отблески на боках торпед. «Огоны! Огоны!» — кричит он. Торпедоносцы растут, их крылья закрывают все небо. Ослепительная вспышка, удар — и он с замирающим сердцем летит куда-то в пустоту...

— Проснись же, Исида! — сердито сказал барон Като.

Исида перевернулся на спину и открыл глаза. В комнате было душно. Яркое утреннее солнце проникало сквозь щели бамбуковой шторы. У изголовья сидел на корточках барон Като, жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом.

— Проснулся?

— Почти, — Исида потянулся за часами. — Семь часов... Почему такая спешка?

— Живо одевайся, поедem. Расскажу по дороге.

Исида не стал больше расспрашивать. Через пять минут они бежали по лестнице в прихожую, быстро обулись и выскочили во двор. У ворот стоял новенький штабной «джип». Мальчишка-шофер в каскетке с желтым якорем над козырьком включил зажигание и в вопросительно оглянулся на офицеров.

— В Гонюдо, — коротко распорядился барон.

Исида откинулся на спинку сиденья.

— Где это — Гонюдо? — спросил он.

— Курортное местечко на побережье. В трех милях от Аодзи.

«Джип» миновал бетонные, поросшие травой стены арсенала на окраине города и понесся по прямому, мокрому от росы шоссе. Справа между холмами синело море. Исида жадно глотал свежий ветер.

— Так вот, — сказал барон Като, — кинокомпания «Ямато-фируму» снимает видовую картину «Пейзажи Японии». Вчера вечером в Гонюдо прибыли их кинооператоры.

— Выгнать, — сказал Исида. Он не любил видовых фильмов. Кроме того, его слегка мутило.

— Они получили разрешение от губернатора...

— Все равно выгнать.

— Погоди. Разрешение на съемки от японских властей у них есть. Но тут вмешались американцы. Они объявили, что не допустят возни с киноаппаратами вблизи военной базы.

— Ах вот как? — Исида снял фуражку и растегнул воротник мундира. — Значит, вмешались американцы?

Барон Като кивнул.

— Вот именно. И какка* приказал мне и тебе отправиться туда и уладить дело.

— Гм... А при чем здесь мы? То есть очень приятно лишний раз натянуть нос амэ, но какое отношение имеет штаб военно-морского района к «Ямато-фируму»?

— Приказ есть приказ, — неопределенно сказал барон. Он покосился на шофера и нагнулся к уху Исида: — За разрешение производить съемки в окрестностях оборонных объектов «Ямато-фируму» заплатила префектуре кругленькую сумму. И, говорят, кое-что перепало господину начальнику штаба нашего района. Ведь окрестности Аодзи — одно из самых красивых мест в Японии.

— Ах вот как! — Капитан Исида снова надел фуражку, опустил ремешок под подбородок и задремал.

Шоссе проходило по насыпи в полукилометре от берега. Был отлив. Море отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна. Блестели на солнце лужи и заводи. По мелководью, высоко подоткнув полы разноцветных кимоно, бродили женщины и дети с граблями и совками — они собирали съедобные ракушки. Барон Като достал из-под сиденья полевой бинокль и попытался получше рассмотреть голые ноги молоденьких девушек. Но «джип» трясло, и барон увидел только прыгающие пестрые пятна. Он разочарованно

опустил бинокль. В эту минуту шофер оглянулся и сказал:

— Гонюдо, господин барон.

Исида зашевелился, протер глаза кулаками и сладко, с прискуливанием зевнул.

Они миновали нарядные домики, утопающие в зелени и цветах, и выехали на пляж, где у светлоголубого павильона беспокойно колыхалась большая толпа скудно одетых курортников. Скандал, повидимому, достиг уже критической точки. Любопытные наседали друг на друга, подпрыгивали, стараясь заглянуть через головы. Барон и Исида на ходу выскочили из «джипа» и остановились прислушиваясь. Из недр толпы доносились яростные возгласы на японском и английском языках:

— Да поймите же вы...

— Я вас вышвырну отсюда со всеми вашими...

— Keep quiet, lieutenant, do keep quiet, for Lord's sake!

— У нас есть разрешение от самого губернатора!

— А я вам говорю — убирайтесь!

— Keep quiet... **

— Это Джерри, — сказал Исида.

Барон ухмыльнулся.

— Ничего. Он был пьян как свинья. К тому же амэ и в трезвом виде не способны отличить одного японца от другого. Пойдем.

Он врзался в толпу, бесцеремонно отодвигая плечом мужчин, обходительно похлопывая женщин по голым спинам. Исида впереважку двигался вслед за ним, строго поглядывая по сторонам. К нему круто повернулся молодой человек

* Какка — его превосходительство (яп. н.).

* — Спокойно, лейтенант, ради бога, спокойно! (англ.)

** — Спокойно... (англ.)

в темных очках, которого барон грубо ткнул локтем в бок.

— Я и раньше не питал симпатий к господам военным... — темные очки молодого человека негодуя блеснули. Исида старательно наступил на его босую ногу.

— Виноват, — вежливо сказал он.

Лицо в темных очках сморщилось, молодой человек тихонько взвыл и отшатнулся. Протиснувшись через толпу взволнованных девиц, барон Като и Исида вступили в круг.

В центре круга, словно пегухи перед схваткой, стояли лицом к лицу маленький толстяк в белом, с наголо обритой, лоснящейся от пота головой и доблестный Джерри. Толстяк, подпрыгивая, брызгал слюной и потрясал какой-то бумагой. Джерри угрожающе нависал над ним, выпятив англосаксонскую челюсть. Его левый глаз стыдливо прятался под огромным лиловым синяком, зато правый так и пылал сквозь упавшую на него прядь прямых волос. Рядом с Джерри, хватая его за плечо, суетился чин ВМС США с золотой «капустой» на фуражке.

— Do keep quiet, Jerry! * — стоял он.

Позади толстяка теснились рослые, мускулистые парни, обвешанные неуклюжими футлярами. Позади Джерри и чина ВВС, прочно уперев в песок тяжелые башмаки с гамашами, неподвижно стояли двое сержантов военной полиции. Их кулаки в белых перчатках медленно сжимались и разжимались. В стороне беспорядочной грудой валялись треноги и громоздкие аппараты.

* — Пожалуйста, спокойнее, Джерри (а н г л.).

— Мы имеем право снимать, и мы будем снимать!.. У меня разрешение губернатора!

— Нет, вы не будете снимать, будьте вы прокляты!

— Do keep quiet, lieutenant... *

Барон Като и капитан Исида переглянулись, расправили плечи и с каменными лицами двинулись вперед. Они остановились между толстяком и Джерри, четко повернулись к американцам и одновременно отдали честь.

— Капитан третьего ранга барон Като, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

— Капитан-лейтенант Исида, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

На минуту воцарилось молчание. Джерри растерянно переводил глаз с одного на другого и облизывал пересохшие губы. Первым опомнился чин ВМС США. С трудом подбирая слова, он сказал по-японски:

— Э-э... капитан третьего ранга Колдуэлл. Э-э... Здравствуйте.

— Лейтенант Смитсон, адъютант командующего базой «Шарк», — буркнул Джерри. — Чем можем служить?

Барон Като выпятил грудь.

— Его превосходительство господин командующий Н-ским военно-морским районом передает господам американским офицерам уверения в своем доброжелательном к ним отношении и выражает глубокое сожаление по поводу имеющего здесь место недоразумения между господами американскими офицерами и съёмочной группой кинокомпания «Ямато-фирму».

* — Пожалуйста, спокойнее, лейтенант... (а н г л.)

Он изволит опасаться, что господа американским офицерам...

Вот что значит настоящий аристократ! Как он говорит, какое красноречие! Исида слушал и испытывал чувство гордости и легкой зависти. Но на личного переводчика командующего базы затейливые периоды, избыточные непонятными ему словами и целыми фразами и оборотами из лексикона официальной переписки, произвели совсем другое впечатление. Едва барон замолк и снова отдал честь, Джерри, трясая от негодования, рявкнул:

— Говорите коротко, что вам здесь надо?

— Э-э... — затянул капитан третьего ранга.

Барон презрительно сказал:

— Мог бы быть и повежливее, сопляк...

Это был высокопробный жаргон осакских притонов, и Джерри опять не понял. В толпе послышались смешки. Джерри побагровел.

— Говорите, пожалуйста, медленнее.

Хохот усилился. Толстяк позади Исиды трясся и кашлял от смеха.

— Мы прибыли сюда, — сказал Като, тщательно выговаривая каждый слог и невозмутимо глядя на Джерри, — чтобы помочь вам уладить это недоразумение.

— Да, да, пожалуйста, — обрадованно воскликнул капитан третьего ранга, — военная база... киноаппараты... нельзя. Пожалуйста.

Барон Като повернулся к толстяку, и тот сразу перестал смеяться.

— Вы руководитель съемочной группы?

— Да. Моя фамилия — Хотта. Дзюкити Хотта.

— У вас есть разрешение губернатора?

— Да. Вот, пожалуйста.

Барон взял бумагу, пробежал ее и вернул толстяку.

— Все в порядке. Можете снимать.

— Виноват...

— Можете снимать. Я разрешаю вам снимать, понятно?

— Иди и снимай, болван. Убирайся! — прошипел Исида.

Толстяк, кланяясь и пятясь, ретировался к своим парням с футлярами, а Джерри шагнул вперед и схватил Като за плечо.

— Что вы сказали ему? — грубо спросил он.

Като осторожно освободился.

— Позволю себе заметить, что вы, господин лейтенант, обращаетесь к старшему по чину, и покорнейше прошу впредь не забываться.

— Что вы сказали ему? — повторил Джерри.

— Я разрешил ему начать съемки.

— Impossible * — ахнул капитан третьего ранга.

— Наоборот, весьма possible, — ответил по-английски Като. — Позволю себе обратить ваше внимание, господа американские офицеры, на то, что Гонюдо находится за пределами территории базы «Шарк» и в пределах Н-ского морского округа. Здесь распоряжаются их превосходительства господин командующий, представителями которого мы имеем честь в данном случае быть, и господин губернатор.

— Но... Но... военная база... все видно... Impossible! Jerry, tell'm 'tis impossible! **

* — Невозможно! (англ.).

** — Невозможно! Джерри, скажи им, что это невозможно! (англ.).

Капитан третьего ранга Колдуэлл горячо заговорил по-английски. Джерри, красный, как вареный лангуст, кивнул и снова обратился к барону:

— Отсюда просматривается вся береговая линия и все пирсы нашей базы. Мы не можем позволить, чтобы это попало на пленку вашей проклятой компании!

Барон молча развел руками.

— Мы протестуем против ваших действий, — сказал Джерри.

Барон пожал плечами, как европеец.

— Мы вызовем военную полицию...

— Позволю себе заметить, господин лейтенант, что подобные угрозы не к лицу офицеру военноморских сил союзной державы.

Между тем толпа поредела. Солнце припекало не на шутку. Курортники, справедливо полагая, что инцидент исчерпан, один за другим отходили и устремлялись к шезлонгам и цветастым зонтам, разбросанным по пляжу. Кинооператоры хлопотали у двух треног; вокруг них бегал, обливаясь потом, толстый Хотта. Полицейские сержанты с ненавистью поглядывали на них, но не трогались с места. Капитан Колдуэлл беспомощно переступал с ноги на ногу. Барон, косясь в сторону красивой полной южанки, раскинувшейся на песке неподалеку, сказал:

— В сущности, это только вопрос принципа, господин лейтенант. Отсюда до ваших пирсов не меньше двух миль. Что может попасть на пленку на таком расстоянии?

— Мы будем жаловаться вашему правительству, — мрачно заявил Джерри, — и добьемся изъятия этой пленки.

Исида зевнул. Он вспомнил, что еще не завтракал, и оглянулся, шаря глазами по вывескам на павильонах. И в этот момент со стороны моря донесся странный хриплый звук, похожий на вой сирены. В километре от берега, у самой линии отлива блеснуло оранжевое пламя. Плотный рыжий столб мокрого песка и пара взлетел над водой, на секунду застыл неподвижно и стал медленно оседать. Громовой удар потряс воздух.

II

Туча песка и водяной пыли, поднятая неожиданным взрывом, рассеялась, и все взгляды обратились к небу. Небо было бездонно синим и совершенно пустым.

— What's that? * — оцепившим голосом осведомился капитан третьего ранга.

Джерри потеревил нижнюю губу.

— Duppo... Норе 'tis not a war**.

Он подозрительно посмотрел на Като и Исида.

— И что, часто здесь, в Гонюдо, бывают такие фейерверки?

— Бывают... — неопределенно сказал Като. — Нам пора.

Он отошел к «джипу» и поставил ногу на подножку. Красивая южанка поднялась, торопливо натягивая шелковый халат.

— Это... опасно? — спросила она встревоженно.

— Нисколько, сестрица, — галантно ответил барон. — Просто нам пора. Исида!

Пляж пришел в движение. Курортники взволнованно переглядывались, размахивали руками и строили предположения.

* — Что это? (англ.)

** — Не знаю... Надеюсь — не война (англ.).

— Какая-нибудь старая мина...
— При отливе? Хотя, может быть...

— Чепуха! Просто шальной снаряд с полигона.

— В этом районе нет полигонов.

— Нет есть!

— Кажется, в Японии уже не найти места, где бы не было полигонов.

Кто-то уверял, что за несколько секунд до взрыва видел высоко в небе движущийся предмет, весьма напоминающий «соратобу-сара» — «летающее блюдо».

— Вы думаете, это русские?

— Война!..

Исида сплюнул, презрительно скривив губы.

— До свидания, — сказал он американцам.

— До свидания, — скорбно откликнулся капитан третьего ранга.

Исида в последний раз полюбовался заплывшим глазом Джерри, отдал честь и направился к «джипу».

— Это твоя работа? — спросил он, усаживаясь.

— Что? Ах, Джерри... Нет. По моему, это Савада: у него железный кулак...

Барон ткнул шофера в спину согнутым пальцем и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздался громкий пронзительный крик:

— Смотрите! Там человек!...

Лысый Хотта, приплясывая от возбуждения, махал рукой в сторону моря.

— Там человек! Как раз там, где взорвалось!

Все, кто был на пляже, увидели за желтой полосой обнаженного дна, на фоне светло-синего мелко-водья отчетливый силуэт, похожий

на веселую игрушку «дарума» — японского ваньку-встаньку.

— Человек!

— Его оглушило, он не может подняться!..

— Бедняга!..

Красавица южанка сердито воскликнула:

— Мужчины, что же вы стоите?!

Кинооператоры, сбросив брюки и рубашки, решительно двинулись на помощь потерпевшему. За ними последовало несколько курортников. Барон Като, посвистывая сквозь зубы, взял бинокль.

— Вот оно что... — пробормотал он, вглядываясь. — Странно!..

Капитан Исида знал Като около пятнадцати лет, и ни разу за это время барон не подал повода заподозрить себя в гуманности и человеколюбии. Поэтому капитан удивился, когда Като, внимательно рассмотрев черный силуэт идюта, валявшегося в подводной воронке, внезапно отбросил бинокль и принялся расшнуровывать ботинки. Исида спросил:

— Туда?

— Раздевайся, — приказал барон вместо ответа.

— Однако...

— Скорее, Исида, иначе мы опоздаем!

Исида молча повиновался. Подернув трусы, они соскочили с машины, пробежали мимо американцев, проводивших их насмешливыми замечаниями, и пустились вдогонку за кинооператорами. Песок был сырой и плотный, бежать было легко. Они обогнули две или три небольшие, неглубокие лужи, перепрыгнули через торчащие из воды камни и вскоре опередили одного из курортников. Исида рассмеялся: это был тот самый моло-

дой человек в темных очках. Молодой человек слегка прихрамывал.

— Скорей, скорей! — торопил Като.

Исида бежал за ним, строго соблюдая интервал в два шага, как рекрут на занятиях по гимнастике. «Вассё, вассё!.. Раз-два, раз-два!.. Вассё, вассё!..» Перед его глазами равномерно, в такт прыжкам дергалась смуглая мускулистая спина барона. На левой лопатке красовалась красно-синяя хоримонотатуировка, изображающая хризантему. «Вассё, вассё!..» Под ногами заплескалась вода. Неожиданно Като остановился, и Исида чуть не налетел на него. Като торжественно сказал:

— Вы арестованы, потрудитесь встать!

С трудом переведя дух, Исида вышел из-за спины барона. Что-то холодное и скользкое коснулось его колен. Это был маленький осминог, видимо выброшенный взрывом. Бурый бесформенный комок щупалец судорожно сокращался, покачиваясь на волне. Исида выругался сквозь зубы, отшвырнул его в сторону и поднял глаза. Шагах в двадцати над поверхностью воды возвышались блестящие черные плечи, грудь и голова Железного Человека.

Исида всегда был немного суеверен; и когда из кучки кинооператоров и курортников, топтавшихся рядом, донеслось слово «каппа»*, он в испуге отступил назад, оступился и чуть не упал. Впрочем, он сразу вспомнил, что каппа народных сказок обитают только в прудах и болотах. Кроме того, его успокоил вид армейского две-

надцатизарядного кольца, неизвестно откуда появившегося в вытянутой руке барона.

Люди с опасливым удивлением смотрели на Железного Человека, а Железный Человек неподвижно глядел на них громадными выпуклыми глазами, торчащими по бокам головы. Искры солнечного света дрожали на его чешуйчатой коже цвета вороненой стали. Шеи у него не было, и теперь стало понятно, почему издали он казался похожим на «дарума».

— Вы арестованы, — повторил барон. — Вставайте и не пытайтесь сопротивляться, иначе я буду стрелять.

Исида облегченно засмеялся. Разумеется, это всего-навсего шпион в водолазном костюме. Офицеры морской обороны барон Като и Исида схватили шпиона иностранной державы! Молодчина, Като!..

— Встать, мерзавец! — крикнул он.

Железный Человек не пошевелился. Исида щелкнул языком.

— Может быть, он без сознания... или сдох?

— Сейчас проверим.

Позади послышался плеск воды. Исида оглянулся. К ним подбегал молодой человек в темных очках.

— По... погодите... немного... — произнес молодой человек, задыхаясь. — Не... не стреляйте.

— Не лезьте не в свое дело, — любезно сказал Исида, — и не хватайте господина офицера за руку, а не то получите по морде.

— Он просто... не понимает... вас!

— ТА КХАЙ ГА ЦХУНГА, — сказал Железный Человек.

Все замерли. Барон переложил пистолет в левую руку.

— Заговорил!

* Каппа — японский водяной.

Железный Человек безжизненным голосом выбрасывал глухие гортанные звуки. Он по-прежнему не шевелился, но глаза его медленно налились желтым светом, едва заметным на солнце, и вновь погасли. На лице молодого человека в темных очках изобразилось изумление.

— Послушайте, — прошептал он, — да ведь это...

Барон подозрительно уставился на него.

— В чем дело?

— Он говорит, что очень недоволен, — молодой человек поднял палец. — Он говорит по-тангутски! *

— По... Как?

— По-тангутски! На тангутском языке! Необыкновенно!..

— Откуда вы знаете?

— Откуда я знаю! Я аспирант филологического отделения Киотского университета, и тангутский язык — моя специальность. Я — Эйкити Каваи!

Ни на кого из присутствующих это имя не произвело заметного впечатления, но барон Като попросил:

— Узнайте, пожалуйста, кто он такой?

— Сейчас, — с готовностью сказал Эйкити Каваи. Он подумал и раздельно произнес, вытянув шею к Железному Человеку: — Цха гхо та на!

— Кха го га тангна, — ответил Железный Человек.

Каваи снял очки, озадаченно

поглядел на чешуйчатую тушу, затем перевел взгляд на барона.

— Он говорит, что прибыл от Нижнего Человечества. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что он имеет в виду океанское дно.

— И мы не взяли с собой киноаппарата! — в отчаянии воскликнул один из операторов.

Другой из всех сил кинулся обратно к пляжу. Никто не обратил на это внимания.

— Значит, прибыл с океанского дна, — сказал Като. — А он не врет?

— Откуда он знает по-тангутски? — несмело произнес низенький волосатый курортник.

— Погодите, может быть, я не совсем правильно его понял. Спросим еще раз.

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами. Исида с интересом следил, как вспыхивают и гаснут желтые огоньки в выпуклых, как у рыб-телескопов, глазах чудовища.

— Ничего не скажешь, — проговорил, наконец, Каваи, разводя руками. В голосе у него было смущение, словно Железный Человек совершил бестактность, — с океанского дна, со дна Большого Восточного моря... Так у тангутов назывался Тихий океан. Никакой ошибки.

Барон сунул пистолет под мышку и кусал ногу.

— Начинается прилив, — напомнил Исида.

— Да, да... Послушайте, Каваи-сан, попросите его подняться и следовать за нами. На берегу можно будет поговорить в более удобной обстановке.

— Он говорит, — перевел через минуту Каваи, — что ему трудно ходить. Здесь он весит мно-

* Тангуты — кочевой народ, населяющий плоскогорья Тибета. Авторы никоим образом не рискнут поручиться за грамматическую и фонетическую правильность приводимых здесь тангутских фраз. Предлагаемый рассказ пришел к ним (авторам) издалека и при передаче, надо думать, пострадал особенно сильно именно в этой части.

го больше, чем у себя на Тангна... на родине.

— Мы ему поможем, — с легким сердцем пообещал барон, — за этим дело не станет.

Он повернулся к кинооператорам:

— Вы здоровые ребята, возьмитесь-ка за это дело.

Те поспешно, хотя и не очень охотно, приблизились к Железному Человеку. Загорелый парень в черных фундоси* осторожно приоткрылся к его плечу.

— А-ац!

Исида даже подпрыгнул от неожиданности. Парень в черных фундоси взвыл, опрокинулся на спину и скрылся под водой, задрожав ногами. Через мгновение он вынырнул, отплываясь и ругаясь.

— Черт! Вот черт!.. Он бьет электричеством, как динамо-машина!

Кинооператоры немедленно отошли на исходные рубежи.

— Каков на ощупь? — наивно осведомился низенький волосатый курортник.

— Пощупайте сами, — посоветовал пострадавший, вытирая лицо дрожащей ладонью.

— Скажите ему, чтобы он выключил это свое электричество, — предложил Исида.

Каваи махнул рукой.

— Я не знаю, как это сказать по-тангутски. Тангуты понятия не имеют о таких вещах.

— Но ведь надо же что-то делать?

Вода прибывала. Она доходила уже до пояса. Плечи Железного Человека скрылись под водой, и над поверхностью возвышалась только черная чешуйчатая голова,

* Фундоси — род набедренной повязки, предмет национальной японской одежды.

похожая на перевернутый котелок. Все посмотрели на барона. Барон Като думал.

— Может быть, сбегать за веревкой? — нетерпеливо сказал Исида.

Но Железный Человек обошелся без посторонней помощи. Когда его стеклянные глаза лизнула первая волна, он наклонился и начал подниматься. Видно было, что это стоит ему немалых усилий. Вот над водой вновь появились плечи, затем поката, заостренная книзу грудь и, наконец, раздутый живот и тяжелые, как бревна, ноги. Железный Человек был гораздо выше нормального человеческого роста. Он постоял, слегка покачиваясь, сделал два неуверенных шага, качнулся сильнее, неуклюже замахал трехпальными руками, но удержался и не упал.

— Ну вперед, вперед, — ласково сказал барон Като.

Каваи срывающимся фальцетом выкрикнул короткую фразу, и Железный Человек медленно двинулся к берегу мимо пораженных людей.

В эту минуту Исида впервые в жизни испытал странное чувство: ощущение реальности окружающего мира померкло, все стало зыбким, фантастическим, как во сне. Яркое голубое небо, теплое темно-синее море, бело-желтая полоса пляжа, вдали знакомые очертания Аодзи, затянутые белой дымкой. А рядом громадная, нелепая фигура, грузно шагающая на прямых, негнущихся ногах, лязгающая металлом при каждом движении...

III

Гостя из океанских глубин встречало все население Гонюдо.

Сотни раздетых, полуодетых и почти одетых курортников и местных жителей толпились на берегу. Хотта и один из операторов целились объективами. Откуда-то появились полицейские в светлых мундирах. Они деловито покрикивали, осаживая и удерживая, нагрядая наиболее нетерпеливых толчками в область живота и груди, как это предписывает инструкция. Тощий курортник с серой кожей наркомана упал, на него сейчас же наступили, он громко запротестовал.

— Ти-ше! — заорал кто-то. — Железный Человек ступил на берег Японии!

Несколько минут длилось неловкое молчание, тускло освещенное робкими улыбками. Никто не представлял себе, что можно ожидать от такого гостя, как нужно отнестись к нему и как вообще следует поступать в подобных случаях. Поэтому люди просто глазели. Стрекотали киноаппараты. Парень в черных фундоси гордо объявил: «Он ударил меня током!» — и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Барон Като исподлобья поглядывал на американцев, стоящих в первых рядах. Капитан третьего ранга стоял, отвесив нижнюю губу. Джерри курил сигарету, часто затыгиваясь и сплевывая.

Наконец Каваи кашлянул и выступил вперед.

— Друзья мои! — сказал он. — Этот... кхе... господин прибыл, как вы уже, наверное, знаете... кхе... со дна океана. Вот. Я думаю... кхе, кхе... мы рады его приветствовать на земле. Да?

В толпе недружно крикнули «банзай!». Железный Человек молчал, уставившись перед собой стек-

лянными глазами, и тихонько покачивался.

— Это он взорвался? — спросил курортник-наркоман.

— По всей видимости, он, — тоном величайшего сожаления ответил Каваи.

— Так недолго и людей покалечить, — сердито пробормотал курортник-наркоман.

Каваи сокрушенно вздохнул.

— Что это на нем надето? — не выдержал один из полицейских.

— Одну минуточку! — Через толпу проталкивался массивный человек средних лет, с жирным, обрюзгшим лицом.

— Простите, пожалуйста, за бесцеремонность, — сказал он, — я корреспондент «Токио-симбун». Мне сказали, что это — господин из океана, что он говорит по-тангутски и что уже нашелся переводчик...

— Эйкити Каваи к вашим услугам.

— Так вот, я хотел бы задать господину несколько вопросов. Вы не возражаете?

Исида недоумевал, почему барон не пошлет всех к чертовой матери и не увезет Железного Человека к себе, чтобы там без лишних свидетелей выяснить, нельзя ли извлечь из этого забавного приключения какую-нибудь пользу. Но Като сказал:

— Нет, мы не возражаем.

— Благодарю, — корреспондент бросил изумленный взгляд на барона, стоявшего поодаль с пистолетом под мышкой, — благодарю вас. Господин Каваи, спросите господина из океана, какова цель его прибытия на сушу.

Каваи повернулся к Железному

Человеку, но тот вдруг глухо пробормотал что-то.

— Он утомлен, — перевел Каваи, — и, если не ошибаюсь, ранен.

— Какая жалость! Но все-таки спросите его, умоляю вас!

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами.

— Он прибыл сюда для торговли.

Толпа сдержанно загудела.

— Он говорит, что его раса... кхе... решила завязать сношения с Верхним Человечеством, то есть с нами. Он предлагает торговать. Да... кхунгу... кхе... да, торговать...

— Он будет торговать рыбой? — крикнули в толпе.

— Нижнее Человечество будет торговать алмазами!..

— Ого!

— ...и жемчугом!

Корреспондент быстро записывал. Курортники прорвали редкую цепочку полицейских и придвинулись к Железному Человеку вплотную. Хотта и его операторы неистовствовали.

— Откуда у них алмазы?

— Господин переводчик!

— Что они требуют взамен?..

— Господин переводчик!..

— Ой! Разорвете купальник! Да не вы, а вы...

— Господин переводчик-ик!..

— Выяснилось, что Нижнему Человечеству необходимы... кхе... тяжелые металлы, тяжелее золота... Нет, свинец не нужен... Почему? Потому что это... кхе... да, он так и говорит, потому что это конечное вещество, а им нужны меняющиеся тяжелые металлы. Что он имеет в виду? Не знаю. Не знаю, господа. Возможно, радиоактивные... Кроме то-

го, Нижнее Человечество готово поделиться с Верхним Человечеством своими техническими достижениями. Что касается алмазов и жемчуга — эти драгоценности... кхе... в изобилии водятся там, на дне... Да, им уже давно известна ценность алмазов и жемчуга.

— Друзья мои, будьте благодарными! Не толкайтесь!

— Господин переводчик!.. О господи!..

Кто-то неосторожно уперся рукой в бедро Железного Человека, взвизгнул и бросился назад. Толпа отхлынула.

— Ну можно ли так! Господин Снизу... господин из океана смертельно устал и хочет отдохнуть. Ему плохо!..

— Еще один вопрос! — просительно возопил корреспондент «Токио-симбун».

Исида вопросительно посмотрел на Като. Тот едва заметно покачал головой.

— Слушайте, — сказал Исида, — вам лучше уйти.

— Да, да... — торопливо подхватил Каваи. — Вам лучше уйти, знаете ли...

— Но...

— Идите, идите, — сказал Исида, легонько подталкивая представителя шестой державы к толпе.

Корреспондент возмущился.

— Не трогайте меня! — крикнул он. — В конце концов, почему именно вы монополизируете право общения с гостем всей Японии?!

Тогда Железный Человек слегка нагнулся и протянул к самому лицу корреспондента чешуйчатые влажные ладони. Все замерли, полицейские смущенно переглянулись. Между ладонями с громким треском проскочила фиолетовая

искра. Секунду корреспондент, страшно скосив глаза, смотрел на толстые трехпалые руки, затем отскочил в сторону и с оскорбленным видом удалился.

— Хора, слушайте! — крикнул Исида. — Прошу дать дорогу!

Полицейские расчистили в толпе узкий коридор, который, впрочем, значительно расширился, когда Железный Человек, звякая и гремя, двинулся вслед за бароном Като и Каван. Капитан Исида замыкал шествие. Когда они подошли к «джипу», барон Като приказал шоферу раздобыть несколько пар резиновых ластов. На пляже оказалось много аквалангистов, и ласты были получены через минуту. Напялив их на руки, Исида, шофер, Каван и двое операторов осторожно посадили Железного Человека в «джип». Като осуществлял общее руководство. Железный Человек с лязгом обрушился на сиденье и остался полулежать в крайне неудобной позе — с ногами, торчащими из машины на метр.

— Едем? — спросил Исида, отирая пот со лба.

Като кивнул.

— Только сначала приведем себя в порядок.

Они стыдливо зашли за радиатор и принялись одеваться. Шофер стоял рядом, почтительно держа на вытянутых руках ремни и мундиры.

— Одну минуту, — раздался рядом вкрадчивый голос.

Они обернулись. Это был Джерри; из-под его локтя выглядывал капитан третьего ранга.

— Да? — сказал барон Като.

— Скажите, это действительно человек с океанского дна?

— Полагаю, да. Во всяком случае, чертовски похож.

— Куда вы его везете?

— В Аодзи. Ко мне на квартиру.

— Гм... А почему он взорвался?

— У него что-то лопнуло в его корабле, — небрежно сказал барон, — мы там исцарапали ноги об обломки.

Исида быстро огляделся. Каван и операторы, окруженные любопытными, стояли возле Железного Человека и о чем-то оживленно разговаривали.

— Зачем он вам нужен? — спросил Джерри.

— Станный вопрос...

— А все-таки?

Барон Като затянул ремень, взял у шофера кольт и сунул в кобуру.

— Вы же слышали, — процедил он сквозь зубы. — Нижние Люди готовы поделиться с нами своими техническими достижениями. Мне кажется, они должны понимать кое-что в подводных лодках...

— С кем это «с вами»?

— С нами, с японцами.

— Вы не имеете права, — неуверенно сказал Джерри.

— А вы?

Тут капитан третьего ранга разразился пространной речью по-английски и закончил ее японским «пожалуйста». Джерри хмуро глядел под ноги, разрывая песок носком ботинка.

— Хорошо, — сказал вдруг барон. — Исида, пойдя и отгони от машины этих дураков. И операторов тоже. Оставь только Каван.

Исида нахлобучил фуражку и неуверенно посмотрел на Като.

— Иди, иди, — кивнул барон, — не беспокойся.

И Исида пошел.

Когда через четверть часа он вернулся, потный и воинственный после переговоров с толпой, Джерри, капитан третьего ранга и двое сержантов военной полиции выгружали Железного Человека из «джипа». Кавай растерянно бегал вокруг них, сам Железный Человек слабо сопротивлялся и выкрикивал короткие гортанные слова. Работа спорилась.

— Куда это его? — удивленно спросил Исида.

— У нас нет места в машине. Пусть везут его на своем «додже» в управление базы. В конце концов, ведь мы союзники... — Барон Като мельком взглянул на какую-то сиреневую бумажку, которую держал в руке, сунул ее в карман и выплюнул окурок сигареты.

— Поедем, — сказал он. — Хорошо бы успеть до обеденного перерыва.

IV

Около двух часов ночи с третьего на четвертое апреля адъютант и личный переводчик командующего базой «Шарк» сидел в своей комнате на Симбанге и сочинял отчет. Литературный труд не входил в число любимых занятий лейтенанта Смитсона. Он писал, перечеркивал, вполголоса ругался и то и дело вдохновлялся из плоской прямоугольной бутылки «Уайт Хорс». Он путался в бесконечных «который», «каковой», «последний», мусолил зажим «вечной ручки» и таращил глаза в черную ночь за окном, где над плоской крышей здания управле-

ния базы поднимался кровавый огрызок ущербной луны.

Лейтенант Смитсон, Джерри, парень из Алабамы, еще немного терпения, и ты станешь большим человеком! Самое главное, составить отчет таким образом, чтобы сразу было видно, чего ты стоишь! Чертовски трудная задача все-таки. Итак... «Благодаря решительности и находчивости в трудных условиях начавшегося прилива, при участии и посильной помощи оказавшихся на месте происшествия двух чинов японских сил морской обороны...» Про Колдуэлла упоминать не стоит — этот мямля ничем не помог. Вот без японских чинов не обойдешься: их расписка на пять тысяч долларов подшита к делу. Джерри хихикнул. Он выдал этим господам чек на пять тысяч, а на его банковском счету было всего две. Командующий базы в тот же день возместил Джерри целиком все пять тысяч. Джапам придется помалкивать — дело, хе-хе, деликатное... Так. «Общение с Железным Человеком облегчалось тем, что последний говорит по-тангутски».

Кто эти тангуты? Какие-нибудь допотопные джапы, должно быть. «Переводчиком служил аспирант филологического факультета Киотского университета Эйкити Кавай, специалист по тангутскому языку...» Это пришлось проверить. Кавай действительно оказался аспирантом и т. д., уволенным в прошлом году по не зависящим от него обстоятельствам (в последнее время перебивался репетиторством в богатых семьях). «Железный Человек был доставлен в расположение базы «Шарк» и помещен в здании управления базы, где с ним регулярно проводятся

беседы, имеющие целью выяснить, в какой мере общение и связь с подводным миром может оказаться полезной для ВМС США».

Джерри сам вел эти беседы. Откровенно говоря, толку от них было прискорбно мало. Железный Человек оказался существом чертовски необщительным и тяжелым на подъем. Он воял и непрерывно ныл, что ему плохо, и что у него что-то не в порядке с аппаратурой, и что он торчит здесь, на Верхней Земле, уже бог знает сколько, основные вопросы еще не решены, и что его ждут, и что вообще все они, Верхние Люди, порядочная сволочь. Он наотрез отказался беседовать с профессорами Окубо и Яманиси, знавшими тангутский язык и специально приехавшими из Токио. Он сказал им, что они «кха-кханги», после чего они зарделись и с бешеной вежливостью попросили разрешения покинуть базу. Каваи казался после этого очень довольным: парень здорово боялся конкуренции и из кожи вон лез, чтобы всем угодить — и Железному Человеку, и Джерри, и сержанту охраны. Железный Человек относился к нему тоже неплохо и однажды даже отключил ток и позволил к себе прикоснуться. Каваи сделал это с интересом, а Джерри — по долгу службы. Железный Человек оказался на ощупь именно тем, чем казался на вид, — Железным Человеком. Джерри потом долго мыл руки и ругался. Это был единственный случай, когда Железный Человек позволил к себе прикоснуться. В дальнейшем он бил любого и всякого током, а одного хитроумного лейтенанта-техника, облекшегося в резиновые рукавицы, он так схватил за бока,

что хитроумный лейтенант отлежался целый час.

Джерри прекрасно понимал, что как переводчик Каваи нисколько не хуже других, но как, черт побери, выяснить у этой железной скотины устройство подводных кораблей, позволяющих перемещаться на глубине пяти-семи километров? Как будет по-тангутски «торпеда»? Или «экипаж»? Или «давление на квадратный дюйм»? Позавчера железная обезьяна разразилась пространной речью, так что Каваи едва успевал переводить, а Джерри — записывать. Как казалось сначала, речь шла о грозном оружии подводного нападения и о методах, которыми пользовались Нижние Люди для уничтожения или ограбления кораблей Верхних Людей. Но в середине беседы вдруг выяснилось, что Железный Человек попросту излагает историю «Марии Целесты», захваченной, оказывается, одной из научных экспедиций обитателей океанского дна. Джерри, которому было в высшей степени наплевать на «Марию Целесту», на которого нажимал командующий базой, ожидающий со дня на день прибытия комиссии из штаба ВМС, только вздохнул и слабым голосом попросил Каваи перевести разговор на другую тему.

Короче говоря, Джерри практически ничего не добился. Это будет самое слабое место в отчете. Удалось выяснить только, что где-то в Тихом океане на большой глубине находится громадный подводный город (по аналогии с Атлантидой в газетах его с легкой руки какого-то журналиста назвали Пасифидой *; Железный Чело-

* Пасифида — от Pacific — Тихий океан (англ.).

век же называл этот город «Длинной Дырой»). Где именно находится Пасифида, осталось совершенно неясным, потому что Джерри отчаялся объяснить аспиранту-филологу, что такое «координаты», и вообще у Нижних Людей была своя, совершенно невразумительная система счета. Жители подводного города достигли высокой ступени цивилизации, далеко не в первый раз посещают сушу, но только сейчас находят возможным начать постоянные сношения с людьми. Сам Железный Человек — первый посланец подводного мира. Он готов организовать Общество содружества, основой которого послужат торговые связи. Разве Верхнее Человечество не нуждается в алмазах и жемчуге? О технических достижениях Нижних Людей он распространяться не может за неимением полномочий.

Все это было достаточно приискорбно само по себе. Но вдобавок командующий базой изнемог под давлением общественного мнения и разрешил вчера вечером устроить пресс-конференцию. В присутствии тринадцати корреспондентов от восьми газет Человек из Пасифиды прямо заявил, что оставаться здесь далее не намерен: к нему, видите ли, плохо относятся, мучают пустой болтовней и не дают возможности заняться делом, ради которого он, собственно, прибыл. Он вернется в океан и найдет другой берег, где предложения Нижнего Человечества будут оценены по достоинству.

Пресса взвыла. Сегодняшние утренние газеты разразились неистовой руганью. «Майнити-симбун» обратилась к министру внутренних дел с вопросом, известно ли министру, что Человек из Па-

сифиды, почетный гость Японии, содержится под замком на американской военной базе. «Асахи» предлагала принять немедленные меры. «Японии нужны алмазы!», «Пасифида — город алмазов», «Алмазы или подводные лодки?», «Не позволим американцам дискредитировать Японию в глазах Алмазного Народа!», «Протест Общества покровительства животным»...

«Кэйдзай-симбун» опубликовала интервью своего корреспондента с Человеком из Пасифиды под жирной шапкой: «Есть ли у вас образцы алмазов?» — «Хагуфу! (Вот!)» — отвечает Железный Человек». Фотография изображала подводного гостя, указывающего трехпалой рукой на свой громадный выпуклый глаз. Под фотографией сообщалось об учреждении анонимного акционерного общества «Алмазная Пасифида», готовящего выпуск акций на пять миллиардов иен.

Действительно, после обеда Эйкити Каваи получил телеграмму с предложением принять должность одного из директоров компании и главного консультанта с окладом в сто пятьдесят тысяч иен. Вместе с телеграммой Каваи были вручены пятьдесят тысяч иен представительских. Джерри только облизнулся, узнав об этом. Впрочем, он утешился, попросив Каваи оставить для него акций на восемь тысяч долларов. Это верное дело. Кажется, командующий тоже имел с Каваи приятную беседу на ту же тему. Да что командующий — алмазный ажиотаж охватил всю базу. Несколько часов назад два идиота из охраны — капрал Корн и рядовой Харрис — попытались вывинтить у Железного Парня ал-

мазные глаза. Капрал парализован, рядовой прибежал к Джерри и, трясаясь как студень, признался во всем. Оба будут отданы под суд.

Джерри потер руки и придвинул к себе вечерние газеты. «Новая авантюра; значит, марсианские земельные участки — только цветочки?» Радикалы вонючие!.. «Акции алмазных копей стран свободного мира упали на два и три четверти пункта, положение продолжает оставаться неустойчивым». То-то и оно! «Алмазы Якутии или алмазы Пасифиды?» Фотографии: Человек из Пасифиды сидит в кресле; Человек из Пасифиды и доктор Эйкити Каван; Человек из Пасифиды и Мисс Япония; Человек из Пасифиды читает «Асахи-симбун»... Кретины, господа боже мой!..

Джерри зевнул и взъерошил волосы. Ладно, отчет надо все-таки кончать. Завтра наконец прибывает комиссия. Железному Мальчику не долго остается прохладиться под его — Джерри — крылышком. Погрузят на самолет — и тю-тю!.. Там он выложит все о подводных лодках, уполномочен он или нет. Джерри снова прищурился на луну и закусил конец перламутровой ручки.

Крыша здания управления вдруг подпрыгнула. Белая вспышка озарила окна верхнего этажа. Качнулись стены, со звоном посыпались стекла. Стол скрипнул и покосился, грохнулась на пол бутылка с виски. Громовой раскат ударил в уши. Оглушенный и обалдевший от неожиданности, Джерри соскользнул со стула и юркнул под доконник.

Взрывов больше не было. Снаружи звывли сирены, потянуло горелым. Несколько пар солдат-

ских ботинок торопливо прогрохотали по асфальту. Откуда-то доносились встревоженные крики и гудки автомобилей. Джерри дождал еще немного, встал, трясущимися руками надел пилотку и выбежал на улицу. У подъезда управления он столкнулся с сержантом охраны. Лицо сержанта было потно и вымазано в саже, мундир разорван.

— Я хотел бежать за вами, — задыхаясь, проговорил сержант, — взрыв в комнате восемьдесят восемь, сэр. И пожар. Железный Человек исчез, сэр. Словно и не было. Но пожар потушен, сэр.

Джерри стремительно шел, почти бежал по коридору. Под коблуками омерзительно скрипело битое стекло.

— Часовой, сэр, — сержант едва поспевал за ним, — часовой оглушен, сэр... Кирпич упал прямо на макушку. Как нарочно, сэр...

— «Как нарочно», — машинально повторил Джерри, останавливаясь перед комнатой № 88, в которой содержался Железный Парень.

Она была неузнаваема. Сорванная дверь едва держалась на одной петле. В беспорядочно прыгающих лучах фонариков мелькали груды почерневшей штукатурки, куски кирпича, обвалившиеся перекрытия, дыбом торчали взломанные доски пола. В углу — раздробленные в щепу остатки мебели. Остро воняло гарью и кислотой. Среди этого разрушения, подсвечивая себе фонариками, ползали грязные мокрые солдаты охраны. Джерри споткнулся о пустой огнетушитель, с проклятием отшвырнул его и заорал:

— Что вы здесь делаете, черт вас побери?

Солдат, тщательно перебиравший горсть алебастровой трухи у себя на ладони, испуганно вытянулся.

— Ищем... Ищем Железного Человека, сэр... — заикаясь, проговорил он.

— Вон, вон отсюда! Сержант! Отведите это стадо вниз и оцепите здание! Оставьте мне ваш фонарик, сержант...

Солдаты, толкаясь и сопя, выбрались из комнаты. Оставшись один, Джерри присел на корточки и внимательно огляделся. Никаких следов Железного Парня. Человек из Пасифиды исчез, словно лопнувший мыльный пузырь... Впрочем... Джерри протянул руку и взял тяжелый лоскут металлической ткани, похожий на обрывок средневековой кольчуги. Еще несколько таких клочков, припудренных штукатуркой, виднелись под обломками. Но это было все. Ни крови, ни растерзанных внутренностей, ни раздробленных костей. Вероятно, Человек из Пасифиды был чем-то вроде медузы.

Рассвет застал Джерри перепачканным, утомленным и растерянным. Алмазных очков он так и не нашел. За проломами выбитых окон волновалась толпа, слышались выкрики солдат и полицейских: «Стэнд бэк! Каэрэ! Осади назад!» Джерри понуро пошел к выходу. У порога он наступил на небольшой ящичек, искореженный, как и все в комнате. Джерри уже видел несколько таких ящичков, когда рылся в обломках, но не обратил на них внимания. Сейчас он рассеянно перевернул его носком ботинка. К ящичку прилип, вдавленный в него взрывом, обрывок металлической одежды Человека из Пасифиды. Из-под

сетки виднелся край красно-белой наклейки. Заинтересованный лейтенант Смитсон нагнулся, отодрал чешуйчатую сетку и... Он не поверил своим глазам. На наклейке рядом с большими черными иероглифами красовалась четкая надпись по-английски: «Сухая анодная батарея. 80 вольт. Сделано в Японии. Компания «Токио-Дэнки».

Не менее пяти минут лейтенант разглядывал надпись и ощупывал ящик. Затем воровато огляделся, отодрал наклейку и сунул ее в карман.

V

— «Человек из Пасифиды приходит и уходит», «Человек из Пасифиды — жертва несчастного случая», «Несчастный случай или злой умысел?», «Главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида» Эйкити Каваи сообщает, что незадолго до своей трагической гибели Железному Человеку удалось связаться со своими соотечественниками. Недалек тот день, когда подводные корабли Нижнего Человечества с грузом драгоценных камней войдут в порты нашей страны», «Учредители компании «Алмазная Пасифида» собираются обратиться в международный суд с жалобой на действия командующего базой ВМС США «Шарк».

Барон Като отложил газету.

— Как тебе это нравится?

Капитан Исида аккуратно подцепил палочками и отправил в рот ломтик соленой рыбы.

— Прекрасная дикция. Ты мог бы выступать по радио. Хочешь пива?

Барон покачал головой.

— Я думаю, чего только нельзя натворить в наше время, имея на плечах голову! Кстати, тебя интересуют деньги?

Капитан Исида знал барона пятнадцать лет. Поэтому он не торопясь допил пиво и спокойно спросил:

— Сколько?

Като вытащил пачку банкнотов.

— Пока на твою долю приходится тысяча.

— Иен?

— Что ты! Конечно, долларов. Джерри оказался прохвостом, и я получил всего две тысячи.

— Вот как? — сказал Исида и потянул к себе черно-зеленые бумажки.

— Пересчитай. Это еще не все. Остается господин главный консультант и один из директоров компании «Алмазная Пасифида». Пока он еще ничего не дал. Но он обязательно даст. Он уже обещал, — барон закурил сигарету и продолжал. — Я сразу понял, что это жулики. Потом я узнал и господина Кавани. Я узнал его, как только он снял свои темные очки. Мы уже веселились однажды на

его деньги — в конце марта я продал ему двадцать килограммов динамита и выбракованный экспериментальный костюм для работ с токами высокой частоты. Этот костюм валялся на складе арсенала с сорок четвертого года.

— Вот как? — повторил Исида. Он тщательно пересчитал деньги и сунул их во внутренний карман кителя.

Като вздохнул.

— Да, чего только не сделаешь в наше время, имея хорошую голову и кучу железного тряпья... Между прочим, Кавани обзавелся секретарем. Плечистый парень, похожий на боксера. Кажется, очень сильный...

— Он и должен быть сильным, — кивнул Исида убежденно, — треснуть часового по макушке так, чтобы потом думали, что это кирпичом, может только очень сильный человек.

— Я думаю, без кирпича не обошлось, — возразил барон Като. — Попробуй-ка просиди трое суток в упаковке из резины и железа!

Капитан Исида приятно осклабился и потянулся за бутылкой.

Джон Болт со скрежетом включил четвертую скорость и сплюнул.

Космоавтобус Земля — Пояс Астероидов возвращался почти пустым. Никому не улыбалось лететь этим тихходом с остановками у каждого мало-мальски приличного осколка, уважающие себя пассажиры предпочитали экспресс, и Джону Болту было от чего разозлиться. Живут же люди, гоняют туда-сюда нормальные ракеты — и весело, и приятно, и дешево. А у него что ни рейс — убыток. Если бы не международное соглашение, компания давно прикрыла бы эту лавочку. Правда, всегда набирается по астероидам несколько пассажиров: арендаторы, искатели приключений. Только удовлетворения от такой работы никакого, ни материального, ни морального.

Вот и на этот раз всего трое: желчный старик — налоговый инспектор, лектор из бюро религиозной пропаганды, возвращавшийся к себе во Флориду, и геолог Инночка, излишне серьезная, как все русские, однако весьма милая.

Рейс начался обычной стычкой с пассажирами. Этим командированным средней руки, едва они сядут в автобус, подавай все блага цивилизации разом. Если автобус полон — спросите любого, — шофер не жалеет себя. Но когда пассажиров лишь трое... И Джон Болт переключился на многократно испытанную программу.

— Кушайте на здоровье, господа!

И на завтрак, и на обед, и на ужин — синтетические бобы с китовой тушенкой да подогретый ячменный кофе. Уже на второй день господа пассажиры принялись опу-

БОРИС ЛАПИН

Старинная детская песенка

стошать свои дорожные холодильники.

— Душ к вашим услугам, господа.

Правда, вода из него едва каплет, но мыло смыть можно, если очень постараться.

— Музыку? Пжалста!

Джаз на всю катушку. Через пять минут:

— Водитель, будьте так добры, выключите музыку.

— Пжалста!

— Пустить вентилятор? Ничего не стоит! Только у нас подсели аккумуляторы, боюсь, трудно будет приземлиться.

— Игры к вашим услугам, господа.

Скомплектованы не без юмора: домино — одни «пусто-пусто», шахматы — белые против белых, ни единой черной фигурки, в кости впаяна дробинка — выпадают исключительно шестерки.

— Прошу вас, кино!

Фильмы подобраны по принципу познавательной ценности: «Микросфера кишечника», «Рак легкого», «Современный обряд похорон», «Аварии ракет местного сообщения».

В общем, полный сервис. Никаких отказов. Развлекайтесь, господа пассажиры! Но знайте, что и водителю такого рейса живется не сладко...

На третий день пассажиры полностью прекратили сопротивление. Но удовлетворения Джон Болт не получил: над кем торжествовать? На четвертый день он проснулся за баранкой от запаха жареного мяса. Оказывается, Инночка без спроса включила ультразвуковую печь, на сковороде аппетитно шипели бифштексы. Сделать ей выговор он не решился. Больше того,

вечером, повздыхав по поводу своей одинокой жизни, запустил Чайковского. Потом вынул кляп из сеточки душа. Потом включил вентилятор и подсунул колоду карт — мужчины засели за игру.

Словом, паразиты благоденствовали благодаря этой девчонке, даже не геологу еще, как выяснилось, а просто студентке, возвращающейся с практики. Зато Джон Болт получил право наслаждаться ее щебетом о героической работе геологов на астероидах да еще вздыхать, сидя возле нее.

Автоматика тянула исправно. Джон Болт вышел из рубки и направился в салон. В полутьме разноцветно светился экран: змее-девushка с Веги из одноименного двенадцатисерийного фильма душила в объятиях очередного поклонника. Джон сел рядом с Инночкой, привычно вздохнул, искал на кресле ее руку — и наткнулся на что-то мягкое, теплое, от чего щекотно стало ладони. И вдруг это что-то, что он принял поначалу за часть ее одежды, какую-нибудь финтифлюшку из искусственного меха криптолона, пружинисто вздыбилось под рукой и прыгнуло с кресла.

— Ой, что это у вас? — взвизгнула Инночка.

В свете экрана мелькнула по салону быстрая тень.

Джон Болт считался бравым водителем, немало исколесил космических проселков, правда, в пределах Системы, и случалось с ним разное, но тут внутри у него что-то оборвалось. Если бы автобус прокололо метеоритом, он, наверное, не так испугался бы; в космосе страшно неведомое.

Он заставил себя включить свет. Инспектор и проповедник втисну-

лись в кресла и замерли, Инночка подобрала ноги под себя. Джон Болт оглядел салон. В темном углу за пустыми креслами жалось в комок и мелко дрожало что-то... какое-то живое существо, ни на что не похожее, разве на кошку, но очень отдаленно. Существо казалось одетым в пушистую шубку из белого криптолона, два красных диковатых глаза испуганно косили на людей, длинные звукоуловители вздрагивали.

Преодолев отвращение, Джон Болт шагнул в угол и ухватил существо за эти самые звукоуловители — оно жалобно пискнуло.

— Какая гадость! — сказал он брезгливо. — Чье это?

Фермеры и авантюристы с астероидов не так уж редко перевозят разную контрабанду. Но трое пассажиров переглянулись недоуменно.

— Я думала, это вы принесли, кап, — сказала Инночка.

— Кап, — усмехнулся Болт. — Кто-то из вас везет каких-то экзотических животных, вот что. Придется сделать обыск.

Он холодно посмотрел в глаза всем троем по очереди, и все трое выдержали этот взгляд.

В рубке Джон Болт решительно сунул существо в приборный ящик и нырнул в скафандр. Через несколько минут медленно растворился наружный люк тамбура, и железная рука скафандра вышвырнула четвероногого гостя в черноту космоса.

Вслед за этим Джон Болт провел дезинфекцию, сделал всем соответствующие уколы, проверил имущество пассажиров, тщательно обыскал корабль до самого последнего уголка, до последней щелочки, но ничего подозрительного не

обнаружил. Пассажиры сидели притихшие, угрюмые, и уж ни музыки, ни карты, ни бифштексы не интересовали их.

Понемногу Джон успокоился, решив, что животное пробралась в ракету во время остановки на одном из астероидов; неважно, что все они считались необитаемыми, все равно рано или поздно кто-то же должен был открыть этих пушистых зверюг, так почему бы не он, Джон Болт, водитель первого класса? К вечеру его настроение настолько поднялось, что он смиростивился и, запустив следующую серию про змедедевушку с Веги, уселся возле Инночки.

На самом интересном месте сзади, с пустых кресел, послышался восторженный писк.

Джон Болт вскочил — и сразу упал обратно в кресло: в темноте салона тут и там светились пары зеленых огоньков. Он машинально включил свет. Как зрители в кинотеатре, сидели в креслах белые зверюшки и с любопытством следили за событиями на экране. Ни один из них даже не моргнул.

Инспектор и проповедник, как по команде, лишились сознания. Болт тоже чувствовал себя словно на краю пропасти — кружилась голова, во рту пересохло. Только Инночка на этот раз не испугалась.

— Какис милые зверюшки! — сказала она. — И как им нравится кино! Признайтесь, Джон, вы их контрабандно везете на Землю? Автобус не окупается, маленький бизнес, да?

— Черта с два! — вне себя заорал Джон Болт. — Милые зверюшки! Сейчас все они отправятся вслед за тем, первым... — И он бросился надевать скафандр.

Инночка несмело приблизилась к одному из пушистых зверьков, опасливо положила руку на его мягкую шубку. Зверек вздрогнул, но посмотрел на Инночку доверительно.

— Кис-кис, — сказала она. — Кис-кис, как тебя зовут?

Зверек смешно зашевелил носом с пучочками усов и часто-часто замигал раскосыми глазами. Инночка смотрела на него, гладила, и что-то вспоминалось ей... но никак не могло вспомниться.

— Смотрите, в его мигании есть система, — пробормотал пришедший в себя инспектор. Очевидно, сказала застарелая привычка считать все, что попадает на глаза. — Три... три... девять. Три... четыре... двенадцать. Три... пять... пятнадцать.

— Да это же таблица умножения! — засмеялась Инночка.

Ввалился Джон Болт в громоздком скафандре, с мешком в железных руках, решительно шагнул к ближайшему креслу. Инночка преградила ему путь. Джон откинул лицевую часть шлема:

— В чем дело, что за шутки?

— Он знает таблицу умножения.

— Пусть хоть таблицу логарифмов! Этой нечисти не место на корабле! — И он пошире распахнул мешок.

— Не дам!

Инночка отважно заслонила зверюшку собой, но Джон бесцеремонно оттолкнул ее: для него не было ничего святее безопасности пассажиров. И тут очень кстати вмешался проповедник, который, оказывается, тоже очухался и молча наблюдал за происходящим.

— Уничтожение разумных существ иных формаций, — прогово-

рил он железным голосом электронного Судьи, — карается сроком до десяти лет подводно-исправительных работ.

Джон Болт выронил мешок.

— Неужели? — пробормотал он. — Неужели это... разумные... зверюшки?

— Четыре... два... восемь, — считал тем временем инспектор. — Четыре... три... двенадцать. Четыре... четыре... шестнадцать.

— Разрази меня гром! Да он знает таблицу лучше, чем мой братец Бобби, — признался Джон Болт. — Выходит, они грамотные. Господа, — обратился он к зверькам, — не угодно ли заказать ужин? Впрочем, черт их знает, что они едят.

Он принес миску бобов, китовое мясо, сахар, кофе — зверьки вежливо обнюхали угощение, но есть отказались.

— Что же вам угодно? Может быть, выпить?

Но и виски не заинтересовало новых пассажиров. Проповедник протянул руку, взял стаканчик, понюхал.

— С содовой? Какое же разумное существо станет пить такую гадость? Если бы чистое... — И он, выручая Джона, опрокинул стаканчик.

— Тогда чем могу служить, господа? — спросил Джон без всякой надежды получить ответ.

И тут один из этих пушистых соскочил с кресла и несколько раз настойчиво прыгнул в сторону экрана. Его звукоуловители просительно прижались к спине.

— Кино! — догадалась Инночка. — Они просят кино.

Пока странные зверьки смотрели фильм, люди собрались в рубке.

— Веселенькая перспектива, — сказал водитель. — Кто бы они ни были, эти ушастые, месячный карантин нам обеспечен. В лучшем случае. А в худшем — какая-нибудь новая болезнь. Свеженькая, еще не известная медицине. Тогда нас развернут и отбуксируют за пределы Системы на вечную прогулку. На Земле своих болезней хватает.

— Недурственно, — сказала Инночка. — В таком приятном обществе.

— Во всяком случае, скучать вы не будете, — заверил проповедник. — Ежедневно до скончания века вам обеспечена добротная лекция во славу господина бога.

— Но откуда же они взялись, эти одиннадцать безбилетных? — спросил инспектор.

— В том-то и загвоздка. Вчера не было ни одного, ручаюсь. Может, какие-нибудь семена... споры?

— Мне кажется, — как бы про себя проговорила Инночка, — я их уже видела где-то... очень давно...

— Еще бы! Только вчера я вышвырнул в люк точно такого же.

— Нет, нет, я видела их как будто еще в детстве.

— Во сне, — отрезал Джон. — Как бы там ни было, господина, я обязан связаться с диспетчерской. Может, они что-нибудь знают. А не знают, пусть думают, им за это денежки платят. Слава богу, у нас в запасе неделя. И десять серий змеешевушки.

Утром пришла радиограмма: «Белые пушистые зверьки с длинными звукоуловителями также зеленые чертики с хвостами науке неизвестны тчк Прекратите злоупотребление спиртным тчк Следуйте прежним курсом».

Разъяренный Джон Болт послал второй запрос, на сей раз прямо в управление. Ответ последовал мгновенно: «Немедленно шлите телефотограмму внешнего вида зпт ведите наблюдения зпт пытайтесь вступить в контакт зпт будьте крайне осторожны тчк Ждите дальнейших инструкций».

Утром гости снова отказались от еды и выпивки, но в креслах чувствовали себя хозяевами, лежали, уютно развалившись, время от времени лениво почесывались задними лапками. Один из пушистых, знаток таблицы умножения, опять начал сигнализировать глазами.

— Что-то мудреное, — сказал инспектор. — Что бы это значило, кап?

Джон Болт нехотя пригляделся.

— Кажется, дифференциальные уравнения. Черт их знает, что за народ. Может, он шпарит единую теорию поля или что-нибудь еще похлестче. Чует мое сердце, на этом деле можно еще тот бизнес сделать. Надо бы записывать, да как?

— То-то и оно! А не попытаться ли все-таки поговорить с ними?

— Кис-кис, мур-мур, брысь! — попробовала Инночка.

— Это вам не котята — это разумные существа, — поучительно заметил проповедник. — Между прочим, еще одно доказательство величия господина бога.

— Нас четверо, — предложил инспектор, мысли которого постоянно вертелись вокруг цифр. — Их одиннадцать, так? Сообщим?

— Браво! Валяйте!

Инспектор старательно отморгал. Зверьки поняли, радостно всполошились, зашевелили носами, залопотали по-своему, сбившись в кучку.

— Усвоили, что мы тоже разумные существа, — мрачно усмехнулся Джон Болт.

— А теперь надо сообщить, что нас на Земле пять миллиардов. На всякий случай.

— Мигать пять миллиардов раз? — возмущился инспектор. — Нет уж, увольте!

— Раз, два, три, четыре, пять... Раз, два, три, четыре, пять, — что-то мучительно вспоминала Инночка. — Вертится в голове — и только! Вроде как с самого детства. Что бы это значило?

Пришла еще одна радиограмма: «Поздравляем открытием новой цивилизации тчк Продолжайте наблюдения зпт следуйте заданным курсом тчк Попытайтесь передать двтч Земля ждет дорогих гостей».

Джон Болт не сдержал торжества:

— Открыть новую цивилизацию, и не где-то в глубинах космоса, а здесь, у себя в Системе, на автобусном маршруте — вот это да!

Тихо играла музыка, все четверо сидели молча, думали каждый свое. А в креслах дремали одиннадцать длинноухих представителей неведомой цивилизации.

Детский хор затянул что-то трогательными, неокрепшими голосками. И тут Инночка вспомнила... Вспомнила песочные формочки, лопатку, цветные картинки, по которым рассказывала воспитательница детского сада, и хоровод с такой же неприятной песенкой. Она вскочила и запела:

— «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет... — Она стрельнула пальцем в зверька. —

Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умирает зайчик мой...» Зайчики, милые вы мои зайчики!

— Зайцы? — туго вспоминали мужчины. — Зайцы?..

— Зайцы — это безбилетные пассажиры, — заметил Джон Болт.

— Зайцы — это отблески от зеркала, — сказал инспектор.

— Нет, зайцы — это шары в бильярде, — возразил проповедник.

— Зайчишки, зайчишки! — по-детски засмеялась Инночка и, бесцеремонно ухватив двух зайцев за уши, закружилась с ними по салону.

— Зайцы, зайцы... — бормотал инспектор. — Точно, водились в древности на Земле такие зверюшки, и было их довольно много, но потом их всех истребили до единого. Я читал об этом в какой-то книге.

— Забавно, — задумчиво сказал Джон Болт. — Цивилизация без прописки. Космические странники. При случае не прочь прокатиться задаром на попутной ракете. Потому, верно, и безбилетников зайцами прозвали в древние времена.

— Одного не понимаю, — сказала Инночка, поглаживая зайцев. — Как же так получилось: когда их было много, никто не заметил, что они разумные?

— Никому в голову не пришло считать их морганья, — ответил инспектор. — У человека разговор с ними был короткий. Пиф-паф — и точка!

— Проморгали, — мрачно пошутил Джон Болт.

— Зайчики, зайчики, мальчики с пальчики! — напевала Инночка, тормоша зайцев. — Джон, у вас

есть морковка? Они едят морковку.

Джон умчался в кухонный отсек. Через несколько минут зайцы аппетитно хрустели морковью. Четверо людей блаженно следили за ними, и лица у всех четверых стали совсем детскими...

* * *

Утром салон оказался гнетуще пуст.

— Н-да... — почесал в затылке

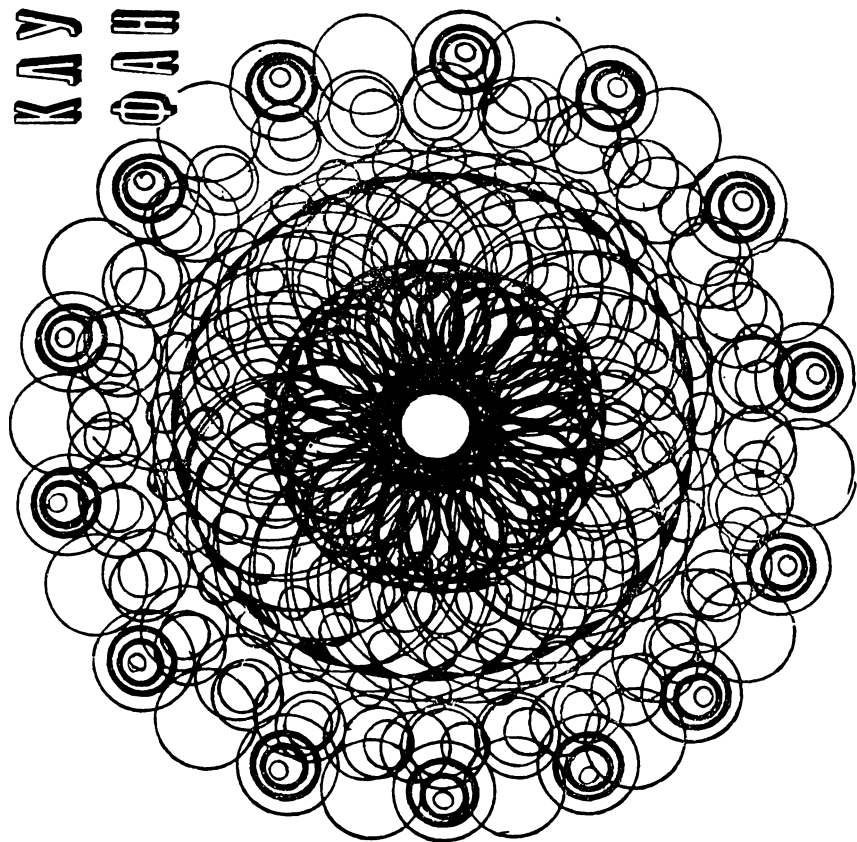
Джон. — Сошли на своей остановке. Прямо через стены, как и вошли.

— Очевидно, Земля их не прельщает, — невесело заметил инспектор.

— Глупцы! — проворчал проповедник. — Глупцы мы, человечество! Варвары! Людоеды! Креста на нас нет!

Инночка плакала крупными слезами. Джон Болт, хлопнув дверью, ушел в рубку. Противно было видеть друг друга.

КЛУБ
ФАНТАСТОВ

72

**Ю. КАГАРЛИЦКИЙ,
доктор филологических наук**

Два вопроса Герберту Уэллсу

Мало о чем так долго спорили, как об отношениях литературы к науке. Этот спор ярким пламенем разгорелся в XVIII веке, и веское суждение о проблемах, в нем поднятых, высказал Гегель. Он возобновился в XIX веке, и свои аргументы привел Томас Генри Хаксли (Гексли). Он снова вспыхнул в наши дни. Что это за удивительный бесконечный спор? Почему стороны не только не могут прийти к соглашению, но и просто договориться о некоторых общих понятиях — за два-то столетия! Не служит ли это доказательством того, что литература и наука не имеют между собой ничего общего?

В некоторых случаях. — что греха таить! — не имеют. В декабре 1971 года «Литературная газета» начала дискуссию «Наука и общество»; среди прочих вопросов был предложен и наш, традиционный, — об отношениях литературы и искусства. Вот что ответил на него академик М. Леонтович: «Пренебрежение к литературе и искусству имеется у многих ученых. Я думаю, что чаще всего оно объясняется просто тем, что у большинства людей хватает сил на работу в одной области, а чтобы оправдать свое незнание других областей, они выдают это за пренебрежение к ним. То же часто имеет место у людей искусства по отношению к науке». Доказательством правоты М. Леонтовича могли послужить слова английского профессора А. Мартина, лауреата Нобелевской премии по химии, приведенные на той же странице. Противник самой мысли о взаимосвязи литературы и науки, знаменитый химик в нескольких

строчках с истинно научной полнотой показывает полное непонимание того, что такое искусство, зачем существует, что оно дает людям.

Но мы ведь говорим не о том, насколько совмещаются гуманитарные и научные представления в голове тех или иных литераторов или ученых. Речь идет об отношении этих двух областей в истории человечества, в его самосознании, а здесь трудно поспорить с Гегелем, который в «Лекциях по эстетике» дал классический ответ на этот вопрос. По словам Гегеля, в каждую эпоху существуют «служебные» литература и наука, направленные на развлечение или на достижение каких-то узкопрактических целей, и те литература и наука, которые своей задачей ставят постижение мира. Последние близки между собой.

И все-таки спор продолжается. Почему?

Скорей всего дело в том, что в каждые несколько десятилетий, а тем более в каждое столетие возникают новые области, где вопрос об отношениях гуманитарного и естественнонаучного знания должен решаться заново. В наше время этот вопрос предстал в двух новых аспектах.

Во-первых, за годы второй научно-технической революции научно возросло число людей, занятых в науке, что вопрос этот приобрел серьезный социологический интерес. Не сказывается ли неизбежная специализация пагубно на этих десятках миллионов? Не приводит ли усложнение каждой узкопрофессиональной области к потерям в сфере общекультурных запросов? Или, напротив, создает

новые кадры людей, способных воспринять общую культуру? Об этих проблемах не просто спорят — их исследуют, опираясь на методы конкретной социологии, — исследуют широко и всерьез. Неплохое представление об этом дает уже периодическая печать.

Во-вторых, необыкновенное развитие получила научная фантастика. Не стоит сейчас затевать спор о том, когда она возникла и когда завоевала право именоваться «научной», важнее другое — именно в наш век она стала достаточно самостоятельной и обширной областью литературы. Научная фантастика в силу своей популярности влияет на общественное сознание — и здесь социологический и литературный аспекты проблемы сближаются. Она является литературой и, значит, подчинена законам искусства в целом и этой его области в частности. Она «научная» — как толковать это слово применительно к ней? Всеми этими и многими другими вопросами наши литературоведы занимаются и, мне кажется, чем дальше, тем все более успешно. Но мы, литературоведы, в отличие от социологов как-то очень быстро приходим к обобщениям. Не стоит ли нам последовать их примеру и провести своего рода опрос среди ведущих фантастов? Пользуясь, разумеется, нашими методами — у нас ведь то преимущество, что мы вправе задавать свои вопросы фантастам прошлого и ждать самых объективных ответов. Литературоведы выслушивают не только самих писателей. В пользу (или против) высказанных писателями мнений свидетельствуют произведения, писателями этими

созданные. Так не начать ли нам с человека, творчество которого заложило, по общему признанию, основы современной фантастики — с Герберта Уэллса?

Спросим его только о двух вещах. Вот они, эти вопросы.

Первое. Мы знаем, мистер Уэллс, что вы родились в очень простой семье. Ваш подход к миру науки и искусства не определялся какого-либо рода семейными традициями. Вы не знали в этом смысле влияний, которые оставляют в душе человека такие ранние следы, что кажутся органичными. «Взрослый» культурный мир предстал перед вами, когда вы были уже в достаточно зрелом возрасте. Ощутили ли вы какие-либо противоречия между этими двумя видами человеческой деятельности?

И второе. Вы получили естественнонаучное образование и всю жизнь оставались преданны интересам науки. Как случилось, что наука прямо подтолкнула вас к писательству, а занятия писательским ремеслом не увели от науки?

Мы понимаем, конечно, что вопросы эти очень связаны между собой, но в интересах последовательности изложения просим ответить на них по порядку. И не надо начинать с выводов. Расскажите сначала просто, как все было.

Итак, ВОПРОС ПЕРВЫЙ

— Я прошу вас помнить, что я способен рассказать только о том, как обстояло дело со мной, со мной как таковым, — иными словами, с человеком, обладающим определенным складом ума и психики. И я считаю очень важным заявить об этом сразу же — ведь меня немало и очень несправедливо обвиняли в том, что

я будто бы не интересуюсь самым индивидуальным в человеке, пытаюсь изобразить человека «усредненного». Это абсолютно неверно. Еще в двадцатипятилетнем возрасте я написал статью «Новое открытие единичного», где доказывал, что реальность бесконечно многообразна. Статистика необходима, но она относится только к области больших чисел, и, прозвучав слово «тысяча человек», мы должны помнить, что речь идет о тысяче разных людей, очень индивидуальных, один на другого не похожих. Открытие для себя литературы, искусства, науки — это в последнее время, и чем дальше, тем больше, открытие окружающего мира. Он появляется перед нами в значительной мере в опосредствованных формах. В этом видели одно из дурных влияний времени — человек оказывается отрезан от природы, он теряет непосредственность... Возможно. В разные периоды своей жизни я думал об этом немного по-разному и не хотел бы ввязываться сейчас в этот спор. Но не забудьте — приобщаясь к миру через науку и искусство, человек приобщается заодно к человечеству, начинает ощущать себя частью этой великой общности. И, что тоже, по-моему, очень важно, он приобщается к человечеству, понимая в его истории, ибо ни литература, ни наука не существуют вне истории. Вы представляете себе, как трудно дается приобщение чего-то столь ограниченного во времени — человека — к чему-то почти бесконечному — человечеству? И уже поэтому такое приобщение происходит у каждого по-разному. У одних более, у дру-

них менее полно, у одних прежде всего за счет интереса к искусству, у других за счет интереса к науке. Но мне все же казалось, что одно неизбежно влечет за собой другое, нельзя ограничиться лишь половиной мира, надо стремиться охватить его весь! Вернее сказать, надо оставаться последовательным. Я только что упомянул свою статью 1891 года «Новое открытие единичного». Размышляя над проблемами, поставленными в этой статье, я, конечно же, очень приблизился к писательству. Я с тех пор больше стремился оценить отдельную индивидуальность. Но знаете ли вы, что именно наука заставила меня принять такой взгляд на вещи? Я в те годы особенно много занимался теорией Дарвина, Дарвин же доказал, что именно благодаря индивидуальным различиям между животными происходит развитие вида. «Здравый смысл» XVIII века видел в отклонениях лишь «ошибку природы». Великое открытие Дарвина вернуло индивиду его законное место. И еще один аргумент мне хотелось бы привести в защиту своего убеждения, что человек должен воспринимать и мир литературы и мир науки. Человек — существо многофункциональное. В этом одна из его особенностей, в этом, как правильно заметил мой друг Бернард Шоу, выступая после представления пьесы Карела Чапека «RUR», его основное отличие от робота. О том, что многофункциональность помогает человеку оставаться человеком, я, впрочем, писал еще до Шоу. Прочтите с этой точки зрения мою «Машину времени». Не потому ли погибло, распалось на две породы полулюдей человечество,

что одна его часть жила лишь духовными, а другая — лишь материальными интересами, сосредоточилась в мире техники?

Конечно, путь к овладению миром науки и искусства у каждого свой. Мне по складу моего мышления надо было сначала представить себе мир в самых общих чертах, в основных его закономерностях, и только потом я сумел заинтересоваться конкретными проявлениями жизни. Другие, вероятно, должны идти от частного к общему. Но понять как следует мир, остановившись на полпути, ограничив себя только литературой или только наукой, по-моему, невозможно.

— Спасибо.

— Не стоит. Тем более что я не намерен больше работать за автора. Пусть пишет сам. Тогда у него, кстати, не будет искушения выдавать свои мысли за мои. Что ж, придется писать самому...

Конечно, Уэллс, как уже говорилось, не мог много почерпнуть в своей семье. Но это значит лишь, что чужие влияния он воспринял позже, чем ребенок, принадлежащий к более культурному кругу. В целом же без чужих влияний не обошлось. И к своему представлению о необходимости видеть мир и глазами ученого и глазами писателя Уэллс пришел не сам. Это было общее убеждение среды, к которой он приобщился, поступив на педагогический факультет Лондонского университета. Традиция эта шла от Дарвина.

Широко известны строки из автобиографии Дарвина, где он сетует, что уже много лет не может заставить себя прочитать ни одной

стихотворной строки, потерял вкус к живописи и музыке. Но это было следствием колоссального перенапряжения — природа мстила Дарвину за раскрытие одной из своих величайших тайн — и воспринималось им самим как огромная потеря. До этого все было иначе. Дарвин не только писал о законах природы. Он наслаждался ею. Она открывалась ему, как открывается только поэтам. Он умел ценить ее красоту и красоту подлинного искусства.

К. Тимирязев в статье «Кембридж и Дарвин», где он рассказывает о своей поездке на празднование пятидесятилетия со дня выхода в свет «Происхождения видов» (1909 г.), приводит интересные отрывки из речи сына Дарвина Вильяма:

«...его воображение находило себе пищу в красоте ландшафта, цветов или вообще растений, в музыке, да еще в романах... Я думаю, что без этого не было бы некоторых страниц «Происхождения видов» или того известного письма к моей матери из Мурпарка, в котором, описывая, как, задремав в лесу и внезапно разбуженный пением птиц и прыгавшими над его головой белками, он был так всецело поглощен красотой окружающей картины, что ему в первый раз в жизни, казалось, не было никакого дела до того, как создавались все эти птицы и зверушки. Всего этого не мог бы написать человек, не обладавший глубоким чувством красоты и поэзии в природе и жизни».

Поэтому «Происхождение видов» нередко обращало на себя внимание не только как научное, но и как литературное произведе-

ние. Один из крупнейших английских литературоведов, Джордж Сентсбери, называл Дарвина человеком настоящего литературного таланта, а может быть, и гениальности. «Литературная экипировка Дарвина совершенно блестяща, — писал другой историк английской литературы, Комптон Рикет. — Он почти всегда замечательный мастер». О. Мандельштам объяснял огромный успех «Происхождения видов» у широкого читателя (этот успех сравнивали с успехом «Страданий юного Вертера» Гёте!) не одними лишь открытиями, заключенными в этой книге, но и тем, что «ее приняли как литературное событие, в ней почуяли большую и серьезную новизну формы».

Уэллс понимал это не хуже других. Впоследствии, создавая теорию романа, он опирался не только на писателей, но и на Дарвина. Неважно, что Дарвин писал в другой области — он дал, по мнению Уэллса, образец того типа мышления, который способен принести плоды повсюду. И сколько бы примеров ни приводил Уэллс во время своих литературных споров из истории европейского и английского романа, за всем этим стоял огромный, однажды поразивший его и навсегда с ним оставшийся пример «Происхождения видов» — книги, объединившей при помощи великой идеи бесконечное разнообразие фактов. Этого же он требовал от романа. Такой роман, говорил он, был бы способен «вобрать в себя всю жизнь».

Дарвин умер еще до прихода Уэллса в Лондонский университет. На кафедре, с которой он совсем недавно читал свои лек-

ции, стоял сейчас любимый его ученик Томас Генри Хаксли (Гексли). Уэллс всегда с гордостью называл Хаксли своим учителем. Это касалось не только науки. Авторитет Хаксли как литератора был неоспорим. Некоторые его эссе еще при жизни вошли в круг обязательного чтения по литературе для средней школы; причем свой знаменитый стиль Хаксли выработал, во всем оставаясь ученым. «Никто лучше его не подтверждал своим примером афоризм Бюффона: «Стиль — это человек», — писал в своих воспоминаниях сын знаменитого натуралиста. — Литература и наука, которые так часто оказываются разлучены, в нем снова соединились; литература обязана ему тем, что он внес в нее столь многое от высокого научного мышления и показал, что правда отнюдь не всегда бесцветна и что настоящая сила заключена скорее в исчерпывающей точности, чем в цветистости стиля».

Хаксли и сам не раз писал об отношениях Искусства и Науки.

«Принято считать, что наука относится к области разума, а искусство, в отличие от нее, — к области чувства, — пишет Хаксли в 1882 году в статье «О науке и искусстве». — Это не так. Ученый нередко получает эмоциональное и эстетическое удовольствие от своей работы, и математики с полным правом называют самые остроумные решения «красивыми». С другой стороны, подавляющее большинство форм искусства не принадлежит к области «чистого искусства». Они приобретают свойства искусства за счет одновременного, пускай даже бессознательного упражнения ин-

теллекта. Чем больше искусство соответствует природе, тем значительней его интеллектуальный элемент. Без него верность природе вообще невозможна. Значение его все возрастает по мере того, как возрастают культура и осведомленность тех, к кому обращается искусство».

Но Хаксли был далек от мысли, будто познавательная сторона искусства способна вытеснить эмоциональную его сторону. Наука, по Хаксли, нисколько не разрушает искусство. «Я всю жизнь испытывал острое наслаждение, встречаясь с красотой, которую предлагают нам природа и искусство, — писал он. — Физика, надо думать, окажется когда-нибудь в состоянии сообщить нашим потомкам точные физические условия, при которых возникает это удивительное и восторженное ощущение красоты. Но если такой день и придет, наслаждение и восторг при созерцании красоты по-прежнему пребудут вне мира, истолкованного физикой».

Искусство, считал Хаксли, отнюдь не играет при науке служебную роль. Их отношения не складываются по такой схеме: наука отыскивает истину, искусство помогает ее распространить и освоить. Нет, искусство само по себе является средством исследования мира и нахождения истины. Но столь же твердо Хаксли верил в то, что художник, чей разум развился в общении с современным знанием, имеет преимущества перед художником, безразличным к науке. Художник, отвернувшийся от науки, — это для него художник, отвернувшийся от современности, не желающий мыслить в ее масштабах, принять ее

взгляд на вселенную, задуматься о человеке и мироздании.

Это все так похоже на то, из чего исходил Уэллс, что, казалось бы, сейчас самое время воскликнуть: вот как ученый и литератор Хаксли подготовил великого писателя Уэллса! Одна беда — Уэллс-фантаст начинал потихоньку от своего учителя, явно стесняясь его. Первую свою фантастическую вещь — «Рассказ о XX веке» — он написал как пародию на фантастику и напечатал под псевдонимом. И дело здесь не в том, что он боялся оказаться плохим научным фантастом. Как это ни печально, хороший научно-фантастический рассказ, напечатанный его учеником, огорчил бы Хаксли ничуть не меньше, чем плохой...

У Хаксли нет прямых заявлений о фантастической литературе, но, судя по всему контексту его высказываний, она не могла быть предметом его особой привязанности. Это тем удивительнее, что сам он порою строил мыслительные схемы, которые по праву можно назвать научно-фантастическими. Однако если такое случалось, он сам ставил себе предел. Изложив перед слушателями какое-нибудь фантастическое предположение, он тут же предостерегал их против него, как бы ни было это интересно. Подобные построения, по его словам, не обладали одним из важнейших атрибутов научности — доказательностью. Поскольку же истинная литература должна основываться на прочном и все расширяющемся знании, не годятся они и для литературы...

Какие все-таки парадоксы строит история — ведь все это гово-

рил человек, прямо задавший Уэллсу тему «Войны миров»!

Да, это сделал именно Хаксли — нечаянно, разумеется.

В 1892 году Хаксли в споре с церковниками, упрямо именовавшими человека «венцом творения», писал: «Если смотреть на этот вопрос со строго научной точки зрения, то утверждение, будто в мирадах миров, разбросанных в бесконечном пространстве, не существует интеллект, во столько же раз превосходящий интеллект человека, во сколько человеческий интеллект превосходит интеллект черного таракана, и во столько же раз способный эффективней воздействовать на природу... кажется мне не только бессознательным, но и наглým».

При этом, продолжал Хаксли, «легко заселить космос существами, все более, по возрастающей шкале, совершенными, пока мы не достигнем чего-то практически неотличимого от всемогущества, всеприсутствия и всеведения... Подобная аналогия могла бы оправдать построение натуралистической теологии и демонологии, не менее удивительной, чем ныне существующая сверхъестественная, а также, равным образом, помогла бы заселить Марс или Юпитер живыми формами, которым земная биология не может предложить никаких соответствий».

Об одной ли «Войне миров» может идти здесь речь? Нет, разумеется, Хаксли, по сути дела, начертал программу для научной фантастики, посвященной дальним космическим полетам, на много десятилетий вперед, чуть ли не на столетие; причем предусмотрел использование подобных возможностей не только научной фанта-

стиков, но и религиозной, пример которой много десятилетий спустя, во время второй мировой войны, показал Клайв Степлс Льюис в своей трилогии «С молчаливой планеты», «Переландра» и «Уродливая сила». Льюис в отличие от оппонентов Хаксли уже не просто воюет с наукой — он пытается подкрепить свои построения ее авторитетом, и герой попадает на чужую планету с помощью ракеты, сконструированной злодеем-физиком. Там он находил сверхъестественные существа, весьма реально существующие.

Подобной вот «натуралистической демонологии» и боялся Хаксли. И поэтому он так настойчиво предостерегал читателей от увлечения только что изложенными им самим мыслительными схемами. С известной точки зрения, предупреждал Хаксли, все это антинаучно. Наука требует фактов, и признание того, что тот или иной предмет мог бы существовать, не равнозначно доказательству того, что он действительно существует. Поэтому, пишет Хаксли, всякий разумный человек примет по отношению к иноземным формам жизни вердикт «не доказано» и не станет за отсутствием фактов, из-за краткости человеческой жизни и достаточно-го количества серьезных дел всем этим всерьез интересоваться.

Просто ли было после подобной отповеди написать «Войну миров», да и вообще заняться научной фантастикой? Особенно Уэллсу, исполненному любви и почтения к своему учителю. И все-таки он написал этот роман, сделав лишь оговорку, что марсиане, превосходящие человека по интеллекту, «такие же смертные, как он».

«Ученый пишет романы» называлась одна из первых статей о фантастике Уэллса. Это было сказано в лучшем случае не точно. Романы писал уже писатель. И для того чтобы стать писателем, стать тем Гербертом Уэллсом, которого мы знаем, ученику профессора Хаксли пришлось не просто преодолеть внутренний запрет, не просто «научиться писать» — ему надо было и ученым сделаться не совсем таким, какой должен был выйти из рук Томаса Хаксли.

ВОПРОС ВТОРОЙ

...И все-таки он оставался ученым.

Речь идет не о том, продолжал ли Уэллс работать в лаборатории — он в ней не работал. Дело в гораздо более важном: Уэллс сохранил и даже в чем-то развил для себя научный тип мышления.

В годы, когда начинал Уэллс, это имело немалое значение. Отношение к той или иной научной теории в литературно-художественной среде определялось зачастую совсем не тем, верна или неверна эта теория, а соображениями совсем иного рода — прежде всего тем, какого рода картину жизни она помогает утвердить в сознании людей. Один случай в этом отношении особенно нагляден.

В 1906 году Фабианское общество организовало в Лондоне цикл лекций под названием «Пророки XX века». Лекцию о Дарвине было поручено прочитать Бернарду Шоу. И вот что слышали лондонцы из уст великого драматурга и знаменитого оратора:

Дарвинисты, говорил Шоу, — это люди «без воображения, философии, поэзии, совести и приличий. Ибо «естественный отбор»

лишен нравственного смысла, он имеет дело с той стороной эволюции, в которой нет цели, нет сознания, и его лучше называть «случайный отбор», а еще лучше — «неестественный отбор», поскольку нет ничего более неестественного, чем случайность. Если бы можно было доказать, что вся вселенная возникла в результате подобного отбора, жизнь представляла бы ценность только для дураков и мерзавцев». Как нетрудно заметить, Шоу опровергает здесь теорию Дарвина на одном-единственном основании — она для него неприемлема с моральной точки зрения!

Уэллс относился к науке иначе. Оценивал ли он ее, исходя из нравственных категорий? Да, разумеется. Без этого он не был бы писателем и мыслителем. Но он прекрасно понимал, что имеет дело с реальностью, которую не вправе отменять в пользу выдумки — может быть, даже весьма симпатичной (как это сделал Шоу, объявив, что миром движет не слепой естественный отбор, а сознательная «жизненная сила»). Для него наука была выражением объективного мира, она помогала увидеть его таким, какой он есть.

То, что Уэллс сейчас был еще и писателем, в известной мере даже помогало ему как ученому — он находил какие-то новые повороты мысли, он вносил в науку свой опыт, приобретенный за стенами лаборатории.

Впервые это сказалось при обсуждении вопроса (сейчас снова возникающего) о том, прекратилась ли эволюция человека. Хаксли считал, что человек давно стабилизировался как биологиче-

ское существо, и Уэллс несколько раз публиковал на ту же тему правоверно-хакслианские статьи. Но одновременно в нем созревало убеждение, что, если в рассмотрении этой проблемы привнести социальный фактор, ответ может прозвучать иначе. В 1893 году он идет на риск — публикует статью «Человек миллионного года», где пытается доказать, что эволюция человека продолжается, — более того, что в результате нее человек станет, по сути дела, совершенно иным существом, куда менее похожим на современного человека, чем тот — на своего доисторического предка.

Поскольку, говорит Уэллс, институт брака носит социальный характер, социальные факторы не могут не сказаться на формировании брачных пар, а значит, должны приводить в движение механизм эволюции и придавать ей определенное направление. Современный человек утверждается в обществе благодаря в первую очередь свойствам ума, а не тела, и эти качества будут накапливаться в процессе социально-направленной эволюции еще быстрее, чем в процессе эволюции, подстегиваемой естественным отбором. Не мешает вспомнить, продолжает Уэллс, что даже слепой механизм естественного отбора создавал человека, совершенствуя его разум. Как организм птицы приспособлен к потребностям полета, так организм человека все более приспособляется к потребностям мышления. Тело птицы подчинили себе крылья, тело человека подчинил себе мозг. И чем дальше, тем больше будет его себе подчинять.

Эволюция по-разному влияет

на разные части тела. Рука, поскольку она является «учителем и толмачом мозга», разовьется. Она делается сильнее и гибче, приспособленной к тонким работам. Остальные мускулы тела, напротив, ослабнут и будут почти неразличимы. Зато необычайно увеличится голова —местилище разросшегося мозга. При этом она не сохранит прежних пропорций. Черты лица сгладятся, уши, нос, надбровные дуги не будут выступать, как прежде, подбородок и рот станут крошечными — они ведь сделаются не нужны...

Да, не нужны, продолжает Уэллс, сохраняя все тот же бесстрастный тон. В этом легко убедиться при помощи простейшего рассуждения. Животные предки человека пожирали сырую пищу, тратя в результате огромную энергию на пищеварение. Человек себе этот процесс облегчает — он свою пищу предварительно готовит. В дальнейшем же он будет получать пищу не только приготовленной, но, если угодно, «прожеванной и переваренной». Химия даст ему наиболее легко усваиваемые вещества в наиболее законченном виде. В результате отпадает нужда в пищеварении. Вслед за тем человек научится усваивать пищу непосредственно из окружающей среды, и «столовые» миллионного года будут представлять собой огромные, заполненные питательными растворами бассейны, куда люди (с виду они, правда, будут скорей походить на спрутов) будут приезжать поплавать немного, а тем самым и подкормиться...

Уэллс был прав, постоянно повторяя в ходе своих рассуждений, что речь идет не о человеке, а о

его далеком потомке. В нарисованном им существе очень мало от человека.

А впрочем, мы ведь где-то встречали подобные существа. Ну конечно же — в романах Уэллса! Когда был опубликован «Человек миллионного года», Уэллс удостоился немалой чести. Журнал «Панч» поместил на него карикатуру. В «Войне миров» Уэллс не удержался и ответил «Панчу». Приход марсиан, как две капли воды похожих на «людей миллионного года», подтвердил, по его словам, правоту автора, высмеянного недалеким юмористом. В романе «Первые люди на Луне» он снова вспомнил свой ранний очерк, и Великий Лунарий мог бы послужить еще одним аргументом против карикатуриста из «Панча».

Так чем же в таком случае занимался автор «Человека миллионного года» — высказывал свою точку зрения в научном споре или готовил, используя научные сведения, которыми располагал, фантастические образы своих будущих романов?!

Вряд ли он сам мог как следует ответить на этот вопрос. «Человек миллионного года» напугал его не меньше, чем иных его читателей. Точка зрения Хаксли (эволюция человека прекратилась) была подкреплена разносторонней и разработанной аргументацией. За ней стоял авторитет этого большого ученого. А с другой стороны — выдумки недавнего студента. Причем студента очень хорошего, знающего, что научные построения нуждаются в куда более подробных обоснованиях, чем это было сделано в его статье. И вот вслед за «Человеком миллионного года» появляется

статья Уэллса, где он доказывает правоту Хаксли. Но меньше чем через год Уэллс перепечатывает под другим, правда, названием «Человека миллионного года» в своем сборнике «О некоторых личных делах»! Почему, какие новые аргументы он нашел? Если говорить о науке как таковой — ровно никаких. Но у него появился аргумент совершенно иного рода: вышла «Война миров». Это был для него самого аргумент решающий — с этого момента он до конца своих дней всегда и в художественных произведениях, и в теоретических работах утверждал, что человеческая эволюция не прекратилась и еще скажет свое слово. Последний раз это говорилось в книжке, опубликованной Уэллсом за несколько месяцев до смерти: «Разум у предела».

Значит ли это, что художественный тип мышления победил у Уэллса научный? Ни в коем случае. Просто у него возник тот тип художественного мышления, который включил в себя научность, — при этом, разумеется, соответствующим образом ее преобразовав.

Если исследовать аргументацию Уэллса в «Человеке миллионного года», то главный ее порок открывается сразу — она недостаточна, охватывает далеко не все вопросы, которые надо выяснить для того, чтобы прийти к убедительному решению. Но в своих пределах аргументация эта абсолютно логична и не противоречит данным науки того времени. Уэллс опирается, таким образом, в «Войне миров» не на теорию, не имеющую отношения к науке, и тем более не на теорию антинаучную. Верное чутье фантаста подсказало

ему, что он должен исходить из **наименее подтвержденной научной теории**. В пределах подобной теории писатель и не вступает в противоречие с наукой, и не оказывается от нее слишком в большой зависимости, не попадает в положение популяризатора. Не этому ли, по-своему учил его Хаксли, когда говорил, что литература не изложение найденного наукой, а самостоятельное поле исследований? Уэллс умел быть самостоятельным даже тогда, когда работал в области, близкой к науке, и когда работал ради нее.

Да, ради нее. Это было одной из главных его целей, ибо он считал, что, привив людям научный взгляд на вещи, можно научить их без предрассудков, открытыми глазами смотреть на окружающий мир — в том числе и на социальную действительность. Одно место из «Человека миллионного года» звучит в этом смысле очень показательно. Это словно бы ответ на не высказанные еще суждения Бернарда Шоу о дарвинизме.

Существо, которое придет на смену человеку в миллионном году, пишет Уэллс, не покажется красавцем нашим современникам, но что поделаешь. — «в эволюции не заключена механическая тенденция к совершенному воплощению ходячих идеалов года от рождения Христа 1887; она представляет собой всего-навсего непрерывное приспособление органической жизни к окружающим условиям».

Не подделывать действительность, не подтасовывать факты ради угождения собственным вкусам, а уметь смотреть правде в лицо — этому Уэллс прежде всего хотел научить своих современников.

менников, и наука в этом отношении, считал он, хороший помощник. Уважение к факту, которое воспитывает наука, казалось Уэллсу чем-то имеющим общежитийскую ценность, по-своему относящимся к сфере морали. Защита дарвинизма была для него защитой не только научной истины, но и той формы отношения к жизни, которую он проповедовал как писатель. Задачи ученого и задачи художника в этом смысле для Уэллса совпадали.

Выполнять эту задачу было для Уэллса не просто. Он писал в период, когда в умах еще господствовала викторианская самоублаженность, и некоторые книги его встречались криком негодования. «Мы чувствуем себя обязанными предупредить всех, кто привык сторониться противного и омерзительного, о том, с какого рода книгой им придется столкнуться... — писала «Таймс» об «Острове доктора Моро». — Эту книгу надо прятать от молодых людей, и ее будут избегать все, кто обладает хорошим вкусом, добрыми чувствами и кто не может похвастаться крепкими нервами». Молодой писатель, не успевший еще утвердиться в литературе («Остров доктора Моро» был его вторым романом), выслушивал это и продолжал идти своим путем. Наука не только подсказала ему, чему учить читателей, — она воспитала в верности истине его самого.

И если научные прогнозы Уэллса делались подсознательно скорее в интересах литературы, чем в интересах науки, не следует забывать — сам Уэллс во все это искренне верил. Он верил в описываемое им не меньше, чем пи-

сатель-нефантаст верит в реальность создаваемых им ситуаций и характеров — тоже, разумеется, выдуманных. Наука помогала ему утвердиться в этой необходимой для писателя вере.

Тот же «Остров доктора Моро» дает этому прекрасное подтверждение. Очень много говорилось о символическом смысле этого романа, посвященного разоблачению бесчеловечности буржуазной цивилизации. Но это не был символически-условный роман. Это был поднявшийся до символики роман научно-фантастический, причем слово «научный» здесь должно восприниматься в самом прямом смысле. Основная часть «Доктора Моро», где излагаются научные предпосылки экспериментов Моро, появилась еще за год до выхода романа в журнале «Сатердей ревью» в виде статьи, озаглавленной «Границы индивидуальной пластичности». Идеи, которые Моро излагает Прендику, высказывались там не от имени героев фантастической книги, а совершенно всерьез. Речь шла о возможности пересадки органов. Явления биологической несовместимости не были тогда еще открыты. С другой стороны, пересадка тканей у эмбрионов (у которых, как мы знаем теперь, механизм защиты от чужих белков еще не сформировался) в пределах одного организма, пересадка кожи и костей (пересаженные кости и кожа в действительности скоро замещаются собственными, но этот процесс тоже не был еще понят) и опыты переливания крови — все это, казалось, служило свидетельством того, что пересадка органов — исключительно вопрос хирургической техники.

Одна часть построений Уэллса, впрочем, и при этих условиях весьма уязвима. Переделывая живые существа, придавая им новые, близкие к человеческим формы, Моро одновременно и в духовном смысле приближает их к людям. Но послушаем, как всесторонне он это обосновывает. Во-первых, говорит Моро, при пересадке органов меняется характер химических реакций в организме. Во-вторых, вакцинация и всевозможные прививки тоже служат примером воздействия на «химию» организма. И, наконец, «с помощью развивающегося в наши дни искусства гипнотизма мы заменяем старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки на почве наследственности», ибо «многое из того, что мы называем нравственным воспитанием, есть только искусственное изменение и извращение природного инстинкта». К этому следует еще добавить, что часть операций Моро делает на мозге.

Разумеется, Уэллс делает далеко идущие выводы из мысли о возможностях хирургического преобразования живого существа, но при этом аргументы его убедительны, и он нигде не преступает границ научного мышления. Тридцать пять лет спустя — срок немалый при характерном для науки XX века бурном развитии — в книге «Наука жизни» (на этот раз не научно-фантастической, а научно-популярной и притом написанной в сотрудничестве с одним из крупнейших английских биологов нашего столетия — Джулианом Хаксли) Уэллс снова касается вопроса о возможности пересадки органов и даже «создания одного организма из

двух, производства сложных существ или химер». При этом, замечает Уэллс, «легче всего манипулировать с яйцами или с эмбрионами на ранней стадии развития», но о причинах, мешающих успеху опытов со взрослыми особями, он опять не говорит ни слова. Он не может ничего добавить к тому, что написал в 1895 году, — биологическая несовместимость по-прежнему не открыта. Его предположения, высказанные в конце XIX века, сохраняют в 1931 году свою научность. Затем положение переменялось, но новейшие успехи в пересадке органов вернули убедительность роману Уэллса. Мы знаем о трудностях, о которых не подозревал автор «Острова доктора Моро», но мы же сделали и первые шаги для того, чтобы эти трудности преодолеть.

Как легко заметить, «недостаточность» аргументации Уэллса по-своему помогла ему перебросить мост через период, когда пересадка органов считалась невозможной, к периоду, когда она снова стала в повестку дня. «Художнический» подход к науке не помешал, а помог ему как ученому. Но удалось ему это лишь потому, что и в качестве художника он оставался в пределах научного мышления. Наука не просто дала ему факты, от которых он мог оттолкнуться, чтобы создать образы и построить сюжет. Она помогла ему создать метод, найти подход к миру, приносивший огромные плоды в области литературы прежде всего, но кое в чем и в науке. Ибо то, чем занимался Уэллс, не было, пользуясь выражением Гегеля, «служебной наукой» и «служебным искусством».

В том же «Острове доктора Моро» это сказалось достаточно полно. Зверюлюди, населяющие этот роман, — это, если угодно, существа не просто фантастические, а скорее научно-фантастические. Но последнее только увеличивает их воздействие на нас и масштаб романа в целом.

Теперь между человеком и животным не просто выискивались традиционные басенные параллели, нужные писателю, — аллегория обросла плотью реальности, приобрела убедительность, басня стала фантастичной. Общность поведения и реакций отныне могла обосновываться действительной общностью происхождения. Насыщенность мыслью при этом не уменьшалась — она возрастала, мысль теряла былую отвлеченность, а поступки героев переставали

Дарвинист Уэллс отнюдь не показал себя, вопреки мнению Шоу, человеком «без воображения, философии, поэзии, совести и приличий». Он писал ради человека и вполне мог бы повторить слова Шелли, которым перед этим зачитывался:

Не верить в торжество
 несовершенства;
Прощать обиды, черные, как
 ночь;
Упорством невозможность
 превозмогать;
Терпеть, любить; и так желать
 блаженства,
Что Солнце вспыхнет сквозь
 туман
И обессилеет отравя, —
Над этим образ твой, Титан,
Лишь в этом Жизнь, Свобода,
 Слава.

Наука благодаря романам Уэллса прорывалась в общетеоретическую сферу, как до этого она прорывалась в нее благодаря публицистике Хаксли. Но прорыв, произведенный Уэллсом, был глубже и шире. Хаксли-литератор

апеллировал к той же логической способности человеческого разума, что и Хаксли-ученый. Уэллс этим не ограничивался. Его романы имели огромное эмоциональное воздействие на читателей. Наука и искусство были для Уэллса в чем-то неразделимы. Так же неразделимы оказались для него чувство и мысль. Мысль — то же чувство, только более утонченное, говорил он. К мысли он не раз подводил через чувство. Чтобы выполнить заветы своего учителя, Уэллс должен был начать работать в области, которую тот счи-

тал запретной. В ней в этот момент лучше всего совмещались истины, найденные наукой и литературой.

Хаксли считал, что, кроме Искусства и Науки, существует еще одна область, определяемая более высоким, объединяющим по отношению к ним понятием, — Культура. Именно в этой области научная и художественная мысль, взаимодействуя и взаимовлияя, преобразуясь иногда удивительным образом, дают самые зрелые свои плоды. Фантастика Уэллса была одним из них.

Т. ЧЕРНЫШЕВА

Научная фантастика и современное мифотворчество

Мысль о том, что научная фантастика представляет собою нечто подобное мифам, не нова, она явилась еще у О. Стэплдона, когда он в предисловии к своему роману «Последние и первые люди» писал, что впечатление, которое этот роман должен произвести на читателей, ближе к тому, которое производит миф, а не науки или искусства.

Но, прежде чем получить право говорить о мифологии применительно к явлениям наших дней, необходимо уточнить целый ряд вопросов. Начнем с самого понятия «миф».

В современной науке накопилось уже множество определений мифа, разноголосица мнений и обилие весьма противоречивых суждений по этому вопросу не раз отмечались исследователями. Ф. Вайманн* пишет, что «понятие «миф» имеет сегодня ряд несовместимых толкований». Одной из причин разноречивости является то, что самые различные науки — «философия, этнология, народоведение, антропология, наука о древности, история религий, психология ...высказывают собственное понимание мифа»¹, поскольку изучают различные проявления мифотворчества, разные стороны и свойства его. Добавим, что и в литературоведении, изучающем отношения мифологии и поэзии, нет единого взгляда на миф. Определения, подобные тому, которое дает В. Я. Пропп («рассказ о божествах или божественных существах, в которых народ верит»²) или Тренчени-Вальдапфель («предания, повествующие о богах и героях»³), уже

* Список использованной литературы приводится в конце статьи.

не могут вполне удовлетворить современную науку. С. Аверинцев называет их «формалистической концепцией мифа»⁴. Встречаются попытки рассматривать миф в первую очередь как идеологию; для А. Гулыги миф — это прежде всего «сознание толпы, слепо повинующейся возникшим в ней или внушенным ей предрассудкам»⁵.

Очевидно, все эти взгляды на миф имеют право на существование, ибо древний миф является одновременно и повествованием, и идеологией и удовлетворяет еще десятки различных социальных нужд.

К сожалению, нередко в различного рода определениях мифа выделяется и абсолютизируется одна из его функций, тогда получается крен в одну сторону, и общая картина неизбежно искажается. Особенно часто это происходит при сопоставлении каких-то явлений современной духовной жизни общества с древним мифотворчеством. Так получилось у А. Гулыги, когда он, исследуя идеологические функции так называемого «социального мифа» в современном капиталистическом обществе, функционально объединяет его с древним мифотворчеством и приходит к выводу, что миф — «это модель не столько мира, сколько поведения», и, хотя в мифе «откладываются первые крупницы знания, он в целом имеет к познанию весьма слабое отношение»⁶.

Разумеется, среди определений мифа можно найти такие, которые утверждают нечто совершенно противоположное. Но мы сразу оговоримся, что из всех разнообразных функций мифа нас сейчас будет интересовать как раз та,

которую практически отрицает А. Гулыга, — отношение мифа к познанию, хотя мы отлично понимаем, что нельзя мифологию свести только к познанию.

То, что даже в самых примитивных мифах отражаются знания людей об окружающем мире и о себе самих, не подлежит сомнению. Некоторые исследователи считают даже накопление знаний основной функцией древней мифологии. Однако накопление знаний и познание действительности, очевидно, не совсем однозначные понятия. На этом основании А. Гулыга и отрицает отношение мифа к познанию. С таким мнением трудно согласиться, ибо в этом случае пришлось бы отвергнуть активность творческого сознания человека на ранних ступенях его развития. Как ни слабо было развито сознание человека, создавшего мифы, это было уже человеческое сознание, так как человек стремился объяснить окружающую действительность, нащупывая какие-то причинно-следственные связи между явлениями; и если уж искать всеобъемлющее определение мифа, то нельзя забывать, что «мифология есть мышление на определенной ступени человеческого развития»⁷. А мышление не развивается и вообще не существует вне процесса познания.

«Познание с теоретико-информационной точки зрения заключается, в частности, в приеме информации и в результате дальнейшей переработки принятой информации в создании информационных моделей действительности»⁸.

Мифы и возникают как некие модели действительности, постепенно изменяющиеся и усложняю-

щиеся. По мере того как более широкий круг явлений начинает интересоваться человека, он стремится включить новые понятия в систему своих воззрений, переосмысливая, дополняя, изменяя мифологическую модель мира. Мифология как целостная, хотя и противоречивая, картина мира возникает, разумеется, не сразу; но эмпирические мифы стремятся к объединению в определенную систему, о чем говорит хотя бы их цикличность. Старые предания подвергались переработке при создании канонизированных мифов античности, когда все сводилось к определенному центру — Олимпу, когда прежние языческие божества заменялись олимпийцами. И самое появление мифов исследователи связывают с возникшей потребностью понимания мира в целом. В конечном итоге таким же образом возникают и научные теории, научная картина мира: сначала идет накопление эмпирических знаний, фактов, затем они складываются в более или менее противоречивую систему, в определенную модель мира; с развитием науки, с появлением новых фактов эта модель изменяется, в нее вносятся поправки, а затем она заменяется другой. И в истории мифомышления наблюдается смена целого ряда систем представлений о мире, так как живое мифотворческое сознание не терпит застоя, оно сохраняет ту или иную модель мира до тех пор, пока верит в ее истинность. Так, А. Ф. Лосев выделяет в истории античной мифологии периоды оборотничества, фетишизма и героизма. Разумеется, эти системы развивались медленно, и столь же медленно в сознании людей шла замена одной модели

мира другою. И все-таки принцип освоения действительности путем создания мысленной модели ее здесь налицо.

Однако мифологическая модель мира обладает одним неперменным свойством — это ложная модель, ложная картина действительности. В целом ряде суждений о мифе на первый план выдвигается именно эта сторона мифотворчества: «миф — это вымысел, сказка...»⁹, «миф... есть форма превратного отражения в художественных образах природы и общественных отношений людей»¹⁰. Не случайно, очевидно, в обиходном сознании понятие «миф» равноценно понятию «сказка», хотя с научной точки зрения эти понятия далеко не тождественны. На первый взгляд, вымысел, придуманную действительность, в самом деле трудно соотнести с познанием истины. Но дело в том, что процесс познания неотделим от возникновения заблуждений. Современная наука полагает, что заблуждения, иллюзорные представления о мире, изначально присущи человеческому, опосредованному и опережающему сознанию, поскольку самая фантазия рождается с развитием мышления понятиями.

Миф тесно связан с заблуждениями, здесь кроются его гносеологические корни. Разумеется, для рождения мифа в той синкретической форме, в какой он существовал в давно прошедшие эпохи, необходимо целый ряд условий. Особенно важен характер отношений человека и первобытного коллектива, неотделимость индивидуального сознания, которая совершенно невоскресима в наши дни. Мифология как всеобъемлющая система перестала существовать, но с гно-

сеологическими корнями мифотворчества дело обстоит, на наш взгляд, несколько сложнее.

Основные причины рождения столь странных представлений о мире, какими являются мифы, видят в «крайне низком уровне развития производительных сил и... бессилии человека перед природой»¹¹, в «бездонном неведении дикаря», которое В. К. Никольский считает основным гносеологическим истоком религии и мифологии¹².

Однако низкий или высокий уровень развития производительных сил — понятия далеко не абсолютные; нам представляется, естественно, низким уровень развития производительных сил первобытного общества, а наш современный уровень высоким, но через какую-нибудь тысячу лет нашим потомкам, возможно, покажется низким современный уровень. То же можно сказать и о «бездонном неведении»: для суперцивилизации, если она существует, состояние нашего знания тоже «бездонное неведение». Тут нет объективного количественного критерия, и на этом уровне его нельзя, очевидно, найти. Искать его следует, вероятнее всего, на информационном уровне: при недостаточном количестве информации о тех или иных явлениях невозможно сделать правильного вывода о них, но самый недостаток информации еще не объясняет того, как возникает ложный вывод, ложное суждение.

Долгое время считалось, что для возникновения столь странных и причудливых представлений о мире для мифотворчества необходим был какой-то особый тип мышления, отличный от современного. Потребия предполагал в нем

отсутствие анализа и критики, Леви-Брюль стремился определить законы этого пралогического мышления. Однако сейчас этот вопрос решается несколько иначе: мышление человека с самого начала развивалось как логическое мышление. Из этого исходит советская наука о мифах, это же доказываются работами К. Леви-Стросса. Для нас сейчас особенно важно это внутреннее единство мышления древнего создателя мифов и современного человека.

В механизме образования мифа К. Маркс особо выделяет активность творческого сознания человека: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения»¹³. Активность творческого сознания — закон единый и для древности, и для современности.

Известно, что человеческий разум может делать выводы на основе неполной информации. В любом случае — есть ли в распоряжении человека достаточное количество информации или нет — вывод будет сделан. Человеческий разум не терпит неопределенности, и потому истинную информацию, когда ее недостает, он заменяет ложной, снимая, таким образом, для себя эту неопределенность.

Откуда же черпается эта ложная информация? Ответ может быть один — из «внутренних запасников» сознания. Когда информации о тех или иных явлениях поступает мало или человек по каким-то причинам не в состоянии ее освоить, он привлекает информацию из других областей, заменяет ею недостающие звенья.

Именно так создавались древние мифы, когда весь окружаю-

щий мир мыслился по аналогии с уже известным, освоенным и природа оказывалась во всем подобна человеческому обществу. «Первобытный человек судит по себе и приписывает явления природы преднамеренному действию сознательных сил»¹⁴, — пишет Г. В. Плеханов.

А. М. Золотарев, один из исследователей жизни и мышления первобытного человека, изучая воззрения австралийских племен, приходит к выводу, что «австралиец рассматривает окружающую природу сквозь призму социальной организации своего племени и переносит на внешний мир ту же классификацию, которой он руководствуется в своей повседневной жизни... социальная организация племени служит прообразом первой широкой классификации внешнего мира»¹⁵.

Исчезают ли основы мифотворчества, именно гносеологические его основы, с рождением и развитием науки, в частности, возможно ли мифотворчество в активной форме в наши дни и какие области действительности оно может охватывать?..

Смерть мифа, который является ложной моделью действительности, наступает с познанием истины, вернее, с новым приближением к ней — с открытием «подлинных причин явлений окружающего мира»¹⁶, «с действительным господством над... силами природы»¹⁷. Однако все это не дает основания утверждать, как это делает А. Гулыга, что в «XX веке невозможно мифологическое отношение к природе: человек уже во многом господствует над ее стихией».¹⁸ Ведь это знание и это господство не абсолютны, так

как каждое новое знание открывает новые бездны непознанного. И всегда наука будет останавливаться перед загадкой явлений, подлинные причины которых ей неясны. И таково уж свойство разума, что человек не ждет спокойно поступления новой информации, которая позволила бы сделать правильный и однозначный вывод, а пытается решить загадку, объяснить явление, опираясь на уже известное, формируя силы природы при помощи воображения (К. Маркс). Мышление современного человека, создающего научные теории и гипотезы, и мышление древнего человека, создавшего мифы, — это разные этапы развития единого логического мышления человека. Мышление по аналогии, являющееся основой мифотворчества, вовсе не упразднено с появлением науки. Правда, настоящая, «взрослая» наука весьма неодобрительно относится к аналогии. Ученые любят повторять, что аналогия не доказательство. Однако без аналогии они все же не могут обойтись, так как в аналогии как раз намечаются связи между явлениями, аналогия дает толчок работе воображения, ибо именно она отвечает основному принципу познания — от известного и познанного к неизвестному, необъясненному. А там, где есть место аналогии, всегда сохраняется лазейка для мифотворчества, для построения ложной познавательной модели мира.

Вся история науки полна такого рода «гносеологическими мифами»*, когда непонятные явления,

* В известной мере подобные определения условны, так как подлинный синкретический миф давно перестал существовать. Это бесспорно. Но многие гносеологические, психологические, социальные процессы,

не имея о них достаточного количества подлинной информации, объясняли причинами, на деле не имеющими к этим явлениям никакого отношения, но зато понятными по прежнему опыту. Так, астроном В. Пикеринг, наблюдая некоторые изменения лунного ландшафта, объяснял их миграциями насекомых. Астроном В. Гершель видел в солнечных пятнах разрывы в облаках. Общеизвестна история с открытиями марсианских «каналов» — в них немедленно увидели нечто похожее на земные ирригационные сооружения. Кстати, вопрос об обитателях иных миров — как раз наиболее благодатный материал для изучения того мифотворчества, которое порождает наука в процессе своего развития, соприкасаясь с новой областью непознанного.

И. Шкловский в своей книге «Вселенная, жизнь, разум» приводит два высказывания К. Э. Циолковского: «Вероятно ли, чтобы Европа была населена, а другая часть света нет? Может ли быть один остров с жителями, а другие — без них?..», «Все фазы развития живых существ можно видеть на разных планетах. Чем было человечество несколько тысяч лет назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет — все можно отыскать в планетном мире». И далее И. Шклов-

послужившие причиной возникновения древних мифов, сохраняются и в последующие эпохи и как-то проявляются, порождая явления, которые, не будучи мифами в прямом смысле этого слова, то есть не будучи вполне тождественны древнему единому синкретическому мифу, все же генетически родственны ему, хотя их функции оказываются уже иными при наличии развитых и разветвленных форм общественного сознания. Возможно, что со временем наука найдет для этих явлений другое название. Пока его нет.

ский, комментируя эти высказывания, замечает, что первое суждение остается на уровне античной философии, в то время как второе несет принципиально новую мысль, так как ранее предполагалось, что обитатели других миров находятся на одном социальном и научно-техническом уровне с землянами¹⁹. Однако механизмы обоих этих суждений принципиально одинаковы — и в том и в другом случае неизвестные цивилизации мыслятся по аналогии с земной цивилизацией. Просто к этому времени история и этнография накопили уже достаточно большой материал о разных уровнях земной цивилизации, и этот материал был уже настолько широко известен, что вошел в сознание культурного человека, что и позволило К. Э. Циолковскому сделать этот вывод. Однако, повторяем, принцип суждения по аналогии сохраняется и здесь.

За последние 10—15 лет проблема внесемных цивилизаций стала предметом обсуждения в научной среде. Вспомним хотя бы классификацию технических цивилизаций по возможному уровню их энергетики, предложенную Н. С. Кардашевым, или гипотезу об искусственном происхождении спутников Марса И. Шкловского. Дайсон, профессор Принстонского университета, полагает, что цивилизация, достигнув определенного уровня, постарается использовать всю энергию принадлежащей ей звезды и, чтобы не терять ее попусту в пространстве, соорудит вокруг своего солнца специальную сферу; существуют даже расчеты этой сферы и высказываются догадки, из каких материалов ее можно собрать. Есть попытки вы-

числить, хотя бы приблизительно, возможное количество населенных миров во вселенной, определить сроки жизни цивилизаций и возможности суперцивилизаций, энергетические и пр. «Если исходить из современных темпов развития цивилизации на Земле, — пишет Н. С. Кардашев, — то мы вправе ожидать, что за такие космогонические сроки (за миллиарды лет. — Т. Ч.) возможна едва ли не полная сознательная реорганизация вещества в нашей части вселенной». И далее: «В настоящее время можно даже обсуждать вопрос о том, не является ли факт расширения наблюдаемой части вселенной результатом деятельности суперцивилизации?»²⁰ Предлагаются разные принципы установления контактов — с помощью межзвездных полетов, посылки зондов или радиосвязи. Делаются даже первые практические попытки установить такую связь (проект «Озма»).

Однако во всех работах по проблемам внеземных цивилизаций есть уязвимые места: 1) все они остаются на уровне гипотез и предположений, ибо, как отмечает профессор С. А. Каплан в предисловии к книге «Внеземные цивилизации», в этой области еще очень мало научных исследований, и 2) все они восходят к опыту нашей собственной цивилизации и исходят из уровня, перспектив и темпов ее развития.

Перед нами знакомая ситуация: недостаток прямой информации, работа воображения, которая в этом случае пойдет неизбежно по пути аналогии или экстраполяции, ибо экстраполяция в конечном итоге — та же аналогия, только уже более сложный ее вари-

ант, — одним словом, мы вновь здесь сталкиваемся со старым, добрым, испытанным способом «суждения по себе». Как видим, тут явно просматривается тот механизм мышления, который создал и древние мифы. Не случайно С. Лем в «Голосе неба» прямо называет подобные построения «новой мифологией». Разумеется, этот механизм в современном мышлении работает иначе, усложняется и разветвляется.

Мысль, осознавшая собственную ограниченность, стремится вырваться за пределы земного тяготения, — тогда рождаются гипотезы, на первый взгляд никак не соотносимые с мифом, когда утверждается, что чужая жизнь, чужой разум совсем не подобны нам, что этой жизнью движут иные законы, чем у нас, и пр. К числу таких предположений можно отнести мысль А. Рича о том, что чужая жизнь может быть организована на совсем иных молекулярных основах, чем это случилось на Земле. Однако и здесь в основе лежит тот же механизм: недостаток, а в данном случае полное отсутствие прямой информации, так как «ни изучение метеоритов, ни космические исследования не обнаружили еще внеземных организмов»²¹, и работа воображения, питающегося информацией из других источников, только в данном случае этот механизм действует не по принципу прямого уподобления, а по принципу прямого отталкивания*.

* Этот принцип суждения особенно ограничен в возможностях, так как при попытках каким-то образом конкретизировать эту мысль мы вынуждены вновь вернуться к некоему уподоблению, тогда получается что-нибудь вроде «мыслящей плесени» или «мыслящего океана». Круг замыкается.

Конечно, не может быть и речи о прямом и полном отождествлении таких моделей действительности, постоянно возникающих в процессе познания, с древней мифологией. Мы хотели только показать, что самые гносеологические истоки мифотворчества (нехватка информации), как и механизмы мышления, создавшие мифы, пусть сильно изменившиеся и трансформировавшиеся, не исчезли и не разрушились вполне, продолжая жить и в современном научном мышлении.

Итак, современный гносеологический, натурфилософский миф рождается, вырастая из научного знания в той как раз области, где точное знание кончается, в области догадок, сомнений. Ведь современная наука, современная диалектическая логика не признают жестких и неподвижных границ между явлениями, самое понятие «граница» заменяется сейчас понятием «область перехода», и всякого рода логические построения, не доказуемые пока из-за отсутствия информации, как раз и относятся к этой области «перехода от незнания к знанию»²², к области полужнания, сомнения, где возможны оказываются вера и неверие — категории, отвергнутые строгой наукой, не принимаемые точным знанием. Интересно, что С. Лем в романе «Голос неба» заставляет своего героя признаться, что его убеждение в том, что неизвестный сигнал является целенаправленным посланием разумных существ, базировалось, по сути дела, только на непонятной уверенности в правоте этой точки зрения.

Нельзя, разумеется, преувеличивать роль таких предположе-

ний в науке. Все эти модели действительности для ученого всего лишь рабочие гипотезы, всего лишь инструмент в процессе познания истины, они отвергаются, если новые факты не подтверждают их. Все это несомненно. Но дело в том, что сами эти модели обладают относительной самостоятельностью, их жизнь не ограничивается пределами кабинета ученого, и они зачастую поступают в более широкий социальный оборот. И вот тут уже мы сталкиваемся не только с гносеологическими, но и с социальными корнями современного натурфилософского мифотворчества, так как миф, рождаясь в недрах науки, существовать может только как массовое сознание; и в связи с этим уместно вспомнить, что миф является еще и «моделью поведения» (А. Гулыга), поскольку он всегда как-то организует отношения человека с миром.

Связь массового сознания с точным знанием, с уровнем науки несомненна, хотя далеко не во все эпохи эта связь оказывается непосредственной. Долгое время в истории человечества между массовым сознанием и наукой стояла религия; наука, по видимости, развивалась изолированно от массового сознания, последнее же направлялось религией, она же создавала и мифы, являющиеся одновременно и моделями мира, и моделями поведения (христианские мифы, например). Но где-то на рубеже XIX — XX веков происходит перелом, религия, хотя она еще очень сильна, уже не может целиком направлять и контролировать массовое сознание, а сама вынуждена семенить за наукой, приспособлявая свои заведомо

ложные модели мира к новому знанию. Вынужденная и весьма длительная изоляция науки от массового сознания была сломана, точное знание теперь непосредственно формирует массовое сознание, всегда существовавшая зависимость обиходного мышления от научных знаний теперь стала явной. Кстати, в этот именно период (XIX — XX века) возникает острая нужда в популяризации научных знаний, которой раньше общество в такой степени не ощущало.

Процесс превращения научного знания в обиходное массовое сознание довольно сложен и еще очень мало изучен, но о некоторых закономерностях можно говорить и сейчас. Так, Б. Агапов в своей работе «Художник и наука» высказал по этому вопросу весьма интересное, на наш взгляд, суждение. Он отмечает, что многие положения современной науки, «точно выражаемые только на языке математики, мало кому доступном, вошли в обиходное сознание огромного количества людей. Психологически тут произошло то же, что в свое время случилось с коперниканской системой мира. Один математик сказал мне, что подавляющее большинство людей не может доказать неопровержимо и научно, что Коперник прав, но подавляющее большинство людей уверено в его правоте. Сейчас молодой человек, пусть он учится на врача или агронома, принял в свое сознание релятивистские представления теории относительности и перестал удивляться тому, что нет единого времени, нет пустого пространства, что от массы зависит ход часов и даже что, если улечь к звездам почти со скоростью света, можно вернуться на Землю

тогда, когда тут будут отмечать тысячу лет с момента вашего отлета... Хотя математическое выражение и обоснование их останутся понятными только специалистам»²³. В этом рассуждении Б. Агапова намечены важные закономерности превращения научного знания в массовое сознание, в обиходное мышление, как и некоторые потери и приобретения на этом пути. Прежде всего точное знание, становясь достоянием не только специалистов, теряет право называться точным — это знание приблизительное, оно принимается на веру, поскольку носитель его ни доказать, ни обосновать его не может. Ведь такие обоснования возможны только на уровне математических расчетов; как раз все расчеты, особенно важные и убедительные для специалиста, ученого, при освоении научных моделей мира массовым сознанием просто отбрасываются, так как математика не стала пока основой обиходного мышления. Основой обиходного сознания до сих пор остается образ. В чем внутренних смысл такого преобразования? Прежде всего какое-то освоение научных знаний массовым сознанием необходимо как одно из условий развития общества в целом, без этого невозможен прогресс всего общества. Но освоить в каждый данный момент научное знание в его чистом виде обиходное сознание не в состоянии. И вот тут мы вновь встречаемся с уже знакомыми нам гносеологическими и психологическими механизмами мифообразования. Происходит странное, на первый взгляд, явление — научное знание превращается в миф. Дело в том, что дефицит информации

может возникать по-разному: информация может вообще не поступать, как в случае с внеземными цивилизациями, или эта информация имеется, но по каким-то причинам оказывается недоступной тем или иным слоям общества, неспециалистам. В том и в другом случае вступают в строй механизмы мифообразования — «суждение по себе», замена недостающей информации другой, уже освоенной сознанием.

В самом деле, большинство неспециалистов сейчас приняли теорию относительности, но в каком виде? Одним из наиболее распространенных представлений в этом плане является как раз отмеченный Б. Агаповым сюжет: космонавт, улетев к звездам со скоростью, близкой к световой, возвращается «домой» через тысячелетия. Соответствует ли это подлинной теории относительности? По всей вероятности, нет, так как здесь математические обоснования заменены образным представлением. Такая мифологизация научных знаний постоянно осуществляется в недрах научной фантастики, отчего нередко говорят, что научная фантастика переводит научные абстракции на язык образов. Однако адекватный перевод в этом случае невозможен, образная форма небезотносительна к содержанию, и это уже будет качественно иное знание.

Итак, современный гносеологический миф может рождаться и в самой науке, и около нее как форма освоения массовым сознанием каких-то фундаментальных положений современной науки, и в этих процессах немалая роль принадлежит научной фантастике.

В наши дни можно только поражаться разнообразию всякого рода «мифов»: есть мифы о человеке, как существе биологическом, мифы о роботах, которые все больше становятся похожи на своих создателей, а подчас эти новые рабы восстают против своего господина, не уступая ему в хитрости. Но все же главным направлением современного мифотворчества остаются грядущее космическое бытие человека и разрушение представления о космической изоляции земной цивилизации. Ведь и тяжба человека и машины, как правило, перенесена в космос, да и всякого рода испытания пределов прочности человеческого организма внутренне тоже ориентированы на космическое бытие земного человека. Одним словом, основное направление современного мифотворчества связано с необходимостью космизации обиходного сознания, обыденного мышления. И вот тут мы сталкиваемся с одним любопытным историческим парадоксом. Выше мы отмечали, что современное мифотворчество не опережает науку, а идет за ней и самые мифы создаются на основе достижений науки. Поэтому правы те, кто возражает против представления о научной фантастике как о «преднауке», как о чем-то действительно обогнавшем науку на пути к истине. И все-таки некое опережение здесь налицо. Парадокс заключается в том, что в какой-то период потребности обиходного мышления обогнали возможности науки. Внутренние закономерности развития общества настоятельно требовали серьезной перестройки обиходного сознания, космизации его, наука же не успела подготовить для этого достаточ-

но прочную почву, так как только некоторые мечтатели от науки смутно улавливали незаметные порывы человечества из своей колыбели. Таким энтузиастом-мечтателем был К. Э. Циолковский, но влияние его работ на современную ему науку было ничтожно мало.

В самом деле, термин «космизация» появился в 1962 году, ему не исполнилось еще и десяти лет, проблемы межзвездной связи и внеземных цивилизаций стали предметом обсуждения в науке только в последние десять-пятнадцать лет. Ранее же в течение многих лет (более полувека), как вынуждены признать сами ученые, этими проблемами вплотную занималась только научная фантастика, так как именно она взяла на себя важную роль воспитания обиходного сознания и долгое время была едва ли не единственной «экспериментальной лабораторией по созданию мифов».

Опередила научная фантастика не только современную экзосоциологию, но и футурологию, опять-таки не в смысле действительной ценности добытых ею знаний и четко разработанных теорий и концепций, а в смысле удовлетворения потребностей развития обиходного сознания.

Модели мира, создаваемые научной фантастикой, далеко не всегда выдерживали проверку точными знаниями; они бывали нередко неуклюжи, нелепы, порою попросту ложны, не случайно в научной среде на долгие годы утвердилось несколько пренебрежительное отношение к научной фантастике. И все же эти модели заслуживают не только осмеяния, так как при всех издержках, о которых не

раз писали критики и ученые, роль их в общем движении от незнания к знанию (не в научном поиске, а именно в познании, освоении мира всем обществом) может быть оценена не только со знаком минус. На первый взгляд кажется странным, что ложная модель действительности, ложное представление о мире, как будто дезориентирующее человека, может оказаться в той или иной мере полезным, даже необходимым. В этой связи нелишне вспомнить, насколько ложны были, с нашей точки зрения, представления о мире, отражившиеся в древних мифах, где малые крупницы действительного знания тонули в фантастическом их обрамлении. И все же эти знания — ценнейшее достояние первобытного коллектива — помогли человеку выстоять в жестокой борьбе с окружающей средой, стали залогом дальнейшего развития человечества. И тут не успокаивает оговорка, что в этой борьбе помогали знания, а не заблуждения. В том-то и сложность, что для ориентации в окружающей среде древнему человеку необходима была вся эта модель мира, включающая и знания и заблуждения, поскольку знаний было мало и они не могли создать целостной картины мира. Эта закономерность верна не только для процесса познания истины, но и для процесса освоения добытых знаний, и доказательство тому — поразительная живучесть многих заблуждений в научной фантастике. Ограничимся только одним примером.

Сейчас уже считается несомненным, что осуществление контактов с ВЦ и исследование большого космоса с помощью звездолетов,

оснащенных даже самыми фантастическими фотонными ракетными двигателями, практически невозможно по целому ряду причин, и если в научных, а чаще в популярных работах оценке этих проектов (как правило, отрицательной) еще отдается дань, то это обусловлено традицией, созданной не наукой, а научной фантастикой. И все же в научной фантастике звездолеты продолжают бороздить космос, встречаются там с кораблями других цивилизаций, блуждающими во вселенной иногда миллионы лет; звездолетчики осуществляют дальние исследовательские, а то и просто «хозяйственные» рейсы даже в чужие галактики, и в условном научно-фантастическом времени все это занимает сроки, вполне сопоставимые со сроками обычных земных путешествий. Но ведь это ложь, заведомая ложь, и ложность такой картины мира может быть понята и оценена уже современным знанием. И все же эта модель действительности упорно живет рядом с научным представлением о вселенной. И тут едва ли можно объяснить все художественной условностью. На наш взгляд, мы имеем дело здесь не столько с художественной, сколько с «мифологической» условностью, рождающейся из необходимости для обиходного мышления освоить космос на каком-то уровне. Так возникает в научной фантастике образ «добропорядочного» (С. Лем), землеподобного космоса, одновременно похожего на реальный космос, — вернее, на научное о нем представление, и в чем-то очень напоминающего Землю. Так вообще создается, условно говоря, современная мифологическая картина мира, которая как будто и не

противоречит науке и в то же время весьма существенно отличается от научной картины мира.

Мы вовсе не хотим поставить знак равенства между современным мифотворчеством и научной фантастикой. Прежде всего мифотворчество проявляется не только в научной фантастике, оно захватывает научно-художественную, научно-популярную литературу и даже «чистую» науку, поскольку за последнее время основы, условно говоря, «мифологических» моделей мира создаются самими учеными, о чем уже шла речь выше. Кроме того, научная фантастика не исчерпывается только мифотворчеством. Очевидно, научная фантастика вообще является какой-то областью перехода, неким «переходным мостом»^{*}; с одной стороны, это область сложного взаимодействия точного знания и обиходного сознания, с другой — область не менее сложного взаимодействия современного мифотворчества и искусства; с течением времени научная фантастика все больше становится искусством, и не только потому, что в нее приходят талантливые писатели, но и по внутреннему смыслу своему. С тех пор как наука перестала пренебрегать проблемами, ранее составлявшими владения научной фантастики, вроде проблемы внеземных цивилизаций или перспек-

^{*} Современная наука, исследующая не только явления и системы, но и отношения, связи между ними, постоянно сталкивается с необходимостью изучения таких «мостов». Так, Я. А. Пономарев, исследуя проблему интуиции, пишет: «Если мир есть система взаимодействующих систем, то все эти системы должны быть связаны не только внутри себя, но и друг с другом. Между ближайшими системами должны быть «переходные мосты», одна часть которых находится в одной системе, другая — в другой» (Я. А. Пономарев, Психика и интуиция. М., 1967).

тив дальнейшего развития земного человечества, опережающая мифотворческая (в плане воспитания обиходного сознания) функция научной фантастики оказалась во многом исчерпанной, современная мифологическая картина мира в ее основных чертах уже создана, и она, очевидно, сохранится в основе своей впредь до получения новой фундаментальной прямой информации, едва ли ее смогут поколебать даже открытия каких-то примитивных форм жизни на планетах солнечной системы. За последнее время научная фантастика все реже создает новые идеи и гипотезы (они, как правило, вырастают сейчас в кабинетах и лабораториях ученых) и все чаще обрабатывает, углубляет, психологизирует уже имеющиеся «мифологические» сюжеты и ситуации, 'вроде классического сюжета о пришельцах, внеземных цивилизациях и контактах или о полетах с субсветовой скоростью. Однако мифотворческая функция исторически была едва ли не самой главной в научной фантастике, да и сейчас она не исчезает совсем. Во всяком случае, далеко не весь смысл научной фантастики раскрывается на уровне сюжета и образа, и при изучении ее явно можно оперировать понятиями, подобными мифологемам К. Леви-Стросса.

«Настоящую», древнюю мифологию К. Маркс называл арсеналом и базой античного искусства. Сохраняются ли подобные отношения между современным мифотворчеством и искусством? В какой-то мере, очевидно, сохраняются. Во всяком случае, некий арсенал новых художественных образов современная мифология уже создала: ведь пришельцы в современной

фантастической литературе стали уже не менее привычны, чем чаироды и волшебники старых сказок, и они, пожалуй, даже вытесняют волшебников. Больше того, старая мифология перекраивается по новой мерке — за последнее время в пришельцев превращаются едва ли не все олимпийцы и даже некоторые герои христианских мифов. На наших глазах пересоздается мир вторичной художественной условности, и происходит это под влиянием новой мифологии.

Относительно того, станет ли современная мифология базой искусства, говорить труднее — просто нет необходимой для этого временной дистанции. Но поскольку мифология ориентирована на обиходное сознание и она формирует и воспитывает его в соответствии с внутренними потребностями общественного развития, а искусство, художественное мышление всегда связаны с обиходным сознанием куда более прочными нитями, чем с наукой, можно предполагать, что современная мифология, связывая в сознании человека космос и Землю, настоящее, прошедшее и будущее, готовит тем самым и базу для нового искусства — искусства с иным, космическим, «четырёхмерным» взглядом на мир и человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Р. Вайманн, Литературоведение и мифология. «Вопросы философии», 1970, № 7, стр. 176.

² В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, Изд-во Ленинградского государственного университета, 1946, стр. 16.

³ Тренчени - Вальдапфель, Мифология.

⁴ С. Аверинцев, «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. «Вопросы литературы», 1970, № 3, стр. 115.

⁵ А. Гулыга, Пути мифотворчества и пути искусства. «Новый мир», 1969, № 5, стр. 221.

⁶ Там же, стр. 219.

⁷ А. Ф. Лосев, Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 9.

⁸ А. Д. Урсул, Освоение космоса. М., 1967, стр. 144.

⁹ С. И. Радциг, История древнегреческой литературы. М., «Высшая школа», 1969, стр. 29.

¹⁰ А. Ф. Анисимов, Природа и общество в отражении сказки и мифа. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. 1. Л., АН СССР, 1957, стр. 171.

¹¹ БСЭ, т. 27, стр. 605.

¹² В. К. Никольский, Происхождение религии и веры в бога. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма». М., 1955, № 3.

¹³ К. Маркс, К критике политической экономии. 1953, стр. 225.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 5. М., 1958, стр. 362.

¹⁵ А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология. М., «Наука», 1964, стр. 88.

¹⁶ БСЭ, т. 27, стр. 605.

¹⁷ К. Маркс, К критике политической экономии. 1953, стр. 225.

¹⁸ А. Гулыга, Пути мифотворчества и пути искусства. «Новый мир», 1969, № 5, стр. 220.

¹⁹ И. Шкловский, Вселенная, жизнь, разум. М., «Наука», 1965, стр. 174.

²⁰ «Внеземные цивилизации. Проблемы межзвездной связи». Под ред. проф. С. А. Каплана. М., «Наука», 1969, стр. 30, 48.

²¹ А. Д. Урсул, Освоение космоса. М., 1967, стр. 38.

²² Б. М. Кедров, Диалектическая логика как обобщение истории естествознания. В кн.: «Очерки истории и теории развития науки». М., «Наука», 1969.

²³ Б. Агапов, Д. Данин, Б. Рунин, Художник и наука. М., «Знание», 1966, стр. 37.

ДЖИМ ДОЛЛАР, АМЕРИКАНЕЦ

ВИТАЛИЙ БУГРОВ

**...И выдумали
самих себя!**

Помните?.. Артур Морлендер, сын американского изобретателя, якобы убитого коммунистами, под чужим именем едет в красную Россию. «Жизнь перестала интересовать его. Он решил стать орудием мести, не больше. Он ни о чем не спрашивал, и ему никто ничего не говорил, кроме сухих предписаний: сделать то-то и то-то». А сделать он, к слову сказать, должен немало. «Лига империалистов», возглавляемая неуловимым и вездесущим Грегорио Чиче, в изобилии снабдила его пачками советских денег, ядами, оружием, дабы он мог «укрепиться на главнейшем из русских металлургических заводов, чтобы взорвать его, подготовив одновременно взрывы в других производственных русских пунктах».

Артур сходит на набережной красного Петрограда, и...

Не будем пересказывать событий, кроющихся за многоточием. Роман Мариэтты Шагинян «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» достаточно широко известен и сегодня.

Менее известно то обстоятельство, что впервые этот роман вышел еще в 1924 году. Выпускался он тогда тоненькими брошюрами, по тридцать-пятьдесят страниц в каждой, — всего их было десять. И на обложке каждого из выпусков значился тогда совсем другой автор: некий Джим Доллар!

В следующем, 1925 году озаглавленный Джим Доллар выпустил девятью брошюрами «продолжениями» еще один роман о похождениих славных ребят из числа

друзей Мика Тингсмастера: «Лори Лэн, металлист». Спустя же еще десять лет, в 1935 году, журнал «Молодая гвардия» опубликовал «Дорогу в Багдад» — заключительный роман трилогии неугомонного «американца».

Мистификация была успешной. Мариэтта Шагинян вспоминала, что после выхода первой книги трилогии «за профессорским чайным столом в Москве решили, что Джим Доллар написан Алексеем Толстым, Ильей Эренбургом и... Бэконом Веруламским... коммерческие издатели заподозрили в авторстве «коллектив молодняка» и стали его ловить на перекрестках...».

Во втором романе трилогии была помещена «Статья, проливающая свет на личность Джима Доллара». Устами «автора» этой статьи, преподобного Джонатана Титкинса, «известного вегетарианского проповедника из штата Массачусетс», защищается Джим Доллар, на которого «возвели разную советскую литературу, будто бы он написан бабой». И вот преподобный Д. Титкинс свидетельствует: «Джим Доллар — отпетый преступник, злоумышленник, писака и преехидный клеветник, но было бы бесполезно отказываться от того, что тебе принадлежит...»

У Мариэтты Шагинян есть специальная брошюра «Как я писала Месс-Менд», выпущенная издательством «Кинопечать» в 1926 году. Брошюра была приурочена к выходу на экраны фильма, снятого по мотивам романов Джима Доллара. Приурочена, потому что фильм получился любопытным, но... довольно свободно толкующим эти два слова: «по моти-

вам». Настолько свободно, что давший название всей трилогии рабочий пароль «Месс-Менд» обратился в фильме в хорошенькую «мисс Менд»...

В своей брошюре М. Шагинян говорит и о происхождении псевдонима; если верить писательнице, никакой тайны в том нет. Просто некий «шутник», выслушав идею первого из романов, «провозгласил:

— Тебе остается написать Пинкертона с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом».

И все-таки: почему «объявить иностранцем»?

К этому вопросу мы, видимо, еще вынуждены будем вернуться. Ведь Джим Доллар был... вовсе не единственным «лжеиностранцем», поселившимся в двадцатые годы на полках наших библиотек!

ЕДИНСТВЕННЫЙ АВТОРИЗОВАННЫЙ, С ФРАНЦУЗСКОГО...

«На широкой равнине цвело государство атлантов, и волны угрожали ему, как угрожают до сих пор Нидерландам. И, подобно храбрым, мудрым и искусным голландцам, атланты воздвигали за молом мол, чтобы охранить себя от наступающего моря. Преграды росли и росли, как горы, и за горами скрывался видимый мир, и горы окружало море. Но море разрушало жалкие постройки человека, неугомонный человек воздвигал их снова, труд несчетных поколений уходил на эту работу, и борьба отделенных от мира была почти непосильной, потому что море смывало верхушки преград. И атланты, эти янки античного

мира, гении простоты и решимости, нашли выход. Они покрыли себя крышей и предоставили океану гулять над ней, сколько ему угодно...»

Итак, Атлантида? Да, это о ней, погребенной в океанских пучинах легендарной стране, сочиняет сенсационную, статью предприимчивый американский репортер Стиб.

В Атлантиду мистер Стиб, разумеется, ни на йоту не верит: пером его движет исключительно забота о заработке. И путь сенсационного материала об атлантах, процветающих на дне океана, закончился бы скорее всего в мусорной корзине редактора, не оказавшись в нужный момент поблизости представитель компании, производящей патентованные средства для восстановления волос и крайне нуждающейся в рекламе. Газетная шумиха вокруг Атлантиды очень кстати и миллиардеру Визерспуну — королю паровых компаний Америки, затеявшему грандиозную биржевую спекуляцию.

И вот широко разрекламированная «научная» экспедиция отправляется на поиски заведомо выдуманного мира. Но выдуманный мир, как это ни противоестественно, оказывается-таки существующим! Ищущие его и откровенно не верящие в него герои попадают прямехонько в «страну голубых солнц»! При чем попадают в самый критический момент, когда менее всего ожидают этого: яхта «Сидония», подорвавшись на mine, — и надо же было случиться, чтобы именно в эти дни началась первая мировая война! — идет ко дну. На дне же, за семью «небесами», — гигантскими куполами, идеально подогнанными один к

другому, — живут, трудятся, утопают в роскоши и гибнут от нищеты атланты. Увы, далеко не «блаженные обитатели счастлившей из Аркадий»!..

Столь хитроумно закрученный сюжет принадлежит роману «Атлантида под водой». Выпущен этот роман издательством «Круг» в 1927 году; напомним, что «Маркотова бездна» А. Конан-Дойля — знаменитейшая из книг об атлантах — появилась все-таки позже.

Автор «Атлантиды под водой» — Ренэ Каду. Титульный лист сообщает нам также, что данное издание — «единственный авторизованный перевод с французского». Но...

Помимо мастерски отработанного авантюрного сюжета, роман обладает еще одним несомненным достоинством: он весь пересыпан остроумными «лирическими отступлениями». И вот в этих-то отступлениях читатель — если ему посчастливится раздобыть потрепанный экземпляр книги — вдруг наталкивается на некоторые несоответствия. В начале четвертой главы он прочтет, к примеру, такое не лишнее иронии признание: «Мы хорошо знаем разницу между рекламой и славой и, в частности, вовсе не желали бы, чтобы наш роман имел успех не благодаря напряженности действия, захватывающему сюжету и гибкому языку, а, скажем, — вследствие того, что один из авторов оказался бы незаконным сыном любимца горничных принца Уэльского».

Как?! Один из авторов?!

Да. Если у старой книги чудом сохранилась еще обложка, то на ней вы сможете прочесть: «Американского журналиста Стиба

выдумал французский писатель Рене Каду. Французского писателя Рене Каду выдумали два известных русских беллетриста...»

«Рене Каду», таким образом, оказывается един в двух лицах его русских «переводчиков» — О. Савича и В. Пиотровского. Первый из них, Овадий Савич, был большим другом Ильи Эренбурга и хорошо известен еще и сегодня как талантливый журналист (в 1937—1939 годах — корреспондент ТАСС в Испании), знаток и пропагандист — переводчик испанской литературы.

«С ПРЕДИСЛОВИЕМ С. С. ЗАЯЦКОГО»

Издательство «Круг», организованное в августе 1922 года «московской артелью писателей», выпускало в основном новинки отечественной литературы. Среди авторов «Круга» мы встретим писателей, хорошо известных и современному читателю: А. Толстого, Л. Леонова, В. Каверина, Л. Никулина, И. Бабеля, С. Григорьева, И. Эренбурга, Е. Зозулю, М. Пришвина... Одновременно с этим издательство вело во второй половине двадцатых годов небольшую тематическую серию «Романы приключений». Не следует думать, что это были только и именно приключенческие романы: научная фантастика и приключенческий роман в те годы не разделялись стеной, и добрая половина серии представляла собою самую чистокровную фантастику. Правда, фантастику, как правило, остросюжетную, динамичную, увлекательную. Но кто и когда утверждал всерьез, что эти качества

противопоказаны хорошей научно-фантастической книге?!

В серию входили книги переводные; таков, к примеру, «Желтый смех» Пьера Мак-Орлана — французского писателя, ставшего в 1950 году членом Академии Гонкуров. Входили книги отечественных приключенцев и фантастов; среди них небезынтересен «Бесцеремонный Роман», написанный уральцами В. Гиршгорном, И. Келлером и Б. Липатовым. И была в этой серии «промежуточная» категория авторов, на первый взгляд — вроде бы иностранцев, на деле же... На деле — подобных «Джиму Доллару» и «Рене Каду».

Превосходно — по тем временам — оформленные книжки серии в неперменном порядке снабжались рекламной текстовкой на обложке. Не обязательно она заключала в себе «разоблачение» псевдонима, как это было с «Атлантидой под водой». Но совершенно обязательно она была броской, привлекающей внимание и... ироничной.

Вот один из ее образцов:

«Я вижу, гражданин, как ты стоишь перед книжной витриной, охваченный вполне естественным сомнением: покупать или нет мою книжку? Ну что же, можешь и не покупать! Но тогда не сетуй, если она завтра будет принадлежать другому, если другой будет умиленно скорбеть о судьбе прекрасной Терезы и содрогаться, внимая ругани одноглазого Педжа. А разве тебе не хочется познакомиться с полковником Ящиковым? Впрочем, не мне убеждать тебя. Можешь предпочесть моей «Красавице» две коробки папирос, Моссельпром — за углом.

А жаль — у тебя такое симпатичное, трудовое лицо!

Автор.

Это полушутливое обращение к покупателю, невольно заставляющее вспомнить невинные ухищрения современных киоскеров, торгующих книгами в часы «пик» на наиболее оживленных перекрестках, украшает обложку «Красавицы с острова Люлю» (1926 г.) Пьера Дюмеля.

Но «умиленное скорбеть» и «содрогаться», читая эту книгу, не смог бы и законченный обыватель: настолько явственно проступает в ней насквозь ироническое отношение писателя к его героям!

В самом деле, можно ли принимать всерьез свирепого Педжа, на огромном красном лице которого сверкает один глаз, другой же, давно выколотый, заменен... скорлупой грецкого ореха? А прекрасная Тереза? Чего стоят одни только поистине крутые меры, к которым она прибегает, желая всего лишь досадить супругу! «Две горничные, вооруженные огромными ножницами, резали на мелкие клочки роскошные платья Терезы, а китайчонок собирал куски их в корзинку, которую время от времени уносил и высыпал перед кабинетом банкира...»

В «Красавице» все гротескно, преувеличенно, «не всерьез», и, безусловно, прав Сергей Заяицкий, писавший в предисловии к этой книге: «Пьер Дюмьель — непримиримый враг буржуазной культуры, и роман его является сатирой на быт и идеологию отжившего класса».

Трудно не согласиться и с тем, что автор предисловия пишет дальше: «Правда, весь роман Дюмеля немного наивен, и он

слишком легко разрешает в нем сложнейшие социальные проблемы...»

Что верно, то верно. Необычайно быстро, легко, безболезненно совершается в романе революция во Франции, а затем и во всем мире. И столь же быстро, легко и безболезненно «врастают» в новый — коммунистический — быт герои романа. Полковник-белоэмигрант Ящиков становится преподавателем физкультуры; «славный потомок свергнутой династии» Роберт Валуа, который «ей-богу, в душе всегда стоял за Советскую власть», за неумением что-либо делать поступает живым экспонатом в Музей сословных пережитков...

Но эта облегченность ничуть не вредит роману; она, очевидно, полностью отвечает замыслу автора — создать легкую, изящную пародию на западный авантюрно-экзотический роман начала XX века. Пародию?! Да. Ибо — откроем секрет, процитировав в последний раз предисловие С. Заяицкого, — «критики, нападавшие на Дюмеля, в своем ожесточении доходили до того, что отрицали самый факт его существования».

До русского издания «Красавицы» не было ни критиков, «нападавших на Дюмеля», ни самого «Дюмеля». А был... известный советский писатель двадцатых годов Сергей Заяицкий, с помощью которого «Пьер Дюмьель» и выдумал самого себя.

«ГРАЖДАНЕ! ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ!..»

Нет правил без исключений; были исключения и среди в шутку задуманных, с веселым пафосом написанных «поддельных рома-

нов» — этот термин более всего подходит к тем книгам, о которых идет речь.

Как раз такое исключение представляет собою роман, который у нас на очереди. «Долина Новой Жизни» Тео Эли («Круг», 1928 г.) — научно-фантастическое произведение, всерьез задуманное и, пожалуй, без тени улыбки выполненное. Да и могла ли идти речь об улыбке, если тема романа и сегодня остается крайне важной!

Вот как охарактеризовало эту тему издательство:

«Граждане! Знаете ли вы, что всем вам грозит большая опасность?! Знаете ли вы о том, что кучка отчаянных людей, укрывшихся в одной из недоступных долин Гималая — так называемой Долине Новой Жизни, — уже давно готовит там чудовищный переворот?! В руках этих людей могущественные, еще неизвестные нам технические изобретения. Пользуясь ими, они создали многомиллионную армию искусственных людей, снабдив ее страшными орудиями истребления. Все приготовления к походу закончены. Вожаки движения ждут только окончания работ по пробивке туннеля, который должен служить им выходом из их таинственной долины. Не сегодня-завтра туннель будет готов, и железные батальоны полулюдей-полумашин двинутся на ошеломленное человечество. Опасность близка! Все должны о ней знать! Каждый, кому дорога его жизнь, должен непременно купить и прочитать нашу книгу, в которой описана вся эта безумная затея».

Улыбнемся, прочитав последнюю фразу: «Круг», как мы уже говорили, любил рекламу и делал

ее с блеском. Излагать же более подробно содержание этого далекого от веселости романа едва ли имеет смысл. Сегодняшним любителям фантастики книга Тео Эли хорошо известна. Добавим только, что книга эта лишний раз свидетельствует: фантастические романы-предупреждения, иными знаками фантастики выдаваемые порой за нечто откровенно новое, связанное с именами американца Р. Брэдбери и поляка С. Лема, — достаточно полнокровно существовали и на заре советской фантастики.

Автором «Долины» был Федор Николаевич Ильин (1873—1959 гг.), замечательный бакинский ученый-хирург, удостоенный Советским правительством почетного звания заслуженного деятеля науки, человек большого душевного обаяния, щедрого сердца и редкого мужества. В Баку еще и сегодня можно услышать легенды о старом профессоре, который, ослепнув в шестьдесят семь лет, до глубокой старости продолжал не только читать студентам-медикам на редкость увлекательные лекции, но и оперировать больных...

«Долина Новой Жизни» — действительно исключение среди «поддельных романов» двадцатых годов. Ведь Ф. Н. Ильин укрылся под псевдонимом отнюдь не из желания мистифицировать окружающих! Переводя на греческий язык свои имя и фамилию, он просто следовал давно бытующей среди ученых традиции подписывать псевдонимом книги «не по специальности».

Но, ни прямо, ни косвенно не указывая на подлинное имя автора и будучи к тому же написана

в форме доброго старого романа приключений (с тайнами, похищениями, побегам, погонями), книга Тео Эли разделила общую судьбу «поддельных романов». Подтверждением тому — эпизод из очерка о Ф. Н. Ильине, написанного журналистом П. Савиным и опубликованного в 1968 году в журнале «Литературный Азербайджан».

«Как-то летом 1935 года в кругу отдыхающих санатория Дома ученых в Кисловодске зашел разговор об этой книге... Самуил Яковлевич Маршак назвал роман «прекрасной и головокружительной фантазией». К этому мнению склонились и другие участники разговора, также читавшие книгу.

— Интересно, кто такой этот Тео Эли? — задумчиво спросил один из них.

— Англичанин, должно быть, — предположил Самуил Яковлевич.

Это заявление вызвало улыбку у бакинца, профессора И. И. Широкого, присутствовавшего при разговоре.

— Хотите, я вас сегодня же познакомлю с автором книги? — сказал он.

— Автор в Кисловодске?

— Здесь, в санатории, — ответил И. И. Широкого. — Через двадцать минут он сядет за обеденный стол рядом с вами, Самуил Яковлевич.

Вскоре на свое место рядом с Маршаком сел ничего не подозревавший Федор Николаевич. Все так и ахнули...

Для массового читателя «Тео Эли» перестал существовать много позже: в 1967 году. После того как бакинское издательство «Гянджлик» выпустило «Долину Новой Жизни» в полном виде (до

этого выходила лишь первая ее часть) и под истинной фамилией ее автора.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Самый термин «поддельный роман» выдуман отнюдь не автором этих заметок: он прямо обозначен — как подзаголовок — на титульном листе романа «Блеф», изданного в 1928 году неким Рисом Уильки Ли.

...Группа нью-орлеанских газетчиков, измышляя способ поднять тираж своей неумолимо прогорающей газеты, набредает на счастливую мысль — имитировать прибытие на Землю марсианского межпланетного корабля. Задумано — сделано! К подготовке «марсианского предприятия» привлечен талантливый инженер Луиджи Дука. Он монтирует на необитаемом острове в Тихом океане оригинальный летательный аппарат, и... вблизи Нью-Орлеана благополучно приземляются «марсиане». Они успешно завязывают контакты с земным человечеством; мгновенно возникает акционерное общество межпланетных сообщений с Марсом; вот уже и первые «деловые люди» отправляются на Марс. Среди них эмиссарами очередной «все-российской императрицы» летят два белоэмигранта-монархиста — Кошковадов и Пузывич. Их задача — прискакать участок на Марсе, чтобы там «при помощи туземцев» (и при минимальных затратах!) положить начало новой Российской империи. За это им уже обещаны титулы «герцога Марсианского» и «князя Межпланетского».

На Марс первые гости «мар-

сиан» попадают. Правда, и этот «Марс» просто необходимо взять в кавычки. Ибо роль нашего космического соседа уже давно уготована тому самому островку в Тихом океане, где велись все сверхсекретные приготовления к «марсианскому предприятию».

Тихо прогоравшая «Нью-таймс» тем временем поистине преобразается: ведь она становится основным связующим звеном в цепочке «Марс — Земля»! Бешеными темпами, от выпуска к выпуску, растет ее тираж, появляется и уже обростае нулями цифра ее доходов. Когда же вследствие не вполне счастливого стечения обстоятельств дурачить окружающих дальше делается небезопасным, герои романа отбывают в Европу, где большую часть благоприобретенного капитала передают в распоряжение... французских рабочих.

Роман Риса Уильки Ли носил ярко выраженный сатирический характер. Здесь высмеивались и жалкие будни белоэмигрантского отребья, и «американский образ жизни» с его «неограниченными» возможностями бизнеса, и политическая жизнь заокеанской «страны истинной демократии». О несомненном сатирическом даровании «мистера Ли» свидетельствует хотя бы такая деталь.

На столе редактора провинциальной американской газеты — очередная небывлица «от собственного корреспондента из Москвы». Редактор достает блокнот с заголовком «Советские «утки», где записано:

«1. Взрыв Кремля — печаталось 4 раза (тема использована).

2. Восстание в Москве — 8 раз (можно еще 1 раз).

3. Восстание в Петрограде — печаталось 2 раза (?).

4. Восстание всероссийское — 6 раз (не имеет успеха)».

Сверив заведомую фальшивку со шпаргалкой, редактор... отсылает ее в набор.

«Поддельные романы» почти не обходились без предисловий «биографического характера».

«Блеф» в этом отношении даже перещеголял своих собратьев: предисловие к нему написано не талантливым автором романа, а... Алексеем Толстым!

В этом предисловии известный советский писатель, деятельно включаясь в литературный розыгрыш, рассказывает, как весной 1922 года на одном из фешенебельных западноевропейских курортов неожиданно познакомился с мистером Ли. Как симпатичный этот американец поведал русскому писателю о своих приключениях, о том, в частности, что был в 1919 году в Сибири.

«Мы сидели на веранде и пили кофе; мой американец весьма терпимо путешествовал по русскому языку — разговор не был обременителен, человек прыгал, как кузнечик, по своему прошлому и кончил тем, что объявил о своем желании написать роман.

Я взглянул на его проседь и почувствовал досаду. Ужасно неприятен человек, потерпевший, как видно, жестокою неудачу в своих прошлых начинаниях и теперь намеревающийся попробовать себя в литературе. Но мистер Ли чистосердечно спрашивает меня, как, собственно, делаются романы, — может, не стоит и приниматься, кроме того, он не выбрал еще, писать ли роман или заняться при-

готовлением пуговиц из человеческих отбросов?..»

И все же «мистер Ли», как видно, не оставил мысль о романе. И, как видно, роман этот понравился Алексею Толстому! Ибо предисловие к роману заканчивается такими словами: «Перед нами звонкий, безудержный фельетон и, чего нельзя не заметить, вещь — с перцем».

Выше мы не случайно назвали автора «Блефа» таинственным: прямо указав на «поддельность» мистера Ли, он, однако же, ничем (но полно: действительно ли — ничем?!) не намекнул в романе на подлинное свое имя. Не мудрено поэтому, что неожиданно для себя попал впросак А. Дерман, достаточно известный критик двадцатых годов, в своей рецензии на книжку безапелляционно утверждавший: «...автор ее не какой-то неведомый Рис Уильям Ли, а хорошо нам известный Алексей Толстой». Потому же и в самых последних по времени критических работах о фантастике двадцатых годов автор «Блефа» остается незнакомцем. «Скрывшийся под псевдонимом «Рис Уильки Ли» автор звонкого фантастического памфлета...» — только это и могут сказать о нем критики.

Между тем именно то обстоятельство, что предисловие к «Блефу» написано маститым Алексеем Толстым, позволяет легко установить имя нашего незнакомца — оно прямо названо в комментариях к шестому тому Полного собрания сочинений А. Толстого, где перепечатано, среди других материалов, и это предисловие.

«Рис Уильки Ли» — это Борис Викторович Липатов, уральский литератор, автор ряда книг (в том

числе фантастических), выходявших в двадцатые-тридцатые годы. В конце двадцатых годов он работал консультантом-сценаристом на фабрике «Совкино» и, по-видимому, именно в этот период близко познакомился с Алексеем Толстым. Во всяком случае, в очерке А. Толстого «Из охотничьего дневника», не без юмора повествующем о поездке писателя в 1929 году по реке Урал с шумной компанией, среди других участников которой были также Валериан Правдухин и Лидия Сейфуллина, Борис Липатов фигурирует чаще всего именно как «консультант-сценарист»: «Позже других является консультант-сценарист — взъерошен, грязен, мрачен. Сообщает: убил восемь крыжовых, нашел только одну...» Подобные дружелюбно-иронические упоминания, рассеянные по всему очерку, заставляют поверить, что знакомство авторов «Блефа» и предисловия к нему действительно было близким; не зря же Алексей Толстой принял столь деятельное участие в этой литературной мистификации.

«...ИСТИННОЕ ЕЛИСЕЙСКОЕ БЛАЖЕНСТВО!»

Перед нами промелькнули далеко не все «лжеиностранцы» нашей фантастики двадцатых годов.

За пределами этих сжатых заметок остался, к примеру, «Жорж Деларм», чей роман-памфлет «Дважды два — пять» (в переводе «с 700-го французского издания»!) выпустило в 1925 году ленинградское издательство «Новый век». Роман этот был снабжен сочувственным предисловием Юрия Слезкина, известного прозаика тех

лет, книги которого небезынтересны и сегодня. (Такова, к примеру, его «Девушка с гор», где в лице одного из главных героев выведен молодой Михаил Булгаков.)

На обложке второго издания романа — оно вышло в Госиздате в том же 1925 году под названием «Кто смеется последним» — Деларм, этот «претендент на Гонкуровскую премию», разоблачен более чем откровенно. Обложку пересекает красная размашистая надпись: «Подлог Ю. Слезкина...»

Здесь было бы уместно, очевидно, вспомнить о неумышленном превращении в «иностранца», приключившемся в 1928 году с Александром Романовичем Беляевым: его рассказ «Сезам, откройся!!!», подписанный псевдонимом «А. Ром», был из «Всемирного следопыта» перепечатан другим популярным нашим журналом — ленинградским «Вокруг света» — уже как истинно переводной. При этом «А. Ром» превратился в «А. Ромс», соответственно изменилось и название рассказа: «Электрический слуга». И в годовом оглавлении рассказ, естественно, попал в раздел «Повести и рассказы иностранных авторов»...

Похоже, к лжеиностранцам же придется отнести и А. Наги: очень тенденциозный роман «Концессия на крыше мира» вышел под этой фамилией в 1927 году в харьковском издательстве «Пролетарий».

Другое харьковское издательство, «Космос», в том же 1927 году обнародовало — в переводе с... «американского» — беспардонно авантюрный «коллективный роман» двадцати писателей «Зеленые яблоки». Имена авторов были «честно» проставлены на обложке: Д. Лондон, М. Твен, Р. Стивен-

сон, С. Цвейг, Г. Уэллс, Э. Уоллес и другие (живые и мертвые!) американцы и... «американцы». В роли переводчика с несуществующего языка выступал на этот раз малоизвестный ныне приключенец двадцатых годов Николай Борисов.

Наконец, к этой же группе тяготеет и роман Льва Рубуса «Запах лимона», выпущенный в 1928 году тем же «Космосом». О том, как «Лев Рубус» и его книга появились на свет, рассказал недавно Лев... Успенский. Рассказал очень непринужденно и увлекательно, настолько увлекательно, что на «Леве Рубусе» прямо-таки невозможно не остановиться несколько подробнее.

Лев Александрович Рубинов (ну-ка, ну-ка: Лев Рубинов+Лев Успенский...=Лев Рубус?! — бывалый человек, успевший побывать и следователем ЧК, и прокурором, и популярным в Петрограде адвокатом — членом коллегии защитников, позвонил осенью 1925 года своему другу с семнадцатого двадцатипятилетнему студенту Льву Успенскому.

«— Лева? — как всегда, не без некоторой иронической таинственности спросил он. — У тебя нет намерения разбогатеть? Есть вполне деловое предложение. Давай напишем детективный роман...

Двадцать пять лет... Море по колено! Роман так роман, поэма так поэма, какая разница?

— Давай, — сказал я...»

И работа закипела...

Роман был сделан на советском материале, и сделан был по нехитрому, откровенно примитивному рецепту: очень благоприятные

«красные» и совершенно законченные негодяи «белые». (Нам легко теперь восклицать: да ведь это же он, этот примитивный рецепт, и высмеивался авторами!!) Сюжет «Запах лимона» был запутан необычайно. Радиоактивный метеорит, обрушившийся на окрестности Баку. Банда демонически неуловимого «некоего Брегадзе», охотящегося за метеоритом. Бесчисленные убийства, погони, самые невероятные происшествия... Л. Успенский с особенным удовольствием вспоминает игравшую в романе заметную роль бандитскую собаку.

«То была неслыханная собака: дог, зашитый в шкуру сенбернара, чтобы между этими двумя шкурами можно было переправлять за границу драгоценные камни и шифрованные донесения мерзавцев. При этом работали мы с такой яростью, что в одной из глав романа шерсть на спине этого пса дыбом встала от злости — шерсть на чужой шкуре!»

И вот настал день, когда авторы увидели свое детище. (Я сознательно не останавливаюсь на всех перипетиях, предшествовавших торжественному моменту... Перипетии тоже были очень своеобразными; заинтересовавшихся отсылаю к «свидетелю»: Л. Успенский, Записки старого петербуржца. Лениздат, 1970, стр. 331—346.) Детище выглядело более чем эффектно: «На обложке была изображена шахматная доска, усыпанная цифрами и линиями шифровки. Был рядом раскрытый чемоданчик, из которого дождем падали какие-то не то отвертки, не то отмычки. Была и растопыренная рука в черной перчатке. Два пальца этой руки были

отрублены, и с них стекала по обложке красная кровь бандита...»

Остается отметить, что неистовая эта пародия на книги «про шпионов» (массовое явление таких книг в нашей литературе пятидесятих годов отнюдь не было чем-то исключительно новым) писалась, как и следовало предполагать, с нескрываемым удовольствием. «Еще бы: никаких границ фантазии! — вспоминает Л. Успенский. — Любая выдумка радостно приветствуется. Плевать на все мнения, кроме наших двух! Всякую придуманную малость можно поймать на лету и мять, тискать, шабрить, фуговать, обкатывать... За всю свою долгую литературную жизнь я ни разу не испытал такого удовольствия, такого, почти физического, наслаждения...»

* * *

Джим Доллар, Ренэ Каду, Пьер Дюмбель, Тео Эли, Рис Уильки Ли, Жорж Деларм, Лев Рубус... За исключением Тео Эли, на каждом из этих придуманных лиц — недвусмысленная улыбка. Еще бы, ведь читатель, всерьез поверивший в их существование, тем самым дал изловить себя на крючок талантливой литературной мистификации! Конечно, не все «поддельные романы» двадцатых годов выдержали проверку временем: слишком многое в них было сиюминутным и потому условным, откровенно схематичным. Но как своеобразное явление бурного послереволюционного десятилетия эти книги, безусловно, представляют определенный интерес и для современного советского читателя. Трудно сказать, что заставляло

наших авторов скрываться за псевдонимами, создавать «поддельные романы». Наверное, единого ответа тут нет и быть не может: у каждого автора были свои соображения.

Однако на одну из причин, нам кажется, указать можно.

В двадцатые годы наш книжный рынок был буквально захлестнут потоком переводной беллетристики, — чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть каталог любой из книжных баз того времени. В этом потоке произведения действительно стоящие попросту терялись среди изобилия переводного бульварного чтiva. Общий низкий уровень этого чтiva, возможно, не бросался в глаза рядовому читателю, но не мог не вызывать

естественного протеста у людей, знакомых с классикой. И вот наши авторы пародией на переводной приключенческий роман, эффективно используя популярность этого романа, энергично протестовали против засилья книг низкопробных, заведомо халтурных...

«Не забудьте, что это *пародия*. «Месс-Менд» пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей...» — писала Мариэтта Шагинян в цитированной нами брошюре.

М. Шагинян, естественно, говорила о своих романах. Но ее слова могли бы повторить и О. Савич с В. Пиотровским, и С. Заяицкий, и Б. Липатов, и Ю. Слезкин, и Л. Успенский с Л. Рубиновым...

И. ЛЯПУНОВА

**Советская
фантастика
(Опыт
библиографии,
1957 — 1960 годы*)**

АГРАНОВСКИЙ АНАТОЛИЙ АБРАМОВИЧ

Репортаж из будущего (очерки)

1. Журн. «Юность», № 10—12.

2. М., Детгиз, 1959, 494 стр.; М., Детгиз, 1962, 477 стр.

**АГРАНОВСКИЙ ВАЛЕРИЙ АБРАМОВИЧ,
ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ**

В поисках нового героя. Фантастика наших дней (очерк)

1. Журн. «Юный техник», № 12.

АДАБАШЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

Случай в рейсовом самолете (рассказ)

1. Журн. «Советская Литва», № 4.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Тайна двух океанов (роман)

2. Фрунзе, Киргизучпедгиз, 478 стр.

**АЛЬТШУЛЛЕР ГЕНРИХ САУЛОВИЧ,
ФЕЛИЦЫН ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ**

Тайна тройного удара (рассказ)

1. М., Воениздат, 48 стр.

* Продолжение библиографии советской фантастики. Библиография за предыдущие годы помещена в сборниках «Фантастика-67», «Фантастика-68», «Фантастика-69—70» и «Фантастика-71». В последующих выпусках «Фантастики» библиография будет продолжена.

Под № 1 указана первая публикация, под № 2 — все последующие издания. Рассказы даются только в первой публикации (исключение составляют лишь те рассказы, которые помещались сначала не в центральной прессе).

Поскольку настоящая библиография является первым опытом такого рода работы, редакция и составитель просят читателей сообщать свои замечания.

АМАТУНИ ПЕТРОНИЙ ГАЙ

Тайна Пито-Као (повесть, первая книга романа «Гаяна»)

1. Ростов-на-Дону, Книжное издательство, 185 стр.
2. М., «Молодая гвардия», 1959, 207 стр.; Иркутск, Книжное изд-во, 1960, 253 стр.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Последний человек из Атлантиды (повесть)

2. Журн. «Знание — сила», № 4—5. (Сокращенный вариант.)

Избранные научно-фантастические произведения в 3-х томах (первые два тома вышли в 1956 г., см. сборник «Фантастика-71»). М., «Молодая гвардия» («Б-ка научной фантастики и приключений»). Т. 3. Содержание: Властелин мира. — Последний человек из Атлантиды. — Ариэль, 552 стр.

Избранные научно-фантастические произведения. В 2-х томах. Фрунзе, Киргизгосиздат. Содержание: т. 1. Человек-амфибия. — Чудесное око. — Человек, нашедший свое лицо. — Вечный хлеб, 578 стр.; т. 2. Голова профессора Доуэля. — Звезда КЭЦ. — Продавец воздуха. — Властелин мира, 616 стр.

ВАСИЛЬЕВ М. [ХВАСТУНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ]

Есть ли жизнь на Земле? (очерк)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.

Путешествие в 1977 год (очерк)

1. Журн. «Наука и жизнь», № 4 (Окно в будущее).

ВИННИК АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Тайна доктора Хента (повесть)

1. Сталино, Областное изд-во, 102 стр.
2. Сталино, Областное изд-во, 1958, 102 стр.; в авт. сборниках «Фантастические повести». Донецк, Книжное изд-во, 1962 и «Сумерки Бизнесонии». Донецк, «Донбасс», 1965.

ВЛАДКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Аргонавты Вселенной (роман)

2. М., Трудрезервиздат, 542 стр. (Фантастика и приключения.)

ВОЛКОВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ

Звезда утренняя (повесть)

1. М., Детгиз, 336 стр.

ВОЛОДИН ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Синий луч (повесть)

1. Киев, «Молодь», 120 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики»).
2. В авт. сборнике «Синий луч». Сталино, Областное изд-во, 1958.

ГОЛУБЕВ ГЛЕБ НИКОЛАЕВИЧ

Будь готов! (очерк)

1. Журн. «Вокруг света», № 3.

ГРИШИН Н.

Двойник Солнца (очерк)

1. Журн. «Наука и жизнь», № 7 (Окно в будущее).

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ КОСИФОВИЧ

Иней на пальмах (повесть)

2. М., Трудрезервиздат, 160 стр.

Прохождение Немезиды (повесть)

1. Журн. «Юный техник», № 5, 6, 8, 9, 11.
2. В авт. сборниках «Прохождение Немезиды». М., «Молодая гвардия», 1961 и «Пленники астероида», изд. 2-е. М., «Детская литература», 1965.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Властелин мира (повесть)

1. Харьков, Областное изд-во, 198 стр.
2. Иркутск, Книжное изд-во, 1959, 203 стр.

ДУНТАУ М., ЦУРКИН Г.

Церебровизор инженера Ковдина (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 4.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Туманность Андромеды (роман)

1. Сокращенный вариант. Журн. «Техника — молодежи», № 1—6, 8, 9, 11; главы из романа — газ. «Пионерская правда», № 18—24, 26—29, 33, 36.
2. М., «Молодая гвардия», 1958, 368 стр.; 1959, 368 стр.; 1960, 352 стр.; М., Гослитиздат, 1959, 128 стр. («Роман-газета», № 15); М., ГИХЛ, 1961, 344 стр.; М., «Молодая гвардия», 1962, 368 стр. (приложение к журн. «Сельская молодежь», т. 5); Архангельск, Сев.-Зап. изд-во, 1964, 304 стр.; в авт. сборнике «Звездные корабли. — Туманность Андромеды». М., «Молодая гвардия», 1965 («Б-ка современной фантастики», т. 1).

ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ ПАВЕЛ АРХИПОВИЧ

Долина долгих снов (повесть, пер. с укр.)

1. Журн. «Пионерия» (Киев), № 7—10.

КАБАРИН ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Сияние базальтовых гор (повесть)

2. Саратов, Книжное изд-во, 343 стр.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Пылающий остров (роман)

2. М., Детгиз, 525 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

КАРПЕНКО В.

Тайна одной находки (повесть)

1. Журн. «Дон». № 3.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Необыкновенные приключения Карика и Вали (повесть)

2. Л., Детгиз, 288 стр. («Школьная б-ка».)

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Мечте навстречу (очерки)

1. М., Трудрезервиздат, 168 стр. («Фантастика и приключения».)

МАЗОВСКИЙ К.

Экспедиция возвращается с Марса (рассказ)

1. Журн. «Юный натуралист», № 1.

МАРТЫНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Каллисто (роман)

1. Сокращенный вариант под названием «Планетный гость», Журн. «Юность», № 9—10.

2. Л., Детгиз, 256 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики»); Ташкент, Объединенное изд-во «Қзыл Узбекистон», «Правда Востока» и «Ўзбекистони сурх», 1958, 262 стр.; в авт. сборнике «Каллисто». Л., Детгиз, 1962. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

МЕЛЕНТЬЕВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

33-е марта (повесть)

1. М., Детгиз. 184 стр.

2. То же под названием «33 марта, 2005 года». М., Детгиз, 1958, 165 стр. («Школьная б-ка нерусских семилетних школ»); Ярославль, Верхне-Волжское изд-во, 1968, 184 стр.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Тень под землей (повести)

М., Гослитиздат, 224 стр.

Содержание: Тень под землей. — Аппарат «СЛ-1».

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова (роман)

2. М., Географгиз, 287 стр.

Плутония (роман)

2. М., Географгиз, 304 стр.

ПАВЛОВ Н.

Дежурный повелитель бурь (очерк)

1. Журн. «Вокруг света», № 5.

ПАЛЬМАН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ

Кратер Эршота (повесть)

1. Журн. «Вокруг света», № 6—10.

2. (Роман). М., Детгиз, 1958, 252 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики»); изд. 2-е, доп. Краснодар, Книжное изд-во, 1963, 267 стр.

ПАЮ КИЙ

Голубой луч. Заметки журналиста (очерк)

1. Журн. «Наука и жизнь», № 3 (Окно в будущее).

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Повести о Ветлугине

М., «Молодая гвардия», 664 стр.

Содержание: Архипелаг исчезающих островов. — Страна Семи Трав.

ПОЛЕЩУК АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВИЧ

Звездный человек (повесть)

1. Журн. «Пионер», № 9—12.

2. М., Детгиз, 1963, 224 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

РОЗЕНФЕЛЬД МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ

Морская тайна (повесть)

2. В авт. сборнике «Избранное». М., «Советский писатель», стр. 381—498.

Продолжаем разговор (продолжение «Лунного номера», 1954 г.) (очерки, коллектив авторов).

1. Журн. «Знание — сила», № 2.

САВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Путешествие на Уран и обратно (рассказ-пародия)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 12.

СВЕТОВ А.

Охотники за солнечным лучом (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман)

2. Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 267 стр.

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Накануне катастрофы (повесть)

1. Журн. «Знание — сила», № 8—9.
2. То же под названием «Катастрофы не будет, если...», газ. «Московский комсомолец», 1960, 26 апреля — 9 июня; в авт. сборниках «История одной сенсации». М., Воениздат, 1960; «Говорит космос...». М., Детгиз, 1961; «По светлomu следу». М., «Советский писатель», 1962.

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

На Луне (повесть)

2. М., «Советская Россия», 48 стр.; Калуга, изд-во газ. «Знамя», 64 стр.

ШЕВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

В 2017 году (очерк)

1. Журн. «Семья и школа», № 2.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Изгнание владыки (роман)

2. Новосибирск, Книжное изд-во, 466 стр.
- Победители недр. — Изгнание владыки (романы)
2. Фрунзе, Киргизучпедгиз, 764 стр.

АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ

Икар и Дедал (рассказ из цикла «Легенды о звездных капитанах»)

1. Журн. «Знание — сила», № 2.

**АЛЬТШУЛЛЕР Г. (АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ,
ШАПИРО РАФАИЛ БОРИСОВИЧ)**

За чертой спидометра (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 6.

АНТРУШИН А.

Заатмосферстрой (очерк)

1. Журн. «Костер», № 3.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Властелин мира (сборник)

Горький, Книжное изд-во, 672 стр.

Содержание: Властелин мира. — Остров Погибших Кораблей. — Звезда КЭЦ. — Чудесное око.

Избранные научно-фантастические произведения в трех томах. М., «Молодая гвардия».

Содержание: т. 1. Человек-амфибия. — Чудесное око. — Человек, нашедший свое лицо, 568 стр.; т. 2. Голова профессора Доуэля. — Звезда КЭЦ. — Вечный хлеб. — Продавец воздуха, 536 стр.; т. 3. Властелин мира. — Последний человек из Атлантиды. — Ариэль, 552 стр.

Остров Погибших Кораблей (повести и рассказы)

Л., Детгиз, 672 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

Содержание: Остров Погибших Кораблей. — Человек, потерявший лицо. — Подводные земледельцы. — Продавец воздуха. — Хойти-Тойти. — Над бездной. — Светопреобразование.

То же. Лениздат, 672 стр.; Воронеж, Книжное изд-во, 492 стр.

Слепой полет (рассказ)

2. Журн. «Уральский следопыт», № 1.

Человек-амфибия (роман)

2. Тюмень, Книжное изд-во, 172 стр.

БЕРДНИК АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

Законсервированная планета (повесть, пер. с укр.)

1. Газ. «Тюменский комсомолец», 25 мая — 4 июля.

БЕРЕЖНОЙ В.

В звездные миры (повесть)

1. В сборнике «Приключения и фантастика». Симферополь, Крымиздат, стр. 271—425.

Чего не увидел стеклянный глаз (рассказ, пер. с укр.)

1. Журн. «Пионерия» (Киев), № 9.

БИЛЕНКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Откуда он! (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 12.

БЫКОВ АЛЕКСЕЙ

Западная карьера (памфлет)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 3.

БЫСТРОВ ИЛЬЯ

Голубой болид (повесть)

1. В сборнике «Слово — молодым». Уфа, Башкирское изд-во, стр. 127—239.

ВИННИК АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Тайна доктора Хента (повесть)

2. Сталино, Областное изд-во, 102 стр.

ВЛАДКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Аргonautы Вселенной (роман)

2. М., Трудрезервиздат, 542 стр. («Фантастика и приключения».)

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Инфра Дракона (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

ДИЖУР БЕЛЛА АБРАМОВНА

В плену у предков (рассказ)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 2.

ДНЕПРОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Кораблекрушение (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 5.

Крабы идут по острову (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 11.

Суэма (рассказ)

1. Журн. «Молодая гвардия», № 11.

ДОВЖЕНКО АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

В глубинах космоса (план сценария)

1. Журн. «Искусство кино», № 6.

**ЕЖОВ ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ,
СОЛОВЬЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ**

Человек с планеты Земля (сценарий). Имеются фантастические эпизоды.

1. Журн. «Искусство кино», № 3.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Туманность Андромеды (роман)

2. М., «Молодая гвардия», 368 стр.

ЖИГАРЕВ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ

Зеленый свет (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 3.

ЖУРАВЛЕВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Бой в экзосфере (рассказ)

1. Газ. «На страже» (орган Бакинского округа ПВО), 14, 16 и 17 сентября.

Просчет Джека Барлоу (рассказ). Другое название — «Основатель колонии».

1. Журн. «Техника — молодежи», № 11.

Сквозь время (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 7.

Феномен (рассказ)

1. Журн. «Юный техник», № 9.

Эксперимент $768 + \infty$ (рассказ). Другое название — «Эксперимент 768».

1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.

К. С. [СТАНЮКОВИЧ КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ]

Человек, который его видел... (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 12.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Арктический мост (роман)

2. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., Трудрезервиздат, 776 стр. («Фантастика и приключения»).

Гость из космоса (сборник)

- М., Географгиз, 240 стр. («Путешествия. Приключения. Фантастика»).

Из содержания: Гость из космоса. — Марсианин. — Находка. — Пластика из слоновой кости. — Нырющий остров.

Пылающий остров (роман)

2. М., Детгиз, 525 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики»); Ташкент, Учпедгиз УзССР, 516 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

Полярная мечта. Мол «Северный» (роман)

2. М., «Молодая гвардия», 480 стр.

КИРШОН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Большой день (пьеса)

2. В авт. сборнике «Избранное». М., ГИХЛ, стр. 399—474.

КОВАЛЕВ ВИКТОР

Погоня под землей (повесть)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 1.

Подземный Робинзон (повесть)

1. Газ. «На смену!» (Свердловск), 20 июля — 19 августа.

Ум (рассказ)

1. Газ. «На смену!» (Свердловск), 13—14 декабря.

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Остров Разочарования (роман)

2. Новосибирск, Книжное изд-во, 426 стр.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Необычайные приключения Карика и Вали (повесть)

2. Куйбышев, Книжное изд-во, 275 стр.

ЛУКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Судьба открытия (роман)

2. Изд. перераб. М., Детгиз, 534 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Лунный рейс (сценарий)

1. Журн. «Костер», № 11.

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ, СОЛОВЬЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Дорога к звездам (сценарий)

1. В сборнике «Киносценарии научно-популярных фильмов». М., «Искусство», стр. 231—265.

ЛЯШЕНКО МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

Необыкновенное приключение (рассказ)

1. Газ. «Советская Россия», 5 января.

МАРТЫНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Каллисто (роман)

2. Ташкент, Объединенное изд-во «Кзыл Узбекистон», «Правда Востока», «Узбекистони сурх», 262 стр.

МЕЛЕНТЬЕВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

33 марта, 2005 год (повесть)

2. М., Детгиз, 165 стр. («Школьная 6-ка для нерусских семилетних школ».)

МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Происшествие с машиной времени (рассказ)

1. Журн. «Юный техник», № 8.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Избранное. М., «Советский писатель», 834 стр.

Содержание: Счастливая звезда. — Осколок Солнца. — Золотое дно.

Огненный шар (повести и рассказы)

М., Детгиз, 607 стр. («Школьная 6-ка».)

Содержание: Три желания. Повести (Огненный шар. — Тень под землей. — Аппарат «СЛ-1»). О том, чего не было. Рассказы (Шестое чувство. — «Снегиревский эффект». — Сто градусов. — Новая кожа. — День и ночь).

Осколок Солнца (повесть)

2. М., «Молодая гвардия», 254 стр.

НЕФЕДЬЕВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ

Тайна алмаза (роман)

1. Челябинск, Книжное изд-во, 191 стр.

2. Челябинск, Книжное изд-во, 1959, 191 стр.

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Плутония. — Земля Санникова (романы)

2. М., Детгиз, 639 стр. («Б-ка приключений», т. 11).

ПАЛЬМАН ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ

Кратер Эршота (роман)

2. М., Детгиз, 262 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Повести о Ветлугине

2. М., «Молодая гвардия», 664 стр.

РОЗВАЛ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Невинные дела (роман)

1. М., «Советский писатель», 404 стр.

2. М., «Советский писатель», 1962, 444 стр.

РОСОХОВАТСКИЙ ИГОРЬ МАРКОВИЧ

Море, бушующее в нас... (рассказ)

1. Газ. «Правда Украины» (Киев), 30—31 июля, 1 августа.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Небесная Кулу (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 6.

Однорогая жирафа. Рассказы.

М., «Молодая гвардия», 208 стр.

Содержание: Хрустальная дымка. — Плато Чибисова. — Объект 21. — Однорогая жирафа. — Секрет «семерки». — «Синяя птица». — Голос моря. — Нить Ариадны. — Волшебные ботинки.

Последний извозчик (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 12.

САФРОНОВ ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ, САФРОНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Внуки наших внуков (роман)

1. Журн. «Нева», № 11.
2. М., «Молодая гвардия», 1959, 254 стр.

САХАРНОВ СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Житель соленой лагуны (рассказ)

1. В альманахе «Дружба», кн. 5. Л., Детгиз, стр. 142—147.

СТРУГАЦКИЙ АРКАДИЯ НАТАНОВИЧ, СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ

Извне (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.

Спонтанный рефлекс (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 8.

ТЕПЛОВ ЛЕВ ПАВЛОВИЧ

Подарок доктора Лейстера (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 3.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита (роман)

2. Собр. сочинений в 10 томах. М., Гослитиздат, т. 3, стр. 535—688.

Гиперболоид инженера Гарина (роман)

2. Собр. сочинений в 10 томах. М., Гослитиздат, т. 4, стр. 519—807. Гиперболоид инженера Гарина. — Аэлита (романы).

2. Киев, Гос. изд-во худож. литературы, 396 стр.

Голубые города (повесть)
2. Собр. сочинений в 10 томах. М., Гослитиздат, т. 4, стр. 46—88.

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Пленники «Большого Джо» (повесть)
1. Журнал «Наш современник», № 3.
2. В авт. сборнике «История одной сенсации». М., Воениздат, 1960.

ТУШКАН ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

Черный смерч (роман)
2. Ташкент, Объединенное изд-во «Кзыл Узбекистон», «Правда Востока» и «Узбекистони сурх», 656 стр.

ФОМЕНКО А.

Тайна Млечного Пути (повесть)
1. Газ. «Пионерская правда», № 104, окончание — 1959, № 1, 2, 4—6.

ФРАДКИН БОРИС ЗАХАРОВИЧ

Дорога к звездам (роман)
2. Пермь, Книжное изд-во, 456 стр.
Пленники пылающей бездны (повесть)
1. Газ. «Молодая гвардия» (Пермь), 18 мая — 10 августа.
2. М., «Молодая гвардия», 1959, 176 стр.

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

Вне Земли (повесть)
2. М., изд-во АН СССР, 144 стр.; М., «Советская Россия», 154 стр.

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Война невидимок (роман)
2. М., «Советская Россия», 487 стр.

ШТЕРНФЕЛЬД АРИО АБРАМОВИЧ

Астронавты раскроют тайны Марса (очерк)
1. Журн. «Вокруг света», № 10.

СБОРНИКИ И АЛЬМАНАХИ

Приключения и фантастика (пер. с укр.)
Симферополь, Крымиздат, 428 стр.
Из содержания: Бережной В., В звездные миры (повесть), стр. 271—425.

АГРАНОВСКИЙ АНАТОЛИЙ АБРАМОВИЧ**Репортаж из будущего (очерки)**

2. М., Детгиз, 434 стр.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ**Изгнание владыки (роман)**

2. Киев, «Молодь», 498 стр.

Тайна двух океанов (роман)

2. М., Детгиз, 520 стр. («Б-ка приключений», т. 18.)

АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ**Подводное озеро (рассказ)**

1. Журн. «Техника — молодежи», № 3.

Сверхновая Аретина (легенды XXV века). (Рассказ.)

1. Газ. «Московский комсомолец», 3 января.

**АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ,
СКВОРЦОВ А.****Из пушки на Луну (пародии)**

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

АМАТУНИ ПЕТРОНИЙ ГАЙ**Тайна Пито-Као (первая книга романа «Гаяна»)**

2. Перераб. изд. М., «Молодая гвардия», 207 стр. Главы из книги — журн. «Гражданская авиация», № 10, 11.

АМНУЭЛЬ П.**Икарня Альфа (рассказ)**

1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.

АНФИЛОВ ГЛЕБ**Крылья (рассказ)**

1. Журн. «Знание — сила», № 5.

В конце пути (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ**Властелин мира (сборник)**

Воронеж, Книжное изд-во, 488 стр.

Содержание: Властелин мира. — Человек-амфибия. — Продавец воздуха.

Звезда КЭЦ (сборник)

Владивосток, Приморское книжное изд-во, 616 стр.

Содержание: Звезда КЭЦ. — Властелин мира. — Прыжок в ничто.

Звезда КЭЦ (сборник)

Оренбург, Книжное изд-во, 404 стр.

Содержание: Звезда КЭЦ. — Голова профессора Доуэля. — Вечный хлеб.

Избранные научно-фантастические произведения в 2-х томах. Киев, «Радянський письменник».

Содержание: т. 1. Человек-амфибия. — Чудесное око. — Человек, нашедший свое лицо. — Вечный хлеб, 578 стр.; т. 2. Голова профессора Доуэля. — Звезда КЭЦ. — Продавец воздуха. — Властелин мира, 616 стр.

Остров Погибших Кораблей (повести и рассказы)

Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 672 стр.

Содержание: Остров Погибших Кораблей. — Человек, потерявший лицо. — Подводные земледельцы. — Продавец воздуха. — Хойти-Тойти. — Над бездной. — Светопреставление.

Остров Погибших Кораблей (повести и рассказы)

Южно-Сахалинск, Сахалинское книжное изд-во, 264 стр.

Содержание: Остров Погибших Кораблей. — Человек, потерявший лицо. — Светопреставление.

Последний человек из Атлантиды (сборник)

Пенза, Книжное изд-во, 412 стр.

Содержание: Последний человек из Атлантиды. — Голова профессора Доуэля. — Остров Погибших Кораблей.

Человек-амфибия. — Звезда КЭЦ (романы)

Минск, Учпедгиз БССР, 328 стр. («Школьная б-ка».)

Человек, нашедший свое лицо (роман)

2. Тюмень, Книжное изд-во, 158 стр.

БЕЛЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Приключения Сэмюэля Пингля (роман)

2. М., «Молодая гвардия», 295 стр.

БЕРЕЖНОЙ В.

Возвращение «Галактики» (рассказ, пер. с укр.)

1. Журн. «Пионерия» (Киев), № 2.

БИЛЕНКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Гость из девона (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 12.

Зримая тьма (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 8.

Усилитель памяти (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 9.

БОГАЕВСКИЙ О.

Покрывало Венеры (рассказ)

1. Журн. «Урал», № 1.

БРАГИН ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ

В Стране Дремучих Трав (роман-сказка)

2. М., Детгиз, 334 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

ВИКТОРОВ А.

Грозный ми-бемоль (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 7.

ВЛАДКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Встреча в космосе (рассказ)

1. «Литературная газета», 13 января.

ВОЛКОВ АЛЕКСАНДР

Путешествие Пети Иванова на внеземную станцию (рассказ)

1. В сборнике «Круглый год. 1960». М., Детгиз, 1959, стр. 81—84.

ГОРДАШЕВСКИЙ ПЕТР ФЕОФИЛАКТОВИЧ

Их было четверо (повесть, лит. обработка М. Светлановой)

1. М., Детгиз, 224 стр.

ГРИНИЛЕВ Л.

Чудеса у маяка (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 8.

**ГРОМОВА АРИАДНА ГРИГОРЬЕВНА,
КОМАРОВ ВИКТОР НОЕВИЧ**

По следам неведомого (роман)

1. М., Трудрезервиздат, 412 стр. («Фантастика и приключения».)

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Сколько мы будем жить! (очерк)

1. Журн. «Знание — сила», № 9.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Властелин мира (повесть, пер. с укр.)

2. Иркутск, Книжное изд-во, 203 стр.

ДИК ИОСИФ ИВАНОВИЧ

Чудо-чудеса (рассказы)

1. В сборнике «Круглый год. 1960». М., Детгиз, 1959, стр. 135—139.

Содержание: Дождь по заказу. — Жара в Антарктиде.

ДНЕПРОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Диверсант с «Юпитера» (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 7.

Машина «ЭС, модель № 1» (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 7.

На низкой частоте (рассказ)

1. Журн. «Научно-технические общества СССР», № 4.

ДОЛГУШИН ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ГЧ (роман)

2. М., Трудрезервиздат, 424 стр.

ДОМБРОВСКИЙ В., ШМУЛЬЯН А.

Способный секретарь (рассказ)

1. В альманахе «Мир приключений», книга 5. Л., Детгиз, стр. 289—296.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Бухта радужных струй (рассказы)

М., «Советский писатель», 312 стр.

Содержание: Тени минувшего. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Озеро Горных Духов. — Голец Подлунный. — Белый рог. — Алмазная труба. — Путиами старых горняков. — Встреча над Тускаророй. — Атолл Факаофо. — Бухта радужных струй.

На краю Ойкумены. — Звездные корабли (повести)

2. М., Детгиз, 448 стр.

Cor Serpentis (Сердце Змеи) (повесть)

1. Журн. «Юность», № 1.

2. В авторских сборниках: «Юрта Ворона». М., «Молодая гвардия», 1960; «Сердце Змеи». М., «Детская литература», 1964 и 1970; «Сердце Змеи». М., «Молодая гвардия», 1967 и 1968; в сборниках: «Дорога в сто парсеков». М., «Молодая гвардия», 1959, стр. 5—74; «В мире фантастики и приключений». Лениздат, 1963, стр. 5—69.

Туманность Андромеды (роман)

2. М., Гослитиздат, 128 стр. («Роман-газета», № 15). М., «Молодая гвардия», 368 стр.

ЖЕМАЙТИС СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Алеша Перец в стране гомункулусов (повесть)

1. Журн. «Юный натуралист», № 6, 8—10 (под назв. «Подземное путешествие Алеши Перца»).
2. М., «Детский мир», 47 стр.

ЖУРАВЛЕВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Буря (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 10.

Голубая планета (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 6.

Звездная рапсодия (рассказ, другое название — «Звездная соната»)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 5.

Звездный камень (рассказ, другое название — «Небесный камень»)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.

Летающая черепаха (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 2.

Розовый алмаз (рассказ, другое название «Алмаз в 20 000 каратов»).

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 5.

Человек, создавший Атлантиду (рассказ)

1. Сокращ. вариант — журн. «Знание — сила», № 12.
2. В авт. сборнике «Человек, создавший Атлантиду». М., Детгиз, 1963.

Шестой экипаж (рассказ)

1. Журн. «Костер», № 7.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Арктический мост (роман)

2. М., Детгиз, 533 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики»).

Лунная дорога (повесть)

1. «Учительская газета», 31 октября — 21 ноября (сокращенный вариант).
2. Газ. «Советский патриот», 13 декабря 1959 — 13 марта 1960 (сокращенный вариант под названием «Планета пепла»); журн. «Нева», 1960, № 5; М., Географгиз, 1960, 168 стр.; в авт. сборнике «Гости из космоса». М., «Московский рабочий», 1963.

Планета бурь (повесть)

1. Газ. «Комсомольская правда», 10—27 октября.

2. В авт. сборнике «Гости из космоса», М., «Московский рабочий», 1963. «Внуки Марса» (роман). Книга 1. «Планета бурь». В альманахе «Мир приключений», книга 7. М., Детгиз, 1962, стр. 3—81.

**КАПИТАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,
ШРЕЙБЕРГ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ**

Я был спутником Солнца (сценарий)

1. Журн. «Искусство кино», № 1; отрывок — журн. «Советский экран», № 10.

КОЛПАКОВ АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВИЧ

Один (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 10.

КУДАШЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

Ледяной остров (роман)

2. Новосибирск, Книжное изд-во, 308 стр.

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Патент АВ (роман)

2. Новосибирск, Книжное изд-во, 312 стр.

**ЛИНОВСКИЙ К.
[КАЛИНОВСКИЙ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ]**

Королева большого дерби (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

ЛУКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Судьба открытия (роман)

2. Ташкент, Учпедгиз Узбекской ССР, 356 стр.

ЛЬВОВ В.

В 19... году (очерк)

1. Журн. «Нева», № 5 (Мечты и свершения)

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Вокруг Солнца (очерк)

1. Газ. «Труд», 4 января.

К Луне и вокруг Луны. Рассказ радиста космического ракетоплана (очерк)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 6.

Открытие мира (очерки)

2. Изд. 2-е, дополн. М., «Молодая гвардия», 208 стр.

ЛЯСОЦКИЙ В.

Звездная эстафета (повесть)

1. В сборнике «У моря студеного». Книга третья. Магадан, Книжное изд-во, стр. 4—68.

ЛЯШЕНКО МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

Человек-луч (повесть)

1. В альманахе «Мир приключений», книга четвертая. М., Детгиз, стр. 2—79.
2. Ташкент, «Ёш гвардия», 1961, 160 стр. (сокращенный вариант); М., Детгиз, 1961 и 1962, 287 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

МАРТЫНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Невидимая схватка (рассказ)

1. В сборнике «В мире фантастики и приключений». Л., Лениздат, стр. 305—338.

Сестра Земли (повесть)

1. В альманахе «Мир приключений». Альманах 5. Л., Детгиз, стр. 119—281.
2. В книге Г. Мартынова «Звездоплаватели». Роман в трех книгах. Л., Лениздат, 1960, книга 2.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Последний полустанок (роман)

1. М., «Советский писатель», 508 стр.; М., «Молодая гвардия», 1970, 480 стр.; в авт. сборнике «Альтаир. — Осколок Солнца. — Последний полустанок». М., «Советский писатель», 1965. Отрывки из романа: журн. «Юный техник», 1957, № 9; журн. «Знание — сила», 1957, № 12, «Литературная газета», 1959, № 4—7.

НЕСТЕРОВ А.

Открытие Марса (фрагмент поэмы)

1. В книге «Литературная Эстония». Альманах № 10, стр. 158—163.

НЕФЕДЬЕВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ

Тайна алмаза (роман)

2. Челябинск, Книжное изд-во, 191 стр.

ОНОШКО ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

На оранжевой планете (роман)

1. Днепропетровск, Книжное изд-во, 356 стр.

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

Первые дерзания. Повести и рассказ. Симферополь, Крымиздат, 414 стр.

Содержание: Первые дерзания. — Наследники лаборанта Синявина (повести). — Угольный генератор (рассказ).

ПОЛЕЩУК АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВИЧ

Великое Делание, или Удивительная история доктора Механикуса и Альмы, которая была собакой (повесть)

1. Журн. «Пионер», № 11—12.

2. М., Детгиз, 192 стр. (под названием «Великое Делание, или Удивительная история доктора Механикуса и его собаки Альмы»); М., «Детская литература», 1965, 192 стр.

ПОПОВ Е. А.

Тайна озера Иссык-Куль (повесть)

1. Фрунзе, Киргизгосиздат, 40 стр.

РОЖКОВ В.

Плато черных деревьев (рассказ)

1. В сборнике «Юный сибиряк». Омск, Книжное изд-во, стр. 126—155.

РОСОХОВАТСКИЙ ИГОРЬ МАРКОВИЧ

Загадка «акулы» (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 4.

Чудовища лунных пещер (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

САВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Черные звезды (повесть)

1. В альманахе «Мир приключений». Книга четвертая. М., Детгиз, стр. 114—193.

2. В авторском сборнике «Черные звезды». М., Детгиз, 1960. Отрывок — журн. «Знание — сила», 1959, № 12.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Последнее испытание (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 11.

Суд над танталусом (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 4.

**САФРОНОВ ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ,
САФРОНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА**

Внуки наших внуков (роман)

2. М., «Молодая гвардия», 254 стр.

СТАРКОВ Г.

Брат гули-бьябона (повесть)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 1—3.

**СТРУГАЦКИЙ АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ,
СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ**

Белый конус Алаида (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 12.

Забитый эксперимент (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 8.

Испытание СКР (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 7.

Страна багровых туч (повесть)

1. М., Детгиз, 296 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

2. М., Детгиз, 1960, 296 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики», «Школьная б-ка».)

Частные предположения (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 8.

Шесть спичек (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 3.

СУШКОВ ЮРИЙ

**В ракете Земля — Марс (репортаж из 19... года)
(очерк)**

1. Газ. «Советская Россия», 10 октября.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита. — Гиперболоид инженера Гарина (романы)

2. Минск, Учпедгиз БССР, 416 стр.; Свердловск, Книжное изд-во, 368 стр.; Воронеж, Книжное изд-во, 399 стр.

Гиперболоид инженера Гарина. — Аэлита (романы)

2. М., Детгиз, 447 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

ТРОЕВ З.

Страна огненных лучей (рассказ)

1. Журн. «Костер», № 4.

ТУШКАН. ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

Черный смерч (роман)

2. Фрунзе, Киргизгосиздат, 636 стр.

ФРАДКИН БОРИС ЗАХАРОВИЧ

Как Дима Козиков нашел самого себя (рассказ)

1. Газ. «Молодая гвардия» (Пермь), 1 января.

Пленники пылающей бездны (повесть)

2. М., «Молодая гвардия», 176 стр.

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

Грезы о Земле и небе. — На Весте (научно-фантастические произведения)

М., Изд-во АН СССР, 96 стр.

ЦУРКИН Г.

Милый птенчик (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 12.

ЦЫБИЗОВ В.

Тайна «Соленоида» (роман)

1. Смоленск, Книжное изд-во, 258 стр.

ШАЛИМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Ночь у мазара (рассказ)

1. В сборнике «Ночь у мазара». Л., Детгиз, стр. 3—31.

ШПАКОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

Это было в Атлантиде (рассказ)

1. В сборнике «Юный сибиряк». Омск, Книжное изд-во, стр. 57—84.

2. Повесть. Омск, Книжное изд-во, 1960, 56 стр.

СБОРНИКИ И АЛЬМАНАХИ

Дорога в сто парсеков (повести и рассказы)

М., «Молодая гвардия», 286 стр.

Содержание: Ефремов И., Cor Serpentis (Сердце Змеи). — Журавлева В., Сквозь время. Голубая планета. — Сапарин В., Последний извозчик. Небесная Кулу. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Шесть спичек. — Днепров А., Суэма. Крабы идут по острову. — Дунтау М., Цуркин Г., Церебровизор. — Гуревич Г., Инфра Дракона. — Савченко В., Пробуждение профессора Берна.

«Мир приключений», книга четвертая.

М., Детгиз, 384 стр.

Из содержания: Ляшенко М., Человек-луч (повесть), стр. 2—79. — Савченко В., Черные звезды (повесть), стр. 114—193.

«Мир приключений», альманах 5.

Л., Детгиз, 443 стр.

Из содержания: Мартынов Г., Сестра Земли (повесть), стр. 119—281. — Домбровский В., Шмультян А., Способный секретарь (рассказ), стр. 289—296.

Невидимый свет (сборник рассказов)

М., «Молодая гвардия», 192 стр.

Из содержания: Беляев А., Невидимый свет, стр. 5—21. Мистер Смех, стр. 77—101. — Гребнев Г., Невредимка, стр. 102—114. — Зеликович Э., Опасное изобретение. Шуточная фантазия, стр. 115—143. — Зувев-Ордынец М., Панургово стадо, стр. 144—191.

АБАШЕЛИ АЛЕКСАНДР ВИССАРИОНОВИЧ

Женщина в зеркале (роман, пер. с груз.)

1. Журн. «Литературная Грузия», № 1—3, 5, 6.

2. Тбилиси, «Заря Востока», 147 стр.

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Тайна двух океанов (роман)

2. М., Детгиз, 496 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики», «Школьная б-ка».)

АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ

Богатырская симфония (рассказ)

1. Журн. «Нева», № 3.

В полночь (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 9.

Огненный Цветок (рассказ из цикла «Легенды о звездных капитанах»)

1. Журн. «Звезда», № 1.

Полигон «Звездная река» (рассказ)

1. Газ. «Комсомольская правда», 11 декабря (воскресное приложение).

Сокровище погибшего корабля (рассказ)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 1.

АЛЬТОВ ГЕНРИХ САУЛОВИЧ, ЖУРАВЛЕВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Баллада о звездах (повесть)

1. Журн. «Знание — сила», № 8—10.

2. В сборниках: «Золотой лотос». М., «Молодая гвардия», 1961, стр. 3—119; «В мире фантастики и приключений». Л., Лениздат, 1963, стр. 546—657.

АМАТУНИ ПЕТРОНИЙ ГАЙ

Тайна Пито-Као (первая часть романа «Гаяна») — Иркутск, Книжное изд-во, 253 стр.

АМНУЭЛЬ П.

Тропой отважных (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

АРДОВ ВИКТОР ЕФИМОВИЧ

Жидкость Андрона (пародия)

1. «Литературная газета», 9 июля.

БААЗОВ Н.

Аэлита (стихотворение)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

БЕЛОВ МИХАИЛ ПРОКОПЬЕВИЧ

Экспедиция инженера Ларина (повесть)

1. Хабаровск, Книжное изд-во, 167 стр.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Голова профессора Доуэля (роман)

2. Тюмень, Книжное изд-во, 144 стр.

Звезда КЭЦ (сборник)

Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 648 стр.

Содержание: Звезда КЭЦ. — Голова профессора Доуэля. — Человек-амфибия. — Чудесное око.

Когда погаснет свет (сценарий)

1. Журн. «Искусство кино», № 9—10.

Остров Погибших Кораблей (повести и рассказы)

М., Детгиз, 672 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

Содержание: Остров Погибших Кораблей. — Человек, потерявший лицо. — Подводные земледельцы. — Продавец воздуха. — Хойти-Тойти. — Над бездной. — Светопреобразование.

БИЛЕНКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Гость из времени (рассказ)

1. Газ. «Комсомольская правда», 23 октября (воскресное приложение).

БОВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Дети Земли (повесть)

1. М., «Советская Россия», 288 стр.

ВАНЮШИН ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Вторая жизнь (роман)

1. Сокр. вариант. Журн. «Простор» (Алма-Ата), № 1—3.
2. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1962, 258 стр.

**ВАСИЛЬЕВ М.,
(ХВАСТУНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ)**

Летающие цветы (рассказ)

1. В альманахе «На суше и на море». М., Географгиз, стр. 150—169.

**ВОЛК И.,
ВОЛИН В.**

Голубой тополь (повесть)

1. Журн. «Мастер леса», № 1—4.

ГАНСОВСКИЙ СЕВЕР ФЕЛИКСОВИЧ

Гость из каменного века (рассказ)

1. Газ. «Московский комсомолец», 24, 28 и 30 июля.
2. Журн. «Вокруг света», № 8.

ГЕНКИН Л.

Звездолет уходит к Земле (очерк)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

ГЕРЧИК МИХАИЛ

Лети, Икар! (повесть)

1. Журн. «Искорка» (Ленинград), № 1—7.

ГИЛЬЗИН КАРЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Побываем в будущем (очерк)

2. В книге К. Гильзина «Путешествие к далеким мирам». М., Детгиз, стр. 272—296.

ГОЛОВАНОВ ЯРОСЛАВ КИРИЛЛОВИЧ

Первый из миллионов (рассказ)

1. Газ. «Комсомольская правда», 24 июля (воскресное приложение).

ГОРИН Г.

Это происходило в будущем (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

ГРЕШНОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Лотос золотой (рассказ)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 8.

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Первый день творения (повесть)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 6—8.

Черный лед (рассказ)

1. В сборнике «На суше и на море». М., Географгиз, стр. 294—312.

Рождение шестого океана (роман)

1. М., Профтехиздат, 460 стр. («Фантастика и приключения».) Отрывки из журн. «Знание — сила», 1957, № 12; журн. «Знание — сила», 1960, № 4.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Зубы дракона (повесть, пер. с укр.)

1. Алма-Ата, Казгослитиздат, 200 стр.

ДНЕПРОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Уравнения Максвелла (повесть)

1. Журн. «Молодая гвардия», № 3.
2. В авторских сборниках: «Уравнения Максвелла». М., «Молодая гвардия»; «Пурпурная мумия». М., «Детская литература», 1965.

Уравнения Максвелла (повесть и рассказы)

- М., «Молодая гвардия», 128 стр.
Содержание: Уравнения Максвелла (повесть). — Суэма. — Крабы идут по острову. — Диверсант с «Юпитера».

Электронный молот (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 1.

ДОЛГУШИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ГЧ (роман)

2. М., Профтехиздат, 424 стр.; Горький, Книжное изд-во, 496 стр.

ДУНТАУ М.

Жертвы биоэлектроники (рассказ-юмореска)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 5.

ЕФИМОВ И.

Кресло Сатурна (пародия)

1. Газ. «Комсомольская правда», 1 января (воскресное приложение).

Туманность Андромеды (роман)

2. «Молодая гвардия», 352 стр.

Cor Serpentis [Сердце Змеи] (повесть)

2. В авторском сборнике «Юрта Ворона». М., «Молодая гвардия».

ЖУРАВЛЕВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

Изобретение инженера Комова (рассказ, другое название — «Тост за Архимеда»)

1. Журн. «Изобретатель и рационализатор», № 2.

Капитан звездолета «Полюс» (рассказ, другое название — «Астронавт»)

1. Газ. «Комсомольская правда», 7 февраля (воскресное приложение).

Леонардо (рассказ)

1. Журн. «Знание — сила», № 1.

Сквозь время (рассказы)

М., Профтехиздат, 240 стр. («Фантастика и приключения»).

Содержание: Небесный камень. — Звездная соната. — Голубая планета. — Шестой экипаж. — Алмаз в 20 000 каратов. — Сквозь время. — Эксперимент 768. — За 20 минут до старта. — Над пустыней Хила. — Основатель колонии.

Урания (рассказ)

1. Газ. «Молодежь Азербайджана» (Баку), 1, 3, 6 апреля.

2. Журн. «Нева», № 9.

ЗАБЕЛИН ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ

Долина Четырех Крестов (повесть)

1. В сборнике «На суше и на море». М., Географгиз, стр. 193—241.

2. В авторских сборниках «Загадки Харихана». М., «Советская Россия», 1961 и 1962; «Записки хроноскописта». М., «Знание», 1969.

Пояс жизни (роман)

1. Журн. «Молодая гвардия», № 12 (сокращенный вариант).

2. М., Географгиз, 286 стр. («Путешествия. Приключения. Фантастика»); М., «Знание», 1966, 272 стр.

ЗАКЛАДНЫЙ ЕВГЕНИЙ

Приключения с гравитранзистором (рассказ)

1. Газ. «Комсомольская правда», 26 июня (воскресное приложение).

ИВАНОВ В.

На краю гиперплоскости (пародия)

1. Газ, «Комсомольская правда», 19 июня (воскресное приложение).

КИРЬЯНЕНКО А.

Тайны угасшего Марса (рассказ)

1. Журн. «Гулистон» (Сталинабад), № 3.

КНОПОВ АБРАМ ЕФИМОВИЧ

Проданная Луна (повесть)

1. Харьков, Областное изд-во, 222 стр.

КОВАЛЕВИЧ Г.

Живые — живым (рассказ)

1. Журн. «Молодой колхозник», № 5.

КОЛПАКОВ АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВИЧ

Голубая цефеида (рассказ)

1. Журн. «Юность», № 4.

Гриада (роман)

1. М., «Молодая гвардия». 317 стр.; газ. «Пионерская правда», 18 сентября — 29 декабря (сокращ. вариант); журн. «Дон», № 7—10 (сокращ. вариант под названием «Колумбы неведомых миров»); журн. «Что читать», № 6 (отрывок).

Пришелец (рассказ)

1. В сборнике «Альфа Эридана». М., «Молодая гвардия», стр. 36—55.

КОРЕЙША М.

Двое марсиан из Костромы (стихотворение)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

КУЗНЕЦОВ Ю.

Размышления над книгой (сценка)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 10.

ЛАРРИ ЯН ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

Необыкновенные приключения Карика и Вали (повесть)

2. Л., Детгиз, 240 стр.

ЛЕВАДА АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Фауст и смерть (пьеса, пер. с укр.)

1. Журн. «Театр», № 12.

2. М., «Советский писатель», 1963, 130 стр.; в авт. сборнике «Пьесы». М., «Искусство», 1971; газ. «Правда», 1 мая 1961 (отрывок).

ЛЕОНИДОВ ГЕНРИХ ЛЕОНИДОВИЧ

Наш век — век электронов (очерк)

1. В книге Г. Леонидова «Тайна электронов». Горький, Книжное изд-во, стр. 220—262.

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

По следам Жюль Верна (очерки)

1. М., Профтехиздат, 192 стр. («Фантастика и приключения»); журн. «Уральский следопыт», № 11 (отрывок).

Репортаж из космоса. Век двадцать первый (очерк)

1. Журн. «Наука и жизнь», № 11.

МАВР ЯНКА (ФЕДОРОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ)

Человек идет (повесть, пер. с белорус.)

1. В авт. сборнике «Человек идет». Л., Детгиз.

МАРТИНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Звездоплыватели (роман в трех книгах)

2. Л., Лениздат, 692 стр.

Содержание: 220 дней на звездолете. — Сестра Земли. — Наследство фазтонцев.

Каллистяне (роман, 2-я книга романа «Каллисто»)

1. Л., Детгиз, 286 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

2. В книге Г. Мартынова «Каллисто». Л., Детгиз, 1962 («Б-ка приключений и научной фантастики».)

МИТРОФАНОВ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

На десятой планете (повесть)

1. Ярославль, Книжное изд-во, 150 стр.

МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Трудный экзамен (рассказ-загадка)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 3.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Золотое дно (повесть)

2. М., Географгиз, 245 стр. («Путешествия. Приключения. Фантастика».)

НЕМЧЕНКО МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

Летающие к братьям (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 1—2.

«НМ» (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 9.

**НЕМЧЕНКО МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ,
НЕМЧЕНКО ЛАРИСА ДАВИДОВНА**

Встреча (рассказ)

1. Газ. «Вечерняя Москва», 23 декабря.
2. Журн. «Вокруг света», 1961, № 1.

Зов Земли (рассказ)

1. Журн. «Вокруг света», № 11.

ПАРФЕНОВ В.

Двое суток на орбите (репортаж из будущего)

1. Газ. «Комсомольская правда», 4 сентября (воскресное приложение).

РАХМАНИН Б.

Героям далеких звезд (стихотворение)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

САВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Черные звезды (повесть и рассказы)

М., Детгиз, 248 стр.

Содержание: Черные звезды (повесть). — Где вы, Ильин? — Пробуждение профессора Берна. — Вторая экспедиция на Странную планету.

САЗОНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Звездная одиссея (повесть)

1. Журн. «Наука и жизнь», № 10—12.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Возвращение круглоголовых (рассказ)

1. Журн. «Пионер», № 6—7.

Исчезновение Лоо (рассказ)

1. Журн. «Пионер», № 12.

САФРОНОВ ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ

Ничего особенного (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 1.

Под изумрудным солнцем (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 2.

СИБИРЦЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ

Сокровища кряжа Подлунного (повесть)

1. Красноярск, Книжное изд-во, 352 стр.
2. Красноярск, Книжное изд-во, 1962, 352 стр.

Сказки XXX века (без автора)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 1 и 5.

**СТРУГАЦКИЙ АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ,
СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ**

Ночью на Марсе (рассказ, другое назв. — «Ночь в пустыне»)

1. Журн. «Знание — сила», № 6.

Почти такие же (рассказ)

1. В авторском сборнике «Путь на Амальтею». М., «Молодая гвардия».

Путь на Амальтею (повесть)

1. В авторском сборнике «Путь на Амальтею». М., «Молодая гвардия».

Путь на Амальтею (повесть и рассказы)

М., «Молодая гвардия», 144 стр.

Содержание: Путь на Амальтею (повесть). — Почти такие же. — Ночь в пустыне. — Чрезвычайное происшествие.

Страна Багровых туч (повесть)

2. М., Детгиз, 296 стр. («Б-ка приключений и научной фантастики».)

Чрезвычайное происшествие (рассказ)

1. В авторском сборнике «Путь на Амальтею». М., «Молодая гвардия».

Шесть спичек (рассказы)

М., Детгиз, 208 стр.

Содержание: Извне. — Глубокий поиск. — Забытый эксперимент. — Шесть спичек. — Испытание «Скибр». — Частные предположения. — Поражение.

СУРИН ЛЕОНИД

Митя Колокольцев путешествует по векам (повесть)

1. Журн. «Уральский следопыт», № 1.

**ТИТАРЕНКО В.,
ШАХИМОРДАНОВ И.**

Завтра наших нив (репортаж из будущего)

1. Журн. «Молодой колхозник», № 7.

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

История одной сенсации (повести-памфлеты)

М., Воениздат, 302 стр.

Содержание: История одной сенсации. — Катастрофы не будет, если... — Пленники «Большого Джо».

Девушка с планеты Эффа (повесть)

1. Журн. «Молодая гвардия», № 11.

2. В авт. сборнике «Говорит космос!..» М., Детгиз, 1961.

ТРУБЛАНИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Глубинный путь (роман, сокращ. пер. с укр.)

1. В авторском сборнике «Ляхтак». М., Детгиз. («Б-ка приключений и научной фантастики»)

2. Киев, Детиздат, 1961 и 1962, 276 стр.

ФРАДКИН БОРИС ЗАХАРОВИЧ

В поисках бессмертия (повесть)

2. Журн. «Уральский следопыт», № 3—5.

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

Путь к звездам (сборник научно-фантастических произведений).

М., Изд-во АН СССР, 353 стр.

Содержание: На Луне. — Грезы о Земле и небе. — На Весте. — Вне Земли. — Цели звездоплавания. — Изменение относительной тяжести на Земле. — Живые существа в космосе. — Биология карликов и великанов. — Эфирный остров. — За атмосферой Земли.

ЦУРКИН Г.

Шахматная доска (рассказ)

1. Журн. «Техника — молодежи», № 12.

ШПАКОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

Это было в Атлантиде (повесть)

2. Омск, Книжное изд-во, 56 стр.

СБОРНИКИ И АЛЬМАНАХИ

«Альфа Эридана» (сборник рассказов)

М., «Молодая гвардия», 208 стр.

Содержание: Савченко В., Вторая экспедиция на Странную планету. — Колпаков А., Пришелец. — Альфа Эридана. — Анфилов Г., В конце пути. —

Журавлева В., Астронавт. — Стругацкий А., Стругацкий Б., Испытание «СКР». — Частные предположения. — Альтов Г., Богатырская симфония. — Огненный Цветок.

«На суше и на море». Повести, рассказы, очерки. М., Географгиз, 552 стр. («Путешествия. Приключения. Фантастика»).

Из содержания: Васильев М., Летящие цветы, стр. 150—169. — Забелин И., Долина Четырех Крестов, стр. 193—241. — Гуревич Г., Черный лед, стр. 294—312.

СОВЕТСКИЕ НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ ФИЛЬМЫ 1957—1960 ГОДОВ

1957

«Дорога к звездам».

5 частей, 1402,4 м., «Леннаучфильм». Авторы сценария: Б. Ляпунов, В. Соловьев. Режиссер-постановщик П. Клушанцев. Режиссеры: Л. Преснякова, Г. Цветков. Оператор М. Гальпер. Художник М. Цыбасов. Композитор С. Шатирян. Звукооператор Р. Левитина. Комбинированные съемки: А. Лаврентьев, А. Романенко, В. Щелков. Режиссер-мультипликатор Г. Ершов. Консультанты: Б. Воробьев, В. Крылов, А. Марков, А. Поваляев, Ф. Якайтис. В роли К. Э. Циолковского — Г. Соловьев.

1958

«Человек с планеты Земля».

10 частей, 2690 м, Киностудия имени М. Горького. Авторы сценария: В. Соловьев, В. Ежов. Режиссер-постановщик Б. Бунеев. Режиссеры: В. Косев, К. Николаевич. Главный оператор М. Пилихина. Композитор М. Раухвергер. Звукооператор Д. Белевич. Художник Б. Дуленков. Комбинированные съемки: Л. Акимов, Л. Сазонов. Консультанты: В. Акимов, Б. Ляпунов, Б. Монастырев, Ю. Победоносцев. В ролях: Ю. Кольцов (Константин Циолковский) и другие.

В фильме — фантастические эпизоды, связанные с идеями Циолковского о космических путешествиях.

1959

«Небо зовет».

8 частей. 2132,76 м, Киевская киностудия имени А. П. Довженко. Авторы сценария: А. Сазонов, Е. Помещиков (при участии М. Карюкова). Режиссеры-постановщики: А. Козырь, М. Карюков. Режиссер В. Фокин. Главный оператор Н. Кульчицкий. Композитор Ю. Мейтус. Звукооператор Г. Парахников. Художник-постановщик Ю. Швец. Комбинированные съемки: Ф. Семянни-

ков, Н. Илюшин. Консультанты: А. Яковкин, А. Борин. В ролях: И. Переверзев (Корнев), А. Шворин (Гордиенко), К. Барташевич (Кларк), Г. Тонунц (Верст), В. Черняк (Сомов), В. Добровольский (Демченко), А. Попова (Корнева), Т. Литвиненко (Лена), Л. Борисенко (Ольга), Л. Лобов (Сашко), С. Филимонов (Троян), М. Самойлова (мать Кларка).

«Я был спутником Солнца».

7 частей, 1816,7 м, «Моснаучфильм». Авторы сценария: В. Капитановский, В. Шрейберг. Режиссер-постановщик В. Моргенштерн. Операторы: О. Самуцевич, Т. Ляхович. Композитор А. Севастьянов. Звукооператор Б. Пеккер. Художник Л. Чибисов. Комбинированные съемки: В. Альтшуллер, Л. Акимов, М. Галкин, А. Клопотовский, В. Никитченко, А. Соколов, В. Шолина, Ю. Холин. Мультипликация студии «Союзмультфильм». Научные консультанты: А. Касаткин, В. Комаров. В ролях: П. Махотин (Андрей), Толя Шамшурин (Андрей в детстве), В. Емельянов (Игорь Петрович), Г. Шамшурин (Сергей Иванович) и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Брандис, Вл. Дмитриевский, Вместо предисловия	3

ПОВЕСТИ

Виктор Колупаев, Качели отшельника	9
Лев Успенский, Шальмугровое яблоко	61
Владимир Савченко, Тупик	110

РАССКАЗЫ

Юрий Никитин, Фонарь Диогена	159
Эстафета	163
Геннадий Гор, Лес на станции Детство	169
Кир. Булычев, Вымогатель	177
Вячеслав Морочко, Ежик	189
«Мое имя вам известно»	194
Михаил Грешнов, О чем говорят тюльпаны	203
Андрей Балабуха, Маленький полустанок в ночи	213
Борис Романовский, Две руки	229
Дмитрий Биленкин, Место в памяти	233
Николай Введенский, Странная встреча	237
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, Человек из Пасифиды	245
Борис Лапин, Старинная детская песенка	264

КЛУБ ФАНТАСТОВ

Ю. Кагарлицкий, Два вопроса Герберту Уэллсу	273
Т. Чернышева, Научная фантастика и современное мифотворчество	288
Виталий Бутров, ...И выдумали самих себя!	302
И. Ляпунова, Советская фантастика (Опыт библиографии, 1957—1960 годы)	314

Ф22 ФАНТАСТИКА-72. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1972.

352 с., 200 000 экз. 88 коп.

Ежегодный традиционный сборник научно-фантастических повестей, рассказов советских авторов. Читатели познакомятся с новыми произведениями уже известных писателей и с авторами, впервые выступающими на страницах сборника.

7-3-2
203-72

P2

Редактор С. Михайлова

Художник А. Блох

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Брауде

Сдано в набор 31/VII 1972 г. Подписано к печати 5/III 1973 г. А00354. Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Печ. л. 22 (усл. 22) + 4 вкл. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 200 000 экз. (1 завод 100 000 экз.) Цена 88 коп. Т. П. 1972 г., № 203. Заказ 375.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сушеvская, 21.

В 1972 году в серии «Библиотека советской фантастики» опубликованы такие книги:

КИР. БУЛЫЧЕВ, Чудеса в Гусяре;

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ, Тревожных симптомов нет;

АНАТОЛИЙ ДНЕПРОВ, Формула бессмертия;

ВИКТОР КОЛУПАЕВ, Случится же с человеком такое;

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ, Океанавты.

88 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

22

— ВСТРЕЧАЮТСЯ